Выпускъ четвертый.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

ГОГОЛЬ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСХОДЫ“.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ ГОГОЛЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Томъ третій.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

ГОГОЛЬ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСХОДЫ“.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выходъ настоящаго четвертаго выпуска, посвященнаго литературнымъ типамъ Н. В. Гоголя, совпадаетъ со столѣтней годовщиной рожденія великаго русскаго сатирика. Образцовое изданіе сочиненій Гоголя (десятое), начатое покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ и завершенное В. И. Шенрокомъ, біографомъ Гоголя и редакторомъ его «Переписки», цѣнныя изслѣдованія Алексѣя Н. Веселовскаго, С. А. Венгерова, Н. А. Котляревскаго, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, П. В. Владимирова и др. облегчили работу по составленію и редакціи настоящаго выпуска. Сочувственные отзывы печати, встрѣтившіе изданіе первыхъ двухъ выпусковъ «Словаря», даютъ намъ увѣренность въ продолженіи начатаго дѣла, но опытъ убѣдилъ, что редакція не можетъ обезпечить выходъ дальнѣйшихъ выпусковъ «Словаря» въ точно установленные сроки. Выходу каждаго выпуска предшествуетъ огромная черновая работа по остову «Словаря»; эта работа въ настоящее время уже произведена для намѣченныхъ къ печати ближайшихъ трехъ выпусковъ. Иногда, незначительная по существу, справка, необходимая для точности и полноты изданія, задерживаетъ корректурные листы; свѣрка корректуры съ оригиналомъ отнимаетъ массу времени, и все это устраняетъ всякую мысль о срочности.

Въ настоящее время редакція можетъ обѣщать выпускать не менѣе четырехъ выпусковъ въ годъ, не связывая себя однако какимъ-либо установленіемъ сроковъ ихъ выхода.

Замѣчанія критики приняты нами во вниманіе, и за указаніе промаховъ и недостатковъ приносимъ гг. рецензентамъ глубокую благодарность. Не можемъ согласиться лишь съ высказанными замѣчаніями относительно раздѣленія выпусковъ на двѣ части: на собственно «Словарь литературныхъ типовъ», гдѣ приведены подробныя характеристики, и на «Указатель», въ которомъ дана полная номенклатура второстепенныхъ образовъ и лицъ, сопровождающаяся краткими характеристиками. Такое раздѣленіе необходимо для того, чтобы выдѣлить главное, наиболѣе цѣнное, отъ второстепеннаго, необходимо также и потому, что, при наборѣ второй части мелкимъ шрифтомъ, изданіе является болѣе компактнымъ.

О первыхъ двухъ выпускахъ отзывы печати были помѣщены: *„Вѣстникъ Европы“* № 3—1908 г., *„Современный Міръ“* № 1—1909 г., *„Педагогическій Сборникъ“* № 10—1908 г., *„Міръ“* № 2—1908 г., *„Слово“* № 367 и № 567—1908 г., *„Рѣчь“* № 321—1908 г., *„Биржевыя Вѣдомости“* № 10326 *„С.-Петербургскія Вѣдомости“* № 34—1908 г. и др. изданіяхъ.

Общій планъ изданія остался безъ перемѣнъ.

Характеристики наиболѣе крупныхъ художественныхъ образовъ приведены въ первой части выпуска въ алфавитномъ порядкѣ и составляютъ собственно «Словарь литературныхъ типовъ». Большинство характеристикъ распадается на три самостоятельныхъ отдѣла: а) характеристика типа въ освѣщеніи автора, б) сводъ критическихъ мнѣній и в) библіографія предмета. Послѣдніе два отдѣла въ настоящемъ выпускѣ сгруппированы отдѣльно отъ перваго и составляютъ особое приложеніе (см. Приложеніе 2-ое).

Въ характеристики вносились, по возможности, подлинныя опредѣленія самого автора. Изъ критическихъ отзывовъ бралось лишь то, что, такъ или иначе, обрисовываетъ и освѣщаетъ данный типъ. Приложенныя библіографическія указанія должны помочь лицамъ, пользующимся книгой, самимъ ближе и въ болѣе полномъ объемѣ ознакомиться съ отмѣченными произведеніями критической литературы.

Весь второстепенный, хотя и очень цѣнный, матеріалъ отнесенъ въ «Указатель». Сюда, не столько ради полноты изданія, сколько въ прямомъ соотвѣтствіи съ главной цѣлью «Словаря», введены *всѣ* типы и образы изъ произведеній разсматриваемаго писателя. Типы и образы, характеристики которыхъ приведены въ «Словарѣ», въ «Указателѣ» сопровождаются лишь ссылкой на соотвѣтствующую страницу; при остальныхъ даны краткія характеристики въ томъ же «Указателѣ».

Въ концѣ книги прилагается «Перечень произведеній» и всѣхъ входящихъ въ нихъ, дѣйствующихъ и упоминаемыхъ лицъ. Лица, характеристики которыхъ вошли въ «Словарь», отмѣчены въ «Перечнѣ» *курсивомъ;* все же, отнесенное въ «Указатель», набрано обыкновеннымъ шрифтомъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ «Перечень» служитъ алфавитнымъ index'омъ произведеній, «Указатель» является такимъ же алфавитнымъ index'омъ типовъ и, своего рода, ключомъ для изученія писателя, которому посвященъ выпускъ. Исходя изъ той мысли, что художественныя произведенія не могутъ разсматриваться внѣ фона и времени, въ «Перечень» введены краткія историко-литературныя примѣчанія. Эти послѣднія, вмѣстѣ съ біографической канвой, приложенной въ началѣ выпуска, дадутъ возможность пользующемуся «Словаремъ» легко навести ту или другую справку, касающуюся жизни Гоголя, условій его творчества и самаго творчества.

Весь матеріалъ во всѣхъ отдѣлахъ «Словаря» расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ алфавитъ же введенъ и приложенный къ изданію (см. Приложеніе 1) сводъ «нарицательныхъ именъ». И здѣсь мы стремились, по возможности, не сузить, а расширить рамки понятія «нарицательное имя». Въ рубрику ихъ введены всѣ яркія, мѣткія, такъ называемыя, «крылатыя слова», которыя не только характеризуютъ стиль и манеру писателя, но и составляютъ его индивидуальное отличіе.

Въ общей работѣ по третьему тому приняли участіе слѣдующія лица: *Игнатьевъ, Е. И., Льв[illegible]ъ, В. Л., Майеръ, Н. В., Мартиросовъ, С. Е., Носкова, Е. К., Носковъ, Н. Д., прив.-доц. Поварнинъ, С. И., Тумимъ, Г. Г.*

Ник. Носковъ.

Біографическая канва.

1809 г. 20 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ (Полтавской губ., Миргородскаго у.), родился Николай Васильевичъ Гоголь. Отецъ писателя, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь-Яновскій, небогатый помѣщикъ; мать, Марья Ивановна, урожденная Косяровская.

1809 г.—1816 г. Дѣтскіе годы, проведенные въ имѣніи отца—Васильевкѣ.

1817 г.—1820 г. Первые уроки грамоты.—Полтава и приготовленіе къ гимназіи у учителя Спасскаго.

1821 г. «Гимназія Высшихъ наукъ» (Лицей Безбородко въ Нѣжинѣ).

1823 г. Увлеченіе чтеніемъ и живописью.

1825 г. Смерть отца.—Первые стихотворные и драматическіе опыты въ лицейскихъ журналахъ.

1827 г. Г.—актеръ. Гимназическіе спектакли.—«Ганцъ Кюхельгартенъ».

1827 г. Выпускной экзаменъ.—Васильевка.—Мечты объ общемъ благѣ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

1829 г. Петербургскія впечатлѣнія.—На квартирѣ вмѣстѣ съ А. С. Данилевскимъ.—«Раздумье о жизненномъ пути».—Начата первая повѣсть «Майская ночь, или Утопленница».—Отдѣльное изданіе «Ганца Кюхельгартена» (псевдонимъ В. Аловъ). — Неудачный дебютъ.—Отзывы Полевого и Булгарина.—Первая поѣздка заграницу. Любекъ, Гамбургъ.—Приказъ матери возвратиться въ Петербургъ и «вступить» на службу.—Стихотвореніе «Италія» появляется въ «Сынѣ Отечества», повѣсть «Басаврюкъ» («Вечеръ накануиѣ Ивана Купалы») печатается въ «Отеч. Запискахъ» безъ подписи автора.

1830 г. Поиски должности.—Служба по Министерству внутреннихъ дѣлъ. Переходъ въ Департаментъ Удѣловъ.—Замыслы о «Вечерахъ на хуторѣ».—Кружокъ товарищей: Анненковъ, Данилевскій, Прокоповичъ, Кукольникъ, Гребенка и др.

1831 г. Въ «Литературной Газетѣ» печатается глава изъ повѣсти «Страшный кабанъ»—«Учитель»—за подписью П. Глечикъ.—Имя Гоголя въ первый разъ появляется въ печати подъ статьей «Женщина» въ «Лит. Газетѣ». — Литературныя знакомства: Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ, Плетневъ.—Павловскъ и Царское Село.—Гоголь преподаватель исторіи въ Патріотическомъ институтѣ.—Отдѣльное изданіе I-ой части «Вечеровъ на хуторѣ».

1832 г. Москва. — Знакомство съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Аксаковымъ, Загоскинымъ и др.—На родинѣ.—Наброски первой комедіи «Владиміръ третьей степени».

1833 г. Занятіе всеобщей и малорусской исторіей.—Переписка съ Максимовичемъ и планы о каѳедрѣ въ Кіевскомъ Университетѣ.—Приготовленіе къ профессурѣ. — Творческое бездѣйствіе: «мелкаго не хочется—великое не выдумывается».

1834 г. Статьи въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».—Начало чтенія лекцій въ СПБ. Университетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи.—Комедія «Женихи». Первые наброски «Ревизора». Приготовленіе къ печати и выходъ «Арабесокъ».—«Непріятная зацѣпа по цензурѣ» по поводу «Записокъ Сумасшедшаго», откуда авторъ вынужденъ выкинуть «лучшія мѣста».

1835 г. Выходъ отд. изданіемъ «Миргорода». Работа надъ сценическимъ текстомъ «Ревизора» и «Женитьбы». Начальныя главы «Мертвыхъ Душъ». «Носъ».—Лѣто въ деревнѣ.

1836 г. «Носъ», признанный Погодинымъ «грязной повѣстью», печатается въ «Современникѣ» Пушкина.—Первое представленіе «Ревизора» (въ СПБ.—19 апрѣля, въ Москвѣ—25 мая). Оскорбительный пріемъ со стороны петербургской публики. Отъѣздъ заграницу (до 1839 г.) «размыкать ту тоску, которую ежедневно наносятъ соотечественники, и глубже обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія».—Германія, Швейцарія, Франція и Италія.

1837 г. Парижъ. Повѣсть «Римъ». Смерть Пушкина.—«Пребываніе на родинѣ души» (въ Римѣ). Очарованіе Италіей. Баденъ. Швейцарія.—Боязнь «ипохондріи, которая гонится по пятамъ».

1838 г. Второе пребываніе въ Римѣ. «Въ душѣ небо и рай». — Кругъ художниковъ: Ивановъ, Іорданъ, Моллеръ.

1839 г. Вѣна.—Тяжелая болѣзнь.—Внутренній переломъ. Окончаніе I-ой части «Мертвыхъ Душъ».—Дружба съ Ивановымъ.—Смерть I. Віельгорскаго.—Поѣздка въ Россію.

1840 г. Москва. Денежныя затрудненія.—Отъѣздъ заграницу. Римъ.—«Работа изо всѣхъ силъ». «Совершенная очистка первой части поэмы и первые наброски второй.—«Отрывокъ», «Тарасъ Бульба» (новая редакція).—Тяжелая болѣзнь и «спасеніе чудомъ». Страхъ смерти.

1841 г. Окончательная редакція (въ Римѣ) первой части поэмы. «Шинель». Работа надъ текстомъ «Ревизора». Знакомство и дружба съ Н. М. Языковымъ.—Возвращеніе въ Россію.—Москва.

1842 г. Столкновеніе съ московской цензурой. Хлопоты о разрѣшеніи печатать «Мертвыя Души». Нравственныя терзанія: «тягостное существованіе въ своемъ отечествѣ».—Москва.—Петербургъ. Мечты о монашествѣ, «непреодолимое, сильное стремленіе читать Евангеліе». Помыслы о смерти.—Рѣшеніе отправиться на поклоненіе Гробу Господню и «очиститься». — «Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души» выходятъ въ СПБ.—Первое изданіе «Сочиненій Г.».

1843 г. Римъ.—Совмѣстная жизнь съ Языковымъ. Тяжелое нравственное состояніе.—Проблема объ идеальной внутренней жизни.—Ницца. А. О. Смирнова. Г.—«учитель жизни».

1844 г. Пребываніе за границей.—Заботы «о нравственномъ самовоспитаніи».—«Мертвыя Души» «пишутся и не пишутся».

1845 г. «Мрачный годъ». Тяжелыя физическія и душевныя страданія. Приготовленія къ смерти.—«Завѣщаніе.—Работа надъ «Мертвыми Душами» и «Перепиской съ друзьями».

1846 г. Второе изданіе I-ой части «Мертвыхъ Душъ».—Выходъ «Переписки». Предполагаемая постановка на сценѣ «Ревизора» въ новой редакціи. «Развязка Ревизора».

1847 г. Пребываніе заграницей. «Авторская исповѣдь».—Письмо Бѣлинскаго.

1848 г. Путешествіе въ Палестину.—Васильевка.—Москва.—Петербургъ.—Работа надъ «Мертвыми Душами». «Строки лѣпятся вяло».

1849 г. Жизнь въ Москвѣ.—«Страшная тоска». Творчество и мученичество. «Неписательское расположеніе».

1850 г. Путешествіе «на долгихъ» въ Малороссію. — Москва. Полумонастырское уединенье. Хлопоты о вспомоществованіи, «чтобъ проводить три зимнихъ мѣсяца» тамъ, «гдѣ тепло ненатопленное».

1851 г. Сожженіе рукописи второго тома «Мертвыхъ Душъ». Новая работа надъ поэмой. Приготовленіе къ печати второго изданія «Сочиненій».

1852 г. Работа надъ корректурами.—Вторичное сожженіе рукописи второго тома.—Приготовленіе къ смерти. 21 февраля скончался Н. В. Гоголь. Могила его въ Москвѣ на кладбищѣ Даниловскаго монастыря; на мраморной плитѣ вырѣзаны слова пророка Іереміи «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся».

Словарь литературныхъ типовъ.

Агафья Тихоновна Купердягина («*Женитьба*»).—Дочь купца третьей гильдіи, 27 лѣтъ. «О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки—кое-что есть»,—говоритъ объ ея наружности Яичница (см. [1]). Жевакину А. Т. нравится потому, что «полная женщина». «Она—красавица, просто красавица!»—заявляетъ Кочкаревъ.—«Княгиня просто!»—выхваливаетъ сваха Ѳекла.—«Какъ рафинатъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ»... «А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье—такъ вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ...» «Какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить». Время А. Т. проводитъ «чуть не въ рубашкѣ», гадая на картахъ, да въ мечтахъ и разговорахъ съ теткой о замужествѣ, при чемъ «о купцѣ и слышать не хочетъ». «Мнѣ», говоритъ, «какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ», а не купецъ. По ея словамъ, даже трефовый король не можетъ означать купца: «купцу далеко до трефоваго короля...» Боится, что мужъ-купецъ будетъ ее бить, какъ покойникъ ея отецъ билъ покойницу-мать. Кромѣ того у купца борода: «станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ...» Надѣется, что сваха сыщетъ для нея «самаго лучшаго» дворянина, и вскрикиваетъ «ухъ», когда та объявляетъ, что «приманила» цѣлыхъ шесть жениховъ-дворянъ. «Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть».—«Тетушка! да вѣдь платье не выглажено!»—кричитъ она, и въ замочную скважину разглядываетъ пришедшаго жениха: «Ахъ, какой толстый!» — восклицаетъ А. Т. Въ присутствіи жениховъ конфузится до того, что убѣгаетъ; однако успѣла ихъ всѣхъ разсмотрѣть; приходитъ въ нѣкоторое затрудненіе, кого выбрать: «Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре—какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя конечно худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича,—я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ». Чувствуетъ «несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной».—«Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого,—говоритъ А. Т.—Остается положить билетики въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ». Когда Кочкаревъ убѣждаетъ ее выбрать Подколесина, потому что всѣ остальные женихи «дрянь», А. Т. замѣчаетъ:—«Будто бы ужъ всѣ?» На увѣренія Кочкарева, что они всѣ драчуны и будутъ ее бить, А. Т. отвѣчаетъ:—«Ужъ это, точно, такое несчастье, хуже котораго не можетъ быть». Несмотря на увѣщеванія Яичницы, соглашается на предложеніе Кочкарева, сказать остальнымъ женихамъ: «пошли вонъ, дураки!..» «Пошли вонъ!»—говоритъ она, всплескивая руками и, въ отвѣтъ на приставанія обиженнаго Яичницы, убѣгаетъ съ крикомъ: «Ухъ, прибьетъ, прибьетъ!»— —Подколесинъ,

[1]) Далѣе сносокъ нигдѣ не дѣлается, т. к. въ «Указателѣ» даны, болѣе или менѣе подробныя, характеристики *всѣхъ* дѣйствующихъ и упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Гоголя лицъ.

по мнѣнію А. Т., «достойный» «и скромный» «и разсудительный» человѣкъ. «Хотѣла ему тоже словца два сказать, да» «оробѣла, сердце такъ стало биться...» «Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти»—раздумываетъ А. Т. «И такъ, вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Плачетъ надъ перемѣной своего «состоянія». «Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною—уфъ! дрожь меня такъ и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь». «Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ. Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ! Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ», сокрушается А. Т., однако, готова «въ минуточку одѣться», чтобы ѣхать къ вѣнцу. Узнавъ о бѣгствѣ Подколесина черезъ окно, только вскрикиваетъ и всплескиваетъ руками.

Критика: См. Приложеніе 2-е.

Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ (*«Шинель»*).—«Существо никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное». Департаментскій чиновникъ, «то̀, что̀ называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ». Когда новорожденнаго А. А. крестили, то «онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ».— —А. А. былъ «низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что̀ называется, геморроидальнымъ...» «Вицмундиръ у него былъ—не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ». Сослуживцы прозвали его шинель «капотомъ». Она износилась и истерлась до того, что портной Петровичъ отказался ее чинить. А. А. «отличался всегда тихостью голоса», а изъяснялся большей частью «предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: «Это, право, совершенно того...» а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ». Только, быть можетъ, «въ первый разъ отъ роду» А. А. вскрикнулъ, когда портной Петровичъ «для эффекта» опредѣлилъ цѣну новой шинели въ полтораста рублей».— —«Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ». А. А. былъ образцовый чиновникъ. «Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да нажилъ геморрой въ поясницу». «Когда одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и

желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписываніе: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: «Нѣтъ, лучше, дайте, я перепишу что-нибудь». Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало». Онъ видѣлъ во всемъ свои «чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы». «Въ департаментѣ не оказывалось ему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги...» А. А. «бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость».— —«Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу». А. А. «не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣли его на какомъ-нибудь вечерѣ». «Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра?» — —«Съ четырьмя стами жалованья» онъ «умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ», и ухитрялся даже копить деньги. Со всякаго истрачиваемаго рубля онъ откладывалъ по грошу въ копилку и такимъ образомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ накопилъ болѣе чѣмъ сорокъ рублей. «Когда пришлось шить новую шинель, А. А. думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самимъ временемъ». Сначала ему было «нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ». Скоро «онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но за-то онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ

его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ—всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: «ухъ!» и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели. «Сердце его, вообще очень покойное, начало биться».— —День, когда портной принесъ А. А. новую шинель, былъ, вѣроятно, «день самый торжественный въ его жизни». Онъ шелъ въ департаментъ «въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо». «Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару». На всѣ поздравленья А. А. «только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно». Но когда чиновники начали убѣждать его «вспрыснуть» новую шинель, то онъ «потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться», даже, «весь закраснѣвшись, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель». Однако, А. А. принялъ приглашеніе на вечеръ къ одному изъ сослуживцевъ, такъ какъ «никакъ не могъ отказаться», и ему сдѣлалось даже пріятно имѣть случай пройтись ввечеру въ новой шинели, «хотя на людяхъ онъ просто не зналъ, куда дѣть руки и ноги и всю фигуру свою». Тогда только, изъ сравненія новой шинели съ прежнимъ капотомъ своимъ, онъ понялъ «далекую разницу», и долго «все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капотъ». А. А. былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и глядѣлъ на все, «какъ на новость»; на улицѣ, возвращаясь изъ гостей, «даже побѣжалъ было вдругъ за какой-то дамою». Сейчасъ же, однако, остановился и пошелъ по прежнему очень тихо. Когда на него напали грабители, «отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ полицейской будкѣ» и даже набросился было на будочника, что тотъ не смотритъ. — — Прибѣжалъ домой А. А. «въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бока и грудь и всѣ панталоны были въ снѣгу», «страшнымъ стукомъ» въ дверь разбудилъ онъ хозяйку, и на утро въ «первый разъ въ жизни» не пошелъ въ департаментъ. Послѣ бесѣды съ частнымъ А. А. только «сконфузился совершенно». Однако, превозмогая робость, добился личнаго свиданія со значительнымъ лицомъ. «—Но, ваше превосходительство»—сказалъ между прочимъ Акакій Акакіевичъ значительному лицу, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ: «я, ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ»... Получивъ въ отвѣтъ «надлежащее распеканье», А. А. упалъ въ обморокъ. И предъ смертью онъ бредилъ шинелью. Она была «свѣтлымъ гостемъ», «оживившимъ на мигъ бѣдную жизнь» А. А.

Андрій Бульбенко (*«Тарасъ Бульба»*).—Младшій сынъ Тараса, «двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ». «Онъ былъ очень хорошъ собою, во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества»; «ясною твердостью сверкалъ глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня и, какъ шелкъ, лоснился молодой черный усъ». По сравненію съ Остапомъ «имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развитыя. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія». «Онъ былъ изобрѣтательнѣе своего брата, чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощью изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія». «Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ». «Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восьмнадцать лѣтъ; женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философскіе диспуты, ви-

дѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную». «Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать козаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы». Въ послѣдніе годы пребыванія въ бурсѣ онъ рѣже являлся предводителемъ какой нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева. Онъ до того былъ погруженъ въ свои мысли, такъ «зазѣвался», что, однажды, на него почти наѣхала колымага. «—Не доведутъ тебя бабы до добра», говорилъ ему Тарасъ, знавшій, что «не въ мѣру было наклончиво сердце на женскія рѣчи», «податлива съ этой стороны природа Андрія». «Самъ не зная отчего, онъ чувствовалъ какую-то духоту на сердцѣ». Душевныя движенья и чувства его «какъ будто кто-то удерживалъ тяжкою уздою». Въ степи, «повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего», и среди браннаго похода, «глядя на небо», Андрій видѣлъ «гордую женщину», «дочь воеводы ковенскаго». «И часто, часто смущался» «глубокій сонъ молодого козака, и часто, проснувшись, лежалъ онъ безъ сна на одрѣ, не умѣя истолковать тому причины». Еще въ Кіевѣ онъ увидѣлъ ее на улицѣ и «со свойственной однимъ бурсакамъ дерзостью» черезъ садъ и крышу и трубу камина пробрался въ ея спальню. «Онъ встрѣтилъ ее еще разъ въ костелѣ: она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ». — — Среди похода А. весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей». «Бѣшеную нѣгу и упоеніе онъ видѣлъ въ битвѣ: что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ громомъ падаютъ на землю кони, а онъ несется, какъ пьяный, въ свистѣ пуль, въ сабельномъ блескѣ, и наноситъ всѣмъ удары, и не слышитъ нанесенныхъ». «Не разъ дивился отецъ», «видя, какъ онъ, понуждаемый однимъ только запальчивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и однимъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производилъ такія чудеса, которымъ не могли не изумиться старые въ бояхъ. Дивился старый Тарасъ и говорилъ: «И это добрый—врагъ бы не взялъ его!—вояка! не Остапъ, а добрый, добрый также вояка!» — — Среди затишья А. «замѣтно скучалъ» «отъ бездѣйствія». «Все, что было заглушено нынѣшними козацкими биваками, суровой бранной жизнью,—все всплыло разомъ на поверхность, потопивши, въ свою очередь, настоящее», при первомъ извѣстіи, принесенномъ татаркой. «Опять вынырнула передъ нимъ, какъ изъ темной морской пучины, гордая женщина; вновь сверкнули въ его памяти прекрасныя руки, очи, смѣющіяся уста, густые темноорѣховые волосы, курчаво распавшіеся по грудямъ, и всѣ упругіе, въ согласномъ сочетаньи созданные члены дѣвическаго стана. «Нѣтъ, они не погасали, не исчезали въ груди его, они посторонились только, чтобы дать на время просторъ другимъ могучимъ движеньямъ». «Онъ никогда не зналъ, что такое значитъ обдумывать, или разсчитывать, или измѣрять заранѣе свои и чужія силы». «Онъ весь исполнился испуга» при слухѣ, «что *она* умираетъ съ голода», но тутъ же подумалъ: «не будетъ ли пища, годная для дюжаго, неприхотливаго запорожца, груба и неприлична ея нѣжному сложенію». У А. «молодая, полная силъ душа» и «неразумная голова». «Онъ хотѣлъ бы выговорить все, что ни есть на душѣ, выговорить его такъ же горячо, какъ оно было на душѣ,— и не могъ. Почувствовалъ онъ что-то, заградившее ему уста; звукъ отнялся у слова: почувствовалъ онъ, что не ему, воспитанному въ бурсѣ и въ бранной кочевой жизни, отвѣчать на такія рѣчи, и вознегодовалъ на свою козацкую натуру». Молодая сильная душа готова на всѣ жертвы своей любви: «Задай мнѣ службу самую невозможную, какая только есть на свѣтѣ—я побѣгу исполнять ее! Скажи мнѣ сдѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ, я сдѣлаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святымъ крестомъ, мнѣ такъ сладко... но не въ силахъ сказать того!» «Что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?» сказалъ Андрій, встряхнувъ быстро головою и выпрямивъ весь прямой, какъ надрѣчная осокорь, станъ свой. «Такъ если-жъ такъ, такъ вотъ что: нѣтъ у меня никого! Никого, никого!» повторилъ онъ тѣмъ же голосомъ и сопроводивъ его тѣмъ движеньемъ руки, съ какимъ упругій, несокрушимый козакъ выражаетъ рѣшимость на дѣло неслыханное и невозможное для другого. «Кто сказалъ, что моя отчизна Украйна? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты!

Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю: пусть кто-нибудь изъ козаковъ вырветъ ее оттуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!» — — «Пусть теперь попробуетъ!» «пускай теперь кто-нибудь только зацѣпитъ. Вотъ пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будетъ знать она, что за вещь козацкая сабля!» говорилъ онъ раньше; но, когда съ полкомъ польскихъ гусаровъ онъ ударилъ «на своихъ», «также объятый пыломъ и жаромъ битвы», А. «не различалъ, кто предъ нимъ былъ, свои или другіе какіе; ничего не видалъ онъ. Кудри, кудри онъ видѣлъ, длинныя, длинныя кудри, подобно рѣчному лебедю грудь, и снѣжную шею, и плечи, и все, что создано для безумныхъ поцѣлуевъ». «Онъ чистилъ предъ собою дорогу, разгонялъ, рубилъ, и сыпалъ удары направо и налѣво». Когда же, отрѣзанный отъ своего полка, онъ очутился лицомъ къ лицу съ Тарасомъ, А. «затрясся всѣмъ тѣломъ и вдругъ сталъ блѣденъ: такъ школьникъ, неосторожно задравшій своего товарища и получившій за то отъ него ударъ линейкой по лбу, вспыхиваетъ какъ огонь, бѣшеный выскакиваетъ изъ лавки и гонится за испуганнымъ товарищемъ своимъ, готовый разорвать его на части, и вдругъ наталкивается на входящаго въ классъ учителя: вмигъ притихаетъ бѣшеный порывъ, и упадаетъ безсильная ярость. Подобно тому, въ одинъ мигъ пропалъ, какъ бы не бывалъ вовсе, гнѣвъ А. И видѣлъ онъ передъ собою одного только страшнаго отца». «Ну, что-жъ теперь мы будемъ дѣлать?» сказалъ Тарасъ, смотря прямо ему въ очи. Но ничего не могъ на то сказать Андрій и стоялъ, утупивши въ землю очи.— «Что, сынку, помогли тебѣ твои ляхи?» А. былъ безотвѣтенъ. «Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!» Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ». (Такъ ранѣе, при окликѣ Тараса въ лагерѣ, также «сердце его замерло» и онъ остановился ни живъ, ни мертвъ, не имѣя духу взглянуть въ лицо отца, но увидя старика вновь спящимъ, «отхлынулъ испугъ еще скорѣе, чѣмъ прихлынулъ». Предъ лицомъ паночки въ ея замкѣ А. «ощутилъ благоговѣйную боязнь» и сталъ неподвиженъ передъ нею»). «—Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью», сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье. Блѣденъ, какъ полотно, былъ А.; видно было, какъ тихо шевелились уста его и какъ онъ произносилъ чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьевъ—это было имя прекрасной полячки. Тарасъ выстрѣлилъ. Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова».

Анна Андреевна Сквозникъ-Дмухановская (*«Ревизоръ»*). — Жена городничаго; по словамъ мужа, «немножко съ придурью—такова же была ея мать». Еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ провинціальная кокетка». «Гадаетъ на себя всегда на трефовую даму», хотя дочь и считаетъ, что А. А. «больше червонная дама». «Думаетъ, что имѣетъ самые темные глаза». «Четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе пьесы». Хочетъ, чтобы дочь къ пріѣзду ревизора надѣла «голубое платье». «Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое: я очень люблю палевое». Заявляетъ дочери, что та «воображаетъ, будто почтмейстеръ за ней волочится, а онъ просто дѣлаетъ тебѣ гримасу, когда ты отвернешься». Дочь утверждаетъ, что Хлестаковъ «на нее глядѣлъ». А. А. говоритъ въ отвѣтъ: «Пожалуйста, со своимъ взоромъ подальше! Это здѣсь вовсе не у мѣста: гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?» «Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ уже, лишь бы только: А,—говоритъ себѣ,—дай уже посмотрю на нее». Даже когда Хлестаковъ посватался къ Марьѣ Антоновнѣ, желаетъ подчеркнуть гостямъ, будто Хлестаковъ посватался исключительно изъ любви къ ней. А. А. на протесты дочери отвѣчаетъ: «Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отрицаю», упрекаетъ Авдотью за то, что у нея «въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ»; дочь упрекаетъ «въ проклятомъ кокетствѣ», въ томъ, что она «жеманится передъ зеркаломъ». У дочерей Ляпкина-Тяпкина, по ея мнѣнію, «сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ». «Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе?—говоритъ она дочери (послѣдняя застала Хлестакова на колѣняхъ передъ А. А.), — когда ты будешь вести себя,

какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ». «Ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ! Не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе—передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать». Послѣ знакомства съ Хлестаковымъ, говоритъ дочери: «Пойдемъ, Машенька! Я тебѣ скажу, что я заприметила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать».—«Ахъ, какой пріятный,—восхищается она Хлестаковымъ.—Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей... Я просто безъ памяти... Я однакожъ очень ему понравилась». Когда Хлестаковъ объясняется ей въ любви («съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей»), А. А. отвѣчаетъ: «Позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ». Вбѣжавшей дочери А. А. дѣлаетъ выговоръ: «Ну что ты? къ чему? зачѣмъ?... Ну что ты нашла такого удивительнаго?». На заявленіе Хлестакова о томъ, что онъ проситъ руки дочери, А. А. «съ изумленіемъ» говоритъ: «Такъ вы въ нее?» Разсказывая гостямъ, какъ произошло сватовство, А. А. такъ передаетъ слова Хлестакова: «—Я, А. А., изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ»... «Вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: «А. А., не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! Согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то я смертью кончу жизнь свою». Хлестаковъ въ письмѣ отзывается объ А. А. такъ: «думаю (начать) прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги». А. А. убѣждена, что ея дочь спорщица—«только бы поспорить». Ахъ, маменька, — говоритъ дочь. — Кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы».—«Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи».—«Ну да, идетъ».—«Кто же это идетъ?... во фракѣ?...»—«Это Добчинскій, маменька!»—«Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... совсѣмъ не Добчинскій...»—«Право, маменька, Добчинскій!»—«Ну, вотъ нарочно, чтобы только поспорить... Говорятъ тебѣ, что не Добчинскій!»—«А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій?»—«Ну да, Добчинскій, теперь я вижу,—изъ чего же ты споришь?» Надъ мужемъ А. А. «беретъ иногда власть потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей: но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ». Когда посватался Хлестаковъ и шли разговоры о перемѣнѣ положенія, городничій постоянно спрашиваетъ А. А.: «Какъ ты думаешь, Анна Андреевна?» «А, Анна Андреевна?» Когда А. А. говоритъ ему: «Ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей», мужъ возражаетъ: «Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ», но простоту свою по сравненію съ А. А. не отвергаетъ. — — А. А. «воспиталась вполовину на романахъ и альбомахъ, вполовину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей». «Такъ вы пишете,—говоритъ она Хлестакову.—Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?» Ей знакомо имя «барона Брамбеуса». Она читала «Юрія Милославскаго», но не помнитъ имени автора. Съ полнымъ довѣріемъ слушаетъ слова Хлестакова: «Все, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, «Фрегатъ Надежды» и «Московскаго Телеграфа» — все это я написалъ». Въ разговорѣ съ Хлестаковымъ употребляетъ иностранныя слова: «Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятной»; «вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери».—«Какое тонкое обращенье!—говоритъ она о Хлестаковѣ. «Сейчасъ можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое...» Когда Хлестаковъ бросился передъ ней на колѣни, она восклицаетъ: «Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! Здѣсь полъ не чистъ». «Что, онъ полковникъ?»—спрашиваетъ А. А. первымъ дѣломъ о ревизорѣ. «Кто онъ такой, генералъ?» «Къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?» «Какой чинъ на твоемъ баринѣ?» «А какъ онъ дома—въ мундирѣ ходитъ?»—выпытываетъ А. А. у Осипа. Городничій упрекаетъ ее: «Ты съ нимъ (Хлестаковымъ) обращаешься, какъ съ какимъ-нибудь Добчинскимъ», но А. А. отвѣчаетъ: «Я никакой совершенно не ощутила робости: я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ». «Ну, признайся откровенно, — говоритъ ей мужъ послѣ сватовства Хлестакова: — тебѣ и во снѣ не видѣлось?»—«Совсѣмъ нѣтъ: я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей». Городничій не знаетъ еще, какъ быть дальше: здѣсь жить или въ Петербургѣ. «Натурально въ Петербургѣ, «какъ можно здѣсь оставаться?» «Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить,—го-во

ритъ она гостямъ.—А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ... признаюсь, большая непріятность». Когда городничій говоритъ: «что, и городничество тогда къ чорту».—Натурально, что за городничество!—«Можно влѣзть въ генералы?»—Еще бы, конечно можно... «Вотъ и мужъ мой,—заявляетъ А. А.,—онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ».—«Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первымъ въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти и нужно бы только этакъ зажмурить глаза (зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ). Ахъ, какъ хорошо!» «Жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить... Твои (т. е. мужа) знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника: напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе». Какъ будетъ держать себя въ этомъ обществѣ А. А., не безпокоится: ее смущаетъ мужъ: «Только я право боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь».—«Ахъ, Боже мой! Какія ты, Антоша, слова отпускаешь!»—восклицаетъ она при объясненіи городничаго съ купцами. Когда Коробкинъ проситъ городничаго оказать въ Петербургѣ протекцію его сыну и городничій соглашается, А. А. заявляетъ: «Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно и съ какой стати себя обременять этими обѣщаніями?». «Можно, конечно, да не всякой мелюзгѣ оказывать покровительство». По этому поводу одна изъ гостей замѣчаетъ: «Да она (т. е. А. А.) всегда такова была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...» — — А. А. «очень любопытна». «Гдѣ жъ, гдѣ же они? Ахъ, Боже мой,—кричитъ она, узнавъ о пріѣздѣ ревизора. «Антоша, куда, куда? Что, пріѣхалъ? Ревизоръ? Съ усами? Съ какими усами?» Дочь говоритъ: «Черезъ два часа все узнаемъ». «Черезъ два часа! Покорнѣйше благодарю! Вотъ одолжила отвѣтомъ. Какъ ты не догадалась сказать, что черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать!» и посылаетъ Авдотью «подсмотрѣть въ щелочку». «Глаза какіе, черные или нѣтъ», «молодой или старый? Брюнетъ или блондинъ?» — спрашиваетъ она у Добчинскаго. «Такой глупый! — говоритъ она о Добчинскомъ:—до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ». Когда было прочитано письмо Хлестакова и недоразумѣніе съ ревизоромъ стало очевиднымъ, А. А. растерянно спрашиваетъ: «Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой».

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій (*«Ревизоръ»*). — Городничій; служитъ «тридцать лѣтъ», «постарѣлъ на службѣ». «Волоса стриженые, съ просѣдью». «Черты лица грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ». «Ведетъ себя очень солидно».—«Важности, лукавый его забирай, не занимать стать»,—отзывается о немъ Земляника. «Говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало». «Его каждое слово значительно». «Довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ». «Одѣтъ по обыкновенію въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами». «Травитъ зайцевъ» съ судьею и для этой цѣли «торгуетъ у него кобелька». Играетъ въ карты: «—у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей»—говоритъ о немъ Хлоповъ. «На улицахъ его города—по собственнымъ словамъ Г., кабакъ, нечистота». «Возлѣ забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору». «Арестантамъ не выдавали провизіи». Держиморда, квартальный, «для порядка ставитъ всѣмъ фонари подъ глазами, — и правому, и виновному». Солдаты на улицу выходятъ «безъ всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ». — — Г., по словамъ Чмыхова, «человѣкъ умный и не любитъ пропускать того, что плыветъ въ руки», потому «за нимъ, какъ за всякимъ, водятся грѣшки». «Странно говорить,—заявляетъ по этому поводу Г.: —нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы за собою какихъ-нибудь грѣховъ. Это ужъ самимъ Богомъ устроено и волтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ».—Грѣшки за Г. такого рода: «если спросятъ, отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую назадъ тому пять лѣтъ была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться и сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась».—«Кто тебѣ помогъ сплутовать — обращается Г. къ купцу,—когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ

его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода». — При извѣстіи о ревизорѣ особенно его смущаютъ: «купечество да гражданство». «Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я вотъ, ей-Богу, если и взялъ съ кого, то право безъ всякой ненависти». «Я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса».— — «Такого городничаго никогда еще, государь, не было»,—жалуются Хлестакову купцы.—«Такія обиды чинитъ, что и описать нельзя... Если бъ то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придетъ въ лавку и что ни попадется—все беретъ».—Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ». — «Сукна увидитъ штуку, говоритъ: «Э, милый, это хорошее суконце, снеси-ка его ко мнѣ». «Ну, и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ». «Именины его бываютъ на Антона и ужъ кажись всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь». «Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой». «Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду и говоритъ:—«Ахъ ты татаринъ!» — «Ей-Богу!» «А если что, велитъ запереть двери. — Я тебя, говоритъ, не буду, говоритъ, подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать: это, говоритъ, запрещено закономъ; а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!» «Куда милость твоя ни запровадитъ его—все будетъ хорошо, лишь бы то есть отъ насъ подальше». — — «Гражданство» также не довольно городничимъ. Слесарша жалуется: «Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ.— На что, говоритъ, тебѣ мужъ? Онъ ужъ тебѣ не годится». «Да я то знаю —годится или не годится: это мое дѣло, мошенникъ такой!—Онъ,—говоритъ,—воръ, хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно, говоритъ, онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты». Унтеръ-офицерша жалуется, что ее Городничій «по ошибкѣ» высѣкъ. Въ послѣдней сценѣ Г. самъ характеризуетъ себя такъ: «тридцать лѣтъ живу на службѣ: ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести: мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду! Трехъ губернаторовъ обманулъ... Что губернаторовъ! Нечего и говорить про губернаторовъ!»—но предъ начальствомъ заявляетъ: «Передъ добродѣтелью все прахъ и суета». «Ей-ей, почестей никакихъ не хочу». «Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего мнѣ больше?» «Боже сохрани! Здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ (гдѣ играютъ въ карты): я картъ и въ руки никогда не бралъ: даже не знаю, какъ и играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что нибудь другое, то такое омерзѣніе нападаетъ, что просто плюнешь! Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ всю ночь снились, проклятыя, Богъ съ ними!» «Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но, вѣрите ли, что даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой! Какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно. Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ». «Здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностью заслужить вниманіе начальства». «Ночь не спишь, стараешься для отечества, а награда неизвѣстно еще, когда будетъ». — — О самомъ же начальствѣ, когда Хлестаковъ намекнулъ на необходимость взятки, думаетъ: «Вретъ и не краснѣетъ. О, да съ нимъ нужно ухо востро!» «О, тонкая штука! Экъ, куда метнулъ!» «Славно завязалъ узелокъ. Вретъ, вретъ и нигдѣ не оборвется!» «Какого туману напустилъ! Разбери кто хочетъ». Г. ясно, что въ послѣднее время и въ начальствѣ что-то измѣнилось: «Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы народъ-то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій—какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку—

ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями». Въ Хлестаковѣ его больше всего поражаетъ, что онъ такая «тонкая штука». «А вѣдь какой низенькій, невзрачный, кажется ногтемъ придавилъ бы его [1]). — — Г. увѣренъ, что онъ хорошій христіанинъ: «Я въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви». «Что касается «грѣшковъ», «то это ужъ самимъ Богомъ устроено»: «нѣтъ человѣка безъ какихъ-нибудь грѣховъ». «До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ». «Авось Богъ вынесетъ и теперь». «Дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску». Онъ вѣритъ въ сны: «Какъ будто предчувствовалъ (пріѣздъ ревизора): «мнѣ всю ночь снились какіе-то двѣ необыкновенныя крысы; право, этакихъ я еще никогда не видывалъ; черныя, неестественной величины! Пришли, понюхали и пошли прочь».—Г. упоминаетъ о своихъ трудахъ для «отечества». Онъ возмущается претензіями купцовъ, что «мы де и дворянамъ не уступаемъ. Да дворянинъ... Ахъ ты, рожа! Дворянинъ учился наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное». Жалобщики, по его словамъ, «это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься». «Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ!» — говоритъ онъ о литераторахъ.—«У, щелкоперы, либералы проклятые! Чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ». «Найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ». — — А. А. человѣкъ «простой», по словамъ жены и, повидимому, «наукамъ не учился». — Одинъ учитель, вошедши на каѳедру, «не можетъ обойтись, чтобы не сдѣлать гримасу и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду».—«Конечно,—говоритъ А. А.— если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего; можетъ быть, оно тамъ и и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить». По его мнѣнію, «неизъяснимый законъ судебъ», что «умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси». Кое-что слышалъ о «волтерьянцахъ», умѣетъ говорить «о добродѣтели», о томъ, что въ дорогѣ «съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей, съ другой стороны развлеченье для ума». — — Представленіе о жизни въ Петербургѣ и генеральствѣ у него такое: «Тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такіе, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть». — «Вѣдь почему хочется быть генераломъ?—потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: «лошадей!» И тамъ, на станціяхъ, никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ — стой, городничій! Хе!-хе!-хе! (Заливается и помираетъ со смѣху). «Вотъ что, канальство, заманчиво».—«Я самъ буду вельможа — говоритъ онъ почтмейстеру, — я васъ въ самую Сибирь законопачу!» «Славно быть генераломъ! Кавалерію тебѣ повѣсятъ на плечо».—На дѣлѣ А. А. «очень неглупый по своему человѣкъ», съ здравымъ смысломъ. Когда судья предположилъ, что причина ревизіи—измѣна, А. А. возражаетъ: «Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь». Отвергаетъ предложеніе судьи и Землянини «ѣхать парадомъ въ гостиницу», для встрѣчи ревизора и «впередъ пустить голову, духовенство, купечество», а принимаетъ «по своему разумныя» мѣры. Его самого больше всего поражаетъ, какъ онъ, «человѣкъ умный», который «мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ» «пройдохъ и плутовъ поддѣвалъ на уду» (см. выше), «сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка».—«До сихъ поръ не могу придти въ себя. Вотъ, подлинно, если хочетъ Богъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ». «Вотъ, смотрите, смотрите весь міръ, все христіанство, какъ одураченъ городничій. Дурака ему, дурака, старому подлецу! (грозитъ самъ себѣ кулакомъ). «Ну что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора?» — — Получивъ письмо о ревизорѣ, А. А. былъ очень встревоженъ. «Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ». «Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Его смущаютъ «грѣшки», а особенно «купечество и гражданство». «Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко...» И когда А. А. узнаетъ, будто ревизоръ въ городѣ «двѣ недѣли ужъ!»—«Двѣ недѣли! Батюшки,

---

[1]) Ср. выше о трехъ губернаторахъ и ниже, идеалы городничаго. *Ред.*

сватушки! Выносите, святые угодники!» «Позоръ, поношеніе!» За эти двѣ недѣли «купцы проклятые», вѣроятно, «все разсказали». Унтеръ-офицерская жена высѣчена, непорядки въ городѣ. Г. теряетъ голову, заговаривается: «пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ,—по метлѣ!»; надѣваетъ въ разсѣянности коробку вмѣсто шляпы. — Но «бывали трудные случаи въ жизни: сходили, еще даже и спасибо получалъ».—«О, Господи, Ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!» — думаетъ Г., слыша крикъ «храбрящагося» Хлестакова: отъ страха за свои грѣшки «не можетъ вникнуть въ его слова и относитъ крикъ на счетъ своей вины». Разсказъ Хлестакова, послѣ «бутылки толстобрюшки», окончательно сбиваетъ А. А. съ толку. «Подгулявшій человѣкъ все несетъ наружу, что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь не прилгнувши не говорится никакая рѣчь». Послѣ этого разсказа, обращаясь къ Хлестакову, онъ «трясется всѣмъ тѣломъ и силится выговорить: А ва-ва-ва... ва... А ва-ва-ва... ва... шество и т. д. «Чортъ его знаетъ, что и дѣлается въ головѣ: просто какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить». «У меня право въ головѣ теперь... я и самъ не знаю что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ». — «Да благословитъ васъ Богъ» — говоритъ онъ жениху и невѣстѣ: «а я не виноватъ». Сватовство его запутало окончательно. — — «Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію» у А. А. довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо развитыми склонностями души». Онъ унижается передъ Хлестаковымъ:—«Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не дѣлайте несчастнымъ человѣка!» «По неопытности, ей-Богу, по неопытности... Если и были какія взятки, то самая малость», а чрезъ минуту, давъ взятку, уже говоритъ о наградѣ: «Ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ». Заискиваетъ передъ лакеемъ Хл., Осипомъ, боится, что жена брякнетъ вдругъ ни изъ того, ни изъ другого, словно». «Васъ (т. е. женъ) посѣкутъ, а мужа и поминай какъ звали». Страшится, чтобы не проникли въ домъ «посторонніе», «похожіе на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу», «особенно купцы». Услышавъ, что они проникли и жаловались, бѣжитъ «впопыхахъ» къ Хлестакову и восклицаетъ въ отчаяніи:—«Ваше превосходительство, не погубите, не погубите!» «Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто бы я ее высѣкъ: она вретъ, ей-Богу вретъ. Она сама себя высѣкла». «Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ этакой ребенокъ не повѣритъ». И черезъ нѣсколько времени, когда узналъ о сватовствѣ Хлестакова, заявляетъ уже: «Я самъ буду вельможей», «объяви всѣмъ», говоритъ онъ квартальному, — «всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали! Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество!» «Вотъ дескать, какую честь Богъ послалъ городничему,—что выдаетъ дочь свою не то, чтобы за простого какого-нибудь человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ сдѣлать все, все, все!» — «Что, Анна Андреевна? А? Какія мы съ тобою птицы сдѣлались! а, Анна Андр.? Высокаго полета, чортъ побери». «Да, признаюсь господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ».—«Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій!» «Такъ, жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постойте-ка, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня,—и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые имъ закручивали просьбы». — «Что, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надуватели морскіе! жаловаться! Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...» «Не погуби!.. Теперь не погуби! А прежде что? Я бы васъ... (махнувши рукой). Ну, да Богъ проститъ! Полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? Не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахара... Ну, ступай съ Богомъ».

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ (*«Старосвѣтскіе помѣщики»*).— «Старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе

души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ ѣденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ». Принадлежалъ къ тѣмъ уединеннымъ владѣтелямъ «отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ «старосвѣтскими», и жилъ тою необыкновенно уединенной жизнью, гдѣ ни одно желанье не перелетаетъ за частоколъ». «Высокаго роста старикъ шестидесяти лѣтъ»; «ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ» и «очень любилъ теплоту»; «сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ». «Лицо его» «дышало добротою». «Легкія морщины» на его лицѣ «были расположены съ такою пріятностью, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь» его, «ясную, спокойную». «Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени или порицаніями новаго: онъ, напротивъ, разспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ». А. И. съ женой, «можно сказать, жили для гостей». Гостя «они наперерывъ старались угостить» «всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство». Въ «ихъ услужливости не было никакой приторности». «Это радушіе и готовность» «были слѣдствіе чистой, ясной простоты» «добрыхъ, безхитростныхъ душъ».— —«Въ молодости А. И. служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ А. И. почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. А. И. женился 30 лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ никогда не говорилъ».— —«Очень мало занимался хозяйствомъ, хотя, впрочемъ, ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу». Утромъ, «напившись кофе», прогонялъ гусей съ крыльца и, поговоривъ съ приказчикомъ, «возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: а что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть, пора закусить чего нибудь?» «На столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками». За часъ до обѣда закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ». «По старинному обычаю», очень любилъ «покушать». «За обѣдомъ» А. И. велъ «разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду:— Мнѣ, говорилъ онъ, кажется, какъ будто эта каша немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?» Черезъ часъ послѣ обѣда ему приносили арбузъ: «—Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ серединѣ, говорилъ А. И., принимая порядочный ломоть: бываетъ, что и красный, да нехорошій». А. И. «никогда не имѣлъ дѣтей и оттого вся привязанность» его «сосредоточивалась» на его женѣ. Это были «Филемонъ и Бавкида». «Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы. «Это вы продавили стулъ, А. И.?—Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я». «Развеселившись, А. И. любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановной и поговорить о чемъ нибудь постороннемъ.—«А что, Пульхерія Ивановна, говорилъ онъ, если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?» Иногда, слушая разсказы про политику, вдругъ заявлялъ: «я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу идти на войну?» «Куплю себѣ новое вооруженіе»; «возьму саблю или казацкую пику». Пульхерія Ивановна приходила въ ужасъ отъ этихъ разговоровъ, а «А. И., довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ». А. И. любилъ также подшучивать надъ привязанностью Пульхеріи Ивановны къ ея любимицѣ сѣренькой кошечкѣ: «я не знаю, Пульхерія Ивановна, что вы такого находите въ кошкѣ: на что она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?» Когда Пульхерія Ивановна сообщила А. И. о предчувствіи своей близкой смерти, «А. И. рыдалъ, какъ ребенокъ».—«Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна! говорилъ А. И. Когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами.— —Смертью жены «А. И. былъ совершенно пораженъ», «по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашей и, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка,

онъ тыкалъ въ графинъ». И только при воспоминаніи о Пульхеріи Ивановнѣ «безчувственный старикъ» проявлялъ «долгую», «жаркую печаль». И когда силился онъ выговорить имя покойницы, то «на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и А. И. плакалъ какъ ребенокъ. Это были слезы, которыя текли, не спрашиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца». И когда, однажды, онъ услышалъ зовъ Пульхеріи Ивановны, «онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя.— —«Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны»—вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною».

Бетрищевъ, Александръ Дмитріевичъ (*«Мертвыя Души»).*—Отставной генералъ «величественной наружности», съ картинной, величавой осанкой. «Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ, онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость». При встрѣчѣ съ Б., «Чичиковъ почувствовалъ и то и другое». «Открытый взглядъ, лицо мужественное, бакенбарды и большіе усы съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ гребенку, шея толстая, широкая, такъ называемая въ три этажа (въ три складки съ трещиной поперекъ), голосъ—басъ съ нѣкоторой охрипью, движенья генеральскія».— —«Достоинства и недостатки въ Б. были набросаны въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ: самопожертвованіе, великодушіе, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ, и ко всему этому подмѣсь себялюбья, честолюбія, самолюбья, мелочной щекотливости личной (заявленіе Чичикова объ уваженіи къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ»— «не непонравилось» генералу) и многаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграммахъ». «Всего больше доставалось отъ него его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однако же, обогналъ его, былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое его распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумья». «Несмотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ». «Онъ любилъ первенствовать, любилъ ѳиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ». Генералъ не любилъ противорѣчья и возраженья, хотя въ то же самое время любилъ поговорить даже и о томъ, чего не зналъ вовсе». «Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина». «Хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье; самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ». Б. встрѣтилъ «по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого». «Генералъ жилъ по-генеральски» и любилъ свою дочь «до безумья».— —Заѣхавшаго Чичикова называетъ на «ты».—«Безъ чиновъ, что тутъ?» Тѣнтѣтникова «генералъ принималъ сначала хорошо и радушно», хотя разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ»; когда же къ генералу пріѣхали родственницы, Б. началъ обращаться съ Тѣнтѣтниковымъ, «какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ-то пренебрежительно»: «любезнѣйшій, послушай, братецъ и даже ты». Когда же Тѣнтѣтниковъ высказалъ все, что «внутри его кипѣло», «генералъ смутился». «Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя, нѣсколько несвязно, что слово «ты» было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку ты (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова»), однако съ этихъ поръ о Тѣнтѣтниковѣ «отзывался не весьма благосклонно». На слова Чичикова, что онъ «пріостановился» у Тѣнтѣтникова, «генералъ поморщился, но увѣренія Чичикова «о раскаяніи Тѣнтѣтникова» смягчили генерала. — «Да вѣдь я не сержусь...» Въ душѣ

моей я искренно полюбилъ его (Тѣнтѣтникова) и увѣренъ, что современемъ будетъ преполезный человѣкъ». Узнавъ же, что Тѣнтѣтниковъ пишетъ (сочиненную Чичиковымъ) «исторію о генералахъ», сказалъ:—Такъ что-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ...»—«Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать». Дочери заявилъ: — Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года. — — Улинька не понимаетъ, «какъ съ добрѣйшей душей, какая» у Б., «и такимъ рѣдкимъ сердцемъ» онъ можетъ принимать «и полюбить» «человѣка» (Вишнепокромова), который, самъ Б. знаетъ, «что дуренъ».—«Душа, моя, вѣдь мнѣ жъ не прогнать его?» отвѣчаетъ Б. «Передъ своими родственницами «отсталыми фрейлинами прежняго двора, удержавшими кое-какія связи», генералъ «немножко подличалъ». — У него (Вишнепокромова) не только что рыло все, весь, весь зажилъ въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренія... Ха, ха, ха, ха!.. — Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще, каналья, наградъ проситъ! Нельзя, говоритъ, безъ поощренья, трудился... Ха, ха, ха, ха!.. — Любятъ, любятъ точно поощренье. —Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренья такъ и красть не станетъ! Ха, ха, ха!..» Слушая разсказъ Чичикова «о дряхломъ старикашкѣ дядѣ» и просьбу о мертвыхъ душахъ (необходимыхъ Чичикову для представленія старику, чтобы тотъ отдалъ наслѣдство племяннику), «генералъ разразился такимъ хохотомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресло. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся». — «Дядя-то, дядя! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха! Мертвецовъ вмѣсто живыхъ получитъ! Ха, ха! — Этотъ дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ?» — «Дуракъ, ваше превосходительство». — Однако-жъ выѣзжаетъ? бываетъ въ обществахъ? держится еще на ногахъ? — «Держится, но съ трудомъ». — Экой дуракъ! Но крѣпокъ, однако-жъ? Есть еще зубы? — «Два зуба всего, ваше превосходительство». — Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... Хоть тебѣ и дядя, а вѣдь онъ оселъ. — — На просьбу Чичикова о мертвыхъ душахъ отвѣчаетъ: — Да за такую выдумку (исторію о дядѣ) я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха, ха!»

Бобчинскій, Петръ Ивановичъ (*«Ревизоръ»*). — «Житель здѣшняго города». «Низенькій, коротенькій, съ небольшимъ брюшкомъ», «ниже Добчинскаго», но «чрезвычайно похожъ» на него, «только немножко развязнѣе и живѣе». «Говоритъ скороговоркой и чрезвычайно много помогаетъ жестами и руками». При разсказѣ постоянно отвлекается къ ненужнымъ подробностямъ: — «Я говорю Петру Ивановичу»: «здѣсь что-нибудь не спроста-съ». Да. А Петръ Ивановичъ ужъ мигнулъ и пальцемъ подозвалъ трактирщика-съ,—трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила и такой пребойкій мальчикъ,—будетъ, такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ».— —«Очень любопытенъ». Когда городничій (Сквозникъ-Дмухановскій), отправляясь къ Хлестакову, не взялъ съ собою на дрожки Б., «за неимѣніемъ мѣста», а взялъ Добчинскаго, «помѣщика», говоритъ: — «ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-то, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки». Прибѣжавъ, онъ нѣсколько разъ выглядываетъ изъ-за двери и наконецъ такъ налегаетъ на нее, что обрушивается вмѣстѣ съ нею въ комнату.— —Б. знаетъ всѣ новости о трактирщикѣ Власѣ, знаетъ, въ какомъ номерѣ «подрались въ прошломъ году проѣзжіе офицеры», знаетъ, что «у Петра Ивановича зубъ со свистомъ», а въ его «карманѣ съ правой стороны прорѣха». Услышавъ у городничаго о полученіи письма и объ ожидаемомъ пріѣздѣ ревизора, Б. «тогда же забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную новость». Идя отъ Ивана Кузьмича, онъ встрѣтилъ Добчинскаго, который «уже зналъ новость», и вмѣстѣ пошли къ Почечуеву, но по дорогѣ завернули въ трактиръ поѣсть семги. Разузнавъ о Хлестаковѣ, Б. и Добчинскій бѣгутъ къ городничему. Б. вбѣгаетъ, запыхавшись, съ восклицаніемъ:— «Чрезвычайное происшествіе!»—Горитъ нетерпѣніемъ разсказать все самъ; и боится,

что его предупредитъ Добчинскій.—«Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобы Петръ Ивановичъ не мѣшалъ...»—«Я тогда же забѣжалъ... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ, я уже все, все, все знаю-съ!» «Ужъ вы, П. И.... энтого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте». Послѣ разсказа трактирщика, когда Добчинскій произнесъ многозначительно: «Э!», Б. хотѣлъ было присвоить себѣ честь произнесенія этого слова:—«Э, говорю я Петру Ивановичу!» (Добчинскій, вмѣшиваясь: «нѣтъ, П. И., это я сказалъ «э!»). — «Сначала вы сказали, а потомъ я сказалъ. «Э!» сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ». Когда же выяснилось, что Хлестаковъ не ревизоръ, и всѣ обрушились на Б. и Добчинскаго, Б. сталъ сваливать вину на Добчинскаго.—«Ей-Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ». (Добчинскій: Э, нѣтъ, П. И., вы вѣдь первые того... Б.: А вотъ и нѣтъ, первые-то были вы...)——«Сплетники городскіе, лгуны проклятые!» «Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя. Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя» — характеризовалъ ихъ городничій. — —Догадку о томъ, что Хлестаковъ ревизоръ, Б. построилъ на такихъ данныхъ: Хл. «недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь (вертитъ рукой около лба) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: — «Здѣсь что-нибудь не спроста-съ». Трактирщикъ разсказалъ, что Хл. «ѣдетъ въ Саратовскую губернію и престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить». «Какъ сказалъ онъ мнѣ это»,—говоритъ Б.,—«а меня тутъ вотъ свыше и вразумило.—«Э!» говорю я Петру Ивановичу...» «— А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?» «— Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ». «Онъ, ей-Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ив. ѣли семгу... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ, меня такъ и проняло страхомъ». Вслушавшись въ разсказъ Хлестакова, Б. говоритъ Добчинскому: «Справедливо, все справедливо, П. И.! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился».—«Вотъ это, П. И., человѣкъ-то. Вотъ оно, что̀ значитъ человѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху... Я такъ и думаю, генералъ-то ему и въ подметки не станетъ: а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали, государственный-то совѣтъ какъ прижалъ?» Единственная просьба Б. къ Хлестакову была такая:—«Я прошу васъ покорнѣйше, когда поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ разнымъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій... Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ молъ, Ваше Императорское Величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій».

Добчинскій, Петръ Ивановичъ (*«Ревизоръ»*).—Помѣщикъ. «Деньги держитъ въ... Приказѣ Общественнаго Призрѣнія». Д. «чрезвычайно похожъ на Бобчинскаго». «Съ небольшимъ брюшкомъ», «немножко выше Бобчинскаго»; «коротенькій», «немножко серьезнѣе Бобчинскаго», «менѣе развязенъ и живъ». «Говоритъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаетъ жестами и руками». Кумъ жены городничаго, крестившей у него «Ваничку и Лизочку». Женатъ; имѣетъ сына, рожденнаго до брака. «—И все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ. Жаль способностей. Мальчишка-то этакой... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ». По словамъ Земляники, «какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то судья тамъ уже и сидитъ, у жены его. И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Д., но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья».— —«Очень любопытенъ». «—Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь посмотрѣть, какъ тамъ онъ (Хлестаковъ) обозрѣваетъ». О письмѣ къ городничему узнаетъ отъ «ключницы» послѣдняго, Авдотьи. Отъ нея же узнаетъ, что она «послана къ Почечуеву за боченкомъ французской водки». Д. извѣстно, что «въ трактиръ

привезли теперь свѣжей семги». Увидѣвъ въ трактирѣ Хлестакова, Д. первый начинаетъ спрашивать о немъ трактирщика; разузнаетъ, что Хлестаковъ «пріѣхалъ на Василья Египтянина», живетъ «въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей» и т. д. (см. Бобчинскій). Вмѣстѣ съ Б. вбѣгаетъ, запыхавшись, къ городничему съ восклицаніемъ: «—Неожиданное извѣстіе!» И каждый изъ нихъ наперерывъ начинаетъ разсказывать. Когда разсказомъ овладѣлъ Бобчинскій, Д. не можетъ стерпѣть, чтобы не вмѣшаться, особенно когда дѣло доходитъ до такого интереснаго пункта, какъ описаніе Хлестакова: «Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ», — перебиваетъ онъ. Добавляетъ подробности, въ родѣ того, какъ они встрѣтились съ Б. «у будки, гдѣ продаются пироги», а «Авдотья послана была за боченкомъ французской водки». Въ доказательство, что Х. ревизоръ, Д. приводитъ такія соображенія: «—Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ». Вступаетъ въ пререканія съ Бобчинскимъ, отстаивая, что именно онъ, Д., первый сказалъ «Э!», выслушавъ свѣдѣнія о Хлестаковѣ отъ трактирщика. «Я это (что Хл. ревизоръ) первый открылъ съ Петромъ Ивановичемъ». Когда послѣ отъѣзда Хлестакова ошибка обнаруживается, Д. сваливаетъ вину на Бобчинскаго. «—Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...»— —«Сплетники городскіе!» «Только рыскаете по городу да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя. Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя»,—характеризуетъ его и Бобчинскаго городничій. «Ты обращаешься съ нимъ (Хлестаковымъ) такъ свободно, какъ съ какимъ-нибудь Добчинскимъ»—говоритъ городничій женѣ.

Жевакинъ 2-й, Балтазаръ Балтазаровичъ *(«Женитьба»)*.—Лейтенантъ въ отставкѣ. Въ семнадцатый разъ выступаетъ въ качествѣ жениха. «Немножко туговатъ на ухо». По отзыву свахи Ѳеклы, у него «все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный», но «на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ—никакой мебели». Тридцать слишкомъ лѣтъ носитъ одинъ и тотъ же мундиръ, заявляя при первомъ же знакомствѣ:—«Суконцо-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ—сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ: ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти что новый». О самомъ себѣ Ж. самаго лучшаго мнѣнія: «Все, слава Богу, натура не обидѣла...» «Вы не глядите на то, (говоритъ онъ невѣстѣ, указывая на свою голову), что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ выростутъ...»—«точно кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ»:—«Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...» говоритъ о Ж. Кочкаревъ. Разсказывая о своемъ 34-дневномъ пребываніи въ Сициліи, удивляется, что за все это время онъ не слыхалъ ни одного русскаго слова. Итальянцы, по его мнѣнію, всѣ изъясняются на французскомъ языкѣ: «Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: «Дай, братецъ, хлѣба»—не пойметъ, ей-Богу не пойметъ; а скажи по-французски: «Dateci del pane» или «portate vino!»—пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ». Что касается итальянскихъ мужиковъ, то Ж. не замѣтилъ, пашутъ они или нѣтъ; «а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... Натурально, сидитъ этакая итальяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!... Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь бывало этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ—знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій,—наши матросы въ три дня какихъ нибудь стали совершенно понимать другъ друга...»— —«Этотъ дуракъ влюбился»...—говоритъ о Ж. Кочкаревъ. Агафья Тихоновна, «розанчикъ этакой», понравилась Ж. «потому, что полная женщина. Я

большой аматеръ со стороны женской полноты», признается онъ. На заявленіе, что у невѣсты нѣтъ приданаго, Ж. отвѣчаетъ: «На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а впрочемъ съ этакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка, этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая нибудь въ родѣ этакой перегородки...» Предлагаетъ Кочкареву «атестатъ, или послужной списокъ». «Можетъ быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту». Когда Кочкаревъ обзываетъ его «дуракомъ набитымъ», «пьяницей» и «мерзавцемъ», Ж. вмѣшивается въ разговоръ: «Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить—другое дѣло; а чтобы этакимъ образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого нибудь другого, а ужъ я слуга покорный». «Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ!»—разсуждаетъ Ж.—«Вы, сударыня, не вѣрьте!...»——Отказъ невѣсты приводитъ его въ окончательное недоумѣніе: «И чего же ей, однакожъ, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, этакъ... съ какой стати... Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей-Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло. . Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль».

Земляника, Артемій Филипповичъ *(«Ревизоръ»)*.—«Попечитель богоугодныхъ заведеній», «надворный совѣтникъ». «Очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ»; «очень услужливъ и суетливъ». «Пройдоха и плутъ». Въ богоугодныхъ заведеніяхъ больные, «по словамъ городничаго», «какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему», «похожи на кузнецовъ», такъ грязны ихъ колпаки. Больные «курятъ такой крѣпкій табакъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь». Имъ «велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ», заявляетъ самъ А. Ф.—«Надъ кроватью больныхъ нѣтъ надписей». — Насчетъ лѣченія З. съ Христіанъ Ивановичемъ «взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше;—лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ». — —Услышавъ о пріѣздѣ ревизора, А. Ф. предлагаетъ «ѣхать парадомъ въ гостиницу».—Когда чиновники собрались для представленія, А. Ф. первый заявляетъ, что, «нужно бы кое что предпринять». «Извѣстно что». «Ну, да хоть и подсунуть». Когда зашла рѣчь, какъ это сдѣлать, А. Ф., отвергнувъ непрактичные планы судьи, говоритъ»:—«Слушайте, эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ... Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ, чтобы и уши, не слыхали. Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается» (Съ этимъ всѣ безпрекословно соглашаются).— —Угощаетъ Хлесткова при осмотрѣ богоугодныхъ заведеній «очень хорошимъ завтракомъ».—Во время представленія, на замѣчаніе Хлестакова: «Скажите пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто вы вчера были немножко ниже ростомъ», отвѣчаетъ: — «очень можетъ быть». Пользуется случаемъ наябедничать на товарищей. «Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ... Судья...—конечно для пользы отечества я долженъ это сказать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель,—поведенія самаго предосудительнаго... Смотритель здѣшняго училища хуже чѣмъ якобинецъ и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно». О себѣ З. говоритъ: — «могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу». «Съ тѣхъ поръ какъ я принялъ начальство, можетъ быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ, всѣ какъ мухи выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ: и не столько медикаментами, сколько честностью и порядками». На городничаго однако не доноситъ Хлестакову. «Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье»,— думаетъ онъ, поздравляя вслухъ городничаго: «—Я душевно обрадовался, когда услышалъ»; «не судьба, батюшка,—судьба индѣйка: заслуги привели къ тому!»—«Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ!—Далъ же Богъ такой даръ»—думаетъ А. Ф., когда слышитъ, какъ городничій расписываетъ свои добродѣтели Хлестакову. Услышавъ, что городничій «хочетъ быть генераломъ», разсуждаетъ про себя: «Чего добраго, можетъ и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ

бы его, довольно». — У судьи, по мнѣнію А. Ф-ча», что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ» (такъ А. Ф. говоритъ, впрочемъ, самому судьѣ, упрашивая его представляться первымъ). Берется читать письмо Хлестакова, но сейчасъ же наталкивается на отзывъ о себѣ: «Надзиратель надъ богоугодными заведе... и... и... (заикается)». «Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй» «(не даетъ письма)» нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво». «Прочитать я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво». Наконецъ вынужденъ отдать письмо: «Вотъ позвольте... (закрываетъ пальцами), вотъ отсюда читайте».— —Отзывъ Хлестакова о З. таковъ: «Надзиратель надъ богоугодными заведеніями Земляника — настоящая свинья въ ермолкѣ».—«И неостроумно... Гдѣ-жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?» — задаетъ вопросъ Земляника.

Иванъ Ивановичъ Перерепенко (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—Дворянинъ миргородскаго повѣта и помѣщикъ, «поставляетъ муку городовому магазину». Полнъ чувствомъ своего «дворянскаго достоинства», хотя еще блаженной памяти родитель «Ив. Ив. состоялъ въ духовномъ званіи.—«Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе, и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?» задаетъ Ив. Ив. вопросъ Ив. Никифоровичу. «За униженіе и конфузію чина и фамиліи» жалуется на своего «закадычнаго пріятеля повѣтовому суду». — «Развѣ это не вредъ, говоритъ» Ив. Ив., въ присутствіи «почтеннаго дворянства» въ домѣ городничаго,—когда вы, милостивый государь (Иванъ Никиф.), оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать (гусакъ).— —По словамъ городничаго, «всему свѣту извѣстно, что Ив. Ив. «человѣкъ ученый», знаетъ науки и прочіе разные предметы». «Человѣкъ извѣстный ученостью», по выраженію Ивана Никифоровича.— —«Худощавъ и высокаго роста». «Голова Ив. Ив. похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ». «Глаза большіе, выразительные», табачнаго цвѣта», «ротъ нѣсколько похожъ на букву ижицу». Бездѣтный вдовецъ, но съ каждымъ годомъ «у И. И. бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде (откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ»). «Дѣтямъ Гапки» «И. И. всегда даетъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу», но когда однажды «подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашенкѣ и закричалъ: «Тятя, тятя! дай пряника!» то онъ ему такъ страшно пригрозилъ и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ, Богъ знаетъ куда». «Гапка у него носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ; отъ большого же сундука, что стоитъ въ его спальнѣ, и отъ средней коморы ключъ И. И. держитъ у себя и не любитъ никого туда пускать». — — «Прекрасный человѣкъ». Протопопъ Петръ говоритъ, «что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ умѣлъ исполнять долгъ христіанскій и умѣлъ такъ жить, какъ Ив. Ив.». «Каждый воскресный день надѣваетъ «штаметовую» «бекешу» со смушками «сизыми съ морозомъ» и «идетъ въ церковь», гдѣ «обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ». — —Всегда доволенъ собой и своимъ хозяйствомъ. «Оглядывая свое имѣнье, онъ думалъ про себя: «Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего жъ еще нѣтъ у меня? Хотѣлъ бы я знать, чего у меня нѣтъ!» «Очень не любитъ блохъ, и оттого ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ жида съ товарами, чтобы не купить у него элексира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру». «Очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя—и тарелку кинетъ, и хозяину достанется».—«Любитъ, очень любитъ дыни». «Борщъ съ голубями» и, въ особенности, дыни это любимыя кушанья И. И. «Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернильницу и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: «Сія дыня съѣдена такого-то числа». Если при этомъ былъ какой нибудь гость, то: «участвовалъ такой-то». Утромъ въ хлопотахъ: успѣетъ побывать и «за городомъ», и «на хуторѣ», и зайти къ пріятелю «выпить рюмку водки»; возвращаясь домой,

«прежде всего зайдетъ въ конюшню посмотрѣть, ѣстъ ли кобылка сѣно»; «потомъ покормитъ индѣекъ и поросятъ изъ своихъ рукъ и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ или дѣлаетъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря, умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія, Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ, потому что дѣвка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ». Вечеромъ «идетъ куда-нибудь, или къ городовому магазину, или въ поле ловить перепеловъ». «Любитъ «позабавиться съ ружьецомъ». Увидя ружье Ивана Никифоровича, «началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его вмѣстѣ со шпагою провѣтривать». Ив. Ив. такъ «понравилась эта вещица», что онъ просилъ Ивана Никифоровича отдать ему ружье». «Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему кто-нибудь сдѣлаетъ подарокъ, или гостинецъ. Это ему очень нравится». «Не видя «дружественнаго расположенія» со стороны Ивана Никифоровича, заявляетъ: «— Коли не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся» и предлагаетъ «бурую свинью, что самъ откормилъ въ сажу». «— Славная свинья. Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ». Когда же Иванъ Никифоровичъ обидѣлся за сравненіе ружья со свиньей, замѣтилъ: «Садитесь, садитесь! Не буду уже... Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ коморѣ,—не хочу больше говорить о немъ». И затѣмъ предлагаетъ, «кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса». Когда же Иванъ Никифоровичъ отклонилъ и это предложеніе, разсердился и сказалъ съ досадой: «— Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ со своимъ ружьемъ, какъ дурень съ писанною торбою». — — «И. И. имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь—и голову повѣсишь. Пріятно! Чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья». Въ особенности «необыкновенно живописно говорилъ», когда «душа его была потрясена», или «когда нужно было убѣждать кого». Говорить съ Ив. Ив. нужно, по выраженію Ивана Никифоровича, «гороху наѣвшись». «И. И. любилъ быть особенно приличнымъ» «передъ дамами». Онъ «чрезвычайно тонкій человѣкъ и въ порядочномъ обществѣ не скажетъ неприличнаго слова, и тотчасъ обидится, если услышитъ его». И. И., если кого потчивалъ табакомъ, «то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, поднесши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы: «—Смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?» если же незнакомы, то: «Смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?» Когда Иванъ Никифоровичъ «не обережется» и скажетъ лишнее, Ив. Ив. встанетъ съ мѣста и говоритъ: «— Довольно, довольно Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говорить такія богопротивныя слова». Даже, когда баба, которую Ив. Ив. хотѣлъ-было спросить о чемъ-то, «сдѣлала непристойность», Ив. Ив., какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, плюнулъ и промолвилъ только: «Экая скверная баба! хуже своего пана!» «Онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ», «поддержать свое достоинство». Когда судья спросилъ пришедшаго И. И.: «Чѣмъ прикажете подчивать васъ, Иванъ Ивановичъ?—не прикажете ли чашку чаю?» «— Нѣтъ, весьма благодарю», отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ». «Сдѣлайте милость, одну чашечку!» повторилъ судья. «— Нѣтъ, весьма доволенъ гостепріимствомъ!» отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ. «Одну чашечку!» повторилъ судья. «— Нѣтъ, не безпокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ!» При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ. «Чашечку?» «— Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку!» произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу...» «Не прикажете ли еще чашечку?» «— Покорно благодарствую», отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь. «Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ!» «— Не могу; весьма благодаренъ». При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ. «Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте дружбу, одну чашечку!» «— Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе». Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ. «Только чашечку! Одну чашечку!» — Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку».— —«Почтенный», «уважаемый человѣкъ». «Честь и украшеніе Миргорода». «Въ завѣтномъ сундукѣ» хранитъ «старые, дѣдовскіе карбованцы». Судья въ присут-

ствіи «самъ подаетъ стулъ Ив. Ив.», городничій зоветъ его «любезнымъ другомъ и благодѣтелемъ» и «не смѣетъ съ нимъ спорить». Строитъ крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры, и вовсе не считаетъ себя виновнымъ въ томъ, что его «бурая свинья» прогуливается по улицамъ и таскаетъ «казенныя бумаги». На доводы городничаго отвѣчаетъ: «— А я чѣмъ виноватъ? Зачѣмъ судейскій сторожъ отворяетъ двери?» «Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное: стало-быть, вы виноваты». «— Покорно благодарю васъ за то, что съ свиньею меня равняете». И укоряетъ городничаго: «— Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей нужно». На заявленіе городничаго: «Воля ваша, а животное, прежде произнесенія приговора къ наказанію, должно быть представлено въ полицію, какъ нарушитель порядка», возражаетъ: «— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, этого-то не будетъ!» «Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписаніямъ начальства». «— Что жъ вы стращаете меня? Вѣрно, хотите прислать за нею безрукаго солдата? Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить; ему послѣднюю руку переломятъ».—«Ив. Ив. зналъ очень хорошо самъ свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ, какъ на должное».— — «Характера Ив. Ив. нѣсколько боязливаго». Въ отвѣтъ на обидныя слова Ивана Никифоровича, пригрозилъ «уничтожить» всѣхъ «вмѣстѣ съ вашимъ глупымъ паномъ, но, «выставивъ кукишъ», хлопнулъ за собою дверью» и «не оглядывался и летѣлъ со двора». Въ отместку за оскорбленіе, полученное отъ Ив. Никифоровича, подпилилъ столбы гусинаго хлѣва сосѣда. Когда же «шаткое зданіе» рухнуло съ трескомъ, Ив. Ив. «въ страшномъ испугѣ прибѣжалъ домой» и бросился на кровать, не имѣя даже духу поглядѣть въ окно на слѣдствіе своего страшнаго дѣла». «Весь слѣдующій день провелъ Ив. Ив. какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненавистный сосѣдъ въ отмщеніе за это, по крайней мѣрѣ, подожжетъ домъ его, и потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ поминутно осматривать вездѣ, не подложено ли гдѣ-нибудь сухой соломы. Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ миргородскій повѣтовый судъ». Когда городничій пришелъ къ нему «по важному дѣлу», «трепеталъ какъ въ лихорадкѣ». — — Ив. Ив. чрезвычайно любопытенъ». «Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему разсказывать, да не доскажешь». При посѣщеніи его городничимъ, «ему бы очень хотѣлось спросить, что такое намѣренъ объявить городничій; но тонкое познаніе свѣта представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Ив. Ив. долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между тѣмъ какъ сердце его билось съ необыкновенною силою». Когда «городничій пришелъ къ нему по одному важному дѣлу», Ив. Ив. не замедлилъ, по обыкновенію своему, сдѣлать вопросъ: «Какое же оно, важное? развѣ оно важное?». Когда Иванъ Никифоровичъ, котораго съ Ив. Ив. «самъ чортъ связалъ веревочкой,» «въ противность всѣхъ приличій», назвалъ его «гусакомъ», И. И. «возвысилъ голосъ: «Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе, и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?» Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы* и сдѣлался похожимъ на О; глазами онъ такъ мигалъ, что дѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно было для этого его сильно разсердить. — «Такъ я жъ вамъ объявляю», произнесъ Иванъ Ивановичъ: «что я васъ знать не хочу». Когда же Ив. Никиф. «выстроилъ», гдѣ обыкновенно былъ перелазъ чрезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе,» это возбудило въ Ив. Ив. злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ, однако-жъ, никакого вида огорченія, несмотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли; но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе». Въ прошеніи въ судъ не упоминаетъ ни объ угрозахъ Ив. Никиф. «вывести его (Ив. Ив.) за двери», ни объ обѣщаніи при случаѣ «всю морду побить». Обвиняетъ «заклятаго врага» Ивана Никифоровича паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи своей названія «гусака», «тогда какъ извѣстно всему миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же дворянскаго моего происхожденія есть то, что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви Трехъ Святителей, записанъ какъ день моего

рожденія, такъ равномѣрно и полученное мною крещеніе». «Гусакъ» же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько - нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ, ибо «гусакъ» есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже не бывшему въ семинаріи, достовѣрно извѣстно». «Я не могу смотрѣть на него: онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, оскорбилъ честь мою», говорилъ Ив. Ив. — — И. И. «образецъ кротости. «Природная доброта» побуждаетъ И. И заниматься «скучнымъ дѣломъ». По окончаніи церковной службы «И. И. «никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ». — «Здорово, небого!» обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ. — «Откуда ты, бѣдная?» «Я, паночку, изъ хутора пришла: третій день, какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственныя дѣти». — «Бѣдная головушка! чего-жъ ты пришла сюда?» — «А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ».—«Гм! что-жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?» обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.—«Какъ не хотѣть! Голодна, какъ собака».—Гм!» отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ. Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?» «Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна».—«Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?» «Гдѣ ужъ голодному разбирать? Все, что пожалуете, все хорошо». При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку.—Ну, ступай же съ Богомъ», говорилъ Иванъ Ивановичъ. «Чего-жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью?» И, обратившись съ такими разспросами къ другому, къ третьему, наконецъ, возвращается домой или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему». Обида, нанесенная Ив. Ив. Иваномъ Никифоровичемъ, привела его въ «сильное волненіе». Онъ не могъ взяться «ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій». Но скоро одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами». Хотѣлъ было идти къ Ивану Никифоровичу, уже «Ив. Ив. взялъ палку и шапку, и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору, плюнулъ и возвратился назадъ». «Однако-жъ Ив. Ив. сдѣлалось очень скучно». Даже тогда, когда вмѣшалась въ дѣло «проклятая баба» «и сдѣлала то, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Ив. Ив., когда Иванъ Никифоровичъ съ дьявольской быстротой выстроилъ насупротивъ крыльца Ив. Ив. гусиный хлѣвъ, «куда всякій человѣкъ не пойдетъ «для приличнаго дѣла», Ив. Ив. не показалъ, однако-жъ, никакого вида огорченія», «несмотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли, но сердце у него такъ билось, что ему было трудно чрезвычайно сохранять наружное спокойствіе». На увѣщеванія примириться отвѣчаетъ рѣшительно:—«Какъ! съ невѣжею! Чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ!» И «началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь». И «напрямикъ объявилъ» всѣмъ, что мириться не хочетъ, и даже разсердился». На «асамблеѣ у городничаго, когда гости «обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не рѣшились подать другъ другу руки», Ив. Ив. заявилъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича:— «Не повиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ». «Клянусь и передъ Богомъ, и передъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу.. За что же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?» «Давишняя вражда готова была погаснуть», но Иванъ Никифоровичъ снова повторилъ «поносное слово»: «гусакъ», и Ив. Ив. пришелъ въ такой гнѣвъ», что было «все кончено».

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ (*«Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ»).*— «Дворянинъ миргородскаго повѣта». «Очень хорошій, достойный человѣкъ». «Никогда не былъ женатъ. Хотя поговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь»: онъ самъ «даже и намѣренія не имѣлъ жениться». И. Н. «распространяется въ толщину». Въ дверяхъ суда И. Н. «завязнулъ», и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ или назадъ; «передняя половина И. Н. высадилась въ присутствіе», «остальная оставалась еще въ передней»; тогда «одинъ изъ канцелярскихъ» «приблизился къ передней половинѣ Ив. Ник., сложилъ ему обѣ руки на крестъ какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ив. Ник., и, несмотря на жалобные стоны, онъ былъ вытиснутъ въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей». Ходилъ «Ив. Ник. въ нанковомъ желто-коричне-

вомъ казакинѣ»; его «шаровары были въ такихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ». «Голова Ив. Ник. похожа на рѣдьку хвостомъ вверхъ». «Глаза у него маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы». «Бреетъ бороду одинъ разъ въ недѣлю». «Ходятъ сплетни», «что И. Н. родился съ хвостомъ назади», «но это только сплетни». — —«Назадъ тому лѣтъ двадцать» «готовился было вступить въ милицію и отпустилъ было уже усы», и «купилъ у турчина ружье дорогое», хотя «самъ, какъ всѣмъ извѣстно, ни одной «качки не убилъ». — «Натура такъ уже Господомъ Богомъ устроена»—заявлялъ Ив. Ник., но гордился своимъ ружьемъ («ружье дорогое», «такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ».—«Это вещь дорогая, необходимая!» прибавлялъ онъ).— «А когда нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая! Слава Тебѣ, Господи! Теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А отчего?—оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье». «Ружье—вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...» На замѣчаніе Ив. Ив., что у ружья «замокъ испорченъ», Ив. Ник. отвѣчаетъ: «Что-жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать конопляннымъ масломъ, чтобы не ржавѣлъ». И онъ, по выраженію Ив. Ив., «носился съ ружьемъ», «какъ дурень съ писаной торбой»; на просьбу Ив. Ив. промѣнять ружье на два мѣшка овса и на бурую свинью разсердился, хотя они «такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ»; ихъ «самъ чортъ связалъ веревочкой: куда одинъ, туда и другой плетется». Каждый день посылаютъ другъ къ другу узнать о здоровьѣ, и часто переговариваются съ своихъ балконовъ, и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо». Ив. Ник. всегда показываетъ Ив. Ив. «трогательные знаки дружбы, и гдѣ бы не стоялъ далеко, всегда протянетъ къ Ив. Ив. руку съ рожкомъ, промолвивши: «одолжайтесь».— —«Если не слишкомъ жаркій день, то Ив. Ник. лежитъ весь день на крыльцѣ, обыкновенно выставивъ спину на солнце,—и никуда не хочетъ итти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство и опять на покой». Спасаясь отъ жары, И. Н. лежалъ въ «совершенно темной» комнатѣ на «разостланномъ на полу коврѣ», «безо всего, даже безъ рубашки». Когда же къ нему входилъ его пріятель Ив. Ив., то Ив. Ник. говорилъ: «Извините, что я передъ вами въ натурѣ».— — «Какъ же это вы говорите, Ив. Ив., что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что-жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками,—я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали! пусть себѣ играютъ!» «Чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ». «Очень не любитъ блохъ», и оттого никакъ не пропуститъ жида съ товарами, чтобы не купить у него эликсира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ», «выбранивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру».— —«По виду Ив. Ник. чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажетъ». Иногда въ хорошемъ настроеніи «И. Н. цѣловался со всякимъ и говорилъ:» «очень одолженъ». Подчивалъ табакомъ и, давая «прямо въ руки рожокъ свой», прибавлялъ только: «одолжайтесь». «Больше молчитъ; но за то, если влѣпитъ словцо, то держись только: отбреетъ, лучше всякой бритвы».—«Человѣкъ извѣстный своею ученостью, а говоритъ, какъ недоросль ..» «Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались?» «Поцѣлуйтесь со своей свиньей, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!» «Иногда не обережется» «и помянетъ чорта» и прочія «богопротивныя слова», «спохватится, но уже поздно». «Послѣ разговора съ нимъ, по словамъ И. И., «нужно лицо, и руки умыть, и самому окуриться». Только одна Агафья Федосѣевна «брала въ спорахъ» съ И. Ник. «верхъ» и ее онъ слушался какъ ребенокъ».— «—Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей», спрашиваетъ И. Н. Въ жалобѣ на Ив. Ив., писанной отъ имени И. Н., говорилось: «оный, часто поминаемый, неистовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ Ивановъ, сынъ Перерепенко, и происхожденія весьма поноснаго: его сестра была извѣстная

всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею, назадъ тому пять лѣтъ, въ Миргородѣ, а мужа своего записала въ крестьяне; отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и, подъ видомъ благочестія, дѣлаетъ самыя соблазнительныя дѣла: постовъ не содержитъ, ибо наканунѣ Филипповки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи». Но И. Н. «весьма не прочь отъ примиренія съ онымъ мошенникомъ и подлецомъ». «—Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ?» сказалъ И. Н. и «полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать: «одолжайтесь».—«Позвольте вамъ сказать по-дружески, Иванъ Ивановичъ» (при этомъ И. Н. дотронулся пальцемъ до пуговицы И. И., что означало совершенное его расположеніе): «вы обидѣлись, чортъ знаетъ за что такое: за то, что я васъ назвалъ *гусакомъ...*» «И. Н. спохватился, что сдѣлалъ неосторожность», «но уже было поздно: слово было произнесено».

Копѣйкинъ[1]) (*«Мертвыя Души»).*—Капитанъ. «Человѣкъ на деревяжкѣ и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру». Во время кампаніи двѣнадцатаго года «проливалъ кровь» и «подъ Краснымъ или подъ Лейпцигомъ ему оторвало руку и ногу». «Работать не можетъ», а «на счетъ раненыхъ никакихъ «этакихъ распоряженій» тогда не сдѣлано было». «Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: «Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я самъ едва достаю хлѣбъ».— —«Копѣйкинъ рѣшился отправиться въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: «что вотъ-де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь». «Съ обозами или фурами казенными» «дотащился онъ кое-какъ до Петербурга». «Весь ассигнаціонный банкъ» К. состоялъ «изъ какихъ-нибудь десяти синюхъ». «Пріютился сначала въ трактирѣ, за рубль въ сутки», а потомъ пришлось и совсѣмъ голодать: «въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку, или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша». «А между тѣмъ у него изъ синюхъ-то и «остается только одна въ карманѣ». «Разспросилъ, куда обратиться», всталъ «поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цирюльнику—это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ; натащилъ мундиришка и отправился къ самому начальнику», «въ нѣкоторомъ родѣ высшей комиссіи». «Прижался» «въ уголку», «настоялся» «вдоволь», а «въ пріемной ужъ народу, какъ бобовъ на тарелкѣ». Когда вышелъ министръ, собрался съ духомъ и заявилъ: «—Такъ и такъ, ваше превосходительство: проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить монаршей милости». Послѣ словъ министра «хорошо, понавѣдайтесь на дняхъ», К. изъ пріемной вышелъ «чуть не въ восторгѣ»: «удостоился аудіенціи» «съ первостатейнымъ вельможей» и двинулъ дѣло «на счетъ пенсіона». На радостяхъ было «кутнулъ», побѣжалъ даже «на своей деревяжкѣ» слѣдомъ «за стройной англичанкой», да подумалъ: «пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужъ я что-то расходился слишкомъ». Онъ думалъ, что «завтра такъ ему и выдадутъ деньги». Но насчетъ пенсіона К. такъ и остался «въ положеніи самомъ неопредѣленномъ». Вельможа тотчасъ «его узналъ», однако «на этотъ разъ ничего не могъ сказать болѣе», «какъ только то», что «нужно будетъ ожидать пріѣзда государя; тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли» вельможа ничего не можетъ «сдѣлать». Копѣйкинъ «совой такой вышелъ съ крыльца» вельможи, «какъ пудель», «котораго поваръ облилъ водой: и хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ». «Ну, нѣтъ», думаетъ себѣ: «пойду въ другой разъ, объясню, что послѣдній кусокъ доѣдаю—не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода». Приходитъ онъ «опять на Дворцовую набережную, говорятъ: «Нельзя, не принимаетъ, приходите завтра». На другой день—тоже; а швейцаръ на него, просто, и смотрѣть не хочетъ». И «ему подносятъ все одно и тоже блюдо: «завтра». — — «Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, не-

[1]) По редакціи, зачеркнутой цензоромъ. См. ниже «Перечень»—«Мертвыя Души».

Ред.

втерпежъ, рѣшился во что бы то ни стало пролѣзть штурмомъ». «Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то капитаномъ, и, проскользнулъ съ своей деревяжкой въ пріемную. Вельможа, по обыкновенію, выходитъ: «Зачѣмъ вы? Зачѣмъ вы?» «А!» говоритъ, увидѣвши Копѣйкина: «вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія».—Помилуйте, ваше высокопревосходительство, — не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба... — «Что же дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать: старайтесь покамѣстъ помочь себѣ сами, ищите сами средствъ».—Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги.—«Но», говоритъ сановникъ, «согласитесь: я не могу васъ содержать, въ нѣкоторомъ родѣ, на свой счетъ; у меня много раненыхъ, всѣ имѣютъ равное право... Вооружитесь терпѣніемъ. Пріѣдетъ государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ».—Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», говоритъ Копѣйкинъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо». «Голодъ пришпорилъ его»: «—Какъ хотите, ваше высокопревосходительство», говоритъ, «не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію». И «ни съ мѣста, стоитъ, какъ, вкопаный». — — К. за то, что онъ не могъ «въ столицѣ покойно ожидать рѣшенія» своей участи, выслали на казенный счетъ на мѣсто жительства съ фельдъегеремъ. «По крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то». «Когда генералъ говоритъ, чтобы я поискалъ самъ средствъ помочь себѣ,—хорошо», говоритъ, «я», говоритъ, «найду средства!» Куда дѣлся К.—неизвѣстно; но не прошло, по разсказу почтмейстера, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ», «не кто другой...» *См. Почтмейстеръ.*

Коробочка, Настасья Петровна (*«Мертвыя Души»*).—Коллежская секретарша, «женщина пожилыхъ лѣтъ», владѣлица хорошей деревеньки и «безъ малаго 80 душъ»; не вела никакихъ списковъ мужиковъ, а знала почти всѣхъ наизусть». Въ деревнѣ К. крестьянскія избы «показывали довольство обитателей». Узенькій дворикъ помѣщицы весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью». Ѣздила въ городъ въ странномъ экипажѣ, «наводившемъ недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекій арбузъ, поставленный на колеса». «Щеки этого арбуза, то-есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ разсольникъ выглядывали даже на верхъ». «Одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову нѣсколько на-бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ». «Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтиннички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или поизотрется само собою». «Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ». «А, можетъ, въ хозяйствѣ «что какъ-нибудь подъ случай и понадобится». Заглянувши въ шкатулку Чичикова и увидя въ ней гербовую бумагу, сказала:—«Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги». «Хошь бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ! Случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ». «Прошлый годъ былъ такой неурожайный, что Боже храни», «выѣхать не на чемъ: лошади неподкованы». Жалуется на нездоровье:—«Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ».— —«Баба дубиноголовая», «крѣпколобая», какъ зарубитъ себѣ что въ голову, то ужъ ничѣмъ не пересилить; сколько не представляй доводовъ» «ясныхъ

какъ день, все отскакиваетъ, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны». По «вдовьему, неопытному дѣлу», все боится, какъ бы «ее не обманули».—«Лучше жъ я маленько повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ». На предложеніе Чичикова отдать или продать ему «мертвыя души», сначала изумилась, «выпучивъ глаза»; потомъ произнесла съ разстановкой:—«Право не знаю, вѣдь я мертвыхъ никогда не продавала», но скоро разобрала, что «дѣло точно какъ будто выгодно, да только слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ нибудь не надулъ ее покупщикъ».—Право, я боюсь на первыхъ порахъ, чтобы какъ нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а «они того... они больше какъ-нибудь стóятъ», «товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый». «Лучше вамъ я пеньку продамъ»... Когда Чичиковъ «посулилъ ей чорта», «испугалась необыкновенно». «—Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!» вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. «Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ». «Забранки» Чичикова устрашили К., но «казенные подряды подѣйствовали сильно», и она рѣшила, что «нужно его задобрить».—«Да что ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ не прекословила», говоритъ К. Чичикову, и «готова отдать» мертвыя души «за пятнадцать ассигнацій».—Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой (хотя мука «не авантажная»— «урожай плохъ»), или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня». Предлагаетъ купить еще свиного сала и птичьихъ перьевъ... Но, «вскорѣ послѣ отъѣзда» Чичикова, «въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, — несмотря на то, что лошади не были подкованы, — и тамъ узнать навѣрно, почемъ ходятъ мертвыя души, и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ быть, въ-три-дешева».

Костанжогло (Скудронжогло), Константинъ Өедоровичъ (*«Мертвыя Души»*).—Человѣкъ лѣтъ сорока. Отличался «смуглостью лица, жесткостью темныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженіемъ глазъ и какимъ-то желчнымъ отпечаткомъ пылкаго южнаго происхожденія. Онъ былъ не совсѣмъ русскій. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родословіемъ, находя, что это въ строку нейдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ былъ увѣренъ, что онъ русскій, да и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго». «Учился на мѣдныя деньги». «Первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому Чичиковъ почувствовалъ уваженіе личное». «Хозяинъ-тузъ». «Первый хозяинъ, по словамъ Платонова; «получаетъ 200 тысячъ годового доходу съ такого имѣнія, которое лѣтъ восемь назадъ и двадцати не давало». «Наполеонъ своего рода». «Землевѣдъ такой—у него ничего нѣтъ даромъ. Мало, что онъ почву знаетъ, но знаетъ, какое сосѣдство для чего нужно, возлѣ какого хлѣба какое дерево. Все у него три-четыре должности разомъ отправляетъ. Лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ-то мѣстѣ настолько-то влаги прибавить полямъ, настолько-то унавозить падающимъ листомъ, на столько-то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая». «Его называютъ колдуномъ».— —Въ деревнѣ К. «живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой». «Работаетъ самъ, какъ волъ», и убѣжденъ, что «вся дрянь лѣзетъ въ голову оттого», что люди не работаютъ. «У меня», говоритъ К., «работа—первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залеживаться». «Самъ возьми въ руки заступъ, жену, дѣтей, дворню заставь; умри... на работѣ! Умрешь, по крайней мѣрѣ, при исполненіи долга, а не то что обожрешься свиньей за обѣдомъ!» Обѣдовъ не даетъ, потому что такіе званные обѣды тяготятъ и «къ этому не привыкъ».—«А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, чтó я ѣмъ,—милости просимъ». Не даетъ денегъ взаймы на пустяки, но «пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься съ моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль — я тебѣ не откажу и не возьму даже процен-

товъ». Чичикову «далъ съ радостью десять тысячъ безъ процентовъ». Среди дворянъ слыветъ «скупцомъ первой степени», «сквалыгою», который, «пользуясь крайностями и разоренныиъ ихъ положеніемъ», скупаетъ земли за безцѣнокъ». — «Дураки, дурачье, ослиное поколѣніе!» отзывается К. о тѣхъ, «кто проводитъ время въ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ, да театрахъ». — — Желчный, легко впадающій въ «темную ипохондрію человѣкъ». Считалъ себя «выдающимся», и послѣ комплимента Чичикова («Могу вамъ сказать, что не встрѣчалъ въ Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму») «почувствовалъ, что не несправедливы эти слова».— — «Этакаго умнаго человѣка, по словамъ мужика, нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать». Мужики къ нему «въ неволю» идутъ охотно, п. ч. даетъ взаймы на откупъ деньги «съ перваго раза» «и корову и лошадь», хотя и требуетъ съ мужиковъ, «какъ нигдѣ», работы. «Самыя мысли К. не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, предъ каминомъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же, гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло». Съ желчнымъ сарказмомъ говоритъ о «промотавшихся» дворянахъ и ученыхъ «политическихъ экономахъ», которые «дальше своего носа не видятъ»... «Дуракъ на дуракѣ сидитъ», «оселъ», дурачье». Для К. все—«дѣло просто». Чичикову даетъ совѣтъ: «если вы хотите разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро». «Начинать нужно съ начала, а не съ середины,—съ копѣйки, а не съ рубля,—снизу, а не сверху: тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ извораниваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства,—тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься». Настроенъ враждебно противъ всякихъ новшествъ «умниковъ», которые ѣздятъ въ Англію и возвращаются «глупѣе въ-сотеро», и «упуская посѣвы», «строятъ фабрики, выписываютъ изъ заграницы мастеровъ», мѣняютъ «почетное званіе помѣщика, «идя «въ мануфактуристы, фабриканты». Не любитъ «щелкоперовъ», что пишутъ книжки, желая привить крестьянину «потребности свыше состоянія». По мнѣнію К., «весь свѣтъ поглупѣлъ, и благодаря «роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцалѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, какъ пузырь,—такъ хотятъ теперь и этихъ заразить». Одно только и осталось «здоровое сословіе», которое не познакомилось съ этими прихотями» — «хлѣбопашцы». Занятіе хлѣбопашествомъ, говорилъ К., «законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше». «Основаніе всего хлѣбопашество». «Фабрики», по словамъ К., «заведутся сами собой». «Не эти фабрики, чтó потомъ, для поддержки ихъ и для сбыту, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ». У себя К. не заведетъ «никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хотя бы потерялъ милліонъ».—«Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки!» Убѣжденъ, что въ хозяйствѣ «всякая дрянь даетъ доходъ». «Изъ остатковъ и выбросковъ» у него всякій годъ «другая фабрика сама заводится». «И все такъ». Двадцать лѣтъ живетъ съ народомъ и убѣжденъ, что, прежде чѣмъ «просвѣщать мужика», необходимо «сдѣлать его богатымъ, да хорошимъ хозяиномъ», а тамъ онъ самъ выучится. Потребности должны идти «сообразно съ состояніемъ».—Смотрѣть нужно «на пользу, а не на красоту. Красота сама придетъ». «Въ сторону красоту! Смотрите на потребности...» «Нужно брать дѣло по-просту, какъ оно есть; а то вѣдь всякій—механикъ: всякій хочетъ открыть ларчикъ инструментомъ, а не просто».— —К. «хотя и былъ не совсѣмъ русскій», но его «собственному сердцу» было «близко» и досадно, что «русскій характеръ портятъ» и явилось въ русскомъ характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было! «Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ—сдѣлается Донъ-Кишотомъ: заведетъ такія, школы, чтó дураку въ умъ ни взойдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство». «Въ человѣколюбіе пойдетъ—сдѣлается Донъ-Кишотомъ: человѣколюбъ

настроитъ на милліонъ безтолковѣйшихъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится, да и пуститъ всѣхъ по міру; вотъ тебѣ и человѣколюбіе!» — — Жизнь ведетъ самую простую и изъ доходовъ не строитъ «дворцовъ съ колоннами, да съ фронтонами». «Нажить тысячи», говоритъ К., «трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ, — нѣтъ соперниковъ. Радіусъ великъ». Съ кулаками «торговаться не охотникъ» и цѣны не сбавитъ, потому что у него «вещь хоть три года лежи»: «въ ломбардъ не надо уплачивать». «Соперниковъ у него нѣтъ». «Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить». Живетъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, «въ полѣ», и не скучаетъ. «Хозяину» нельзя, «нѣтъ времени скучать». Хозяинъ—«творецъ». Онъ «грядущій урожай сѣетъ, блаженство всей земли», «пропитаніе мильонамъ». «Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ равнаго наслажденія», «потому что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все». Трудясь на землѣ, «подражаетъ Богу человѣкъ!..»

Кочкаревъ, Илья Ѳомичъ («*Женитьба*»).—Другъ Подколесина, женатый человѣкъ. «—На кой чортъ ты меня женила?»... «Экъ невидаль-жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?»—говоритъ К. свахѣ, но, узнавъ, что Подколесинъ хочетъ жениться, говоритъ: «—Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла». «—Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать, ѣдемъ!» — заявляетъ К. Подколесину; подглядываетъ въ замочную скважину, какъ одѣвается въ сосѣдней комнатѣ невѣста. Въ домѣ Купердягиныхъ объявляетъ себя родственникомъ Купердягиныхъ и представляетъ Подколесина, который «одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть»... «Директоръ такъ только, для чина поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ»...— — «Безстыдникъ»,—по увѣренію Ѳеклы. Убѣждаетъ Агафью Тихоновну остановить свой выборъ на Подколесинѣ и прогнать остальныхъ жениховъ, которые всѣ «дрянь» и «драчуны». На замѣчаніе Агафьи Тихоновны, что за это кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза»—отвѣчаетъ: «—Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей-Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собою мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ—плюнулъ въ самое лицо, ей-Богу! «Вотъ тебѣ,—говоритъ,—твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья однако же все-таки прибавилъ. Такъ что жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ—взялъ, да и вытеръ»... Самъ выпроваживаетъ жениховъ Агафьи Тихоновны. «—Ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня по крайней мѣрѣ»—проситъ К. Подколесина «жениться», становится предъ нимъ на колѣни и, наконецъ, посылаетъ его «къ чорту». «—Ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что́ онъ (т. е. Подколесинъ) мнѣ? родня, что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! Этакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы—во всякое мѣсто!» «Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ—ему и горя и мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода—вотъ что нестерпимо!..» Силой ворочаетъ «бездѣльника», приводитъ «подлеца», и насильно соединяетъ руки Подколесина и Агафьи Тихоновны. «—Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извозчика, да и поѣхалъ куда-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать». «Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!» Прячетъ шляпу жениха и, когда тотъ выпрыгиваетъ черезъ окно, К. долго стоитъ, «какъ ошеломленный», но потомъ рѣшаетъ: «—Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его!»

Кошкаревъ (*«Мертвыя Души»*).—Полковникъ, родственникъ генерала Бетрищева. «По виду» «предобрѣйшій, преобходительный». По отзыву Констажогло, «человѣкъ сумасшедшій», хотя и «утѣшительное явленіе, потому что въ немъ отражаются карикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ,—вотъ этихъ всѣхъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури въ чужи». Помѣщикъ, ведущій «органическое», «правильное хозяйство»; считалъ, что «просвѣщеніе должно быть открыто всѣмъ», выписываетъ книги и журналы «по всѣмъ частямъ хозяйства» и въ числѣ крѣпостныхъ людей имѣетъ «человѣка, который одинъ стоитъ всѣхъ: окончилъ университетскій курсъ». Для приведенія «людей къ благополучію, въ своей деревнѣ выстроилъ «какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: «Депо земледѣльческихъ орудій»; на другомъ: «Главная счетная экспедиція»; далѣе: «Комитетъ сельскихъ дѣлъ»; «Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ». Для свѣтлой головы своего секретаря готовъ завести еще «цѣлый департаментъ». Всѣ дѣла велъ не иначе, какъ сквозь «форму бумажнаго производства».—«Безъ бумажнаго производства» ничего нельзя дѣлать. «Примѣръ Англія и самъ даже Наполеонъ», говорилъ К. Просьбу Ч. также проситъ «изложить письменно», при чемъ объяснилъ, что «просьба пойдетъ въ контору принятія рапортовъ и донесеній. Контора, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ; отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ; оттолѣ, по сдѣланіи выправокъ, къ управляющему». Задать «гонку» и «передрягу» подчиненнымъ считаетъ необходимымъ, потому что иначе «способно все задремать и пружины управленія заржавѣютъ и ослабѣютъ».— —Честолюбіе К. удовлетворяется сознаніемъ «многихъ трудовъ», благодаря которымъ ему удалось «возвесть имѣніе до нынѣшняго благосостоянія», хотя ревизскія души «всѣ въ совокупности» были «не токмо заложены безъ изъятія, но и перезаложены». Жалуется лишь на одно, что «трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однако-же, несмотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непремѣнно достигнетъ того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ Франклина, или Виргиліевы Георгики, или Химическое изслѣдованіе почвъ». «Онъ ручался головой, что если только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны,—науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи».—«Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно», говорилъ К., и пришелъ къ «счастливой мысли», что все дѣло въ устройствѣ новой «комиссіи наблюденія за комиссіей построенія», которая всѣмъ распоряжается теперь,—«такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть».—«У насъ безтолковщина», сказалъ Чичикову «комиссіонеръ» Кошкарева.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, Аммосъ Ѳедоровичъ (*«Ревизоръ»*).—«Судья уѣзднаго суда, коллежскій ассесоръ». Служитъ «уже пятнадцать лѣтъ». «Съ 816 года былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени». «За три трехлѣтія представленъ ко Владиміру 4-й степени». Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ ужъ бьютъ», «на лицѣ хранитъ всегда» «значительную мину», «каждому слову своему даетъ вѣсъ».—«Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ не генералы», думаетъ А. Ф., услышавъ, что городничій «хочетъ быть генераломъ». «Въ присутственныхъ мѣстахъ Л.-Т., по словамъ Земляники, «держитъ собакъ». «Въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами». «Въ самомъ присутствіи высушивается всякая дрянь и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ». «Засѣдатель... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода». Самъ А. Ф. говоритъ: «кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не раз-

рѣшить, что въ ней правда и что неправда.— —«Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки», заявляетъ А. Ф., «но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло. А вотъ если, напр., у кого нибудь шуба стоитъ пятсотъ рублей, да супругѣ шаль»... Хочетъ «попотчивать городничаго собаченкою: родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете». Пожалуй, Ант. Ант., я продамъ вамъ того кобелька, котораго вы торговали». «Иной разъ увлечешься,—говоритъ А. Ф., — разсуждая о домашней сворѣ или гончей пщейкѣ»... Анна Андреевна называетъ его «собачникомъ». «Любитъ охоту». По словамъ Земляники, онъ только и дѣлаетъ, «что ѣздить за зайцами».— —«Человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ», «охотникъ на догадки». При извѣстіи о ревизорѣ соображаетъ: «Да, обстоятельство такое необыкновенное... Что нибудь не даромъ». «Я думаю, что здѣсь тонкая, а больше политическая причина. Это значитъ вотъ-что: Россія... да... хочетъ вести войну и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны».—«Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ». Когда заходитъ рѣчь о томъ, какъ встрѣтить ревизора, А. Ф. предлагаетъ:—«Впередъ пустить голову, духовенство, купечество, вотъ и въ книгѣ «Дѣянія Іоанна Масона»...— —Передъ представленіемъ Хлестабову «строитъ всѣхъ полукружіемъ»—«Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ... Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! — «Когда рѣчь заходитъ о взяткѣ Хлестакову, высказываетъ мнѣніе: «опасно, чортъ возьми! Раскричится, государственный человѣкъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой нибудь памятникъ»... Но отказывается самъ отъ своихъ совѣтовъ послѣ практическаго предложенія Земляники.—«Въ вашемъ заведеніи, говоритъ Л.-Т. тому же Землянику, высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба».—«У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ», отвѣчаетъ ему Земляника.— — «Нѣсколько вольнодуменъ»—«Что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками»,—замѣчаетъ Л.-Т. городничій:—«За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите... Вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются».—«Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ»,—отвѣчаетъ А. Ф.— «Вы не только о собакахъ (говорите краснорѣчиво) — вы и о столпотвореніи»... говорятъ ему чиновники —Входя представляться къ Хлестакову, А. Ф. останавливается:— «Боже, Боже, вынеси благополучно, такъ вотъ колѣнки и ломаетъ».—«Господи Боже, думаетъ онъ, держа въ рукѣ взятку, не знаю, гдѣ сижу, точно горячіе угли подъ тобою». Когда Хлестаковъ спросилъ: «что это у васъ въ рукѣ», А. Ф. потерялся и выронилъ на полъ ассигнаціи.—«Ничего-съ!» Деньги? «Никакъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ». «О Боже! Вотъ ужъ я и подъ судомъ! И телѣжку подвезли схватить меня!» Ободряется только тогда, когда Хлестаковъ у него «взялъ взаймы».— —По словамъ «родни и пріятеля», Л.-Т. «поведенія самаго предосудительнаго».—«Какъ только Добчинскій выйдетъ изъ дому, то онъ (судья) тамъ ужъ и сидитъ у жены его»... Всѣ дѣти Добчинскаго, «даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья».—Хлестаковъ въ письмѣ охарактеризовалъ его такъ: «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ». Не понимаетъ, что значитъ это слово: «Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть и того еще хуже».

Маниловъ (*«Мертвыя Души»*).—Помѣщикъ, владѣлецъ деревни Маниловки, которая «не многихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ». «Служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ». «Человѣкъ видный», «еще вовсе не пожилой»; «черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми» «сладкими какъ сахаръ» глазами». Онъ ихъ щурилъ каждый разъ, когда смѣялся, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ».— —Иногда лицо его являло выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать паціента». Принадлежалъ къ роду «людей, извѣстныхъ подъ именемъ: люди такъ себѣ, ни то, ни се, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ». — —«Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ М.». «Въ первую минуту

разговора съ нимъ не можешь не сказать»: «Какой пріятный и добрый человѣкъ!» Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ, что такое!» и отойдешь подальше; если-жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета». «У всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было».— —«Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: «хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать»; «да, не дурно», отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку». «Да, именно не дурно», повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ, позволь отлучиться на работу, пóдать заработать»; «ступай», говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами». «Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма не дешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: «Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель». «Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутнымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчали ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги». М. и его жена «были совершенно довольны другъ другомъ». «Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ». «И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно, изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку».— —При первой встрѣчѣ съ Чичиковымъ М. былъ отъ него безъ памяти и называлъ его «пріятелемъ». «Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню». «Чичиковъ своимъ посѣщеніемъ доставилъ М. наслажденіе—майскій день... именины сердца». Въ дверяхъ гостиной М. и Чичиковъ простояли нѣсколько минутъ, «взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ». «—Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ», говорилъ Чичиковъ.—«Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы—гость», говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь. «Не затрудняйтесь, пожалуйста не затрудняйтесь; пожалуйста проходите», говорилъ Чичиковъ.— «Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю». «Почему-жъ образованному?.. Пожалуйста проходите!» — «Ну, да ужъ извольте проходить вы». «Да отчего-жъ?»—«Ну, да ужъ оттого!» сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ». Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга. «Большую часть времени проводитъ въ деревнѣ и иногда лишь пріѣзжаетъ «въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми» и не одичать «взаперти». Мечтаетъ о «хорошемъ сосѣдствѣ», о такомъ человѣкѣ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, сладить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ

сказать, паренье этакое», чтобы «чувствовать въ нѣкоторомъ родѣ духовное наслажденіе». На самомъ же дѣлѣ «въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года», считаетъ «за счастіе, можно сказать рѣдкое, образцовое, говорить» съ Чичиковымъ и «наслаждаться» его «пріятнымъ разговоромъ».—«Я бы съ радостію отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы, говоритъ М. Чичикову, изливая свои чувства къ нему. Въ разговорахъ часто «нѣсколько зарапортовывался», и мысли его заносились часто, «Богъ знаетъ куда». — «Вы все имѣете», «съ пріятной улыбкой» заявляетъ М. Чичикову: «все имѣете, даже еще болѣе». — Всѣхъ хвалитъ: губернаторъ, по словамъ М., «препочтеннѣйшій, прелюбезнѣйшій человѣкъ. «Какъ онъ (губернаторъ) можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ», присовокупилъ М. съ улыбкою и отъ удовольствія зажмурилъ глаза». Всѣ чиновники города у М. оказываются «самыми достойными людьми». Сына своего Ѳемистоклюса «прочитъ по дипломатической части», потому что у него «чрезвычайно много остроумія» и на все тотчасъ «обратитъ вниманіе».— —Престранное слово «мертвыя души», которое произнесъ Чичиковъ, такъ изумило М., «что онъ выронилъ чубукъ съ трубкой на полъ и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ». Онъ «со страхомъ посмотрѣлъ» на гостя и «ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкой струей». На дальнѣйшія слова Чичикова ничего не могъ отвѣтить, «сконфузился, смѣшался» и растерялся совершенно». «Кончилъ онъ тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовыя ноздри». Слова Чичикова («обязанность для меня—дѣло священное—законъ—я нѣмѣю передъ закономъ») понравились М. Онъ не имѣлъ «высокаго искусства выражаться», но любилъ выраженія «для красоты слога», однако, въ толкъ самаго дѣла», о которомъ говорилъ Чичиковъ, «никакъ все-таки не вникъ». Готовъ исполнить «фантастическое желаніе» Чичикова, если только оно, «это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція»—не будетъ «несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи». «Здѣсь М., сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого можетъ быть, и не выдано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла». Чичиковъ успокоилъ его, «что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины». — «Такъ вы полагаете?...»—«Я полагаю, что это будетъ хорошо».—«А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего», сказалъ М. и совершенно успокоился. «Теперь останется условиться въ цѣнѣ...» — «Какъ въ цѣнѣ?» сказалъ опять Маниловъ и остановился. «Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безъинтересно и купчую беру на себя». Въ отвѣтъ на благодарность Чичикова М. смѣшался, сконфузился и заявилъ, «что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ — совершенная дрянь».— —Послѣ отъѣзда Чичикова,«душевно радуясь, что онъ доставилъ гостю небольшое удовольствіе», думалъ не «о странной просьбѣ Чичикова. Мысль о ней какъ-то не особенно варилась въ его головѣ». «Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ черезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что такое, чего онъ уже и самъ никакъ не могъ разобрать».

Марья Антоновна Сквозникъ-Дмухановская *(«Ревизоръ»).*—Дочь городничаго. Читаетъ «Юрія Милославскаго» и знаетъ, чье это «сочиненіе». Имѣетъ «альбомъ» и проситъ написать въ него «на память какіе-нибудь стишки». По словамъ Хлестакова, «очень недурна».— —«Фи, маменька, голубое (платье)! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, я надѣну лучше цвѣтное». Мать упрекаетъ ее: «услышала, что почтмейстеръ здѣсь—и давай передъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны и съ этой стороны подойдетъ» «и пошла копаться: я булавочку; я косыночку!» – «Ахъ, милашка!» восклицаетъ М. А. послѣ встрѣчи съ Хлестаковымъ.—«Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ».—«Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня».—«Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!»— Осипъ, душенька! Какой миленькій носикъ у твоего барина!» — «Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина». — Забѣгаетъ, будто бы случайно, въ комнату Хлестакова:— «Ахъ!» «право, я никуда не шла». «Я думала, не здѣсь ли маменька». «Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было идти...» и садится...—«Вы говорите по столичному», — отвѣчаетъ она на комплиментъ Хлестакова. — «Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными». — «Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ...—Сегодня какая странная погода!»—отвѣчаетъ она на желаніе Хлестакова быть «платочкомъ, чтобы обнимать» ея «лилейную шейку».—«Любовь? Я не понимаю любовь ...я никогда и не знала, что за любовь...»—Когда Хлестаковъ придвинулъ къ ней стулъ:—«намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу».—«Для чего жъ близко? Все равно и далеко».—Когда Хлестаковъ заговорилъ объ объятіяхъ, М. А. засмотрѣлась въ окно. — «Что это тамъ какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая-другая птица?» Когда же Хлестаковъ поцѣловалъ ее въ плечо, она «встала въ негодованіи»: «Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!..» «Вы почитаете меня за такую провинціалку...» Передъ матерью М. А. не умѣетъ постоять за себя и отодвигается постоянно на второй планъ. Даже, когда Хл. посватался къ М. А. и мать изображаетъ дѣло такъ, что онъ посватался «только потому, что уважаетъ ея (матери) рѣдкія качества» и просилъ ее (мать) отвѣчать его чувствамъ», М. А. лишь замѣчаетъ: «Ахъ, маменька! Вѣдь это онъ мнѣ говорилъ» (См. Анна Андреевна»). По словамъ матери, М. А. «беретъ примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина», и у нея «вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ».

Муразовъ, Аѳанасій Васильевичъ *(«Мертвыя Души», II).*—Откупщикъ. «Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ», по словамъ Костанжогло. Состояніе его «перевалило за сорокъ» милліоновъ, и все это пріобрѣтено «самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами». «Умный человѣкъ», онъ не то, что имѣньемъ помѣщика», цѣлымъ государствомъ управитъ».—«Будь у меня государство, говоритъ Костанжогло,—я бы его сейчасъ сдѣлалъ министромъ финансовъ». Генералъ-губернаторъ говоритъ съ М. «откровенно» и пользуется его совѣтами, такъ какъ знаетъ «одного М. за честнаго человѣка», хотя и не понимаетъ его страсти защищать мерзавцевъ». По словамъ купца, «почтенный и умный человѣкъ, и дѣло свое знаетъ, но просвѣтительности нѣтъ». Жилъ въ комнаткѣ, «неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья». — «Дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помышляя о другой». Говоритъ «по чести», что если бы «и всего лишился своего имущества», то не заплакалъ бы». «Отъ души зависитъ тѣло» и до тѣхъ поръ, покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, не установится благоустройство и земного имущества».— —«Въ праздности приходятъ искушенья, о которыхъ и не подумалъ бы человѣкъ, занявшись работой», говорилъ М. «Да какъ же жить безъ работы? убѣждаетъ онъ Хлобуева. Какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое твореніе Божіе: всякій чему-нибудь да служитъ, имѣетъ свое отправленіе. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употреблять на дѣло, а человѣкъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ

пользы,—статочное ли это дѣло?» «Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленну ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ — вѣдь и тотъ служитъ. Онъ ѣстъ грошевый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ занятія». Судитъ «обо всемъ по своему слабому разуму»; и убѣждаетъ Хлобуева послужить «Тому, Который такъ милостивъ. Ему такъ же угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени». Такая служба—«дорога для исцѣленія отъ болѣзни»—«сборъ на церковь» (Мысль эту внушили М. схимникъ и архимандритъ). Это дѣло не только «на спасенье свое», но и для спасенья другихъ, такъ какъ сборщикъ «изъ дворянъ или купцовъ новоспитаннѣй другихъ», «переходя съ книгой отъ помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, узнаетъ и то, какъ кто живетъ и кто въ чемъ нуждается, — такъ что воротится потомъ, обощедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ мѣстность и край получше всѣхъ тѣхъ людей, «которые живутъ въ городахъ... А этакіе люди теперь нужны». Нуженъ чиновникъ, «который бы зналъ не по бумагамъ дѣло, а точно узналъ, какъ они на дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говорятъ, ничего ужъ не видать: такъ все запуталось». Чиновникамъ М. не вѣритъ. Когда понадобилась помощь «хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ»,— безденежно отдаетъ свои запасы. «А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей-Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода». Проситъ князя лишь «позволить самому ему (т. е. М.) разсмотрѣть самолично, что кому нужно», и «поговорить съ раскольниками». «Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, помогу уладиться съ ними миролюбиво. А чиновники не сладятъ: завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ уже запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣла изъ-за нихъ не видятъ». На заявленіе Хлобуева, что дѣло, предназначенное ему М., «свыше его силъ», отвѣчаетъ: — «Да что̀ же по нашимъ силамъ?» «Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говоритъ человѣкъ: «Господи, помилуй!» гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и помышлять долго; это нужно, просто, принять за повелѣніе Божіе». На заботы Хлобуева о женѣ и воспитаніи дѣтей, М. проситъ не безпокоиться. «Какъ воспитать тому дѣтей, кто самъ себя не воспиталъ? Дѣтей, вѣдь, возможно воспитать только примѣромъ собственной жизни». — Я, говоритъ онъ, возьму ихъ на свое попеченіе, и учителя будутъ у дѣтей».— —М. жалко промотавшагося Хлобуева, жалко и Чичикова, «запятнавшаго себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ», попавшагося въ преступленіи, на какое, по словамъ князя, «послѣдній воръ не рѣшится». Для М., «кто бы ни былъ человѣкъ», «но, вѣдь, онъ человѣкъ». «Какъ же не защищать человѣка, когда знаешь, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнья? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣреніемъ». Въ разговорѣ съ княземъ указываетъ, что князь самъ сдѣлалъ «также большую несправедливость». Нужно, по словамъ М., «сначало все разсмотрѣть хладнокровно», «съ участіемъ» разспросить «какъ братъ брата». «У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, по убѣжденію М., все-таки чувство справедливо». На Чичикова въ острогѣ старикъ глядѣлъ «скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только:—Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали».—Какъ васъ ослѣпило это имущество...»—«Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите». «Подумайте, какъ бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми, о бѣдной душѣ своей помыслите». Потрясъ Чичикова попрекомъ «имъ же, его же достоинствомъ, имъ же опозоренными. — «Назначенье ваше — быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили». Берется приложить «старанье», какое можетъ, «чтобы облегчить участь Чичикова, но выговариваетъ награду «за труды»: «бросить всѣ эти поползновенія на эти пріобрѣтенія». «—Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству. Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его

обольстительныя прихоти: пусть и онъ васъ позабудетъ: въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите, все въ немъ врагъ, искуситель или предатель».—«Проснитесь, еще не поздно, есть еще время». — «Чѣмъ вамъ (Хлобуеву, который вновь разорился) ходить съ котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую кибитку, тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, которые посильнѣе другихъ нуждаются».— —У васъ нѣтъ любви къ добру, дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему, говоритъ М. Чичикову, — это зачтется еще въ бо̀льшую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте себя только нѣсколько разъ,— потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все дѣлается. *Царство нудится,* сказано намъ. Только къ нему» «насильно нужно продираться, брать его насильно».

Ноздревъ *(«Мертвыя души»).*—Помѣщикъ. Человѣкъ лѣтъ тридцати. «Чернявый», «средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами». «Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его»; хохочетъ «во все горло» «тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій здоровый человѣкъ». — — Съ большинствомъ знакомыхъ на «ты» и «обращался по-дружески». Чичикову, послѣ трехъ-четырехъ словъ, «также началъ говорить «ты», хотя Чичиковъ «съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода». При второй случайной встрѣчѣ говоритъ Чичикову: «смерть люблю тебя», назвалъ его Оподельдокъ Ивановичъ «и считаетъ, что Чичиковъ «долженъ непремѣнно» ѣхать къ нему. Обращается со всѣми такъ «фамильярно», что Чичиковъ замѣтилъ ему: «если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы». Чичикова, котораго зазвалъ къ себѣ, называетъ въ бесѣдѣ «скалдырникомъ», «шильникомъ», «печникомъ гадкимъ», «ѳетюкомъ», «двуличнымъ человѣкомъ», «ракаліей».—«Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ—позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ». — «Я думалъ было прежде, что ты сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямодушія, ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ! говоритъ Н. Чичикову, когда тотъ отказался на предложеніе Н. «метнуть банчокъ». Не хочетъ «имѣть никакого дѣла» съ Чичиковымъ и приказываетъ не давать «овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно».—«Лучше бы ты мнѣ, просто, на глаза не показывался, сказалъ Ноздревъ, но накормилъ гостя ужиномъ и самъ проводилъ въ приготовленную для гостя «боковую комнату».—Вотъ тебѣ постель. Не хочу и доброй ночи желать тебѣ!»— «Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, ѳетюкъ, говоритъ Н. Мижуеву. Ну, ее жену къ... важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!»—«Смерть не люблю такихъ растепелей».—«Такая дрянь!»—«А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ!» кричалъ онъ (на балу у губернатора), подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. «Что? много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство», горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: «онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей-Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, — я бы тебя повѣсилъ, ей-Богу, повѣсилъ!» — «Повѣрите ли, ваше превосходительство», продолжалъ Ноздревъ: «какъ сказалъ онъ мнѣ: «продай мертвыхъ душъ», я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей-Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?» — «Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я... Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали,—вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: «Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ?» скажу: «Чичиковъ», ей-

Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!» — — Имѣлъ «странную страсть» нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины». «Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать». «Разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ:—«Вѣдь ты такой подлецъ,—никогда ко мнѣ не заѣдешь».— —Оболгавъ Чичикова на совѣщаніи у полицмейстера, самому Чичикову признается, что «слилъ пулю порядочную».—«Ахъ, да! Вѣдь я тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они (т. е. чиновники) думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой— наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ», заявляетъ Н. вскользь, послѣ болтовни о Деребинѣ, купцѣ Лихачевѣ и Перепендеевѣ, которыхъ Чичиковъ «отъ роду не зналъ». И смѣется надъ чиновниками:—«Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и шпіоны».— А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ». «Какое рискованное дѣло?» спросилъ безпокойно Чичиковъ. «Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей-Богу ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: «Ну, ужъ», думаю себѣ, «Чичиковъ, вѣрно, не даромъ...» Впрочемъ, напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!» «Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку? что ты?» говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.—«Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!»— —«Въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однако-жъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ ужъ въ одно мгновеніе ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ». Получивъ записку отъ полицмейстера, «былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе (Н. въ это время былъ занятъ «подбираніемъ» «вѣрной колоды» картъ); прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что «можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то новичка, смягчился въ ту жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился» на зовъ. — — «Лгунъ отъявленный». «Языка онъ никакъ не могъ придержать» и провирается «самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается стыдно». «Вовсе не въ диковину слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу». «И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой, или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ всѣ отходятъ, произнесши: «Ну, братъ, ты кажется, ужъ началъ пули лить». Шампанское, говоритъ, пилъ на ярмаркѣ «такое, что предъ нимъ губернаторское?—просто квасъ». «Не клико, а какое-то клико матрадура», и выпилъ его Н. семнадцать бутылокъ.«—Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ» и предлагаетъ «биться объ закладъ». Хвалится своей мадерой, «лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ», а на самомъ дѣлѣ мадера оказалась заправленной «безпощадно ромомъ» и «горѣла во рту»; божится, что за неказистаго гнѣдого жеребца «заплатилъ десять тысячъ рублей», и опять предлагаетъ биться объ закладъ. Хвастаетъ прудомъ, «въ которомъ, по словамъ Н., водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку». Въ полѣ у него «русаковъ такая гибель, что земли не видно», и Н. «самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги». На замѣчаніе зятя («ну, русака ты не поймаешь рукою), отвѣтилъ:—«А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ!» Показывалъ гостямъ и турецкіе кин-

жалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: «Мастеръ Савелій Сибиряковъ». По словамъ Н., графиня влюбилась въ него «по уши» «на почтовой станціи» и вышила ему кисетъ; ручки же у графини «были самой субдительной сюперфлю,— слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства». Восхищается Кувшинниковымъ, который на балу «подсѣлъ» къ разодѣтой дамѣ и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропуститъ. Это онъ называетъ: «попользоваться насчетъ клубнички». Когда на совѣщаніи чиновниковъ попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, Н. «понесъ такую околесицу, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже просто ни на что не имѣла подобія». Лгалъ «вовсе напрасно», даже когда «могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду». «Ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ». Для него «не существовало сомнѣній вовсе». Позванный на совѣщаніе чиновниковъ, «твердо и увѣренно» «отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. «На вопросъ, не шпіонъ ли Чичиковъ и не старается ли что-нибудь развѣдать? Н. отвѣчалъ, что шпіонъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявокъ, то-есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? Н. отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку и правда ли, что Н. самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Н. отвѣчалъ, что помогалъ, «даже уступилъ свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей», «что если бы не онъ, то не вышло бы ничего», назвалъ «церковь, въ которой было положено вѣнчаться», попа Сидора и плату опредѣлилъ ему за вѣнчаніе въ 75 рублей.— —Врешь, говоритъ Н. собесѣднику.—Вы врете, я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова, отвѣчаетъ онъ исправнику, объявившему Н., что онъ находится подъ судомъ и слѣдствіемъ по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды. — — Имѣлъ «страстишку къ картишкамъ». По выраженію «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», «онъ родного отца хотѣлъ продать, или, еще лучше, проиграть въ карты». Готовъ «сію минуту соорудить банчишку». «Въ уединеніи» по цѣлымъ днямъ «занимался подбираніемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга». «Въ картишки», «игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей. Во время «большой игры» съ нимъ полицмейстеръ и прокуроръ «чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за каждой картой, съ которой онъ ходилъ». — — Игра Н. «весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ». «Черезъ нѣсколько времени» онъ «уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего». Во время игры съ Чичиковымъ, «подвигая шашки», «въ то же самое время пододвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку». Когда же Чичиковъ заявилъ, что «съ Н. нѣтъ никакой возможности играть:—этакъ не ходятъ—по три шашки вдругъ!» Н. отвѣтилъ: «Отчего-жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна пододвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь». «А другая-то откуда взялась?» «—Какая другая?» «А вотъ эта, что пробирается въ дамки?» «—Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!» «Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и всѣ помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!»

«— Какъ—гдѣ мѣсто?» сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши: «да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!» «Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно». «— За кого-жъ ты меня почитаешь?» говорилъ Ноздревъ: «стану я развѣ плутовать?» «Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду». «—Нѣтъ, ты не можешь отказаться», говорилъ Ноздревъ горячась: «игра начата!» «Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку». «— Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!» «Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!» «— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь: ты долженъ кончить партію!» — —«Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ покупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду—насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ—съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ». — — У Н. «все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неугомонной бойкости характера». Предлагаетъ Чичикову вымѣнять жеребца и въ придачу дать мертвыя души». «Помилуй, на что-жъ мнѣ жеребецъ?» сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ. «— Какъ на что? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре». «Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу». «— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ». «Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!» «— Ну, купи каурую кобылу». «И кобылы не нужно». «— За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи». «Да не нужны мнѣ лошади». «— Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше». «Такъ лучше-жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое». «— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду». Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы. «— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто— морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ —земли не задѣнетъ!» «Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ». «— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за 900 рублей». «Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащиться съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги». «— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!» Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и, какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и ни увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ». «Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи». «Ну, вотъ еще? А я-то въ чемъ поѣду?» «— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо-бричка». — — «Во многихъ отношеніяхъ» «многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на всѣ руки». «Въ ту же минуту предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все что ни есть, на все, что хотите». Уговариваетъ Чичикова сыграть въ шашки, предваряя, что совсѣмъ не умѣетъ играть, а «тутъ никакого не можетъ быть счастья или фальши: все, вѣдь, отъ искусства». Торгуется о ставкѣ и къ ста рублямъ за души включаетъ «какого-нибудь щенка средней масти или золотую печатку къ часамъ». Выторговываетъ, «сколько дастъ Чичиковъ впередъ», по крайней мѣрѣ, хотя «два хода».

— —«Въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ». Помѣщику Максимову нанесъ личную обиду «розгами въ пьяномъ видѣ». Чичикова, уличившаго его въ нечестной игрѣ, Н. «хотѣлъ заставить играть».—Такъ ты не хочешь играть?—Нѣтъ скажи напрямикъ: ты не хочешь играть?» говорилъ Н., «и размахнулся рукой».—Такъ ты не хочешь оканчивать партіи?—«Отвѣчай мнѣ напрямикъ», «говорилъ Н. въ присутствіи позванныхъ имъ Порфирія и Павлушки; получивъ отказъ со стороны Чичикова, обругалъ его «подлецомъ». «— Бейте его! кричалъ онъ изступленно», «а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ». — — «Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы; лихачи, народъ видный». «Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ-быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ».

Осипъ *(«Ревизоръ»)*.—«Слуга, крѣпостной Хлестакова»; «таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ». «Костюмъ его—сѣрый или синій поношенный сюртукъ», «смотритъ нѣсколько внизъ». «Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе». «Не любитъ много говорить», но «говоритъ серьезно». «Любитъ самому себѣ читать нравоученія для своего барина». — «Умнѣе своего барина». «Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное»—думаетъ онъ о Хлестаковѣ—«а то вѣдь елистратишка простой». «Дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ». «Эхъ, если бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня-бъ четыре ты почесывался». Передаетъ барину отзывы трактирщика:—«Вы-де съ бариномъ мошенники и баринъ твой—плутъ. Мы не этакихъ шаромыжниковъ и подлецовъ видали».— —Въ отсутствіе Хлестакова «лежитъ на барской постели». Когда Х. спрашиваетъ: «опять валялся на кровати», отвѣчаетъ: «Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?» «Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?»—Когда Хлестаковъ посылаетъ О. къ хозяину, отвѣчаетъ: «—Да нѣтъ, я и ходить не хочу».—Какъ ты смѣешь, дуракъ?—«Да такъ: все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ». Однако, идетъ.— —«Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше, возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги».—«Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ. Пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: «почтенный!»,—на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ какъ на ладони все видишь. Старуха забредетъ: горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (Усмѣхается и трясетъ головою). Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь, всякой тебѣ говоритъ *вы*.—Наскучило идти—берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему—изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ».— —О. «догадливѣе своего барина», на разспросы Мишки («что, дядюшка, скажите, скоро будетъ

генералъ») отвѣчаетъ, не понявъ: «Какой генералъ?» — Да баринъ вашъ. — «Баринъ? да какой онъ генералъ?»—А развѣ не генералъ?» «—Генералъ, да только съ другой стороны»,—говоритъ О., соображая свою выгоду:—«Больше настоящаго генерала». — «Послушай, милый, ты я вижу, проворный парень: приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть—прибавилъ онъ, обращаясь къ Мишкѣ. — Когда Анна Андр. спрашиваетъ его: «къ твоему барину слишкомъ много, я думаю, ѣздитъ графовъ и князей». О. соображаетъ: «А что говоритъ? Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ»—и заявляетъ: «Да, бываютъ и графы». Поддерживаетъ ложь Хлестакова, не забывая и о себѣ: — «Вотъ ужъ на что я крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ (баринъ), чтобъ и мнѣ было хорошо. Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: «Что Осипъ, хорошо тебя угостили?»—Плохо, ваше высокоблагородіе!—«Э», говоритъ, «это, Осипъ, нехорошій хозяинъ». «Ты, говоритъ, напомни мнѣ, какъ пріѣду».—За все это, кромѣ «пары цѣлковыхъ на чай», О. получилъ отъ городничаго еще и «на баранки». О. же побуждаетъ барина поскорѣе уѣхать:—«Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька—ну, и довольно. Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! Неровенъ часъ какой-нибудь другой наѣдетъ... ей-Богу, Иванъ Александровичъ!» «А лошади тутъ славныя—такъ бы закатили!»—«Да что завтра! Ей-Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ. Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе; вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали». — Хлестаковъ соглашается и уже мечтаетъ, какъ будетъ давать по цѣлковому ямщикамъ, «чтобъ какъ фельдъегеря катили и пѣсни пѣли». Когда же X. отказывается отъ хлѣба-соли купцовъ, О. говоритъ:—«Ваше высокоблагородіе! Зачѣмъ вы не берете! въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы сахару и кулекъ. Подавай все, все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку, и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое — подвязать можно». «А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ!»— —Осипъ «молча плутъ».

Остапъ Бульбенко (*«Тарасъ Бульба»).*—Старшій сынъ Тараса. Дюжій молодецъ. «Тяжелый и сильный характеръ». Въ бурсѣ О. началъ съ того свое поприще, что въ первый еще годъ бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ и не поклялся напередъ, что онъ не увидитъ Запорожья, во-вѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ». «Съ этого времени О. началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими», но «никакъ не избавлялся неумолимыхъ розогъ». Онъ не умѣлъ «увертываться отъ наказанія и, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи». «Все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаковъ». Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ—обобрать чужой садъ или огородъ, но за то онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не выдавалъ своихъ товарищей; никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время». «—За обиду не посмотрю и не уважу никого», говоритъ О. отцу и принимаетъ вызовъ Тараса «биться на кулаки», но, при прощаніи, онъ же душевно тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову. Убитаго отцомъ Андрія ему «жалко» и онъ проговорилъ тутъ же: — «предадимъ же, батько, его честно землѣ, чтобы не поругались надъ нимъ враги и не растаскали бы его тѣла хищныя птицы». «Разумъ у него, какъ у стараго человѣка», говорили козаки, выбирая О. въ куренные послѣ гибели Бородатаго. И онъ не сталъ отговариваться «ни

молодостью, ни молодымъ разумомъ», поблагодарилъ товарищей за честь и «показалъ всѣмъ, что не даромъ выбрали его атаманомъ». «О., казалось, былъ на роду написанъ битвенный путь и трудное знанье вершать ратныя дѣла. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни отъ какого случая, съ хладнокровіемъ, почти неестественнымъ для двадцати-двухлѣтняго, онъ въ одинъ мигъ могъ вымѣрять всю опасность и все положеніе дѣла, тутъ же могъ найти средство, какъ уклониться отъ нея, но уклониться съ тѣмъ, чтобы потомъ вѣрнѣй преодолѣть ее. Уже испытанной увѣренностью стали» «означаться его движенія и въ нихъ не могли не быть замѣтны наклонности будущаго вождя. Крѣпостью дышало его тѣло, и рыцарскія его качества уже пріобрѣли широкую силу качествъ льва. «О, да этотъ будетъ со временемъ добрый полковникъ!» говорилъ старый Тарасъ: «ей, ей, будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что и батька за поясъ заткнетъ!»—«Вотъ и новый атаманъ, а ведетъ войско какъ старый», похвалилъ О. самъ кошевой. Одинъ на одинъ отбивается отъ шестерыхъ: «съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго», четвертаго раненый О. конь «задавилъ подъ собою всадника». Но «уже вновь схватилось съ О. мало не восьмеро разомъ. — — «Ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью, онъ» шелъ на казнь. У эшафота онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко:—«Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!» «О. выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хряскъ ихъ послышался среди мертвой толпы»—«ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его». Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила». «Хоть бы кто нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушеній слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и біющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и выкликнулъ, въ душевной немощи: «Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?..»

Петрушка (*«Мертвыя Души»*). — Крѣпостной человѣкъ, лакей Чичикова. «Малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно съ барскаго плеча»; «одною рукою придерживалъ полы своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы». «Малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ». Когда ухмылялся, то и подобія не было на усмѣшку, а точно какъ бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и силясь при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, но такъ и остался въ положеніи человѣка, собирающагося чихнуть».— —«Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ,—онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самаго чтенія. Что вотъ-де изъ буквъ выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что̀ и значитъ». «Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ два обыкновенія, составившія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отдававшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ нибудь свою кровать, хотя даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди». Чичиковъ, «потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только принахмуривался, да встряхивалъ головою, приговаривая: — Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню». Когда же П. приходилъ раздѣвать его, Ч. клалъ себѣ въ носъ гвоздичку».—«Ты бы хоть окна отперъ!» говорилъ Чичиковъ. «Да я ихъ отпиралъ, сказалъ П., да и совралъ».— —Съ дворней другихъ

помѣщиковъ держалъ себя гордо: важничалъ и дулся нестерпимо». «Григорію пустилъ пыль въ глаза тѣмъ, что онъ (П.) бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ», «хотѣлъ выѣхать на дальности разстоянія тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ», но, когда Григорій осадилъ его, назвавъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ», П. «осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на-смѣхъ тутъ же всею дворней». Однако «дѣло кончилось» «самой тѣсной дружбой» между Григоріемъ и П. Въ кабакѣ «Акулькѣ» «стали они свои други, или то, что называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели». Уѣзжая отъ Пѣтуха, П. напился такъ, что «два раза сторчакомъ слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было, наконецъ, привязать его веревкой къ козламъ». Когда рѣчь барина «повернула» въ сторону сивухи («А ты, окромѣ сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай и теперь налимонился?»), П. закрутилъ только носомъ. «Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ-то и самому стало стыдно». Въ такихъ случаяхъ П. ничего не отвѣчалъ и старался заняться дѣломъ». Бо̀льшую часть времени проводилъ за книгой «въ лежачемъ положеніи», на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка». По словамъ Чичикова, П. «скотина» и «бревно», и «полагаться на него невозможно».

Пироговъ (*«Невскій Проспектъ»*).—Поручикъ. Принадлежалъ къ среднему классу общества. «Имѣлъ множество талантовъ, собственно ему принадлежавшихъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи изъ «Димитрія Донского» и «Горя отъ Ума», имѣлъ особое искусство пускать изъ трубки дымъ кольцами такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое. Умѣлъ очень пріятно разсказывать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ». «Любилъ поговорить объ актрисѣ и танцовщицѣ, но уже не такъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняется объ этомъ предметѣ молодой прапорщикъ». «Куря трубку въ кругу своихъ товарищей», «намекалъ значительно и съ пріятною улыбкою объ интрижкѣ съ хорошенькою нѣмкою, съ которою, по словамъ его, «онъ уже совершенно былъ накороткѣ и которую онъ на самомъ дѣлѣ едва ли не терялъ уже надежды преклонить на свою сторону».— —«Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ который былъ произведенъ недавно, и хотя иногда, ложась на диванъ, онъ говорилъ: «Охъ, охъ! Суета, все суета! Что изъ этого, что я поручикъ?», но втайнѣ ему очень льстило это новое достоинство: онъ въ разговорѣ часто старался намекнуть о немъ обинякомъ, и одинъ разъ, когда попался ему на улицѣ какой-то писарь, показавшійся ему невѣжливымъ, онъ немедленно остановилъ его и въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ далъ замѣтить ему, что передъ нимъ стоялъ поручикъ, а не другой какой офицеръ—тѣмъ болѣе старался онъ изложить это краснорѣчивѣе, что тогда проходили мимо его двѣ весьма недурныя дамы».— —«На окрикъ Шиллера («пошелъ вонъ»), «съ чувствомъ огорченнаго достоинства» сказалъ: — Мнѣ странно, милостивый государь... Вы, вѣрно, не замѣтили... Я офицеръ. «Однако, увидя, что Шиллеръ пьянъ, на его замѣчаніе: «Я съ офицеромъ сдѣлаетъ этакъ: «фу!» (при этомъ Шиллеръ подставилъ ладонь и фукнулъ на нее»),— ничего не отвѣтилъ, а предпочелъ «удалиться». Но «такое обхожденье, неприличное его званію, ему было непріятно». — «Онъ нѣсколько разъ останавлился на лѣстницѣ, какъ бы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ, какимъ образомъ дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ разсудилъ, что Шиллера можно извинить, потому что голова его наполнена пивомъ и виномъ; къ тому же представилась ему хорошенькая блондинка (жена Шиллера), и онъ рѣшился предать это забвенію». «На другой день онъ снова пришелъ въ мастерскую Шиллера». Когда же Шиллеръ обругалъ П. (Грубіянъ! Какъ ты смѣешь цѣловать мою жену! Ты подлецъ, а не русскій офицеръ!) «и нѣмцы схватили за руки и ноги П.», «поступивъ съ нимъ «грубо и невѣжливо», тогда «ничто не могло сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ П.». «Одна мысль объ такомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плети онъ почиталъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера. Онъ летѣлъ домой, чтобы, одѣвшись, оттуда идти прямо къ генералу, описать ему самыми разительными красками буйство нѣмецкихъ ремесленниковъ. Онъ разомъ хотѣлъ подать и письменную просьбу въ Главный Штабъ; если же назначеніе наказанія будетъ неудовлетворительно, тогда идти дальше и дальше». «Но по дорогѣ онъ зашелъ въ кандитерскую, съѣлъ два

слоеныхъ пирожка, прочиталъ кое-что изъ «Сѣверной Пчелы» и вышелъ уже не въ столь гнѣвномъ расположеніи. Прогулявшись по Невскому проспекту, къ 9 часамъ онъ успокоился и нашелъ, что въ воскресенье нехорошо безпокоить генерала; притомъ онъ, безъ сомнѣнія, куда-нибудь отозванъ, и потому онъ отправился на вечеръ къ одному правителю Контрольной Коллегіи, гдѣ было очень пріятное собраніе чиновниковъ и офицеровъ его корпуса. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ и такъ отличился въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но даже и кавалеровъ».— — П. вообще показывалъ страсть ко всему изящному «и имѣлъ особенный даръ заставлять смѣяться и слушать» «безцвѣтныхъ красавицъ», «говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую любятъ женщины».—«Мнѣ нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? хотя для того, чтобы любить васъ, вовсе не нужно шпоръ, а скорѣе бы уздечку. Какія миленькія ручки!» говоритъ П. женѣ Шиллера. «Очень пріятно и учтиво шутилъ», «и бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода». — «Знаемъ мы васъ всѣхъ», думалъ про себя съ самодовольною и самонадѣянною улыбкою П., увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться». Ловко «кланялся, показывая «всю красоту своего гибкаго, перетянутаго стана». Въ танцахъ умѣлъ выказать свою «турнюру и ловкость». Онъ не могъ понять, чтобы ему можно было противиться, тѣмъ болѣе, что любезность и блестящій чинъ давали полное право на вниманіе».—«А, здравствуйте, моя миленькая! Вы меня не узнали? Плутовочка, какіе хорошенькіе глазки!» При этомъ поручикъ П. хотѣлъ очень мило поднять пальцемъ ея подбородокъ; но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ тою же суровостію спросила: «Что вамъ угодно?»—«Васъ видѣть, больше ничего мнѣ не угодно», произнесъ поручикъ П., довольно пріятно улыбаясь и подступая ближе». Въ своихъ «исканіяхъ» и «смѣлыхъ предпріятіяхъ» П. «упоренъ». Сдѣлавъ Шиллеру заказъ, П. началъ довольно часто освѣдомляться о шпорахъ, «хотя для заказа и былъ назначенъ двухнедѣльный срокъ», и Шиллеръ долженъ былъ употребить «всѣ усилія, чтобы окончить скорѣй начатыя шпоры»; наконецъ, воспользовавшись отсутствіемъ Шиллера, забрался къ нему въ домъ «въ воскресенье». «П. поощрялъ художника Пискарева; впрочемъ, это происходило, быть можетъ оттого, что ему весьма желалось видѣть мужественную физіономію свою на портретѣ». Шиллеру, за женою котораго волочился П., не торгуясь, даетъ за работу пятнадцать рублей («русскій возьмется сдѣлать ее за два рубля», заявляетъ П.), чтобы доказать, что онъ любитъ Шиллера и желаетъ съ нимъ «познакомиться» («Даже честному нѣмцу сдѣлалось совѣстно»). И тутъ же, въ присутствіи Шиллера, «влѣпилъ нахально» поцѣлуй въ самыя губки его «жены».

Пискаревъ (*«Невскій Проспектъ»*).—Бѣдный безвѣстный художникъ. «Молодой мечтатель, простой какъ дитя», «тихій, робкій, скромный», «застѣнчивый», «дѣтски простодушный», «носившій въ себѣ искру таланта», «искры чувства, готовыя при удобномъ случаѣ обратиться въ пламя». На работахъ П. лежалъ «почти на всемъ сѣренькій мутный колоритъ—неизгладимая печать сѣвера». Его таланту, «какъ растенію», «нуженъ былъ чистый воздухъ». «Тихо» любитъ свое искусство, съ истиннымъ наслажденіемъ трудится надъ своей работой». «Вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой является всякій художественный вздоръ», и толкуетъ со своими пріятелями «о любимомъ предметѣ»; у П. «нѣтъ» ястребиннаго взора наблюдателя, или соколинаго взгляда «кавалерійскаго офицера», «оттого, что онъ въ одно и то же время видитъ и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсоваго Геркулеса, стоящаго въ его комнатѣ; или ему представляется его же собственная картина, которую онъ еще думаетъ произвесть. Отъ этого онъ отвѣчаетъ часто несвязно, иногда невпопадъ, и мѣшающіеся въ его головѣ предметы еще болѣе увеличиваютъ его робость». «Звѣзда и золотой эполетъ приводятъ» П. въ «такое замѣшательство, что художники, подобные ему», «невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній». Даже «во снѣ, видя себя въ толпѣ, опасается толкнуть» «какого нибудь тайнаго совѣтника». Любитъ «иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется» «слишкомъ рѣзкимъ и нѣсколько походитъ на заплату»: «отличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бар-

хатный жилетъ и сюртукъ весь въ краскахъ». — — П. «столько же принадлежитъ къ гражданамъ Петербурга, сколько лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, принадлежитъ къ существенному міру». «Вѣчный раздоръ мечты съ существенностью» томитъ П. Мечты—его» единственное богатство». Въ нихъ «небо» и «рай». «Жизнь не вмѣститъ его». «Вседневное» и дѣйствительное странно поражало его слухъ». «Онъ спалъ на яву и бодрствовалъ во снѣ». «Дѣйствительность» для П. «отвратительна». «Что она противъ мечты?». Дѣйствительность: «поручикъ Пироговъ съ трубкою», «академическій сторожъ», «комната въ сѣромъ «мутномъ» безпорядкѣ». Въ мечтахъ, «въ прекрасномъ снѣ» ему видѣлась, та, которая, «какъ царица, была всѣхъ прекраснѣе». Между красавицами она была «всѣхъ лучше, всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣта. Невыразимое, самое тонкое сочетаніе вкуса разлилось во всемъ ея уборѣ, и при всемъ томъ она, казалось, вовсе о немъ не заботилась, и оно вылилось невольно, само собою. Она и глядѣла, и не глядѣла на обступившую толпу зрителей, прекрасныя длинныя рѣсницы опустились равнодушно, и сверкающая бѣлизна лица ея еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая тѣнь осѣнила при наклонѣ головы очаровательный лобъ ея». Она хотѣла открыть П. «свою тайну», но «толпа» постоянно раздѣляла ихъ. «Это была мечта» «прекрасный сонъ», и напрасно силился П. его продолжить: «она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасныя черты свои, хотя бы на минуту зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука мелькнула передъ нимъ!» — — Красота для П. «божество», «святыня», «она сливается только съ одной непорочностью и чистотой». «Одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки красавицы, похожей на Перуджинову Біанку», и «все обратилось въ немъ въ неопредѣленный трепетъ», «всѣ чувства его горѣли, и все передъ нимъ окуталось какимъ-то туманомъ». «При видѣ красоты онъ не чувствовалъ никакой земной мысли, онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти». «Онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышущій неопредѣленною потребностью любви». «И то» «довѣріе» красавицы, которое «возбудило бы въ развратномъ человѣкѣ дерзкія помышленія, то самое, напротивъ, еще болѣе освятило ихъ». «Это довѣріе наложило на него обѣтъ строгости рыцарской, обѣтъ рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобъ эти велѣнія были какъ можно болѣе трудны и неудобоисполняемы, чтобы съ бо́льшимъ напряженіемъ силъ летѣть преодолѣвать ихъ». «Онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все». П. узналъ «чудесную жизнь въ двухъ минутахъ»; «это уже не мечта». Онъ вѣрилъ и сомнѣвался, стыдился и робѣлъ, и «дивился своей дерзости»: «не во снѣ ли это все? Ужели та, за одинъ небесный взглядъ которой онъ готовъ бы былъ отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу которой уже онъ почиталъ за неизъяснимое блаженство, ужели та была сейчасъ такъ благосклонна и внимательна къ нему!» И въ «жилищѣ разврата», предъ «страннымъ, двухсмысленнымъ существомъ», которое, что бы ни сказало, все «такъ было глупо, такъ пошло», П. «стоялъ неподвижно» и мѣрилъ красавицу «съ ногъ до головы изумленными глазами». Ея пребываніе «въ презрѣнномъ кругу» П. «казалось необыкновеннымъ». Онъ готовъ «былъ позабыться, какъ позабывался прежде», но «при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата», «бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, какъ дикая коза». «Разрывающая жалость» овладѣла П. Онъ хотѣлъ видѣть ее «въ другомъ мірѣ», въ образѣ «ангела хранителя». — — Она стала его «прекраснѣйшею мечтою», «желаннымъ видѣніемъ». Безпрестанное устремленіе мыслей къ одному, наконецъ, взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и воображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день, всегда въ положеніи противоположномъ дѣйствительности, потому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка». «Она была его идеаломъ, его таинственнымъ образомъ оригинальныхъ мечтательныхъ картинъ»; ею «онъ жилъ такъ ужасно, такъ страдательно, такъ сладко жилъ». Въ мечтахъ онъ строилъ «легкомысленные планы». Онъ думалъ: «она вовлечена какимъ-нибудь невольнымъ ужаснымъ случаемъ въ развратъ; можетъ быть, движенія души ея склонны къ раскаянію; можетъ быть, она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустить ея гибель и притомъ тогда, когда только стоитъ подать руку, чтобы спасти ее отъ потопленія». «Мысли его простирались еще далѣе». «Меня никто не знаетъ», говорилъ онъ самъ себѣ, «да и кому какое до

меня дѣло, да и мнѣ тоже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъявитъ чистое раскаяніе и перемѣнитъ жизнь свою, я женюсь тогда на ней. Я долженъ на ней жениться и, вѣрно, сдѣлаю гораздо лучше, нежели многіе, которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часто на самыхъ презрѣнныхъ тваряхъ. Но мой подвигъ будетъ безкорыстенъ и, можетъ быть, даже великъ. Я возвращу міру прекраснѣйшее его украшеніе!» — «Васъ ненавидѣть? Мнѣ?» повторялъ онъ во снѣ. «Сновидѣнія сдѣлались его болѣзнью и, чтобы возстановить сонъ, онъ прибѣгнулъ къ опіуму. За порцію опіума онъ даже обѣщалъ персіянину нарисовать красавицу, «чтобы брови были черныя, и очи большія, какъ маслины»... «Во снѣ онъ искалъ ее какъ божество», «но всѣ поиски оставались тщетными». «Гдѣ же она? дайте ее мнѣ! о, я не могу жить, не взглянувши на нее». «Коснуться бы только ея — и ничего больше. Никакихъ другихъ желаній — они всѣ дерзки». И просыпался, растроганный, растерзанный, съ слезами на глазахъ». — «Лучше бы ты вовсе не существовала, не жила въ мірѣ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника! Я бы не отходилъ отъ холста, я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и цѣловалъ бы тебя, я бы жилъ и дышалъ тобою». И даже тогда, когда, при второмъ свиданіи, она «показала ему, какъ въ панорамѣ, всю жизнь свою», П., «скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать», «не будутъ ли имѣть надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ, онъ дрожащимъ и вмѣстѣ пламеннымъ голосомъ началъ представлять ей ужасное ея положеніе». Въ своихъ сновидѣніяхъ онъ видѣлъ ее своею женою. «Она сидѣла возлѣ него», «въ ея глазахъ, томныхъ, усталыхъ, написано было бремя блаженства: все въ комнатѣ его дышало раемъ; было такъ свѣтло, такъ убрано. Создатель! она склонила къ нему на грудь прелестную свою головку... Лучшаго сна онъ еще никогда не видывалъ». И на яву, стоя передъ красавицей, П. говорилъ ей, что хочетъ видѣть ее своею женою и вмѣстѣ начать новую жизнь. — «Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть обязану во всемъ самому себѣ, говорилъ П. — Я буду сидѣть за картинами, ты будешь, сидя возлѣ меня, одушевлять мои труды, вышивать, или заниматься другимъ рукодѣліемъ, и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка». Онъ смотрѣлъ на это свиданіе, какъ на «подвигъ», чувствовалъ «свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, рѣшившійся выйти въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни». И когда «лучшій сонъ» его былъ, «съ выраженіемъ какого-то презрѣнія», отвергнутъ и осмѣянъ, П. «бросился вонъ», «потерявши мысли и чувства». — — «Жертва безумной страсти», П. погибъ, перерѣзавъ себѣ горло бритвой.

Плюшкинъ («*Мертвыя Души*»). — Помѣщикъ, владѣтель «болѣе тысячи душъ». «Заплатанной», по словамъ мужика. Чичиковъ, которому «случалось много видѣть на своемъ вѣку людей», — «такого еще не видывалъ». «Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши, моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ». Бороду «брилъ и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей». «Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ». На спинѣ большая «прорѣха»; «на головѣ колпакъ», который носятъ деревенскія дворовыя бабы», за поясомъ ключи. Чичиковъ, встрѣтя П. на дворѣ, «долго не могъ распознать, какого пола была фигура — баба, или мужикъ. «Ой, баба!» подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: «Ой, нѣтъ!» — «Конечно, баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе» и «заключилъ, что это, вѣрно ключница». П. «былъ принаряженъ», «какъ нищій», и если бы Чичиковъ встрѣтилъ его гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей», то «вѣроятно далъ бы ему мѣдный грошъ». — — Каждый день онъ ходилъ «по улицамъ своей де-

ревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, перекладины, глиняный черепокъ тащилъ къ себѣ и складывалъ въ кучу». Онъ тащилъ все; «послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору,—шпора эта мигомъ отправлялась въ кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабыла ведро, онъ утаскивалъ и ведро».—«Вонъ уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его идущимъ на добычу». «Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь, но если только она попала въ кучку, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то у того-то, или досталась отъ дѣда». «Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что не видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро или на окошко». Безпорядокъ въ комнатѣ П. былъ таковъ, что «казалось, будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили мебель». «Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что̀ погрубѣе и что̀ недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ—рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога». Онъ забывалъ главное и «помнилъ только, на какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ». «Скряга», «собака», «мошенникъ, всѣхъ людей поморилъ голодомъ», по отзыву Собакевича.—«Люди у П. «мрутъ, какъ мухи». Подъ видомъ, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, П. наѣдался «препорядочно щей съ кашей» на кухнѣ. До чаю «не охотникъ: напитокъ дорогой и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная». «Для всей дворни, сколько бы ни было въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ». «Сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотили деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски». «Особенная ветхость» была на «всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ». Въ барскомъ домѣ «изъ оконъ только два были открыты, прочія заставлены досками». На одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги». Изъ сѣней дуло «холодомъ, какъ изъ погреба».—Въ кухнѣ труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь», жалуется самъ П. Четвертушку бумаги, на которой писалось письмо къ предсѣдателю палаты, долго «ворочалъ на всѣ стороны, «придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея осьмушку, но, наконецъ, убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла».—«Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо», приказалъ П. Маврѣ. «Да стой! Ты схватишь сальную свѣчку; сало—дѣло тонкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку!» Годовалый сухарь, который «сверху, чай, поиспортился», велитъ къ пріѣзду гостя поскоблить ножомъ, да крохъ не бросать, а снести въ курятникъ. Сынъ, опредѣлившійся въ полкъ, напрасно просилъ у отца денегъ на обмундировку»: «Онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ». Когда же «сынъ проигрался въ карты, онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ». Дочери, убѣжавшей съ штабсъ-ротмистромъ, послалъ на дорогу проклятіе, но преслѣдовать не заботился». «Маленькому внуку» далъ поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но дочери «денегъ ничего не далъ». Въ другой разъ «П. приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна». Хотѣлъ было возблагодарить Чичикова за его безпримѣрное великодушіе.—«Я ему подарю»,—подумалъ П. про себя,—«карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые или бронзовые,—немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны

карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ»,—прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія,—«лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ». Чичикову жалуется: «—Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... Того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру»... «Сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ». «Народъ-то сталъ прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня и самому ѣсть нечего» («И все отъ добродушія»). «Проклятая горячка выморила», «цѣлый кушъ мужиковъ». Когда Чичиковъ усумнился въ такой смертности мужиковъ, говоритъ:—«Старъ, я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу». «Онъ позабывалъ самъ, сколько у него было чего». На высказанное соболѣзнованіе отвѣчаетъ: «да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь». Когда же Чичиковъ «скромно замѣтилъ, что ему «сказывали», будто у П. «болѣе тысячи душъ, разсердился»: «А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не найдешь!» Торгуясь съ Чичиковымъ о цѣнѣ мертвыхъ душъ, проситъ:—«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы сорокъ копѣекъ.— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣечки пристегните». Огорченъ, что купчая крѣпость—«все издержки». «Прежде, бывало, полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь,—такое сребролюбіе! Но когда Чичиковъ заговорилъ съ П. о цѣнѣ ревизскихъ душъ, П. «ожидовѣлъ, руки его задрожали, какъ ртуть». Деньги отъ Чичикова «принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расплескать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ».— —«Гостей давненько» не видитъ.—«Да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ!»—Нѣтъ дома! встрѣтилъ П. Чичикова и, узнавъ, что «есть дѣло», сказалъ:—Идите въ комнаты.— —«Но и П. былъ не въ силахъ преступить законовъ» гостепріимства: приказываетъ поставить самоваръ и подать изъ кладовой «сухарь изъ кулича, что привезла Александра Степановна», и даже ключъ отъ кладовой отдаетъ Прошкѣ. Угощаетъ Чичикова «славнымъ ликерчикомъ», еще покойница дѣлала». Когда же «Чичиковъ поспѣшилъ отказаться отъ такого ликерчика «въ графинчикѣ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ», и съ незакупореннымъ горлышкомъ, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.—«Пили уже и ѣли!» сказалъ Плюшкинъ: «Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дядюшка», говоритъ, «дайте чего-нибудь поѣсть!» А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается!» Когда Чичиковъ отказался и отъ чая, крикнулъ:—Прошка не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ».— —Къ людямъ недовѣрчивъ и подозрителенъ. Своихъ крестьянъ зоветъ «тунеядцами», дворню и мужиковъ ругаетъ «поносными словами».—Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина! Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется? говоритъ онъ Прошкѣ.—«Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?» спрашиваетъ Мавру. Но и слуги въ отвѣтѣ не остаются.—«Ну что жъ расходилась такъ! Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десять», замѣчаетъ П. Маврѣ. — — Все держитъ подъ замкомъ и ключи носитъ на поясѣ при себѣ. Всѣ у П. «воры», «негодные», «мошенники», «безсовѣстные». Людямъ «ни въ чемъ нельзя довѣрять». Прошка «глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить—мигомъ украдетъ!» Наказываетъ ему:—Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую:—«не то—я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть».— Мавру уличаетъ въ томъ, что «подтибрила» «небольшой лоскутокъ» бумаги и «снесла пономаренку»—«А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила», говоритъ П. на оправданіе Мавры и грозитъ:—«Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за

это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!» «А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: «А вотъ тебѣ мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!» Предложеніе Чичикова «принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ умершихъ» изумило П. и онъ спросилъ:— «Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?» Но противъ «душеспасительнаго слова» Чичикова («словомъ хоть кого проймешь») не устоялъ, хотя вскорѣ же вывелъ заключенье, что гость совершенно глупъ, или прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками». — — Самъ обходилъ всѣ кладовыя и осматривалъ, «на мѣстахъ ли стоятъ сторожа». Въ городъ не ѣздилъ: а домъ-то какъ оставить! «Въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить». Прежде онъ былъ только «бережливымъ хозяиномъ», и «сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости». «Умнѣйшій былъ человѣкъ», по отзыву предсѣдателя «однокорытника»» П. У П. «все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ», «во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его». Послѣ смерти жены «часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. П. сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе». Когда же, «наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла», и онъ очутился «хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ», «одинокая жизнь дала сытную пищу скупости»; «человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежедневно, и каждый день что нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ». Воспоминанія вызывали «на деревянномъ лицѣ П. не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства». «Съ каждымъ годомъ уходили изъ вида» его «болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль»; «Но попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множестомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ». На что́ бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало».

Подколесинъ, Иванъ Кузьмичъ *(«Женитьба»)*.—Холостякъ-чиновникъ, экспедиторъ департамента, надворный совѣтникъ. По собственнымъ словамъ, «жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ; обѣдалъ, спалъ, словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный человѣкъ». Мужчина въ томъ возрастѣ, когда, по словамъ Ѳеклы, «въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ». «Глупъ, хоть и экспедиторъ»,— по словамъ Кочкарева, и все «лежитъ проклятый холостякъ». «Дрянь, колпакъ, баба, хуже бабы»,— называетъ П. Кочкаревъ. Лежа на диванѣ въ халатѣ и съ трубкой въ рукахъ, мечтаетъ о женитьбѣ: «Вотъ какъ начнешь этакъ одинъ на-досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ...» На что-либо рѣшиться П. никакъ не можетъ. На случай женитьбы и фракъ, и сапоги уже заказаны. Онъ «готовъ вытерпѣть Богъ знаетъ что, только бы не мозоли». П. даже становится какъ-то совѣстно за свою бездѣятельность, но пришедшей свахѣ П. отвѣчаетъ: «По-

думаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣзавтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты разскажешь...» «Нужно поразсудить, поразсмотрѣть...» Сейчасъ же смотрѣть нельзя: «выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ...» «Помилуй,—говоритъ онъ,—ты такъ горячо берешься, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба». Жениться точно слѣдуетъ, но только «странно»: «все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый...» Своего мнѣнія у П. нѣтъ. На смотринахъ находитъ, что невѣста «недурна», затѣмъ, слыша, что другіе ее критикуютъ, признаетъ, что она «какъ-то не того: и носъ длинный и по-французски не знаетъ», а невѣста «все-таки должна знать по-французски...» «Ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то». «Эхъ, ты, пирей, не нашелъ дверей!»—говоритъ Кочкаревъ. «Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша»,—соглашается вновь П., но сдѣлать предложеніе отказывается, хотя жениться хочетъ. «Что жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ...» Когда Кочкаревъ приводитъ П. къ Агафьѣ Тихоновнѣ, чтобы тотъ «изъяснился», открылъ ей «сію же минуту сердце» и потребовалъ руки, Подколесинъ не знаетъ, съ чего начать, и молчитъ. «Вы, сударыня, любите кататься?» — спрашиваетъ онъ Агафью Тихоновну. «Какъ-съ кататься?»—«На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ».—«Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся».—«Какое-то лѣто будетъ—неизвѣстно».—«А желательно, чтобы было хорошее» (Оба молчатъ).—«Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?» — «Который покрѣпче пахнетъ-съ — гвоздику-съ». — «Дамамъ очень идутъ цвѣты».—«Да, пріятное занятіе (Молчаніе).—Въ которой церкви вы были въ прошлое воскресенье?»—«Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше». (Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу). «Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье».—«Да, черезъ мѣсяцъ, кажется».—«Даже и мѣсяца не будетъ».—«Должно быть, веселое будетъ гулянье».—«Сегодня восьмое число (считаетъ по пальцамъ); девятое, десятое, одиннадцатое... черезъ двадцать два дня».—«Представьте, какъ скоро!»—«Я сегодняшняго дня даже не считаю (Молчаніе). Какой это смѣлый русскій народъ!»—«Какъ?»—«А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего».—«Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?»—«А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность (Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ берется за шляпу и раскланивается).—«А вы уже уходите?...»—«Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ».—«Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени».—«А мнѣ такъ, право, кажется, что я наскучилъ».—«Ахъ, право нѣтъ!»—«Ну, такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь...»—«Очень пріятно-съ». П. находитъ, что онъ сказалъ «все, что слѣдуетъ», «съ большимъ удовольствіемъ провелъ время» и «вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ». Онъ хочетъ «роздыху». Его «все какъ-то беретъ сомнѣніе», онъ рѣшается сдѣлать предложеніе «какъ-нибудь послѣ», несмотря, что отъ него, по увѣренію невѣсты, «все пріятно слышать». «Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!» — говоритъ Кочкаревъ. Когда же Кочкаревъ сдѣлалъ Агафьѣ Тихоновнѣ за П. предложеніе, П. вдругъ требуетъ, чтобы вѣнчанье было сейчасъ, «непремѣнно сей же часъ...» и, тронутый «услугой» Кочкарева, обѣщаетъ даже «будущей весной навѣстить могилу его отца...» «Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ,—говоритъ П.—Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не были ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ—и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить». Но ему тотчасъ же дѣлается страшно. «На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего,—все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя—тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности». И онъ придумываетъ выходъ: бѣжитъ въ окно.

Поприщинъ, Аксентій Ивановичъ (*«Записки Сумасшедшаго»*).—«Дворянинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ сорока двухъ лѣтъ». «Уродъ», «совершенная черепаха въ мѣшкѣ», «волоса на головѣ похожи на сѣно». Сидитъ «въ директорскомъ кабинетѣ» и очиниваетъ «перья для его пр-ства». «Достатковъ нѣтъ — вотъ въ чемъ бѣда!» Утѣшаетъ себя, что «давно бы оставилъ департаментъ, если бы не благородство службы»: «чистота во всемъ такая, какой во вѣки не видѣть губернскому правленію, столы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на вы». Читаетъ «Пчелку» и не одобряетъ французовъ: — Эка глупый народъ французы! Ну, чего хотятъ они? Взялъ бы, ей-Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами!» Одобряетъ описаніе бала, сдѣланное курскимъ помѣщикомъ: «курскіе помѣщики хорошо пишутъ». «Давно уже перестал удивляться всему, что творится на свѣтѣ, и тому «будто въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ странномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до сихъ поръ ничего не открыли», и исторіи о «двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю», и даже тому, что собака заговорила по-человѣчески, такъ какъ давно подозрѣвалъ, что собака «умнѣе человѣка». Размышленія объ испанскихъ дѣлахъ удерживаютъ его даже отъ хожденія въ департаментъ, такъ какъ не понимаетъ выгодъ служить въ департаментѣ. «Никакихъ совершенно рессурсовъ», а «жидъ» казначей не выдаетъ «жалованья впередъ». «Какъ же можетъ это быть, чтобы донна сдѣлалась королевою? размышляетъ П. Не позволятъ этого. И во-первыхъ Англія не позволитъ. Да притомъ, и дѣла политическія Европы, австрійскій императоръ, нашъ государь»... «Эти происшествія такъ убили и потрясли, что П. рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день». Любитъ бывать въ театрѣ, какъ только грошъ заведется въ карманѣ, и находитъ, что «очень забавныя пьесы пишутъ нынче сочинители, но дивится, какъ ихъ пропустила цензура», переписываетъ очень хорошіе стихи»: «Душеньки часокъ не видя, думалъ годъ уже не видалъ». «Сочинителемъ ихъ считаетъ Пушкина».— —Мавра замѣчала П., что онъ «за столомъ былъ черезвычайно развлеченъ», «и точно, двѣ тарелки, кажется, въ разсѣянности, я бросилъ на полъ», говоритъ П. «Что это у тебя, братецъ», говоритъ ему начальникъ отдѣленія, «въ головѣ всегда ералашъ такой? Ты иной разъ мечешься, какъ угорѣлый, дѣло подчасъ такъ спутаешь, что самъ сатана не разберетъ; въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера». — — Живетъ одиноко; все время лежитъ у себя на кровати и большую часть времени проводитъ въ размышленіяхъ. Давно хотѣлъ бы добраться, отчего происходятъ на свѣтѣ эти разности. Желалъ бы самъ сдѣлаться генераломъ, «потому все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ или генераламъ», для того, чтобы увидѣть какъ передъ нимъ будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разныя придворныя штуки и экивоки» и потомъ сказать имъ: «я плюю на васъ»...— —«Прежде для П. было все въ какомъ-то туманѣ». «Я», говоритъ П., «не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумасбродная, сумасшедшая мысль». «Люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря». «А можетъ быть, воображаетъ П., я совсѣмъ не титулярный совѣтникъ. Можетъ быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ. Можетъ быть, я самъ еще не знаю, кто я таковъ. Вдругъ какой-нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а просто какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ, и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ или какъ его. Когда изъ мужика да иногда выходитъ этакое, что же изъ дворянина можетъ выйти? Вдругъ я вхожу, напримѣръ, къ нашему въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо лента голубая. Да развѣ я не могу сію же минуту быть пожалованъ генералъ-губернаторомъ или интендантомъ? И вдругъ П. «какъ будто молніей осѣнило», что король Испаніи—это онъ, П.— —Въ департаментѣ П. глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: что, если бы вы знали, кто между вами сидитъ... «Господи Боже, какой бы вы ералашъ подняли! Да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ такъ же кланяться въ поясъ, какъ онъ теперь кланяется предъ директоромъ. Передо мною положили какія-то бумаги, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ. Но я и пальцемъ не притронулся». Когда директоръ проходилъ черезъ отдѣленіе, всѣ застегнули на пуго-

вицы свои фраки; но я, говоритъ Поприщинъ, совершенно ничего! Что за директоръ! Чтобы я всталъ передъ нимъ — никогда! Какой онъ директоръ? Онъ пробка, а не директоръ. Пробка—обыкновенная, простая пробка, больше ничего — вотъ которою закупориваютъ бутылки. Мнѣ больше всего было забавно, когда подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: Столоначальникъ такой-то,—какъ бы не такъ! А я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: «Фердинандъ VIII».— —Ходилъ инкогнито по Невскому проспекту. Проѣзжалъ государь императоръ. Весь городъ снялъ шапки и я также; однако же, я не подалъ никакого вида, что я испанскій король. Почелъ неприличнымъ открыться тутъ же при всѣхъ; потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Однако же я еще не рѣшаюсь представляться ко двору.— —«Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже, что они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня, бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ. Голова моя горитъ и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ какъ вихорь коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится передо мною: звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ предъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына. Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! Его гонятъ!—Матушка! пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!.. А знаете ли, что у алжирскаго дея подъ самымъ носомъ шишка?»

Почтмейстеръ («*Мертвыя Души*»).—Почтмейстеръ въ городѣ «недалекомъ отъ обѣихъ столицъ». «Низенькій человѣкъ». Звали его «Иванъ Андреевичъ», но жители города къ его имени прибавляли:—«шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ». Женатъ и имѣетъ «одного сынишку». — «Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ Иванъ Андрейчъ, у тебя дѣло почтовое—принять да отправить экспедицію; развѣ только надуешь», «запрешь присутствіе часомъ раньше», «да возьмешь съ опоздавшаго купца за пріемъ письма въ неуказанное время, или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать»,—«тутъ, конечно, всякій будетъ святой», замѣчали чиновники,—такъ какъ можно устоять «противъ чорта, который если повадится подвертываться каждый день подъ руку, такъ что, вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ даетъ». — — Острякъ и философъ, открывалъ «свою табакерку только вполовину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: «Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, ни вѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ—вещь, требующая чистоты».— —«Читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юнговы «Ночи» и «Ключъ къ таинствамъ натуры» Эккартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно». Читалъ также газеты. Замѣтилъ, что «Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія».—Среди бесѣды погружался въ «какое-то размышленіе»; «взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю» и сохранялъ «такое же положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадья!» если же король: «Пошелъ, тамбовскій мужикъ!» При извѣстіи о назначеніи новаго генералъ-губернатора, П., одинъ изъ высшихъ чиновниковъ города, «не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: «Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, сударь мой, сижу на одномъ мѣстѣ». Когда рѣчь зашла о томъ, «не переодѣ-

тый ли разбойникъ» Чичиковъ, и противъ такой догадки «вооружились всѣ»,—одинъ П. остался при особомъ мнѣніи. «Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое-то размышленіе,—вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного,—вскрикнулъ неожиданно: «Знаете ли, господа, кто это?» Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: «А кто?»—«Это, господа, сударь мой, не кто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ!» А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: «Кто таковъ этотъ капитанъ Копѣйкинъ?» почтмейстеръ спросилъ: «Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копѣйкинъ?» — — «Былъ оченъ рѣчистъ». Разсказываетъ «презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму о капитанѣ Копѣйкинѣ, при чемъ говоритъ всюду «сударь ты мой», несмотря на то что въ комнатѣ сидѣлъ «не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро». «Любилъ, какъ самъ выражался, «уснастить» рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: «сударь ты мой, этакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ», и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ». Въ своихъ предположеніяхъ и догадкахъ хваталъ «уже слишкомъ далеко», и былъ «заднимъ умомъ крѣпокъ»; такъ предположилъ, что Чичиковъ не кто иной, какъ капитанъ Копѣйкинъ; но даже послѣ замѣчанія полицеймейстера: «Только позволь, Иванъ Андреевичъ, вѣдь капитанъ Копѣйкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова...» «Минуту спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ, какъ одинъ изобрѣлъ деревяныя ноги, такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги человѣка Богъ знаетъ въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было». — — П. «цвѣтистъ въ словахъ». Такъ, разсказывая о петербургскихъ впечатлѣніяхъ Копѣйкина, говоритъ: ...«и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдругъ, какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія; словомъ, семирамида, сударь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры—Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами». Имѣешь понятіе о «столичномъ поведенцѣ»: гдѣ «на всякомъ шагу соблазнъ «и гдѣ, чтобы «жить», нужно занять тысячи у французскаго короля».—«Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки на окнахъ, можете себѣ представить, полусаженныя зеркала, марморы, лаки, судырь мой... Металлическая ручка какая-нибудь у двери—конфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ взяться за нее», описываетъ П. жилище вельможи. Въ лавкахъ петербургскихъ «милютинскихъ», по словамъ П., «...изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, «ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей». Знаетъ и «ревельскій трактиръ» гдѣ «за рубль въ сутки» можно найти пріютъ и «обѣдъ—щи, кусокъ битой говядины», и «Палкинскій трактиръ». Пространно повѣствуетъ о томъ, какъ въ Петербургѣ, не найдя справедливости у высшаго начальства, Копѣйкинъ началъ «откалывать и гвоздить:»—«Да вы», говоритъ, «то!» говоритъ; «да вы», говоритъ, «это!» говоритъ; «да вы», говоритъ, «обязанностей своихъ не знаете! да вы», говоритъ, «законопродавцы!» говоритъ. Всѣхъ отшлепалъ. Генералъ тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чортомъ?»

Пульхерія Ивановна (*«Старосвѣтскіе помѣщики»*). — Жена Аѳанасія Ивановича Товстогуба,—«Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ»: принадлежала къ одной изъ «тѣхъ уединенныхъ» владѣтельницъ «отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ «старосвѣтскими».—«Легкія морщины» на лицѣ П. И. «были расположены съ такою пріятностью, что художникъ» «вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь» ея, «ясную, спокойную». П. И. минуло «пятьдесятъ лѣтъ»: она была «нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица». «П. И. была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится». На ней «лежало все бремя правленія», но «въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора П. И. мало имѣла возможности входить», и все ея «хозяйство» «состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній». «Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на медѣ. «Кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фруктохранилищахъ». «Половина запасовъ съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что жаловались на животы свои». «Комнатный мальчикъ, если не ѣлъ, то ужъ, вѣрно, спалъ». Во дворѣ П. И. «жрали» всѣ «ужасно», начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ, и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ; сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что̀ все обращалось къ всемірному источнику, т. е. къ шинку, сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи, но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ». «Кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золотысячникъ, на вишневыя косточки, и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать». «Приказчикъ и войтъ нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ, и эту половину привозили они заплѣснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ». Въ лѣсу «терялись» столѣтніе дубы. На замѣчаніе П. И. приказчику:—«Отчего это у тебя, Ничипоръ, дубки сдѣлались рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки!»,—прик. обыкновенно говаривалъ: «Отчего рѣдки. Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили... — пропали, пани, пропали». П. И. совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ. Однакоже строго смотрѣла за нравственностью «дворовыхъ дѣвушекъ, но, къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы у которой нибудь изъ ея дѣвушекъ станъ не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго»: «П. И. обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было». «Одинъ только разъ П. И. пожелала обревизовать свои лѣса». Увидавъ, что дубы, «которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними», исчезли, дала «повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дуль».— —Жила «спокойною и уединенною жизнью». Очень любила «покушать». «За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.—Мнѣ кажется, какъ будто эта каша,—говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ,—немного пригорѣла.—Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?—«Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней». «Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ

взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы:—Вы, Аѳанасій Ивановичъ! Вы, Пульхерія Ивановна.—Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ? «Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я». «П. И. и Аѳан. Иван. никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ», «они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна». Когда Аѳанасій Ивановичъ шутилъ надъ Пульхеріей Ивановной и, разсуждая о постороннемъ, спрашивалъ:—«А что, Пульхерія Ивановна», говорилъ онъ: «если-бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?»—«Вотъ это Боже сохрани!» отвѣчала Пульхерія Ивановна, крестясь. «Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?»—Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ». «Ну, а если бы сгорѣлъ?»—Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница». «А если бы и кухня сгорѣла?»—Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ». «А если бы и кладовая сгорѣла?»—Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ накажетъ за такія рѣчи!» «Къ чему разсказывать этакое на ночь?» говорила П. И.. когда Аѳ. Ив. стращалъ гостя, оставляя его ночевать, «разбойниками, или недобрыми людьми».—Разбойники, не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать», заявляла П. И.— «Это все выдумки. Такъ вотъ придетъ въ голову, и начнетъ разсказывать! подхватывала П. И. съ досадой.—Я и знаю, что онъ (Аѳ. Ив.) шутитъ, а всетаки непріятно слушать. Вотъ этакъ онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ».—Но передъ смертью, приходъ которой она сама почувствовала, страха не испытываетъ. Она только грустила объ Аѳ. Ив.—Аѳанасій Ивановичъ для П. И. «какъ дитя маленькое»: «нужно чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами», говорила она ему. И, умирая, она проситъ Явдоху беречь пана, «какъ глаза своего», обѣщаетъ за то молиться за нее на томъ свѣтѣ.—Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить—не набирай грѣха на душу. Когда же будешь за нимъ присматривать, то и будетъ тебѣ счастье на свѣтѣ. Я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія». «Она съ необыкновенной расторопностью распорядила все такимъ образомъ, чтобы Аѳ. Ив. не замѣтилъ ея отсутствія».—Нѣтъ, я не больна, Аѳ. Ив., я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе: я знаю, что этимъ лѣтомъ я умру: смерть моя уже приходила за мною!—Грѣхъ плакать, Аѳ. Ив.! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея): я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру». При этомъ на лицѣ ея отразилась «глубокая, сердечная жалость». Вы однакожъ не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила...—«Мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ». А. И. попросила, только, чтобы исполнилъ ея волю: похоронилъ ее «возлѣ церковной ограды» и платье надѣлъ на нее сѣренькое, то, что̀ съ небольшими цвѣточками по коричневому полю.—Атласнаго платья, что̀ съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня; мертвой ужъ не нужно платье—на что оно ей? А вамъ оно пригодится: изъ него сошьете парадный халатъ на случай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.— —«Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ была такъ сильна, и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постель и не могла уже принимать никакой пищи». «Передъ смертью она не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ».—«Смотри мнѣ, Явдоха,—говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать: когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему надѣвала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то, пожалуй, онъ иногда вый-

детъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный».— —П. И. всегда «чрезвычайно бывала въ духѣ, когда у нихъ бывали гости». «Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать». Тогда «все въ домѣ принимало другой видъ». П. И. «можно сказать», жила «для гостей» и старалась «угостить всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство».—«Вотъ это,—говорила она, снимая пробку съ графина: водка, настоенная на деревій и шалфей: если у кого болятъ лопатки или поясница, то очень помогаетъ; вотъ это на золототысячникѣ: если въ ушахъ звенитъ, и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетъ; а вотъ это—перегонная на персиковыя косточки, вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ!» «Графины у П. И. всегда «почти имѣли какія-нибудь цѣлебныя свойства». Подчуя «грибками съ щебрецомъ», «съ гвоздиками и волошскимъ орѣхомъ», П. И. не забывала вспомнить о «туркени» научившей ее солить грибы.—«Такая была добрая туркеня, и незамѣтно совсѣмъ, чтобы турецкую вѣру исповѣдывала: такъ почти и ходитъ совсѣмъ, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено». «Большія травянки» вызывали воспоминанія объ отцѣ Павлѣ, отъ котораго П. И. «узнала секретъ» приготовленія. Въ услужливости П. И. не было никакой приторности». «Радушіе и готовность» ея и «Аѳ. Ив. были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ».

Пѣтухъ, Петръ Петровичъ (*«Мертвыя Души»*). — «Теперь какой нибудь П. П. Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ», отзывается о немъ Констанжогло. «Круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузъ или боченокъ». Запутавшись въ неводѣ, потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ волдыри». Несмотря на толщину, очень подвиженъ. Баринъ «стараго покроя», владѣлецъ приозерной деревни, «добрякъ»; «только для поощренія» далъ своимъ слугамъ названія «ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка». Баринъ «былъ вовсе не охотникъ браниться»; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ прянаго слова не обойдется. Оно ему нужно, какъ рюмка водки для свaренія въ желудкѣ». Имѣніе заложилъ, потому что, «говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ?» Всегда веселъ. «Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ».—Мало ѣдите, вотъ и все, говоритъ Пѣтухъ Платонову. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать». Пѣтуху «даже и времени нѣтъ для скучанья». Поутру проснешься—вѣдь тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть—опять поваръ, нужно заказывать ужинъ; тутъ пришелъ поваръ—заказывать нужно на завтра обѣдъ... Когда же скучать?» И заказывалъ онъ «съ присасываніемъ и забирая въ себя духъ, присмактывалъ и подшлепывалъ зубами такъ», что у «мертваго родился бы аппетитъ». За обѣдомъ П. дѣлался «совершеннымъ разбойникомъ». «Онъ то и дѣло подливалъ, да подливалъ» гостямъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ—подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». У кого два—подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что-жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три—онъ ему: «Гдѣ-жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто-жъ строитъ избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была тоже поговорка, на пять—опять». «Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: «Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ». Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка! «—Два года воспитывалъ на молокѣ», сказалъ хозяинъ: «ухаживалъ, какъ за сыномъ!»—Не могу», сказалъ Чичиковъ. «Вы попробуйте да потомъ скажите: *не могу*».—«Не взойдетъ, нѣтъ мѣста». «Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій—нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій». «Дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а казалось, ничего нельзя было помѣстить». Послѣ такого обѣда «тучная собственность» П., «превратив-

шись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовые продухи, такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точный собачій лай». За ужиномъ П. такъ угостилъ гостей, что Чичиковъ, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой:—«Барабанъ! сказалъ: никакой городничій не взойдетъ! За затракомъ повторилось то же: «даже мордатый песъ лѣниво шелъ за коляской: онъ тоже объѣлся». Когда Чичиковъ, попавъ вмѣсто Кошкарева къ П., извинился въ «нежданной ошибкѣ», П. отвѣтилъ:—«Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажите: ошибка ли это?» По отзыву Селифана, «такого господина еще не было», «очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ»: людямъ «по рюмкѣ шампанскаго выслалъ» и «приказалъ отъ стола отпустить блюда». Въ коляску Чичикова приказалъ поставить Петрушкѣ «паштеты и пироги».

Селифанъ (*«Мертвыя Души»*). — Крѣпостной, «словоохотливый возница» Чичикова. «Низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ», или «въ какой-то дряни изъ сѣраго сукна». Имѣлъ «доброе чутье вмѣсто глазъ». Любилъ «вести поучительныя рѣчи», «пускаться въ разсужденія» и тогда забирался «въ самыя отдаленныя отвлеченности». Съ удовольствіемъ готовъ поговорить съ «хорошимъ человѣкомъ»; «съ хорошимъ человѣкомъ мы, говоритъ С., всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, закусить—съ охотою, коли хорошій человѣкъ». Увѣренъ, что «свое дѣло знаетъ». О лошадяхъ, къ которымъ приставленъ, заботится: «Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство, что́, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство». Однако, коню Чубарому «доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: «Эхъ, ты, подлецъ!» «Гнѣдой» и «Засѣдатель», по убѣжденію С., были «почтенные», «любезные», тогда какъ Чубарый только «панталонникъ нѣмецкій», «Бонапартъ проклятый», «дуракъ», «невѣжа» и «варваръ», потому что не зналъ своего дѣла, «былъ лукавъ» и показывалъ только для вида, «будто бы везетъ».—«Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю или закусить — съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ сколѣской совѣтникъ». Во время такихъ рѣчей «вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотливаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ». «— Быть пьянымъ», говоритъ С., «не хорошее дѣло», но «закуска не обидное дѣло»: «съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить». «Закусить» и «поговорить съ хорошимъ человѣкомъ — въ томъ нѣтъ худого». Послѣ такой закуски съ Петрушкой въ кабакѣ, забывалъ, что ему нужно быть «близъ лошадей» и засыпалъ, «помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ», или «требовалъ руководства», потому что «едва держался на козлахъ». Въ пьяномъ видѣ «или когда-либо въ чемъ провинившись», С. былъ «очень внимателенъ къ своему дѣлу», «былъ суровъ и молчаливъ» и «не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ», но «только похлестывалъ кнутомъ», или затягивалъ—«пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми потчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, и все, что первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями». — — Не любилъ, «какъ русскій человѣкъ», сознаваться въ своей винѣ или оплошности, «смекалъ, но не «говорилъ ни слова». Наскакавъ на коляску съ шестерикомъ, въ отвѣтъ «на брань и угрозы чужого кучера», С. «вымолвилъ, пріосанясь»: «— А ты что такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?» — — Опрокинувъ Чичикова въ грязь, «сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: «Вишь ты, и перекинулась!» Когда Чичиковъ приказалъ быть готовымъ для выѣзда изъ города, С. произнесъ: «Слушаю, Павелъ Ивановичъ», и остановился, однакожъ, нѣ-

сколько у дверей, не двигаясь съ мѣста» и «наконецъ медленно вышелъ изъ комнаты», и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ». На утро ничего не приготовилъ и привелъ въ оправданіе: — «Да, вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать». На вопросъ Чичикова («Ахъ ты, чушка, чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? не было развѣ времени»), отвѣчаетъ: «— Да время-то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошелъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ». На допытываніе Чичикова, зналъ ли С. «это прежде», заявляетъ, потупивши голову: «зналъ».—«Ну такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?» «На этотъ вопросъ С. ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: «Вишь ты, какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ». — — С. на все согласенъ, и на угрозу Чичикова «высѣчь», отвѣчаетъ: «— Какъ милости вашей будетъ завгодно, коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему-жъ не высѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему-жъ не посѣчь?» — — Послѣ хороводовъ въ деревнѣ С. «не зналъ и самъ», «что съ нимъ дѣлалось». Долго потомъ во снѣ и на яву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки и движется онъ съ ними въ хороводѣ... махнувъ рукой, говорилъ онъ: «Проклятыя лѣзли дѣвки!» На яву эти «породистыя стройныя дѣвки» заставляли С. «по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной».

Собакевичъ, Михайло Семеновичъ (*«Мертвыя Души»*). — Помѣщикъ. Весьма похожъ «на средней величины медвѣдя». «Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги»; «онъ самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ»; «ноги, какъ тумбы, обуты въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри». Спина у С. «широкая, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей». «Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ, хватила въ другой—вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не оскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: «живетъ!» Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь». «Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ». — — «Упишетъ полбараньяго быка съ кашей, закусивши ватрушкой съ тарелку», но «гадостей не станетъ ѣсть».—«Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы не возьму: я знаю, на что устрица похожа». «Бараній бокъ это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется». За завтракомъ у полицмейстера пристроился къ осетру, и покамѣстъ гости разговаривали, «въ четверть часа съ небольшимъ доѣлъ его всего», оставивъ «одинъ хвостъ». «Докторовъ нѣмцевъ и французовъ», которые выдумали «діэту», лѣчить «голодомъ», С. перевѣшалъ бы. «Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все...» Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головой. «Толкуютъ—просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье... фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина—всю свинью давай на столъ, баранина—всего барана тащи, гусь,—всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ». Жалуется, что «пятый десятокъ живетъ», «и ни разу не былъ боленъ»; «хоть бы горло заболѣло, вередъ или чирей выскочилъ... Нѣтъ, не къ добру!» Подобныя мысли погружали С. въ меланхолію. — — «Не любилъ ни о комъ хорошо отзываться». — Предсѣдатель, по словамъ С., «только что масонъ, а такой дуракъ, какихъ свѣтъ не производилъ». — Губерна-

торъ—«первый разбойникъ въ мірѣ». «И лицо разбойничье!» «Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу,—зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога». И поваръ губернаторскій, «каналья», купитъ «кота, обдеретъ его да подаетъ за зайца». — «Полицмейстеръ—мошенникъ, продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья». — - «Точенъ и аккуратенъ»; въ запродажной запискѣ не только прописалъ «ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе (проданныхъ Чичикову мертвыхъ душъ), но даже сдѣлалъ особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости». «Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностью: ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано: «хорошій столяръ»; къ другому приписано: «дѣло смыслитъ и хмельного не беретъ». Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только, какого-то Ѳедотова, было написано: «отецъ неизвѣстнаго кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ». «Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы». Требуетъ съ Чичикова задаточекъ:—«Вы знаете, такъ ужъ водится». Когда же Чичиковъ попросилъ у С. росписку, сказалъ: «да на что вамъ росписка?» Согласился, но потребовалъ деньги.—«Да, позвольте, какъ же мнѣ писать росписку? Прежде нужно видѣть деньги». И, «накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи» и замѣтилъ: — Бумажка-то старенькая, немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть».— —Больше слушаетъ, чѣмъ говоритъ; во время бесѣды, «хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что́ ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности».—«Вамъ нужно мертвыхъ душъ? спросилъ С. очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ», и «смекнувши, что покупщикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую нибудь выгоду»; въ «дѣла фамильныя», которыми хотѣлъ прикрыть Чичиковъ свою покупку, «не мѣшается», но цѣну требуетъ «настоящую». Заломилъ, «чтобы не запрашивать лишняго, по сту рублей за штуку». А когда Чичиковъ сталъ торговаться,—обидѣлся: «вѣдь, я продаю не лапти». «Такъ вы думаете сыщете такого дурака, который бы продалъ по двугривенному ревизскую душу?» И, «откуда взялись рысь и даръ слова», «началъ выхвалять свой товаръ».—«Да чего вы скупитесь?» сказалъ Собакевичъ: «право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочная такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!» С. «видно пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать». На доводы Чичикова, отвѣчалъ: «да, вотъ вы же покупаете; стало быть» нужно. «Вамъ понадобились души, и я продаю вамъ, и будете раскаиваться, что не купили». Видя, что Чичиковъ не поддается, замѣтилъ:— «Эко, право! затвердила сорока Якова одно про всякаго, какъ говоритъ пословица, какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну».—«Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово, пятьдесятъ рублей. Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа! И наконецъ, припугнулъ «неподатливаго покупателя»:—«Но, знаете ли, что такого рода покупки,—я это говорю между нами по дружбѣ, — не всегда позволительны, и раскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства». Видя, что и это не дѣйствуетъ, С. «усадилъ» Чичикова въ кресло и сказалъ ему на ухо «пріятное слово, какъ будто секретъ»: «хотите уголъ?» Когда же Чичиковъ заявилъ рѣшительно,

что копѣйки не прибавитъ, укорилъ его: «Право, у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубля дайте». И, получивъ отказъ, согласился.— —«Чортовъ кулакъ, да еще бестія въ придачу», по словамъ Чичикова; «жидоморъ» называетъ С. Ноздревъ; по собственному же признанью, нравъ имѣетъ «такой собачій»: не могу не доставить удовольствія ближнему».— —Насчетъ задатка—снова торгуется:—Что-жъ десять, дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ! Когда же Чичиковъ сталъ отговариваться, что нѣтъ, С. «такъ сказалъ утвердительно, что у Чичикова есть деньги», что Чичиковъ «вынулъ еще бумажку».—Послѣ полученія задатка, освѣдомился:—«А женскаго пола не хотите?»—«Я бы не дорого взялъ. Для знакомства по рублику за штуку»· На отказъ Чичикова заявилъ:—Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: кто любитъ попа, а кто попадью, «говоритъ пословица». Однако, «надулъ» и въ записку проставилъ мужика: Елисавету Воробей». Она «такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика и даже имя оканчивалась на букву ъ, то-есть, не Елизавета, а Елизаветъ».— — На просьбу Чичикова, чтобы сдѣлка осталась между ними, отвѣтилъ:—«Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьми, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ». При заключеніи купчей лицо его «не шевельнулось».—«Да что жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу, отозвался Собакевичъ: что такое именно вы (Чичиковъ) пріобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое пріобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто, золото!» И похвастался каретникомъ Михѣевымъ, плотникомъ Пробкой Степаномъ—«вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ». «А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой: «А такъ, просто, нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру!» Засимъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаивался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ: «Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума». «И сталъ по прежнему неподвиженъ», но Чичикову казалось, что С. все понимаетъ, только держитъ обѣщаніе: «услужить другу». На вопросы чиновниковъ о Чичиковѣ отвѣчалъ, что «Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, и что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ-де цѣлыя деревни».

Собачкинъ, Андрей Кондратьевичъ *(«Отрывокъ»)*.—«Титулярный совѣтникъ». По мнѣнію Марьи Александровны, «моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ». Думаетъ, что «иной разъ точно, даже что-то значительное въ лицѣ... жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона». «Еще какъ былъ мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: «Плутишка, какъ хорошъ!» — «Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды, такъ ли, чтобъ рѣшительно вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ—сукномъ обшитъ, или выбрить все гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?»— —«Нравится женщинамъ». «Вообразите, на Масляной шесть купчихъ... можетъ быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь... волочился или что-нибудь другое... клянусь, даже не посмотрѣлъ!»—«Дочь—богачка страшная, до двухсотъ тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки». «Отецъ три дня на колѣняхъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла и теперь въ монастырѣ сидитъ». «Думаю себѣ: отецъ—откупщикъ, родня—что ни попало. Повѣрите, самому право было потомъ жалко».—«Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ, трехъ утонувшихъ женщинъ,—я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію... Да, любятъ; а вѣдь за что бы, кажется?» «Любовныя письма» къ С. такого содержанія: «Я очинь слава Богу здарова, но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ позабыли. Иванъ Даниловичъ видѣлъ васъ душиньку въ тіатѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора».—«Ме, ме, е... рзавецъ! Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа... то я тебя

въ полицію...» Получая отъ Марьи Александровны двѣ тысячи, С. разсуждаетъ такъ: «Долговъ-то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ: конечно, раскричится, ну, да что же дѣлать? Нельзя же деньги сорить на все, съ нея довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть». «А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну да ее всякій ужъ видѣлъ и знаетъ; а есть, говорятъ, у Іохима только что отдѣланная послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, такъ могу ее и весьма вымѣнять. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту! Можетъ быть на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ всѣ заговорятъ!» Прочитавъ первое изъ приведенныхъ писемъ, С. говоритъ: «Чортъ возьми! Кажется, правописанія нѣтъ». — «Главное, какъ написать письмо?» затрудняется онъ. «Смерть не люблю писать, т. е. просто хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно объяснилъ, а примешься за перо, просто, какъ будто кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно». «Нужно поискать чего-нибудь сильнаго,—говоритъ онъ, перебирая «любовныя письма», — чтобы виденъ кипятокъ, — кипятокъ, что называютъ (читаетъ): «Жестокій тиранъ души моей».—А, это что-то хорошее, однако-жъ. «Тронься сердечной моей участью».—И преблагородно! Ей-Богу, преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитаніе». С. думаетъ, «что онъ аристократъ», что принадлежитъ «къ хорошему обществу».— Про Марью Ал. С. «разнесъ», будто у нея «подаютъ сальные огарки»; по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; выѣзжаетъ на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозчичьихъ хомутахъ». Пріѣхавъ къ ней послѣ этого и встрѣтивъ дурной пріемъ, «усмѣхается». «—Я пріѣхалъ вамъ разсказать одинъ преинтересный анекдотъ» о Губомазовой»—врагѣ М. А. И сейчасъ же тонъ М. А. измѣняется. С. разсказываетъ, что Губомазова «сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ», потомъ, что «разъ» «по ошибкѣ» вмѣсто «дѣвки» высѣкла мужа. Потомъ, что сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку». Упоминаетъ какого-то неизвѣстнаго «Ермолая», «вотъ что жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной», какую-то «Сильфиду Петровну», «Куропаткина».— «Вы вѣрно знаете, есть какой-то Одосимовъ?», спрашиваетъ его М. А. «—Одосимовъ?... Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а, впрочемъ, я могу справиться». М. А. поручаетъ ему «представить въ томъ видѣ» дочь Одосимова, чтобы «какъ-нибудь этакъ ее замарать». «Нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи, и чтобы это дошло до моего сына». С. охотно берется: «Я такъ васъ люблю; вы подумать можете Богъ знаетъ что, а это именно только глубочайшее уваженіе». «А вотъ хорошо, что вспомнилъ! Я прошу васъ, М. А., одолжить мнѣ на самое короткое время тысячонки двѣ», и С. получаетъ эти деньги. Единственно, что смущаетъ его въ этомъ дѣлѣ—это то, «что всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ что такое... Конечно, я не то, чтобы этимъ какъ-нибудь... но, знаете, не принято въ хорошемъ обществѣ». Впрочемъ утѣшается: придумалъ «написать письмо отъ имени этой дѣвушки да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть въ его комнатѣ». Онъ соображаетъ: «Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да впрочемъ, что жъ? Надаетъ вѣдь только тузановъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если что — въ спальню Марьи Александровны и прямо подъ кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащитъ!»— —По словамъ Миши, С. «мерзавецъ, каторжникъ и все, что хотите».

Тарасъ Бульба (*«Тарасъ Бульба»*). — «Одинъ изъ числа коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава». «Грузенъ былъ полковникъ, всѣхъ выше и толще» среди запорожскаго войска, «двадцати пудовъ вѣсомъ». «Онъ любилъ простую жизнь козаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма. Самъ съ своими козаками производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ прави-

ломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважали въ чемъ старшинъ и стояли предъ ними въ шапкахъ; когда глумились надъ православіемъ и не чтили обычая предковъ, и, наконецъ, когда враги были бусурманы и турки, противъ которыхъ онъ считалъ во всякомъ случаѣ позволительнымъ поднять оружіе во славу христіанства». «—Никому не спускай!» говорилъ Бульба сыну. «Дай же Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурмановъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били», «защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову». «А не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ», говоритъ Бульба сыновьямъ».— —«Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы». Упрямая воля звала его въ Сѣчь. «Терпи козакъ—атаманъ будешь! Не тотъ еще добрый воинъ, кто не потерялъ еще духа въ важномъ дѣлѣ, а тотъ добрый воинъ, кто и на бездѣльи не соскучитъ, кто все вытерпитъ, и хоть ты ему что хочь, а онъ все-таки поставитъ на своемъ», говоритъ Т. — Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся козакъ? задаетъ онъ вопросъ врагамъ, умирая, и думаетъ не о смерти, а о товарищахъ. «Непреклонный, непоколебимый, крѣпкій дубъ», онъ никогда не чувствовалъ безпокойства. И только послѣ плѣна Остапа онъ сталъ не прежній, «былъ малодушенъ, слабъ». За спасеніе Остапа предлагаетъ даже «жидамъ» заключить съ ними контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы «дѣлить съ ними» все, что добудетъ «на войнѣ пополамъ», соглашается самъ «переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли». Но когда гайдукъ заявилъ, что «козаки — собаки, а не люди, и вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ», Т. не выдержалъ и крикнулъ: «— Врешь, чортовъ сынъ! Самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретическую вѣру не уважаютъ!» Т. «увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее». И на площади, во время казни, когда Остапъ «упалъ силою» и «выкрикнулъ въ душевной немощи: — Батько, гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?.. «Слышу», раздалось среди всеобщей тишины»... Поклялся «справить поминки по Остапѣ» и сдержалъ слово, и «такія поминки» справлялъ въ каждомъ селеніи. «— Рыцарскую «доблесть храбрый долженъ уважать въ храбромъ, въ комъ бы то ни было», прежде говорилъ Тарасъ. «Ничего не жалѣйте, повторялъ только Т., мстя за Остапа». «Отважное предпріятіе, гдѣ бы можно было разгуляться, какъ слѣдуетъ, рыцарю», манило его, но «лыцарская честь» заставляетъ Тараса «всегда выслушать обвиняемаго»; «разную науку и бражничество онъ считалъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря», но въ походѣ или въ дорогѣ былъ воздерженъ и не позволялъ никогда напиваться». Въ отвѣтъ кошевому («негдѣ погулять», не можно ни въ Туретчину, ни въ татарву. «Мы обѣщали султану миръ») замѣчаетъ: «— Да вѣдь онъ бусурменъ: и Богъ, и святое писаніе велитъ бить бусурменовъ». На возраженіе кошевого: «Не имѣемъ права. Если-бъ не клялись еще нашею вѣрою, то, можетъ быть, и можно было бы; а теперь нѣтъ, не можно», говоритъ: «— Какъ не можно? Какъ же ты говоришь: не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ, ни другой не былъ на войнѣ! а ты говоришь: не имѣемъ права; а ты говоришь: не нужно идти запорожцамъ». «Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ». «— Такъ, стало-быть, слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ козацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ? растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые: растолкуй мнѣ, на что мы живемъ?» — — Для Тараса «безъ войны не можно пробыть». «Ему не по душѣ была праздная жизнь — настоящаго дѣла хотѣлъ онъ». «Чтобъ я сталъ гречкосѣемъ, домоводомъ, глядѣть за овцами, да за свиньями, да бабиться съ женой? Да пропади она: я козакъ, не хочу!» «Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? Къ чему намъ все это? На что эти горшки?» Сказавши это, онъ началъ колотить и швырять горшки и фляжки». «— Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба—чистое поле да добрый конь: вотъ ваша нѣжба!» «Сабля—вотъ ваша матерь!» «Козакъ не на то, чтобы возиться съ ба-

бами». Но послѣ плѣна Остапа, привезенный Товкачомъ въ Сѣчь, едва оправившись отъ ранъ, «онъ уходилъ въ луга и степи, будто бы за охотой, но зарядъ его оставался невыстрѣленнымъ». И, положивъ ружье, полный тоски, садился на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря: «Остапъ мой! Остапъ мой! Бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою». Онъ не выдержалъ неизвѣстности и рѣшилъ: «Что бы-то ни было, пойду развѣдать, что онъ: живъ ли онъ? въ могилѣ? или уже въ самой могилѣ его нѣтъ?»— —«И «академія», и «книжки», «букварь и философія» для Бульбы—«все дрянь». Онъ уважалъ одну «науку», зналъ одну «школу». Это было Запорожье, куда «набраться разума» онъ отправлялъ своихъ сыновей. Грамотѣ Тарасъ «разумѣлъ не сильно», но «все, старый, собака, знаетъ», по характеристикѣ Остапа и, «какъ всѣ сановники тогдашняго времени», считалъ «необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ». «Онъ бранилъ всю ученость и совѣтовалъ дѣтямъ вовсе не заниматься ею»; когда же Остапъ въ четвертый разъ закопалъ «свой букварь въ землю», Тарасъ далъ ему «торжественное обѣщаніе» «продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ» и «поклялся напередъ, что онъ (Остапъ) не увидитъ Запорожья во вѣки, если не выучится всѣмъ наукамъ». Онъ заранѣе тѣшилъ себя мыслью, какъ онъ явится съ двумя сыновьями на Сѣчь и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!» — —Для Тараса «нѣтъ узъ святѣе товарищества». «Отецъ любитъ свое дитя, мать любитъ свое дитя, дитя любитъ отца и мать; но это не то, братцы: любитъ и звѣрь свое дитя! Но породниться родствомъ по душѣ, а не по крови, можетъ одинъ только человѣкъ. Бывали и въ другихъ земляхъ товарищи, но такихъ, какъ въ Русской землѣ, не было такихъ товарищей. Вамъ случалось не одному помногу пропадать на чужбинѣ; видишь: и тамъ люди! также Божій человѣкъ, и разговоришься съ нимъ, какъ съ своимъ; а какъ дойдетъ до того, чтобы повѣдать сердечное слово — видишь: нѣтъ! умные люди, да не тѣ, такіе же люди, да не тѣ! Нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ можетъ любить русская душа,—любить не то, чтобы умомъ или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ—а!..» сказалъ Тарасъ, и махнулъ рукой, и потрясъ сѣдою головою, и усомъ моргнулъ, и сказалъ: «Нѣтъ, такъ любить никто не можетъ!» Когда Янкель разсказалъ, что «панъ перешелъ на сторону враговъ», Т. долго не могъ ничего понять. — Кто перешелъ? «А панъ Андрій». — Куда перешелъ? «Перешелъ на ихъ сторону; онъ ужъ теперь совсѣмъ ихній». — Врешь, свиное ухо! Такъ это выходитъ, что онъ, по твоему, продалъ отчизну и вѣру? Врешь, чортовъ жидъ! Такого дѣла не было на христіанской землѣ»; но узнавъ, что «у воеводы дочь красавица», «крѣпко задумался Т.». «Вспомнилъ онъ, что велика власть слабой женщины, что многихъ сильныхъ погубляла она, что податлива съ этой стороны природа Андрія; и стоялъ онъ долго, какъ вкопанный, на одномъ и томъ же мѣстѣ».На слова Янкеля Т. воскликнулъ: «И ты не убилъ тутъ же на мѣстѣ его, чортова сына?» «Врешь, чортовъ Іуда!» закричалъ, вышедъ изъ себя, Тарасъ. «Врешь, собака! Ты и Христа распялъ, проклятый Богомъ человѣкъ! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то—тутъ же тебѣ и смерть!» Сказавши это, Тарасъ выхватилъ свою саблю». «Размышляя» наединѣ съ собою, Т. «почувствовалъ скорбь и заклялся сильно въ душѣ противъ полячки, причаровавшей его сына». Онъ «не поглядѣлъ бы на ея красоту, вытащилъ бы ее за густую, пышную косу, поволокъ бы ее за собою по всему полю между всѣхъ козаковъ». «Разнесъ бы по частямъ онъ ея пышное, прекрасное тѣло». — «Ну, что мы теперь будемъ дѣлать? сказалъ Т.», встрѣтя Андрія въ бою, смотря прямо ему въ очи». — Что, сынку, помогли тебѣ твои ляхи? — Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же. Слѣзай съ коня! «Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ (Андрій) съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Т.».—«Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!» сказалъ Т. и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье». «Т. выстрѣлилъ» и потомъ глядѣлъ долго на бездыханный трупъ.— «Чѣмъ бы не казакъ былъ?» сказалъ Т.: «станомъ былъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака!» И на вопросъ подъѣхавшаго Остапа («батько, что ты сдѣлалъ! Это ты убилъ его»), «Т. кивнулъ головою». — «Погребутъ и безъ насъ!» сказалъ Т. «будутъ у него плакальщицы и утѣшницы!»

Тѣнтѣтниковъ, Андрей Ивановичъ (*«Мертвыя Души»*).—«Помѣщикъ Тремалаханскаго уѣзда», молодой «тридцатитрехлѣтній» «неженатый» человѣкъ. «Принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки». «Онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ просто коптитель неба». А. И. былъ нрава «тихаго» и «проводилъ время одинъ-одинешенекъ», «сидень-сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось даже растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина». И только, «когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силой воскресало передъ нимъ школьное минувшее время», и «градомъ лились изъ глазъ его слезы...» — —Онъ хотѣлъ «заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ, все такъ и въ томъ видѣ, какъ любитъ задавать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась намѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Затѣмъ слѣдовала трубка съ кофеемъ, игра въ шахматы съ самимъ собой».— —«Нѣчто похожее на любовь» къ Улинькѣ, «чуть было не произвело переворота въ его характерѣ», и «скучная жизнь его на минуту озарилась», но «любовь кончилась при самомъ началѣ». «Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ тонкими чертами, съ быстрымъ пронзительнымъ взглядомъ и приподнятою прядью волосъ, и въ изумленіи видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета не написалъ бы никакой живописецъ-художникъ. И еще грустнѣй ему становилось и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безцвѣтнымъ». Хозяйство ему наскучило и онъ отказался «принимать даже съ докладами приказчика». Деревня, которая недавно еще представлялась «какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспоительницею думъ и помышленій, единственнымъ полезнымъ поприщемъ», перестала его интересовать. Онъ считалъ «когда-то заботы помѣщика о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ» ему людей — службой государственной, но «баринъ и мужикъ, какъ-то не то чтобы совершенно не поняли другъ-друга, но просто не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились другъ къ другу». «Онъ откопалъ новѣйшія книги по сельскому хозяйству», но скоро «сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей». Онъ «далъ себѣ обѣтъ дѣлить» съ крестьянами «труды и занятія», уменьшилъ барщину, убавилъ дни работъ на помѣщика и прибавилъ времени мужику. Дурака-управителя выгналъ. Самъ сталъ входить во все, но скоро «сталъ замѣчать, что мужикъ просто плутуетъ, несмотря на всѣ льготы». Попробовалъ «какую-то школу завести», но «вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать!» Сталъ самъ вести разбирательство крестьянскихъ дѣлъ, но «оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! И видѣлъ онъ, что нужнѣй было тонкостей юридическихъ и философскихъ книгъ простое познанье человѣка; и видѣлъ онъ, что въ немъ чего-то недостаетъ, а чего — Богъ вѣсть». И какъ въ юности бывало съ нимъ: онъ «повѣсилъ носъ». «Хотѣлъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость; но какъ быть строгимъ?» А хозяйство шло «неладно: повсюду упущенія, нерадѣніе и воровство», пьянство. Имѣніе, могущее приносить, по подсчету Чичикова, «пятьдесятъ тысячъ годового дохода», было въ конецъ запущено. «Ни мужикъ не узналъ барина,

ни баринъ мужика; и мужикъ сталъ дурной стороной, и баринъ дурной стороной. Все это значительно охладило и рвеніе помѣщика».— —Еще въ юности «честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было». «Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слушалъ! Медицину, философію и даже право и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ прочесть только введеніе, да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ и, Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ! Но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками». Съ сосѣдями Т. раззнакомился. «Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными, европейски-открытое общеніе съ потрепкой по колѣну, также и низкопоклонства, и развязности — начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился раззнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко»: приказалъ сказать гостю, что его нѣтъ дома, и въ то же самое время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ». Однако, Чичикова встрѣтилъ любезно, хотя и «струсилъ»: «онъ принялъ его за чиновника отъ правительства», и такъ какъ «на совѣсти у него было несовсѣмъ легко» (участіе въ молодости въ какомъ-то филантропическомъ обществѣ), то не могъ оставаться покоенъ». Когда же Т. успокоился, то заключилъ, что гость его долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи, можетъ быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или, можетъ быть, предметы ископаемые. Тотъ же часъ изъявилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ, предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ». «Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный, но опасенія были напрасны».—«Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить», говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ: «вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно-ровнаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться—я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей. Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу», отзывался Тѣнтѣтниковъ о Чичиковѣ». Сойтись Т. ни съ кѣмъ не могъ: онъ былъ «человѣкъ щекотливый»; прощая ради дочери «многое» Бетрищеву, Т. все-таки съ нимъ перессорился, когда замѣтилъ, что генералъ сталъ къ нему холоднѣе. Обращеніе генерала съ нимъ, «какъ съ лицомъ безсловеснымъ, взорвало Т.» «Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однако же, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло:— «Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ *ты* вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамильярному между нами обращенію». «Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго», пояснилъ Т. Чичикову, «но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе! *Ты!*—это значитъ: «Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше; а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина—ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что это значитъ!» «Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства». «—Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить *ты* и принялъ бы даже почтительно».—Когда Чичиковъ пожелалъ съѣздить къ генералу и объяснить, что это случилось по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта, А. И. Т. проговорилъ, оскорбившись: «—Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!» «да и васъ не могу на это уполномочить». «Я виноватъ, простите!» сказалъ торопливо тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативъ его за обѣ руки. «Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!»—То же самое произошло съ нимъ и на службѣ, куда, «съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій», онъ опредѣлился. Когда въ департаментѣ ему объявили, что «главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ», онъ все-таки, «скрѣпясь духомъ и сердцемъ», рѣшилъ приняться «за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ». Онъ скоро «свыкнулся съ службою, но только она сдѣ-

лалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами»; подъ вліяніемъ друзей, тѣхъ безпокойно-странныхъ характеровъ, которые не могутъ переносить не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью, Т. самъ себѣ «подгадилъ». Онъ поговорилъ съ начальствомъ «до того крупно», что ему было объявлено—либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ предпочелъ послѣднее, «не потому, что ему трудно было попросить извиненія», а потому, что считалъ, что у него «есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣніе въ разстройствѣ, управлящій—дуракъ!»—«Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцеляріи другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей», говорилъ онъ, и «черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора» былъ въ деревнѣ, «гдѣ жизнь обратилась» скоро «на лежанье и бездѣйствіе». «Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На щеголеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры». Мнѣніе людей о немъ «было неблагопріятное». «Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезающихъ, отставныхъ штабъ-офицеровъ-брандеровъ, изъяснялся о немъ выраженіемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: «Молодой человѣкъ, неглупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при...» генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту: «А вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!» Мужикъ его деревни на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ». Самъ же Т. увѣрился, что «на землѣ нѣтъ счастья».

Улинька Бетрищева *(«Мертвыя Души»)*.—Дочь генерала. «Существо невиданное, странное. Она была что-то живое, какъ сама жизнь». «Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистаго, благороднаго очертанія лица нельзя было отыскать нигдѣ, кромѣ развѣ только на однѣхъ древнихъ камейкахъ. Прямая и легкая, какъ стрѣлка, она какъ бы возвышалась надъ всѣмъ своимъ ростомъ. Но это было обольщеніе. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно согласнаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Но это было также обольщеніе. Одѣлась она какъ будто сама собой: въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила игла кое-какъ неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборахъ и складкахъ, что если бы перенести ихъ вмѣстѣ съ нею на картину, всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками, издѣліемъ лоскутнаго ряда. И если бы перенесть ее со всѣми складками ее обольнувшаго платья на мраморъ, назвали бы его копіею геніальныхъ. Одно было нехорошо: она была черезчуръ уже тонка и худа». «Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданіе. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Вишнепокромова У. считаетъ, вопреки мнѣнію отца, «подловатымъ и нагловатымъ», потому что, «кто обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ». Она не понимаетъ, какъ ея отецъ будетъ «принимать у себя человѣка, о которомъ знаетъ, что онъ дуренъ». «И никогда не спаривала она за себя самоё и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, если бы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяніи кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что въ немъ ни было, не вдаваясь ни въ какія разсужденья и расчеты. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вослѣдъ за мыслью—выраженіе

лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ; самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вслѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней угнетеннаго. Ни передъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка, была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущалая недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее и какъ бы эти самыя черты ея ему уже видѣлись, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы: и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка».— —«Болѣзненное чувство выразилось на благородномъ, миломъ лицѣ дѣвушки, когда генералъ отнесся со смѣхомъ къ безчестнымъ поступкамъ людей. — «Ахъ, папа! Я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться! На меня эти безчестные поступки наводятъ уныніе и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ въ виду всѣхъ и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣніемъ, я не знаю, что со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю...» И У. чуть сама не заплакала.

Хлестаковъ, Иванъ Александровичъ (*«Ревизоръ»*).—Сынъ «помѣщика», имѣющаго въ Саратовской губерніи «собственную деревню». «Молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ». «Служитъ въ Петербургѣ» чиновникомъ: «елистратишка», какъ говоритъ Осипъ.—«Какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ придавилъ бы его», отзывается о немъ городничій.—«Тоненькій, худенькій». По словамъ Добчинскаго, Х. «недурной наружности», «больше шантретъ и глаза такіе быстрые, какъ звѣрьки». По мнѣнію Марьи Антоновны, «хорошенькій» и у него «миленькій носикъ». «Рѣчь Х. отрывиста и слова вылетаютъ изъ устъ совершенно неожиданно». «Одѣтъ по модѣ».—На службѣ, по словамъ Осипа, Х. «дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ». — «Батюшка» присылаетъ ему «денежки».—«Эхъ, если-бъ узналъ (какъ служитъ Х.) старый баринъ,— говоритъ Осипъ,—онъ не посмотрѣлъ на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался». — — «Батюшка меня требуетъ,—чистосердечно признается Х. городничему. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ нъ Петербургѣ. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно». «Батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались»— убѣждаетъ Осипъ Х. уѣхать отъ городничаго.—«Въ Х. есть много какъ бы «мальчишескаго». Когда, напримѣръ, несутъ обѣдъ, получить который онъ мало надѣялся, Х. «прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ» — Несутъ! несутъ! несутъ!». «Онъ и трусишка, и подляшка» [1]). Видя, что обѣда не даютъ, Х. «сперва не рѣшается послать Осипа»; «ходитъ по номеру и разнообразно сжимаетъ губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ»: — Послушай... ей, Осипъ.— «Чего изволите?» (Громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ): — Ты ступай туда. —«Куда?»—(Голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ):—Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.—«Да нѣтъ, я и ходить не хочу».—Какъ ты смѣешь, дуракъ?—«Да такъ». Когда приходитъ трактирный слуга и не здоровается, Х. заискиваетъ у него. «Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?» — «Ну, что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?» — «Много ли проѣзжающихъ?» И только потомъ заговариваетъ объ обѣдѣ:—«Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста, поторопи, чтобы поскорѣе».—«Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ»,—говоритъ слуга, принесши обѣдъ. «Ну, хозяинъ, хозяинъ... отвѣчаетъ Х., принимаясь за ѣду... Я плевать на твоего хозяина!» — «Я не хочу этого супа, дай мнѣ другого... Слуга: «Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно». Хл. (защищая рукой ку-

---

[1]) Гоголь. Письмо къ Сосницкому отъ 2 н. 1846 г. *Ред.*

шанье) «Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! Со мной не совѣтую».—Услышавъ, что къ нему пришелъ городничій, Х. «испугался», но сейчасъ же начинаетъ «бодриться». «Да что онъ? какъ онъ смѣетъ, въ самомъ дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (Бодрится и выпрямляется). Да я ему прямо скажу:—какъ вы смѣете? какъ вы... (у дверей вертится ручка; Х. блѣднѣетъ и съеживается). Встрѣтясь съ городничимъ, «оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза». Разговоръ съ городничимъ Х. начинаетъ, «заикаясь», но видя, что тотъ робѣетъ, «храбрится» и даже начинаетъ «стучать кулакомъ по столу». «Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?» «Я прямо къ министру!». «Что вы»? что вы?».

Х. «нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ. Одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить вниманія на какой-нибудь мысли. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечности и простоты, тѣмъ болѣе выиграетъ». — Когда отецъ пришлетъ Хл. деньги, онъ «чѣмъ бы попридержать ихъ—о, куды!.. пошелъ кутить: ѣздить на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ, черезъ недѣлю, глядь и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сюртучишка, да шинелишка». Ему «нужно въ каждомъ городѣ показать себя:—Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій», а потомъ сидитъ безъ копѣйки: «Если бъ мелочь—послать бы на рынокъ, купить хоть сайку». Только что заискивалъ передъ слугой изъ-за обѣда—и сейчасъ же мечтаетъ: «Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить эдакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею». «Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились!—кто такой? что такое?—А лакей входитъ (вытягиваясь и представляя лакея)—Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» — «Штаны что ли продавать? (чтобы пообѣдать)»—размышляетъ Х. «Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ». Мысль о тюрьмѣ за долги сама по себѣ не ужасаетъ Х.: «Что жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... Нѣтъ, нѣтъ не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ купеческой дочкой». — Вотъ что заставляетъ Х. «храбриться» передъ городничимъ. Осипъ, зная слабую струну своего барина, уговариваетъ его уѣхать: «А лошади тутъ славныя, такъ бы закатили»... и Х. хватается за эту мысль и развиваетъ ее далѣе: «Смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря катили и пѣсни бы пѣли!»

Х. любитъ «картишки»: «Да, если бы въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ—и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ сразиться. Случай только не привелъ». Получивъ отъ чиновниковъ взятки, Х. первымъ дѣломъ восклицаетъ: «Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь. Посмотримъ, кто кого?» — Сидя безъ обѣда, Х. винитъ не себя: «Какой скверный городишка! Это ужъ просто подло!» «Посуди самъ, любезный, какъ же? Вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ я могу совсѣмъ отощать, — заявляетъ онъ слугѣ:—я не шутя это говорю». «Ты растолкуй ему (хозяину) серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собой... Онъ думаетъ, что, какъ ему мужику ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!» «Какъ же они (т. е. другіе проѣзжащіе) ѣдятъ, а я не ѣмъ?»—Не можетъ взять въ толкъ Х., «отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ я?». Нисколько не поражается необычайнымъ отношеніемъ къ нему городничаго и чиновниковъ. Онъ искренно вѣритъ, что это обусловлено съ одной стороны «откровенностью нрава и радушіемъ» городничаго, съ другой—его, Хлестакова, достоинствами: «Я люблю радушіе, — разсуждаетъ онъ самъ съ собою: «и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то чтобы изъ интереса». «Мнѣ очень нравится — простодушно заявляетъ онъ,—что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ

другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали». «Я бы, признаюсь, больше ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженіе, уваженіе и преданность». «Оробѣли?—говоритъ онъ Лукѣ Лукичу.—А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что внушаетъ робость». Только послѣ представленія чиновниковъ, спрашивавшихъ «приказаній» по должности, у Х. начинаетъ мелькать догадка: «Мнѣ кажется, однако-жъ, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье!» Но онъ приписываетъ ихъ ошибки своимъ качествамъ. «Вдругъ по моей петербургской физіономіи и по костюму весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора»,—пишетъ онъ Тряпичкину.—«Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня принимаютъ?»—говоритъ онъ Осипу. Х. не приходитъ въ голову и мысль, что ошибка можетъ раскрыться. «Уѣзжайте отсюда! Ей-Богу пора!» уговариваетъ боящійся этого Осипа: «Вотъ вздоръ! зачѣмъ?»—и только перспектива «курьерскихъ троекъ» и ямщиковъ, которые бы «какъ фельдъегеря катили и пѣсни пѣли» — рѣшаетъ дѣло.

— «Вотъ еще насчетъ женскаго пола не могу быть равнодушенъ», говоритъ о себѣ Х. Онъ «вертлявъ только тогда, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ». На улицѣ города онъ успѣлъ «перемигнуться съ купеческой дочкой», «къ дочечкѣ (помѣщика) какой-нибудь хорошенькой подойдешь,—мечтаетъ онъ:—сударыня, какъ я...». «Я знаю, что ни одна женщина не можетъ выдержать (моихъ глазъ).»—«Какъ я счастливъ, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть». «Возлѣ васъ стоять уже счастье, впрочемъ, если вы такъ непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ»,—такъ Х. знакомится съ Анной Андреевной.—Когда въ комнату его, «думая, что здѣсь маменька», входитъ Марья Антоновна, начинается такой разговоръ: «Ахъ!» восклицаетъ М.А. «Отчего вы такъ испугались, сударыня?» «(Рисуется):—«Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?» «Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?» «Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?» М. А. мѣняетъ этотъ щекотливый для нея разговоръ: она ему можетъ быть помѣшала? «Вы никакъ не можете помѣшать, никакимъ образомъ не можете: напротивъ, вы можете принесть удовольствіе». «Вамъ должно не стулъ, а тронъ». «Какой у васъ прекрасный платочекъ». «Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку». Разговоръ о стихахъ нѣсколько запугалъ Х., и онъ спѣшилъ перейти на прежнюю тему: «Я вамъ вмѣсто этого лучше представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда»—и отсюда катится подъ гору до «поцѣлуя въ плечо». Когда М. А. встаетъ въ негодованіи, Х. «бросается передъ ней на колѣни». «Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только пошутилъ».—Входитъ «мать», застаетъ его на колѣняхъ передъ дочерью и выгоняетъ ее. Первая мысль у смущеннаго Х., замѣтившаго уже, что мать, «кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги»:—«А она тоже аппетитна, очень недурна». И вотъ онъ на колѣняхъ передъ А. А. «Я влюбленъ въ васъ, жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей». Когда же А. А. изумляется: вѣдь «я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ», Х. восклицаетъ: «Это ничего! Для любви нѣтъ различія. И Карамзинъ сказалъ: законы осуждаютъ. Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки вашей, руки прошу...». Тутъ вбѣжала дочь, и окончательно запутавшійся Х. «схватываетъ Мар. Ант. за руку»: «Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь». Осипъ приходитъ во время «помолвки» и докладываетъ, что лошади готовы. «А хорошо... я сейчасъ!» отвѣчаетъ Хлестаковъ. «Какъ-съ?—изумляется городничій. А когда же то есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?» Х.: «А это... на одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ—богатый старикъ; а завтра же и назадъ». «Очень обязанъ за ваше гостепріимство. Я признаюсь отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема».

Х. «лгунишка»; но онъ «не надуваетъ, онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ забываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ» [1]. У него это—

[1]) Гоголь. «Отрывокъ изъ письма», прилагаемаго къ «Ревизору».

Ред.

«вдохновеніе». «Онъ болтаетъ потому, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядкомъ вина». Въ сценѣ хвастовства «начинаетъ его мало-по-малу разбирать, но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и чѣмъ далѣе, громче и громче». Онъ начинаетъ съ того, что «задаетъ тону» при дамахъ: «привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ» и видя общее благоговѣйное вниманіе, начинаетъ фантазировать дальше и дальше, забывая только что сказанное: «— Вы можетъ быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: «Приходи, братецъ, обѣдать», «хотѣли было даже меня коллежскимъ асессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ». Далѣе фантазія начинаетъ рости: «Я стараюсь проскользнуть незамѣтно, но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда нибудь, ужъ и говорятъ: Вонъ—говорятъ—Иванъ Александровичъ идетъ!» «— У меня домъ первый въ Петербургѣ, такъ ужъ и извѣстенъ домъ Ивана Александровича». «Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій посланникъ и я». «Любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ тамъ, какъ шмели, только и слышно ж.. ж.. ж.. Иной разъ и министръ...» «Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ... Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ бывало—нѣтъ, мудрено... Послѣ видятъ, нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, 35 тысячъ однихъ курьеровъ»... «Меня самъ государственный совѣтъ боится». «— Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ въ фельдмаршалы». Фантазія его развивается по случайнымъ ассоціаціямъ. «Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «ну, что братъ Пушкинъ?» Да такъ, братъ,—отвѣчаетъ бывало: такъ какъ-то все... Большой оригиналъ».—Вы вѣрно и въ журналы помѣщаете?—«Да, и въ журналы помѣщаю... Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій даже не помню... И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ:—Пожалуйста, братецъ, напиши, что нибудь.— Думаю себѣ:—Пожалуй, изволь, братецъ. И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ...» —Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?—«Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ». «Я, признаюсь, литературой существую». Хл. не замѣчаетъ противорѣчій въ своемъ разсказѣ». — («Въ этой сценѣ каждое слово Хл., т. е. фразы или рѣченіе, есть экспромтъ совершенно неожиданный и потому должно выражаться отрывисто»). «Я не могу жить безъ Петербурга»—заявляетъ Хл. «Эхъ, Петербургъ! Что за жизнь право!» «Душа моя жаждетъ просвѣщенія. За что жъ я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Въ провинціи же: «грязные трактиры, мракъ невѣжества». Помѣщики, «пентюхи, не знаютъ, что такое— «прикажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой нибудь гусь-помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостиную». «Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ и нѣтъ провинціальныхъ гусей». «Скучно, братъ, такъ жить»,—пишетъ онъ Тряпичнику: «Вижу: точно нужно чѣмъ нибудь высокимъ заняться». «Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой». Изъ стиховъ онъ знаетъ на память только: «О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ». Изъ Карамзина цитируетъ: «Законы осуждаютъ», знаетъ о Пушкинѣ. Подвыпивъ, говоритъ: «Все это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, «Фрегатъ Надежды» и «Московскій Телеграфъ»—все это я сочинилъ». Х. же, оказывается, сочинилъ и Норму, и Роберта Дьявола—въ одинъ вечеръ». «Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія».

«Вертопрахъ»—характеризуетъ его городничій.

Хлобуевъ (*«Мертвыя Души»*)—Разоренный помѣщикъ. Губернскій секретарь. Человѣкъ «безпутнаго поведенья», «Жалкій», «пропавшій человѣкъ», «блудный сынъ», по выраженію Чичикова. Ему было лѣтъ сорокъ, но одряхлѣлъ онъ прежде старости своей: и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ». Учился въ университетѣ, но «порядку жить не только не выучился, а еще больше—выучился

искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности, да комфорты». «Галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукѣ была заплата, на сапогѣ дырка». Признается, что «самъ всему виною», «свинья свиньей зажилъ». По словамъ Х., «всякъ бѣгаетъ» его, «какъ чумы», думая, что онъ «попроситъ въ займы». Въ имѣніи «безпорядки и безпутство», «сѣмянъ нѣтъ», «курицы нѣтъ въ домѣ». У мужиковъ «Х. ни телѣги, ни лошади». «Въ хозяйствѣ исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей». «—Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно!»—говорилъ Х. Платонову. «Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье—вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей,—сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...»— —Продать имѣніе не хочетъ: «все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя не останется и тысячи». Взять какое нибудь мѣсто не можетъ: въ управляющіе не возьмутъ («Да кто жъ повѣритъ мнѣ имѣніе? Я промоталъ свое»). «—Вѣдь я губернскій секретарь. Какое-жъ мнѣ могутъ дать мѣсто? Мѣсто мнѣ могутъ дать ничтожное. Какъ мнѣ взять жалованье—пятьсотъ? А вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей». Отъ предложенія Платонова, «чрезъ кого либо въ городѣ выхлопотать какую нибудь должность, отказывается:—«не гожусь я теперь никуда». «Куда мнѣ! что разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!» Х. «жаль больше всего мужичковъ бѣдныхъ». «Имъ нуженъ примѣръ, но съ меня что за примѣръ? Что̀ прикажете дѣлать? Какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который пожилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности... Русскій человѣкъ, вижу по себѣ, не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ».— —Х. готовъ отдать мужиковъ «въ распоряженіе» Чичикова. Костанжогло совѣтуетъ тому же Чичикову отобрать «у этого дурака поскорѣе сокровище» (деревню). «Онъ только безчеститъ Божій даръ». Самому Х. кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ». Хочетъ все сдѣлать—и ничего не можетъ. «Все думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается—какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ, право!»— —Х. обнаруживалъ въ рѣчахъ много «познанія людей и свѣта», Чичиковъ и Платоновъ «были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его умнѣйшимъ человѣкомъ», въ головѣ его была «куча проектовъ», но они «мало истекали изъ познанія людей и свѣта». Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: «Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который былъ рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы». «Видно, ужъ Богъ не хочетъ». «Бывали такія подчасъ тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читалъ» Х. «житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился и, странное дѣло!—почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣйно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою». «Сегодня попъ въ ризахъ служилъ у Х. молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни

крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольный пріемъ всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всѣмъ». Въ лавочкѣ ему не давали «квасу въ долгъ безъ денегъ», но онъ «обзавелся» шампанскимъ, потому что французъ, проѣхавшій недавно съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. «Въ домѣ куска хлѣба не было», но, запродавъ деревню Чичикову, Х. собирается дать «обѣдъ всѣмъ сословіямъ въ городѣ».— —Послѣ знакомства и бесѣдъ съ Муразовымъ Х. перерождается: «Свѣтъ сталъ мерцать вдали» (см. Муразовъ).

Хлоповъ, Лука Лукичъ (*«Ревизоръ»*).—«Смотритель училищъ», «титулярный совѣтникъ». Городничій «вчера у него выпонтировалъ сто рублей». «Я, признаюсь, такъ воспитанъ»,—говоритъ Л. Л. о себѣ, «что заговори со мною однимъ чиномъ кто нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ и языкъ, какъ въ грязь завязнулъ». При представленіи чиновниковъ его «почти выкрикиваютъ» въ комнату Хлестакова. «Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ:—чего робѣешь?—Рекомендуясь, онъ «вытягивается не безъ трепета» передъ Хл.—Когда тотъ даетъ ему «сигарку» Л. Л. «въ нерѣшимости»: «Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?». «Пробуетъ закурить и весь дрожитъ». Хл.: «Да не съ того конца!»— Лука Лукичъ—«отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ рукою, про себя:— «Чортъ побери! все сгубила проклятяя робость!» Хл. спрашиваетъ его: «Какія (женщины) вамъ больше нравятся—брюнетки или блондинки».—Л. Л. «находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать», когда же Хл. настаиваетъ, онъ отвѣчаетъ: «Осмѣлюсь доложить—(въ сторону) Ну, и самъ не знаю, что говорю». «Оробѣлъ, ваше бла... преос... сіят... (Въ сторону). Продалъ, проклятый языкъ продалъ!» Хлест. проситъ «взаймы». Л. Л., хватаясь за карманы, про себя:—Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! (Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи).—Послѣ этого, попрощавшись, «летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону. «Ну, слава Богу! авось не заглянетъ въ классы!» «Не приведи Богъ служить по ученой части!»—говоритъ онъ.—«Всего боишься»: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ». Когда учитель сдѣлалъ во время урока «предводителю» гримасу, «отъ добраго сердца»,—Л. Л-чу былъ выговоръ: «зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются потомству».— —Земляника дѣлаетъ на Л. Л. доносъ: «Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству наблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно». Хлестаковъ характеризуетъ его такъ: «Смотритель училищъ насквозь протухнулъ лукомъ». Л. Л., услышавъ это, обращается къ «зрителямъ»: «Ей-Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!»— —Жена называетъ его «Луканчикомъ».

Чартковъ (*«Портретъ»*). — Модный живописецъ. «— Это талантъ, истинный талантъ! Посмотрите, какъ онъ говоритъ, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!», говорили о Ч. посѣтители его мастерской. «Нѣтъ, я не понимаю», говорилъ онъ, «напряженія другихъ сидѣть и корпѣть за трудомъ: человѣкъ, который копается по нѣскольку мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ, труженикъ, а не художникъ; я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ; геній творитъ смѣло, быстро. — «Вотъ у меня», говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ посѣтителямъ: «этотъ портретъ я написалъ въ два дня, эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ».—«Нѣтъ, я... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, что̀ лѣпится строчка за строчкой; это ужъ ремесло, а не художество», разсказывалъ Ч. своимъ посѣтителямъ. «Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался, какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же деньги. Онъ разносилъ такой печатный листъ вездѣ и, будто бы ненарочно, показывалъ его знакомымъ и пріятелямъ, и это его тѣшило до самой простодушной наивности». «Слава его росла, работы и заказы увеличивались». «Художники и знатоки только пожимали плечами, глядя на послѣднія его работы, а немногіе, знавшіе Ч. прежде, не могли понять, какъ могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованіе въ человѣкѣ, тогда какъ онъ только-что достигнулъ еще полнаго развитія

всѣхъ силъ своихъ». «Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ». Онъ забылъ «завѣтъ своего учителя»: «обдумывай всякую работу». «Твое отъ тебя не уйдетъ». Онъ купилъ свою славу цѣною денегъ, подчинивъ свой талантъ требованіямъ заказчиковъ. Прежде Ч. зналъ, что, понеси продавать всѣ свои «картины и рисунки, за нихъ «за всѣ двугривенный дадутъ». Но, «каждая изъ нихъ была предпринята не даромъ, въ каждой изъ нихъ «онъ» что-нибудь узналъ. Теперь онъ писалъ увѣренно, заученными пріемами и оборотами», «легкостью и быстрой бойкостью кисти» замѣняя обдуманность, и въ его портретахъ цѣнили умѣніе сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ передать красоту оригинала». Ч. самъ гордился быстротой и легкостью своей работы. Въ молодости онъ думалъ «о работѣ не торопясь, не на продажу», но для славы. Прежде «вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностью, воображеніемъ, шибкимъ порывомъ приблизиться къ природѣ. Временами онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида, останавливался передъ портретами Тиціана, восхищался фламандцами». «Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжій живописецъ, французъ или нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и накоплялъ себѣ вмигъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда, наконецъ, сильно приступала необходимость, когда не на что было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображеніи участь богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ—бросить все и закутить съ горя, на-зло всему». Теперь «золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденьемъ цѣлью». Онъ сознавалъ, что укралъ свою славу, а «слава не можетъ дать наслажденья тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ», и Ч. уже начиналъ вѣрить, что «все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновенья свыше нѣтъ, и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгій порядокъ аккуратности и однообразья». «Если онъ бралъ сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, то не потому, что убѣдился вполнѣ въ ихъ высокомъ достоинствѣ, но затѣмъ, чтобы колоть ими глаза молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ, по обычаю всѣхъ вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изъятія всю молодежь въ безнравственности и дурномъ направленіи духа». И только стоя предъ божественнымъ созданьемъ» товарища молодости, Ч., почувствовалъ, что «рѣчь умерла на устахъ его, и вмѣсто того, чтобы по просьбѣ зрителей «объявить свои мысли», слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы». «Но точно ли былъ у меня талантъ?» сказалъ онъ тогда: «не обманулся ли я?» «И, произнесши эти слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведеніямъ, которыя работались когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединеномъ Васильевскомъ островѣ, вдали людей, изобилія и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно разсматривать ихъ всѣ, и вмѣстѣ съ ними стала представать въ его памяти вся прежняя бѣдная жизнь его». «Да», проговорилъ онъ отчаянно: «у меня былъ талантъ! Вездѣ, на всемъ видны его признаки и слѣды...» И Ч. «заперся одинъ въ своей комнатѣ», «весь погрузился въ работу. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ сидѣлъ за своимъ трудомъ». Тогда онъ «узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться,—ту муку, которая въ юношѣ рождаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ безплодную жажду,—ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Ч. понялъ, что погубилъ безжалостно свою молодость и свой талантъ». «Вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его. Хула на міръ и отрицаніе изображалось само собою въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олицетворился тотъ страшный демонъ, котораго идеально изобразилъ Пушкинъ. Кромѣ ядовитаго слова и вѣчнаго порицанья, ничего не произносили его уста».

Чичиковъ, Павелъ Ивановичъ (*«Мертвыя Души»*).—Отставной коллежскій совѣтникъ. Мужчина «среднихъ лѣтъ», не слишкомъ толстый, однако-жъ и не тонкій. Юношей былъ «довольно заманчивой наружности». По словамъ дамъ города N., «не первый красавецъ, но за то таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчинѣ: будь онъ немного толще, или полнѣе, ужъ это было бы не хорошо». «Любилъ во всемъ аккуратность и чистоту». «По воскресеньямъ вытирался губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ», и покупалъ «весьма не дешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ». Передъ баломъ у губернатора «цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ». «Наконецъ, онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: «Ахъ ты, мордашка этакой!» Лицо свое Ч. «любилъ искренно», но «привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья». «Вотъ, посмотри», говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою: «какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!»—«Въ пріемахъ своихъ» Ч. имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба». Въ одеждѣ «держался болѣе коричневыхъ или красноватыхъ цвѣтовъ съ искрой».— —Служилъ въ таможнѣ. «Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано». «Что же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье». «Не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства». О себѣ «избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностью, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначащій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его». Въ обществѣ показывалъ въ себѣ «опытнаго свѣтскаго человѣка». Съ дамами онъ умѣлъ размѣняться «непринужденно и ловко» «пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налѣво, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или на-подобіе запятой». Въ кругу мужчинъ, «о чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили о хорошихъ собакахъ—и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою,—онъ показалъ, что ему не безъизвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной игрѣ—и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя». «Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ». Словъ «ронялъ не много, но значительныхъ». «Если и спорилъ, то какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: «Вы пошли», но «вы изволили пойти, я имѣлъ честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой «лежали двѣ фіалки, положенныя туда для запаха», словомъ, «былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда либо существовалъ въ свѣтѣ.

«Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію». «Всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое и оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамильярнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія». Умѣлъ говорить «съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ», «совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ». Проявлялъ такое облагороженное обращеніе», такую «обворожительность», что, встрѣтившись съ нимъ на службѣ, «очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ. Въ городѣ N обворожилъ всѣхъ: «губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ — что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты, что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полицмейстеръ, что онъ почтенный человѣкъ; жена полицмейстера, что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ; дамы «отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей», и даже Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ съ хорошей стороны», сказалъ о немъ женѣ: «препріятный человѣкъ»; Маниловъ была увѣренъ, что для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій», и былъ въ восторгѣ «отъ пріятности и образованности Чичикова». «—Между нами есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно ровнаго характера, съ которыми можно прожить вѣкъ и не поссориться,—я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу!»—такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о Чичиковѣ. Въ городѣ N его всѣ считали за «мильонщика», хотя на самомъ дѣлѣ «удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка». Чичиковъ самъ считалъ, что пострадалъ на службѣ за правду. Онъ говорилъ себѣ: «Кто-жъ зѣваетъ теперь на должности?—всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по-міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я, другіе воспользовались бы». Совѣсть Ч. была покойна, и онъ спалъ «сильно», «крѣпко», «какъ спятъ одни счастливцы, которые не вѣдаютъ ни гемороя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей». Скуки онъ никогда не чувствуетъ и удивляется Платонову: «какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: недостача денегъ, притѣсненія отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь». «— Но, можетъ быть, имѣніе у васъ недостаточное, малое количество душъ?» «Ничуть: у насъ съ братомъ земли по десяти тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ». «— И при этомъ скучать — непонятно! Но, можетъ быть, имѣніе въ безпорядкѣ? Былъ неурожай, много людей вымерло?» «Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ». «— Не понимаю!»—сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами».

Еще въ школѣ оказался у Ч. «большой умъ» «со стороны практической». У него не было «особенныхъ способностей въ какой-нибудь наукѣ», «отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію», но онъ «вдругъ постигнулъ духъ начальника» и окончилъ школу съ книгой «за примѣрное прилежаніе и благонравное поведеніе». На первыхъ шагахъ службы въ казенной палатѣ сумѣлъ «подбиться къ повытчику, который былъ образъ каменной безчувственности и непотрясаемости», «сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ» въ домѣ, и скоро самъ сталъ «повытчикомъ». Онъ рано постигъ «всѣ тонкіе обороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго людей»: гдѣ дѣйствовалъ «тонкостью оборотовъ, гдѣ трогательной рѣчью, гдѣ покуривалъ лестью», гдѣ умѣлъ «всунуть деньжонку». Человѣку и данъ умъ на то, чтобы умѣть «не вывести исторіи». Торгуя мертвыя души, Манилова совершенно растрогалъ рѣчью съ глубокимъ вздохомъ и «слезою», на Коробочку спачала думалъ подѣйствовать лаской, потомъ пустился въ разсужденія, что «и въ «простой тряпкѣ есть цѣна, потому-что ее возьмутъ на бумажную фабрику, а вѣдь это (мертвыя души) ни на что не нужно.

Ну, скажите сами, на что оно нужно?» Когда же «дубинно-головая баба» своимъ непониманіемъ «въ потъ бросила», Чичиковъ «рѣшился попробовать нельзя ли ее навести на путь какою нибудь иною стороною». Сначала ее присрамилъ—(«мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?»), потомъ «посулилъ ей чорта». Увидя, что Коробочка «чорта испугалась необыкновенно», «пошелъ дальше»:—«Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..» «Ахъ, какія ты забранки пригинаешь!»—сказала старуха, глядя на него со страхомъ. — «Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ». Ноздрева, который не хотѣлъ подарить мертвыхъ душъ, укорилъ въ «жидовскихъ побужденіяхъ», Плюшкину высказалъ соболѣзнованіе и «изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями». «— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ». Изъ уваженія къ Плюшкину «готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ и предложилъ ему «по двадцать пять копѣекъ за душу» (Коробочкѣ далъ огуломъ пятнадцать рублей, съ Собакевичемъ сошелся на двухъ съ полтиной съ души) и «ради нищеты» Плюшкина пристегиваетъ «по двѣ копѣечки».

Выказывалъ «необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему». «По комнатамъ» отыскивалъ «слѣды свойства самого хозяина, какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица, или улитка». Манилову, мечтающему о дружбѣ и «хорошемъ обращеніи», замѣчаетъ: «Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія, сказалъ одинъ мудрецъ». Манилову, «приложивъ руку къ сердцу», увѣрилъ, что для него «не было бы большаго блаженства», какъ жить если не въ одномъ домѣ, то въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ». «Лесть, думалъ онъ, никогда не повредитъ».—Неправда ли (жена полицмейстера) прелюбезная женщина?—«О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ я знаю», отвѣчалъ Чичиковъ Манилову.—«Какія хорошенькія дѣтки!»— отзывается Чичиковъ о дѣтяхъ Манилова и открываетъ сразу въ Ѳемистоклюсѣ «большія способности». Съ Коробочкой говорилъ «съ большей свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился», называя ее просто «матушкой», но нашелъ похвалу ея имени:— «Хорошее имя—Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна»; послѣ съ такой же похвалой отнесся къ ея «блинцамъ». Плюшкину при встрѣчѣ сказалъ, что много наслышался «объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями», и потому «почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе».«—Уединенье питаетъ великія мысли въ человѣкѣ», а «неторопливость» «обѣщаетъ столѣтнюю жизнь», высказалъ онъ Тѣнтѣтникову.—«Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству», заявилъ Ч. Бетрищеву.

Когда на службѣ «начались наистрожайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ», онъ «не испугался преслѣдованій и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу», доказавъ «безкорыстіе и чиновное благородство». На первыхъ порахъ службы въ таможнѣ «честность и неподкупность его были неодолимы». Онъ даже «не составилъ себѣ небольшого капитальца отъ конфискованныхъ вещей». «Еще не время» отвѣчалъ Ч. сухо подосланнымъ его «подкупить». Онъ разсчитывалъ на большее: «получить команду и неограниченное право производить обыски». Начальству онъ представляетъ «проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ»; «вѣрно» разсчиталъ, что изъ союза «съ сильнымъ обществомъ контрабандистовъ» «въ одинъ годъ онъ получитъ то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ». «Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало быть, не много получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить какія угодно условія». Онъ сказалъ: «теперь пора!» Когда же тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными и его товарищъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, Чичиковъ устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, «какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго начальства, «и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда».

Въ достиженіи намѣченной цѣли Ч. «проявлялъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся во время прижимокъ», «неодолимую силу характера».—Если ужъ избрана

цѣль, тутъ нужно идти напроломъ,—говорилъ Ч. Служа въ таможнѣ, задумалъ «остроумное путешествіе» «испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ через границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ». «Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ переходовъ черезъ границу», у Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ» капиталу. Позднѣе его «осѣнила вдохновеннѣйшая мысль»: купить мертвыхъ душъ и заложить ихъ, какъ живыхъ, въ Опекунскій Совѣтъ. «Эхъ я Акимъ-простота!» сказалъ онъ самъ въ себѣ: «ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, славу Богу, не мало; помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и попромотались, какъ слѣдуетъ: все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются, какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе, такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; можетъ въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копѣйку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще недосталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ». — Неудачи не охлаждали Ч. «Плачемъ горю не пособить—нужно дѣло дѣлать», говорилъ онъ. «Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, роптадъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и, однако-же, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣніе, предъ которымъ ничто деревянное терпѣніе нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ». «Нужно въ запасѣ держать благоразуміе, ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дружескую бесѣду», говорилъ онъ. «На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣніемъ вспоенъ, терпѣніемъ спеленанъ, и самъ, такъ сказать, не что другое, какъ одно терпѣніе».

Послѣ смерти отца, Чичиковъ унаслѣдовалъ «четыре заношенныхъ фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками» и незначительную сумму денегъ; «поприще службы началъ въ казенной палатѣ»; «дальнѣйшее же теченіе оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ; былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ». Жизнь свою уподоблялъ «судну среди волнъ» (въ разговорѣ съ Бетрищевымъ), или сравнивалъ «съ баркой среди свирѣпыхъ волнъ» (въ бесѣдѣ съ Маниловымъ). Изъ дѣтства вынесъ «слова и наставленія, которыя заронились глубоко ему въ душу». «Угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой». — — Отцовское наставленіе: «Береги и копи копѣйку» «пошло въ прокъ». Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ, имъ не владѣли скряжничество и скупость. «Нѣтъ, не онѣ двигали имъ», хотя «Павелъ Ивановичъ какъ то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ деньги. Если-жъ настояла крайняя необходимость, то всетаки, казалось ему, —лучше выдать деньги завтра, а не сегодня». Предъ жаждой «зашибанія копѣйки его ничто не останавливало: ни трудности предпріятія, ни хлопоты, ни страхъ, «чтобы какъ-нибудь не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи».—Ну, да вѣдь данъ человѣку на что-нибудь умъ», говорилъ онъ, и дѣйство-

валъ, проявляя «неодолимую силу характера». Онъ дѣйствовалъ «какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ — не пропускаетъ ничего»; сколотивъ лишнюю копѣйку, онъ «смягчилъ долговременный постъ», «позволилъ себѣ кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія», пріобрѣлъ «отличную пару и самъ держалъ одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ».—Если уже избрана цѣль, тутъ нужно идти напроломъ, говорилъ Ч. «Дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло, что-то строиться и ждало только плана». «Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ Муразовъ, «какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы вы съ такою же силою и терпѣніемъ да подвизались бы на добромъ пути и для лучшей цѣли! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки! да сумѣлъ бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья копѣйки». «Природа его не была такъ сурова и черства и чувства его не были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать». «Еще ребенкомъ онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, пустился въ другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче и, какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить, — признакъ подступающаго голода,—онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки и, разодоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой». «Ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды – вотъ что безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, современемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на санкахъ въ богатой упряжи, онъ, какъ вкопаный, останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!» «И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ».

При встрѣчѣ съ генераломъ Бетрищевымъ почувствовалъ «и уваженіе и робость». Генералъ называетъ Чичикова «на ты», но Чичиковъ, «который не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамильярнаго обращенія» — не обижался. Когда генералъ, узнавъ «исторію» о дядѣ Чичикова, назвалъ его (дядю) осломъ, Чичиковъ согласился:—«Точно такъ, ваше превосходительство, хотя онъ мнѣ и родственникъ и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно оселъ». И даже «изъ уваженія къ генералу, «смѣхъ пустилъ на букву *е*: хе, хе, хе, хе!» Еще, раньше узнавъ отъ Тѣнтѣтникова, «что изъ-за одного слова «ты» произошла исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову и заключилъ: «Да онъ, просто, круглый дуракъ!» «Андрей Ивановичъ, помилуйте!» сказалъ онъ наконецъ, взявши его за обѣ руки: «какое жъ тутъ оскорбленіе? что жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ ты?» «Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго», сказалъ Тѣнтѣтниковъ, «но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. Ты—это значитъ: «помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина,—

ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что это значитъ!» Говоря это, смирный и и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства. «—Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что жъ тутъ такого?» сказалъ Чичиковъ. «Какъ!» сказалъ Тѣнтѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову». «Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?» «Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!» сказалъ Чичиковъ. «Это просто генеральская привычка». И подумалъ о Тѣнтѣтниковѣ, «какой дуракъ!» Онъ не привыкъ уважать людей. «Уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки». «Первый человѣкъ, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное», былъ «чудный хозяинъ»—Костанжогло. «Экой чортъ! Загребистая какая лапа! подумалъ Чичиковъ, глядя на Костанжогло въ оба глаза:—Изумительно! Изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ». Услыша о Костанжогло какъ о замѣчательномъ хозяинѣ и увидя, какъ онъ «точно какъ бы носовой платокъ», прехладнокровно сунулъ въ задній карманъ сюртука пукъ ассигнацій, Чичиковъ преисполнился «благоговѣнія». Знакомясь съ Костанжогло Ч. «благоговѣйно» подступилъ къ хозяину «и лобызнулъ его въ щеку». Когда Чичиковъ услышалъ разсказъ о Муразовѣ, у котораго перевалило за сорокъ милліоновъ, у Чичикова «захватило духъ въ груди».—«Уму непостижимо!» сказалъ онъ, приходя немного въ себя. «Каменѣетъ мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы!»

Когда Собакевичъ озадачилъ Ч. «рѣзкимъ опредѣленіемъ» людей, и тутъ нашелся: — «Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей», перевелъ разговоръ съ предсѣдателя на губернатора и позволилъ себѣ не согласиться съ хозяиномъ; когда зашла рѣчь о покупкѣ мертвыхъ душахъ, «выразился очень осторожно», «никакъ не называлъ души умершими, а только несуществующими», даже вопросъ Собакевича—(«Вамъ нужно мертвыхъ душъ?) смягчилъ, прибавивши: «несуществующихъ». Онъ вообще дѣйствовалъ осторожно. Съ Маниловымъ соглашается, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеньи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую нибудь книгу (въ чемоданѣ Чичиковъ возилъ «Новый календарь», да «два какіе-то романа, оба вторые тома»). Въ книгохранилищѣ Кочкарева какую ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — проявленье, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. «Нѣтъ, это не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, когда же вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками, то началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу». Однако, взглянувъ на библіотеку Тѣнтѣтникова, отозвался съ похвалой о книгахъ вообще» и «замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка». Онъ умѣлъ при случаѣ «вскользь» прилгнуть, «безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но всегда неожиданно удачно». Манилову, разсказывая о преслѣдованіяхъ въ своей жизни, заявилъ: «А за что? За то, что соблюдалъ правду, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ горемыкѣ!» Коробочкѣ сказалъ, что «ведетъ казенные подряды» и пообѣщался купить у ней и муку, и крупъ и «скотины битой». Ноздреву, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія-нибудь душонки», но Чичиковъ и «самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ. «Ну, такъ я жъ тебѣ скажу прямѣе», сказалъ онъ, поправившись: «только, пожалуста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать и невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ недостаетъ»... У Бетрищева сочинилъ исторію о генералахъ (которую якобы пишетъ Тѣнтѣтниковъ) и «генералы пришлись, однакоже, кстати, между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ сдуру». Тому же Бетрищеву придумалъ исторію о дядѣ (см. Бетрищевъ).

«Человѣкъ всегда плюется», нѣтъ ни одного человѣка въ свѣтѣ, который бы не плевался», говоритъ Чичиковъ Тѣнтѣтникову. «Ты «полюби насъ черненькими, а бѣлень-

кими насъ всякій полюбитъ», говоритъ онъ Бетрищеву. «Для внушенія надлежащаго страха кому слѣдуетъ», «ѣздила съ нимъ въ дорогѣ сабля», но самъ храбростью не отличался. При столкновеніи съ Ноздревымъ, Чичиковъ «хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука», и «испыталъ такой страхъ, что душа» «спряталась въ самыя пятки». Онъ такъ «трухнулъ», что даже, когда его «бричка мчалась во всю пропалую», онъ «все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня». На балу, завидя Ноздрева, онъ «счелъ нужнымъ поскорѣе удалиться». Нѣсколько «смѣшался» и тогда, когда увидалъ продавцевъ, съ которыми «дѣло было улажено келейно», стоявшихъ лицомъ другъ къ другу, и «въ словахъ Ч. и отвѣтахъ была какая-то нетвердость». Послѣ выкрика Ноздрева («онъ торгуетъ мертвыми душами»), Ч. «просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ», но въ отвѣтъ на просьбу Ноздрева «влѣпить одну безешку», такъ оттолкнулъ его, что тотъ «чуть не полетѣлъ на землю». Однако, «хотя и сухо», но принялъ Ноздрева; «въ продолженіе всей болтовни Ноздрева Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора,—все это навело на него порядочный испугъ. «Ну, ужъ коли пошло на то»,—подумалъ онъ самъ въ себѣ»—«такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй». И самъ же обвинилъ во всемъ себя за свою неосторожность. «Послѣ этого Павелъ Ивановичъ «сталъ очень остороженъ насчетъ этого предмета» (мертвыхъ душъ). «Если бы даже пришлось дѣло вести съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ».

Ему, обладателю «характера осмотрительно-охлажденнаго», однако знакомы были «и не вовсе прозаическія грезы». Когда онъ мечталъ «о бабенкѣ, о дѣтской»—«улыбка слѣдовала за такими мыслями». Онъ мечталъ «о счастьѣ порядочнаго человѣка», о дѣвушкѣ-невѣстѣ съ приданнымъ «тысячонокъ въ двѣсти». «Женщины для него—это такой предметъ... просто и говорить нечего...» «не приберешь слова: галантерная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!» «такъ вотъ зацѣпитъ за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ». На балу при видѣ губернаторской дочки съ нимъ произошло что-то такое странное, что-то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себѣ объяснить». «Онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодого человѣка, чуть-чуть не гусаромъ». Не разъ «представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабенка, можетъ быть, даже изъ купеческаго сословія, впрочемъ, однако-же, образованная и воспитанная такъ, какъ и дворянка,—чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ же идти противъ общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвочки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью, или призракомъ,—чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ». Онъ сильно заботился о своихъ потомкахъ и, размышляя о себѣ, говорилъ: «И что я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? И что скажутъ потомъ мои дѣти?—«Вотъ», скажутъ: «отецъ—скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!» И онъ мечталъ, какъ въ будущемъ, когда концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородіе»...—Но все это потомъ, когда устроится главное: «добываніе копѣйки», чтобы «имѣть средства въ рукахъ», сдѣлаться «хозяиномъ», «пріобрѣтателемъ»; онъ хотѣлъ, «всѣ излишества отъ себя оттолкнувши», отдаться только труду, да хозяйству. И снова думалъ о добываніи копѣйки... и приходилъ въ веселое расположеніе, воображая «себя уже настоящимъ херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ».

Въ своемъ скитаніи по свѣту Чичиковъ видѣлъ «вторую науку». Онъ все высматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ, разтобарывалъ «по часту съ дворовыми людьми», «толковалъ и говорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и съ мельникомъ». У

Костанжогло проситъ: — «Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ, подобно вамъ умѣть извлекать изъ него существенное, дѣйствительное, и тѣмъ исполнить долгъ гражданина». Тѣнтѣтникова, не исполняющаго этотъ долгъ, запустившаго свое имѣнье, называетъ: «Рѣшительно скотина!» Къ Хлобуеву, промотавшаго имѣнье, относится пренебрежительно: «Блудный сынъ и жалѣть его нечего».— «Нѣтъ, я не такъ поступлю», думалъ Чичиковъ—«я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня и поваръ, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ». И «уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ такъ, какъ и поучалъ» Костанжогло,—«расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши своими глазами»...

Шпекинъ, Иванъ Кузьмичъ (*«Ревизоръ»*).—Почтмейстеръ. Жена городничаго упрекаетъ дочь за то, что та «воображаетъ, что Ив. К. за ней (дочерью) волочится».— —«Простодушный до наивности человѣкъ».—Услышавъ о томъ, что ѣдетъ ревизоръ, онъ думаетъ, что «война съ турками будетъ». «Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ». Когда городничій заявляетъ: «Какая война. Просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо».—Ш. отвѣчаетъ: «А если такъ, то не будетъ войны съ турками». Городничій проситъ его «для общей нашей пользы, всякое письмо... знаете, этакъ немножко распечатать»... Ш. отвѣчаетъ: «Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго въ свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь—такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Не начитывали о какомъ нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?— «Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль однако-жъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый другъ, течетъ,—говоритъ—въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ»... «съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ». «Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?»— «Приносятъ ко мнѣ на почту письмо (Хлестакова). Взглянулъ на адресъ—вижу: въ Почтамтскую улицу. Я такъ и обомлѣлъ». «Ну, думаю себѣ, вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство. Взялъ, да и распечаталъ». «Самъ не знаю (какъ): неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! Тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй, не распечатывай! Пропадешь, какъ курица»—а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай!»—И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей-Богу, морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось».— —Когда городничій угрожаетъ Ш. Сибирью, говоритъ: «Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту». Читаетъ письмо Хл.; когда доходитъ дѣло до его собственной характеристики, говоритъ: «Хм... хм... хм. . хм.., сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ (оставляя читать). Ну, тутъ онъ обо мнѣ тоже неприлично выразился».—Нѣтъ, читайте!—«Да къ чему же?» Отзывъ Хл. такой: «Почтмейстеръ, точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть также, подлецъ, пьетъ горькую».—«Ну, скверный мальчишка»—восклицаетъ почтмейстеръ—«котораго надо высѣчь: больше ничего!»

Шпонька, Иванъ Ѳедоровичъ (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»*). — «Отставной поручикъ»; «безъ малаго сорока лѣтъ». По словамъ тетушки, «ще молода дытина». Владѣтель хутора изъ «осьмнадцати душъ». «Казалось, натура именно создала его для управленія осьмнадцати-душнымъ имѣніемъ». Ш. по природѣ робокъ, и эта «робость увеличилась въ немъ еще болѣе съ тѣхъ поръ, когда въ училищѣ преподаватель латинскаго языка «высѣкъ его пребольно». «Обучался въ гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ», «былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ». «Тетрадка

у него всегда была чистенькая, кругомъ облинеенная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ сидѣвшему впереди его товарищу на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ тѣсной бабы. Когда кому нужда была въ ножикѣ, очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Θедоровичу, зная, что у него всегда водится ножикъ; и И. Θ. «вынималъ его изъ небольшого кожанаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остріемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя латинскаго языка». Почти пятнадцати лѣтъ принялся онъ за пространный катехизисъ, «за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но, увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ». — — И. Θ. «не любилъ читать, а если заглядывалъ въ гадательную книгу, такъ это потому, что любилъ встрѣчать тамъ знакомое, читанное имъ уже прежде». За обѣдомъ у Сторченка, «услышавши, что дѣло идетъ о книгѣ, прилежно началъ набирать себѣ соусу». Ш. «былъ такой человѣкъ, что не допускалъ къ себѣ скуки». «Такъ какъ онъ не пилъ вымурозокъ, предпочитая имъ рюмку водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, не танцовалъ мазурки и не игралъ въ банкъ», но, «когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ по мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя въ своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на постели». «Въ полѣ среди жнецовъ и косарей онъ забывалъ, присоединяясь къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку, или считая копы нажатаго хлѣба, унизавшія поле». За-то не было никого исправнѣе Ивана Θедоровича въ полку, и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. Когда принялся за хозяйство, о «немъ скоро пошли рѣчи, какъ о великомъ хозяинѣ», хотя тетушка «не во всѣ отрасли хозяйства позволяла ему вмѣшиваться». «Гдѣ ему знать!» «Спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики». «Подпоручикомъ онъ былъ тотъ же самый Ив. Θед., какимъ былъ нѣкогда и въ прапорщичьемъ чинѣ». И если подалъ въ отставку, то потому, что «совершенно согласился съ тетушкой», что уже «имѣетъ чинъ не маловажный и пришелъ въ такія лѣта,— что пора и хозяйствомъ позаняться и въ воинской службѣ служить нечего». — — Ш. не словоохотливъ. Въ разговорахъ не проронитъ ни слова, а если «осмѣлится» что нибудь сказать, то краснѣетъ и путаетъ слова. Наединѣ съ Марьей Григорьевной Ш., «сидѣлъ на своемъ стулѣ какъ на иголкахъ, краснѣлъ и потуплялъ глаза». Въ обществѣ «ни одна мысль не приходила ему на умъ», точно И. Θ. «всѣ слова свои растерялъ по дорогѣ». Оставшись наединѣ съ Марьей Григорьевной, промолчалъ «около четверти часа», наконецъ собрался съ духомъ:—Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня! произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ. И далѣе И. Θ. «никоимъ образомъ уже не находилъ рѣчи»; на вопросъ тетушки, о чемъ говорилъ Ив. Θ. вдвоемъ съ барышней, лишь отозвался: «весьма скромная и благонравная дѣвица». Ив. Θед. очень сговорчивъ и слушается во всемъ тетушку: «она хоть кого умѣла сдѣлать тише травы», но когда тетушка заговорила о женитьбѣ на Марьѣ Григорьевнѣ, И. Θ., «испугавшись», говорилъ: «Какъ, тетушка», «какъ, жена!». «Нѣтъ сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите. . Я совершенно не знаю, что дѣлать съ нею». «Иванъ Θедоровичъ стоялъ, какъ будто громомъ оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!.. Это казалось ему такъ страшно, такъ чудно, чтò онъ никакъ не могъ подумать безъ страха. Жить съ женою!.. непонятно! Онъ не одинъ будетъ въ своей комнатѣ, но ихъ должно быть вездѣ двое!.. Потъ проступалъ у него на лицѣ, по мѣрѣ того какъ углублялся онъ въ размышленіе. И во снѣ ему представлялось, что онъ уже женатъ, что все въ домикѣ ихъ такъ чудно, такъ странно: въ его комнатѣ стоитъ, вмѣсто одинокой, двойная кровать; на стулѣ сидитъ жена. Ему странно: онъ не знаетъ, какъ подойти къ ней, что говорить съ нею, и замѣчаетъ, что у нея гусиное лицо. Нечаянно поворачивается онъ въ сторону

и видитъ другую жену, тоже съ гусинымъ лицомъ. Поворачивается въ другую сторону—стоитъ третья жена, назадъ—еще одна жена». «Въ страхѣ и безпамятствѣ просыпался Ив. Ѳед., обращался къ гадательной книгѣ», искалъ въ ней разрѣшенія своей участи и не находилъ отвѣта.

Яичница, Иванъ Павловичъ (*«Женитьба»).* «Человѣкъ должностной». Экзекуторъ департамента, коллежскій асессоръ. По описанію свахи: «такой видный изъ себя, толстый...», «неча сказать, баринъ такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ—такой славный...» «А человѣкъ еще молодой, лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ». «Иванъ Павловичъ, — говоритъ о немъ невѣста, — тоже хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина». «Не съ папенькой-ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?»—спрашиваетъ при встрѣчѣ Я. Анучкинъ.—«Вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей»,—отвѣчаетъ Я. «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ»,—кричитъ онъ на Ѳеклу,—«что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?..» «Ты врешь, собачья дочь!» да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо, что и неприлично сказать».— —«Человѣкъ тяжелый», ни за что прибьетъ». Послѣ неудавшагося сватовства «беретъ подъ строжайшій допросъ старуху» и грозитъ свахѣ:—«А подойди-ка ко мнѣ сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ».—Когда Агафья Тихоновна хочетъ прогнать своихъ жениховъ, Я., подбоченившись, грозно подступаетъ къ ней: — «Какъ «пошли вонъ?» Что это такое значитъ: «пошли вонъ?» Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ?» «Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что-ли?» обращается Я. къ Кочкареву.— —«Жениться, подлецъ, хочетъ!»—говоритъ тотъ же Я. о встрѣченномъ имъ у Купердягиныхъ женихѣ, но считаетъ, что остальные «женишки» ему не опасны. «Народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ». Во всемъ любитъ основательность: «О, она (Агафья Тихоновна) не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки,—говоритъ онъ, смотря на невѣсту,—кое-что есть». «Конечно, лучше, если-бы она была умнѣй, а впрочемъ и дура тоже хорошо; были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ». Читая списокъ приданаго Агафьи Тихоновны, находитъ нужнымъ все это повѣрить на дѣлѣ. « Теперь, пожалуй, обѣщаютъ и домъ, и экипажи, а какъ женишься—только и найдешь, что пуховики да перины». «Каменный двухъэтажный домъ». «Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный...» Ну, деревянный плоховатъ. «Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой подъ большой коверъ и подъ малый». Можетъ быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однако-жъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...» Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. «Двѣ лисьихъ шубы...» Гм! «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ» (значительно сжимаетъ губы). «Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два ночныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣлье, салфетки...» Это пусть будетъ, какъ ей хочется». Каждую статью подвергаетъ сомнѣнью: «Если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла» (т. е. женитьбы). Не любитъ «сватаній», — потому «пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! »Агафьѣ Тихоновнѣ предложеніе дѣлаетъ кратко:—«Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта—вы. Скажите напрямикъ—да, или нѣтъ?» На слова Агафьи Тихоновны, что она «не расположена еще замужъ», замѣчаетъ:—«Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ?..»

Ѳекла Ивановна (*«Женитьба»).*—Старуха, сваха. «Крыса старая», по опредѣленію Кочкарева. — «Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!» — говоритъ ей Подколесинъ. «Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ», — отвѣчаетъ Ѳ. И. «Да вѣдь она лгунья»,—говоритъ о Ѳ. Арина Пантелеймовна.—«Ахъ, нѣтъ, Арина Пантелеймовна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить»,—возражаетъ Ѳ.—Когда Анучкинъ упрекаетъ Ѳ., что вопреки ея словамъ невѣста не знаетъ французскаго языка, а знаетъ только русскій, Ѳ. отвѣчаетъ: «Что-жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь,—рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски».—«Бѣлены объѣлись или выпили лишнее. Вишь пе-

реборщики нашлись какіе! Свела съума глупая грамота!..» «На брань Я. отвѣчаетъ: «А я скажу, что ты самъ подлецъ—вотъ что!» —«Онъ-то, пожалуй, надворный совѣтникъ, и петлицу носитъ, — говоритъ Ѳ. о Подколесинѣ, — да ужъ на подъемъ куда тяжелъ, не выманишь изъ дому...»—«Ты человѣкъ тяжелый, ни за что прибьешь»,—характеризуетъ Ѳ. И. Яичницу. — «Въ такую дрянь вмѣшался», — говоритъ Ѳ. съ досадой о Кочкаревѣ, который вмѣшался въ сватовство, когда Ѳ. И. выдала ему мѣстожительство невѣсты.—«По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть-было не прибили, ей-Богу: старуха-то, что̀ женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: «Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ», говоритъ. — «Да что̀-жъ», сказала я напрямикъ: «я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить». За то ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То-есть и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить». «Что? А, вотъ онъ тотъ, что̀ знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить»,—говоритъ Ѳ. И. Кочкареву, послѣ бѣгства Подколесина, хотя и принимала сама участіе въ налаживаніи свадьбы Подколесина.

УКАЗАТЕЛЬ

ТИПОВЪ, ОБРАЗОВЪ[1] И ЛИЦЪ[2].

[1]) Типы и образы, вошедшіе въ „Словарь“, отмѣчены сноской на соотвѣтствующую страницу.

[2]) При лицахъ лишь упоминаемыхъ въ произведеніяхъ поставлено: (уп. л).

А

Аббатъ *(«Римъ»)*.—«Учитель (князя), гувернеръ, дядька и все, что угодно; «строгій классикъ, почитатель писемъ Піетра Бембо, сочиненій Джіовани della Casa и пяти-шести пѣсней Данта»... Зналъ «очень хорошо, въ какое время лучше телятина, съ какого мѣсяца нужно начинать ѣсть козленка», любилъ «обо всемъ этомъ поболтать на улицѣ, встрѣтясь съ пріятелемъ, другимъ аббатомъ». «Весьма ловко обтягивалъ полныя икры свои въ шелковые черные чулки, прежде запихнувши подъ нихъ шерстяные; чистилъ себя регулярно одинъ разъ въ мѣсяцъ лѣкарствомъ olio di ricino въ чашкѣ кофе, и полнѣлъ съ каждымъ днемъ и часомъ, какъ полнѣютъ всѣ аббаты».

Абдулинъ *(«Ревизоръ»)*.—«Проклятый купчина Абдулинъ. Видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой». Подаетъ прошеніе Хлестакову: «Его высокоблагородному свѣтлости господину Финансову отъ купца Абдулина».

Авдотья *(«Ревизоръ»)*.—Ключница городничаго. По словамъ Анны Андреевны, у нея «въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ». Когда поднялась суматоха при извѣстіи о пріѣздѣ ревизора, А. Андр. посылаетъ ее вслѣдъ за городничимъ: «побѣжать, разспросить, куда поѣхали»,—а тамъ «подсмотрѣть въ щелочку и узнать все, и глаза какіе» у ревизора.—По дорогѣ въ лавку А. встрѣчается съ Добчинскимъ и разсказываетъ о томъ, что городничій получилъ письмо, и передаетъ его содержаніе.

Авторъ пьесы *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Пьеса имѣла успѣхъ. «Весь театръ гремитъ». «Боже, какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ 7—8 мое сердце!» «Но разумный холодъ лѣтъ» умудрилъ автора: «Узнаешь наконецъ, что рукоплесканья еще немного значатъ, и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли—всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье». «Авторъ» желаетъ незамѣтно выслушать мнѣнія зрителей, потому-что «мнѣ это нужно—говоритъ онъ; я комикъ. Всѣ другія произведенья и роды подлежатъ суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ». «Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ». «Да, я удовлетворенъ»—говоритъ онъ, выслушавъ отзывы зрителей: «Какой живой урокъ! Какая пестрая куча толковъ!» Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную массу, ...гдѣ что́ человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера», «какъ даже въ сихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику». «Автору» грустно только, что «никто не замѣтилъ честнаго, благороднаго лица, бывшаго въ его пьесѣ». Это смѣхъ. Благороденъ онъ потому, что «рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ»; «несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику—прозванье холоднаго эгоиста и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его», говоритъ А. «Я комикъ, я служилъ ему честно и потому долженъ стать его заступникомъ».—Онъ имѣетъ въ виду «не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера»; «не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей»,—а «тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка,—излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно бьющій родникъ его».—Этотъ смѣхъ «углубляетъ предметъ, заставляетъ ярко выступить то, что проскользнуло бы...» Безъ него «презрѣнное и ничтожное, мимо котораго человѣкъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: «неужели есть такіе люди?», тогда какъ, по собственному сознанію его, бываютъ хуже люди».—«Несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ... Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу».—«Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противъ которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенья съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище: а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ».—Не слышатъ могучей силы такого смѣха: «что́ смѣшно, то низко», говоритъ свѣтъ; только тому, что́ произносится суровымъ напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. «Но, Боже, сколько проходитъ ежедневно

людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ. Все, что ни творилось вдохновеннымъ, для нихъ пустяки и побасенки...»—«Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ; обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно святы въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ». «Бодрый же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но да приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ и въ святой любви къ человѣчеству». Все измѣняется. «Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ (въ будущемъ) отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви... И почемъ знать, можетъ быть будетъ признано потомъ всѣми, ...что тотъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ».

Агафья Тихоновна Купердягина *(«Женитьба»)*,—стр. 9.

Агафья Федосѣевна *(«Какъ поссорился Ив. Ив.»)*.—«Та самая, что откусила ухо у засѣдателя». «Носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и кофейный капотъ съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и оттого отыскать ея талію было такъ же трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ». «Не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ив. Никиф.», «однако-жъ она ѣздила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки»; «была не охотница до церемоній, и когда Ив. Никиф. страдалъ лихорадкою, она сама, своими руками, вытирала его съ ногъ до головы скипидаромъ и уксусомъ». «Сплетничала и ѣла вареные бураки по утрамъ, и отлично хорошо ругалась; и при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могутъ показывать однѣ только женщины». Иногда Ив. Никиф. «пытался спорить, но всегда А. Ѳ. брала верхъ». «Какъ только она пріѣхала, все пошло навыворотъ: «Ты, Ив. Никиф., не мирись съ нимъ и не проси прощенія; онъ тебя погубить хочетъ; это таковскій человѣкъ! Ты его еще не знаешь», шушукала—шушукала проклятая баба и сдѣлала то, что Ив. Ник. и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ. «Надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ дуракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ? Ты будешь хуже бабы, что продаетъ сластёны, которыя ты такъ любишь». «И уговорила неугомонная».

Агашка *(«Мертвыя Души»)*.—Жена приказчика Манилова, ключница и «барынина фаворитка».

Агентъ шулеровъ *(«Игроки»)*.—По словамъ Утѣшительнаго, «пріѣзжаетъ на ярмарку», «останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ: распаковываетъ—сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, купцы вмигъ расхватали въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ».

«Аграфена Ивановна» *(«Коляска)»*.—Прозвище кобылы «крѣпкой и дикой, какъ южная красавица».

Аграфена Трофимовна *(«Какъ поссорился Ив. Ив.»)*.—Супруга Петра Федоровича. «Очень ужъ любитъ «колбасы» «изъ свиной крови и сала».

«Аделаида Ивановна» *(«Игроки»)*.—«Заповѣдная колодушка» картъ, подобранная Ихаревымъ. «Просто перлъ».

Адъютантъ *(«Коляска»)*.—«Довольно ловкій» «молодой человѣкъ пріятной наружности».

Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ *(«Шинель»)*,—стр. 10.

Акинфъ Стапановичъ Пантелѣевъ.—См. Пантелѣевъ, Ак. Ст.

Аксентій Ивановичъ Поприщинъ *(«Записки Сумасшедшаго»)*.—См. Поприщинъ, Акс. Иван.

Актеръ *(«Развязка Ревизора»)*—подноситъ первому комическому актеру (М. С. Щепкину) вѣнокъ и говоритъ привѣтствіе отъ лица товарищей.

Актеръ, комическій, первый *(«Развязка Ревизора»)*.—«За то́ вамъ вѣнокъ, говорятъ ему актеры, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ вы посреди насъ и нѣтъ изъ насъ никого, который былъ бы когда-либо вами обиженъ; за то, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не уставать на своемъ поприщѣ... За то, что вы не объ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому сыграть свою роль хорошо, но чтобы и всякъ не оплошалъ въ своей роли, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то наконецъ, что такъ любили дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его».—Отзывы цѣнителей объ его игрѣ: «Вѣнецъ искусства—и больше ничего». «Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда такъ не играли», «(я) былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы, видѣлъ лучшихъ актеровъ, но не встрѣчалъ подобной игры». Самъ же актеръ думаетъ о себѣ: «Нечего скромничать! Могу сказать, что въ этотъ разъ

точно хорошо сыгралъ и рукоплесканье публики досталось не даромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ самимъ собой, то значитъ дѣло было сдѣлано какъ слѣдуетъ». Значеніе смѣха и цѣль комедіи для А.: «Мы ищемъ во всемъ нравоученья другимъ, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью другихъ и позабывши о своей. Вѣдь посмѣяться мы любимъ надъ другими, а не надъ собою; увидѣть недостатки вѣдь мы любимъ въ другихъ, а не въ себѣ. Какъ бы то ни было, но взгляните: три тысячи вѣдь людей пришло въ театръ; всѣ знаютъ, что пришли затѣмъ, чтобы посмѣяться и всякій изъ этихъ трехъ тысячъ увѣренъ, что придется надъ другимъ посмѣяться, а не надъ нимъ. Малѣйшій намекъ, что онъ можетъ быть похожъ самъ на того, надъ кѣмъ посмѣялся, можетъ привести его въ гнѣвъ, и онъ готовъ уже въ бѣшенствѣ повторять: да развѣ у меня рожа крива?» «Возвратимъ смѣху его настоящее значеніе! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного». «Смѣхъ развѣ не бичъ? Или думаете даромъ намъ данъ смѣхъ, когда его боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь? боится даже и тотъ, кто ничего не боится!.. Скажите: зачѣмъ намъ данъ смѣхъ,—затѣмъ чтобъ такъ попусту смѣяться?» «Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ—теперь я плачу. Дайте же мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ; что я также служилъ землѣ своей, что не пустой я былъ скоморохъ, но честный чиновникъ великаго Божьяго Государства, и возбудилъ въ васъ не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку... Говорю вамъ: вѣрьте этимъ словамъ». «Онъ добръ, онъ честенъ, этотъ смѣхъ. Онъ данъ именно на то, чтобы умѣть посмѣяться надъ собою, а не надъ другимъ. И въ комъ нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками своими, лучше тому вѣкъ не смѣяться!.. Иначе смѣхъ обратится въ клевету и какъ за преступленье дастъ онъ за него отвѣтъ». «Развѣ всякъ изъ насъ приступаетъ къ произведенію писателя, какъ пчела къ цвѣтку?» «Кто хочетъ нравоученья, тотъ возьметъ его себѣ, кто глядитъ въ душу себѣ, тотъ изъ всего возьметъ то, что нужно». «Предметъ комедіи и сатиры вообще—не достоинство человѣка, а презрѣнное въ человѣкѣ: чѣмъ больше она выставила презрѣнное презрѣннымъ, чѣмъ больше имъ возмутила и привела въ содроганіе душу зрителя, тѣмъ больше она выполнила свое назначеніе». «Дурного не слѣдуетъ щадить, гдѣ бы оно ни было. Но если хотите ужъ поступать по-христіански, обратите ту же сатиру на самого себя и приложите всякую комедію къ самому себѣ, прежде чѣмъ замѣчать отношеніе ея къ цѣлому обществу... Всякое сочиненіе, гдѣ не поражается дурное, слѣдуетъ лично обратить къ самому себѣ, какъ бы оно прямо на меня было написано». «Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба!» «Я подумалъ о томъ, какое нравоученье могу вывести для самого себя (изъ «Ревизора»)», «Что, если (городъ въ «Ревизорѣ») это нашъ же душевный городъ и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ?» «Мнѣ показалось, что этотъ настоящій ревизоръ, о которомъ одно возвѣщеніе въ концѣ комедіи наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣтитъ насъ у дверей гроба. Мнѣ показалось, что этотъ вѣтренникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтреная свѣтская наша совѣсть, которая, воспользовавшись страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя подкупить страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ чиновникамъ, и потомъ пропадаетъ, такъ же, какъ онъ, неизвѣстно куда».—А. не утверждаетъ, что авторъ «Ревизора» имѣлъ такую мысль. «Я вамъ впередъ сказалъ—авторъ не давалъ мнѣ ключа, я вамъ предлагаю свое. Авторъ, если бы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, если бы ее обнаружилъ ясно... Это ужъ наше дѣло выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дѣти»,—говоритъ А. въ свою «высшую минуту», принимая отъ «своей братьи» вѣнокъ за 20 лѣтъ служенія театру.

Ср. Авторъ. См. ниже «Перечень».—«Развязка Ревизора».

Актриса, хорошенькая (*«Развязка Ревизора»*).—Когда Щепкинъ отказывается принять вѣнокъ, «выступаетъ впередъ съ повелительнымъ жестомъ: «Михайло Семенычъ, вѣнокъ на голову!».

Акулька (*«Мертвыя Души»*).—Кухарка Собакевича. Уп. л.

«Акулька» (*«Мертвыя Души»*).—Названіе кабака.

Александра Степановна Плюшкина (*«Мертвыя Души»*).—См. Плюшкина, Александра Степановна.

Александрина (*«Отрывокъ»*).—Княгиня. Уп. л.

Александръ Дмитріевичъ Бетрищевъ (*«Мертвыя Души»*).—См. Бетрищевъ.

Александръ Ивановичъ Хлестаковъ (*«Ревизоръ»*).—См. Хлестаковъ.

Александръ Ивановичъ (*«Утро дѣлового человѣка»*).—«Дѣловой человѣкъ», пріятель Ивана Петровича. Имѣетъ обыкновеніе носить лосиную фуфайку, потому что она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячитъ. «Пятью годами старѣе» Ивана Петровича по службѣ, но до сихъ поръ не представленъ». Обѣщаетъ прія-

телю, «съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай», «замолвить за него предъ начальствомъ». — Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! говоритъ А. И. самъ себѣ.

Александръ Петровичъ (*«Мертвыя Души»*).—Учитель Тѣнтѣтникова; «директоръ училища», человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, диво воспитателей, «одаренъ былъ чутьемъ слышать природу»... русскаго человѣка и «зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желанье загладить сдѣланную пакость и проступокъ». «Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не разсказалъ всего, что ни напроказилъ. Малѣйшее движеніе ихъ помышленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе, — честолюбіе называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка, — безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣзвостей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе, въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ. «Они были нужны ему затѣмъ, чтобы видѣть, что такое именно таится въ ребенкѣ». «Большую часть наукъ читалъ онъ самъ». «Безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ», онъ умѣлъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было видно, на что именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ онъ долженъ заняться преимущественнѣе». — Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить, довольно съ нихъ, если пріучились быть терпѣливыми, работящими исполнителями, не пріобрѣтая заносчивости и всякихъ видовъ вдаль.—«Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться», обыкновенно говорилъ онъ. И становился на этомъ курсѣ совершенно другой А. П. и съ перваго же разу возвѣщалъ, что доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простого ума, теперь потребуетъ ума высшаго,—не того ума, который умѣетъ подтрунить надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынесть всякое оскорбленіе, спустить дураку, не раздражаться. Здѣсь-то сталъ онъ требовать того, что другіе требуютъ отъ дѣтей. Это-то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить посреди какихъ-бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ,—вотъ что называлъ онъ умомъ. Въ этомъ-то курсѣ А. П. показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ впереди человѣка на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ службы и частныхъ занятій. Всѣ огорченія и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенья и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно, какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ передъ ними вовсе не радостную будущность». «Оттого ли, что уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено честолюбіе, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ: впередъ! это словцо, производящее такія чудеса надъ русскимъ человѣкомъ»,—«но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ нужно было показать большую силу души». А. П. «дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ-же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Немногіе выходили изъ этого курса, но эти немногіе были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, и умнѣйшіе ихъ, не вытерпѣвъ, изъ-за личныхъ мелочныхъ непріятностей, бросили все или же, не вѣдая ничего, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные А. П. не только не пошатнулись, но, умудренные познаніемъ человѣка и души, возымѣли сильное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Алексаша (*«Мертвыя Души»*).—См. Пѣтухъ, Алексаша.

Алексѣй (*«Игроки»*).—Трактирный слуга. Ихаревъ не требуетъ отъ А. «больше ничего, какъ только честности», даетъ ему «сторублевую бумажку» и дюжину крапленыхъ картъ, которыя А. приноситъ для игры по требованію Ихарева. — «Извольте положиться, это ужъ наше дѣло», отвѣчаетъ А.

Алексѣй Ивановичъ (*«Мертвыя Души»*).—Полицмейстеръ. Былъ, «нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него». Дѣло повелъ такъ

«умно», что получалъ вдвое больше доходовъ противъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ заслужилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не гордъ; и точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними, и хоть дралъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплетъ, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ придти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что́ и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ; словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвитъ тому-другому: «Что́, Михѣичъ! Нужно бы намъ съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку».—«Да, А. И.», отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: «нужно бы».—«Ну, братъ, Илья Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложи въ бѣговыя; попробуемъ». Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: «Попробуемъ, А. И.!» Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время, снявши шапки съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: «Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ!» Словомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что А. И. «хоть оно и возьметъ, но за то ужъ никакъ тебя не выдастъ». «Чудотворецъ», по характеристикѣ предсѣдателя палаты: «ему стоитъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба», или шепнуть «два слова» квартальному, какъ «со стороны рыбнаго ряда» на столѣ П. появлялась закуска (Ср. Городничій—«Ревизоръ». См. Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій).

Алкидъ *(«Мертвыя Души»)*. — Сынъ Манилова, которому «только минуло шесть» лѣтъ. Менѣе «быстръ», чѣмъ его братъ Ѳемистоклюсъ. Когда послѣдній за обѣдомъ укусилъ А. за ухо, А., «зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ». На вопросъ Чичикова, пообѣщавшаго А. привезти въ подарокъ барабанъ, «отвѣчалъ шепотомъ и потупивъ голову»: «Парапанъ».

Альфредъ *(«Альфредъ»)*.—Король англо-саксовъ. «Видный, рослый, лучше всѣхъ!» «Я думаю, латы его стоятъ больше, чѣмъ твоя жизнь», говоритъ Вульфинъ Эгберту. «Обучался» «въ Римѣ», «тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ», «и выучился, говорятъ, онъ тамъ всему, всему, что ни есть на свѣтѣ». «Такой король, какъ и не бывало,—мудрый, какъ въ писаніи Давидъ». Самъ А. проситъ тановъ помочь ему «разогнать варварство и невѣжество, въ которомъ тяготѣетъ англо-сакская нація», «искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ».—«Въ государствѣ должно быть такъ, какъ въ Римской имперіи: государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется». — А. хочетъ явить дѣятельность души и знаетъ, что «много работы предстоитъ ему»: «внести туда пламенникъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ государства, глядящихъ лѣснымъ звѣремъ», но у А. на плечахъ непріятель. «Развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что на свѣтѣ больше христіанскаго Бога?» «Побѣжденному королю датчанъ, Губбо, А. говоритъ: «мнѣ не нужно твоей свободы». «Я не отнимаю и на два слова, Губбо...» «Я готовъ заключить съ тобою миръ и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы ты теперь же немедля отправился за море, принесъ клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто».

Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ *(«Ревизоръ»)*.—См. Аммосъ Федоровичъ.

Андрей *(«Тяжба»)*.—Лакей Пролетова.

Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ *(«Мертвыя Души»)*.—См. Тѣнтѣтниковъ.

Андрій *(«Тарасъ Бульба»)*.—Стр. 12.

Андрюшка *(«Лакейская»)*.—Слуга (Анны Петровны), въ картузѣ, шинели и съ узелкомъ въ рукѣ. Григорій называетъ его «московской вороной» и «штопальницей». По собственнымъ словамъ, онъ и «лакей и женскій портной вмѣстѣ», работой копѣйку добываетъ.

Андрюшка *(«Мертвыя Души»)*.—Одинъ изъ мужиковъ, высыпавшихъ изъ деревни на дорогу «поглазѣть», «когда, по глупости кучеровъ, или лошадей», Чичиковская бричка и губернаторскій шестерикъ «такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядей Минаемъ взялись распутывать дѣло», взявши А. въ помощники.

Анна *(«Шинель»)*.—Чухонка. Кухарка хозяйки Акакія Акакіевича.

Анна Андреевна Сквозникъ-Дмухановская *(«Ревизоръ»)*.—Стр. 14.

Анна Гавриловна *(«Лакейская»)*.—См. Аннушка.

Анна Григорьева (*«Мертвыя Души»*).—См. Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

Анна Ивановна (*«Отрывокъ»*).—Содержанка Собачкина, который находитъ, что «съ нея довольно и любви»—«нельзя же деньги сорить на все».

Анна Ивановна (*«Учитель»*).—Старушка, обладательница пятидесяти душъ. Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою время съ назапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую Богъ знаетъ съ какихъ поръ называютъ морщинами, въ темнокофейномъ ея капотѣ, въ чепчикѣ (покрой котораго утратился въ толпѣ событій, знаменовавшихъ XVIII-е столѣтіе), въ коричневомъ шушунѣ, въ башмакахъ безъ задковъ, «виднѣлся тотъ періодъ жизни», «когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключемъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія. Впрочемъ вѣчная забота и страсть хлопотать нѣсколько одушевляли потухшую жизнь въ чертахъ ея, а бодрость и здоровье были вѣрною порукою еще за тридцать лѣтъ впередъ». «Не чужда была тщеславія», когда дѣло шло объ ея хозяйственныхъ способностяхъ, и цѣлый день проводила въ хлопотахъ.

Анна Кирилловна (*«Ревизоръ»*).—Сестра Чмыхова.

Анна Петровна (*«Лакейская»*).—Уп. л. По характеристикѣ Григорія, «пигалица», изъ Москвы пріѣхала, «коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ повязаны». По словамъ Андрюшки, слугѣ «четвертака на извощика не дастъ», а все бѣгать заставляетъ...

Аннунціата (*«Римъ»*).—Альбанка. «Неслыханная красавица», «въ сіяющемъ албанскомъ нарядѣ, въ ряду двухъ другихъ, тоже прекрасныхъ женщинъ, которыя были передъ ней—какъ ночь передъ днемъ. Это было чудо въ высшей степени. Все должно было померкнуть передъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянскіе поэты сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, — полная красота. Все, что разсыпалось и блистаетъ поодиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ. Взглянувши на грудь и бюстъ ея, уже становилось очевидно, чего недостаетъ въ груди и бюстахъ прочихъ красавицъ... Это была красота полная, созданная для того, чтобы всѣхъ равно ослѣпить. Тутъ не нужно было имѣть какой-нибудь особенный вкусъ; тутъ всѣ вкусы должны были сойтись, всѣ должны были повергнуться ницъ: и вѣрующій и невѣрующій упали бы передъ ней, какъ передъ внезапнымъ появленіемъ божества...» «Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскроивши черныя какъ уголь тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потопомъ блеска. Таковы очи у альбанки Аннунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурные рѣзцы. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головою и четырьмя длинными кудрями разсыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотитъ она сіяющій снѣгъ своего лица,—образъ ея весь отпечатлѣвался въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ,—дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль, и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ съ подобранными кверху чудесными волосами, показавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ—и тамъ она чудо. Но чудеснѣе всего, когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердцѣ. Полный голосъ ея звенитъ, какъ мѣдь. Никакой гибкій пантеръ не сравнится съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній. Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ до античной дышащей ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Куда ни пойдетъ она,—уже несетъ съ собой картину...» «Чудный праздникъ летитъ изъ лица ея навстрѣчу всѣмъ; и, повстрѣчавъ ее, остававливаются, какъ вкопанные...»

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій (*«Ревизоръ»*).—См. Сквозникъ-Дмухановскій.—Стр. 16.

Антонъ-Волокита (*«Мертвыя Души»*).—См. Волокита А.

Антонъ (*«Мертвыя Души», II*).—Лакей Пѣтуха, прозванный хозяиномъ «А.-воръ».

Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—См. Голопузъ.

Аннушка (*«Лакейская»*).—Горничная изъ другого дома. Зашла поговорить съ Лаврентіемъ о балѣ, который затѣваютъ слуги въ складчину; боится «только насчетъ общества»; въ особенности не нравится ей, что «будутъ кучера»: «отъ нихъ всегда запахъ простого табаку или водки; при томъ же всѣ они необразованные, невѣжи». «Заслушалась» рѣчью Лаврентія, который всегда, по ея словамъ, «хорошо говоритъ».

Анучкинъ, Никаноръ Ивановичъ (*«Женитьба»*).—Одинъ изъ жениховъ. Дворянинъ. По отзыву невѣсты А., «недуренъ, хотя конечно худощавъ». Сваха Ѳекла говоритъ, что у него губы «малина», а самъ «такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія...» «Тонкаго поведенья человѣкъ, нѣмецкая штука...» «такой, великатный». Яичница находитъ, что у А.—«поджарыя ноги» и «физіогномія этого человѣка» Яичницѣ не нравится. А., по его собственнымъ словамъ, «служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однако-же, цѣнить обхожденіе высшаго общества». Женится желаетъ на дѣвушкѣ, непремѣнно говорящей по-французски и знако-

мой «съ обхожденіемъ высшаго общества».—«Нужно, чтобъ она непремѣнно знала, а безъ того у ней и то, и это... (показываетъ жестами) все ужъ будетъ не то». «Мой отецъ, говоритъ самъ А., былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ...» Относительно знанія французскаго языка Агафьей Тихоновной полагается сначала на «какое-то предчувствіе», а затѣмъ вѣритъ на слово Кочкареву. Обижается на сваху: «—Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ!»

Арвальдъ *(«Альфредъ»)*.—Танъ. Не видитъ «укоризны, въ томъ, что, когда всѣ таны нарочно собрались», «некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Письмо».

Арнуль *(«Альфредъ»)*.—«Нѣмецъ»; «товарищъ» Брикфрика; по словамъ Б., «славный воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гитарѣ такъ славно играетъ...»

Артемій Филипповичъ *(«Ревизоръ»)*.—См. Земляника, Арт. Фил.

Арина Пантелеймоновна *(«Женитьба»)*.—Тетка Агафьи Тихоновны; желаетъ, чтобы племянница вышла замужъ за купца, потому что, «гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь». Сваху Ѳеклу обзываетъ «лгуньей» и ведетъ съ ней же споръ о купечествѣ и дворянствѣ: «Да, что съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ...» «А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенькій, и не въ чемъ ходить дворянину...» «Разносилась съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ такъ же гнетъ шапку...» «Что-жъ вы, батюшка, говоритъ А. П. Кочкареву, въ издѣвку-то развѣ, что-ли? посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого сраму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я—мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства!» Уходитъ въ сердцахъ и уводитъ невѣсту.

Атаманъ *(«Неоконченная повѣсть»)*.—«Принималъ гостей, держа въ рукахъ плеть». Хлеща одного изъ своихъ подчиненныхъ, «атаманъ приговаривалъ такимъ дружескимъ образомъ, что если бы не было въ рукахъ плети, то можно подумать, что онъ ласкаетъ родного сына». Окончивъ поученіе, велитъ наказанному благодарить его за науку.

Аѳанасій Ивановичъ *(«Сорочинская ярмарка»)*.—«Поповичъ». Терпя «уязвленія со стороны крапивы, сего зміеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца протопопа», А. И. лазилъ черезъ «плетень» къ Хавроньѣ Никифоровнѣ въ отсутствіе ея мужа, надѣясь получить отъ нея, «сказать примѣрно», «воистину сладостныя приношенія». «Принимаясь за товченички и придвигая другой рукой вареннички», А. И. увѣрялъ Хавронью Никифоровну, что «сердце» его «жаждетъ» «кушанія послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ». Внезапное появленіе Черевика заставило его, однако, съ остановившимся «въ горлѣ» вареникомъ, залѣзть на «положенныя подъ самымъ потолкомъ» «доски».

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ *(«Старосвѣтскіе помѣщики»)*.—Стр. 20.

Аѳанасій, о. *(«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»)*.—Іерей сельской церкви, «ходилъ по всему селу со святою водою и гонялъ чорта кропиломъ по всѣмъ улицамъ». Поссорившись съ Басаврюкомъ, который «и на Свѣтлое Воскресенье не бывалъ въ церкви», объявилъ прихожанамъ, «что всякаго, кто спознается съ нимъ», «станетъ считать за католика, врага Христовой церкви и всего человѣческаго рода».

Б

Б. (сынъ) *(«Портретъ»)*.—«Художникъ. Стройный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, исполненное какой-то свѣтлой беззаботности, показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядѣ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ немъ артиста». Съ девяти лѣтъ учился въ академіи художествъ; двадцати одного года окончилъ «свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествіе въ Италію—лучшую мечту двадцатилѣтняго художника». «—Къ чести нашей народной гордости, говорилъ Б., уже ставъ настоящимъ художникомъ, надобно замѣтить, что въ русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго...». По мнѣнію Б., «вся бѣда исходитъ» отъ французской революціи. «Не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія благородныя движенія души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенія ума, поэзіи и художествъ», повторяетъ Б. слова Екатерины II;

но, «напротивъ, одни монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиры, Мольеры процвѣтали подъ ихъ великодушной защитой, между тѣмъ какъ Дантъ не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ...». Б. согласенъ, что «истинные геніи» могутъ возникать только на почвѣ благоустроеннаго монархизма и и абсолютизма, «а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые доселѣ не подарили міру ни единаго поэта...» Въ возрѣніи на искусство вѣренъ завѣтамъ отца-монаха.

Б. (*«Портретъ»*).—Отецъ художника Б. «Человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ», художникъ-чудо: «одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ... только одна Русь, художникъ-самоучка, отыскавшій *самъ* въ душѣ своей, *безъ учителей и школы*, правила и законы» искусства и «шедшій по причинамъ, можетъ быть, неизвѣстнымъ ему самому, одной только указанной изъ души дорогою». «Внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ собой истинное значеніе слова: «историческая живопись»; постигнулъ, почему простую головку, простой портретъ Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Тиціана, Корреджо можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина историческаго содержанія все-таки будетъ tableau de genre, несмотря на всѣ притязанія художника на историческую живопись. И внутреннее чувство, и собственное убѣжденіе обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго. У него не было честолюбія или раздражительности, столь неотлучной отъ характера многихъ художниковъ. Это былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубый, покрытый снаружи нѣсколько черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывавшійся о людяхъ вмѣстѣ и снисходительно, и рѣзко.—«Что на нихъ глядѣть?» обыкновенно говорилъ онъ: «вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня—поблагодаритъ; не пойметъ—все-таки помолится Богу. Свѣтскаго человѣка нечего винить, что онъ не смыслитъ въ живописи: за-то онъ смыслитъ въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадяхъ—зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того да другого, да пойдетъ умничать, тогда и житья отъ него не будетъ! Всякому свое, всякій пусть занимается своимъ. По мнѣ, ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говоритъ прямо, что онъ не знаетъ толку, чѣмъ тотъ, который лицемѣритъ: говоритъ, будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадитъ да портитъ». — —Б. работалъ за небольшую плату, то-есть, за плату, которая была нужна ему только для поддержанія семейства и для доставленія возможности трудиться. Кромѣ того, онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бѣдному художнику; вѣровалъ простой, благочестивой вѣрою предковъ, и оттого, можетъ быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само собою то высокое выраженіе, до котораго не могли докопаться блестящіе таланты (такъ задумалъ онъ написать «духа тьмы» и осуществить въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка). Наконецъ, постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженіе со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощеннымъ самоучкой».— —«Работа» у него не переводилась. Художникъ съ жаромъ принялся за работу «(ростовщикъ послужилъ ему моделью)», но чѣмъ удачнѣе выходилъ портретъ, тѣми тяжелѣе становилось Б. «Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ». Но въ концѣ концовъ отказался отъ работы. «Это не было созданье искусства, признается онъ позднѣе, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышитъ покоемъ». Но во всемъ характерѣ художника произошла «ощутительная перемѣна». Б. началъ вдругъ завидовать таланту собственнаго ученика; когда послѣ конкурса первенство осталось, все же, за ученикомъ, Б. въ бѣшенствѣ возвратился домой, «чуть не прибилъ» жену, «разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ и хотѣлъ сжечь портретъ ростовщика за то, что у нарисованныхъ имъ для конкурса святыхъ оказались глаза этого ростовщика. Онъ принялъ все это за навожденіе нечистой силы, и хотя примирился съ ученикомъ, началъ работать по прежнему, «задумался не на шутку», «молился», «впалъ въ ипохондрію и, наконецъ, совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ». Внезапную смерть жены и двоихъ дѣтей «почелъ онъ небесною казнью себѣ». Онъ помѣстилъ единственнаго сына въ академію художествъ, а самъ ушелъ въ монастырь, сдѣлался даже отшельникомъ. Необходимо, казазось ему, «трудомъ и великими жертвами... прежде очистить свою душу», чтобы удостоиться приступить къ такому дѣлу». Прежде чѣмъ снова взяться за кисть, Б. «въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изнурялъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время «живительной силой молитвы», но «и слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселья. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные волосы такого же серебристаго цвѣта разсыпались картинно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервія, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда». Онъ написалъ иконы—«чудо кисти», по словамъ монастырской братіи. — —«Талантъ есть драгоцѣннѣйшій

даръ Бога—не погуби его, говорилъ Б. сыну. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа Создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненья мірского; во сколько разъ творенье выше разрушенья; во сколько разъ ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны,—во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью,—не страстью, дышащею земнымъ вожделѣньемъ, но тихой, небесной страстью: безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія; ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душу, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу». «Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ нанести кому либо одну тѣнь гоненья». «Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стоитъ только быть обрызнуту одною каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ, и толкуетъ объ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣчаются пятна».

Баба (*«Мертвыя Души»*).—Толстая старуха въ пестрыхъ ситцахъ, содержательница трактира. На требованіе Чичикова поросенка съ хрѣномъ и со сметаной, «пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ». «Знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и Маниловъ будетъ повеликатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спроситъ, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ за то все съѣстъ, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну».

Баба (*«Страшная месть»*).—Старая прислужница Бурульбаша; когда Катерина лежала въ обморокѣ, «баба, наклонившись», «что-то шептала и, протянувъ надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою». На вопросъ Катерины, куда она ее завела, отвѣчаетъ такъ: «Я тебя не завела, а вывела, вынесла на рукахъ моихъ изъ душнаго подвала; замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана Данила». А когда Катерина лишилась разсудка, «печально стояла старая прислужница и слезами налились ея глубокія морщины».

Баба тощая (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—Выносила по порядку залежалое платье Ив. Ник. и «развѣшивала его на протянутой веревкѣ, вывѣтривать». «Глупая баба» вытащила «кряхтя» «старинное сѣдло», «вынесла еще шапку и ружье». На вопросъ Ив. Ив.: «какое ружьецо?» Баба отвѣчаетъ: «Кто его знаетъ, какое! Если бы оно было мое, то я, можетъ быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское». «Оно, должно думать, желѣзное», «продолжала старуха».

Бабенка (*«Вій»*).—«Еще не совсѣмъ пожилая бабенка, въ плотно обтянутой запаскѣ, выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки; кокетка страшная, всегда находила что-нибудь пришпилить къ своему очипку: или кусокъ ленточки, или гвоздику, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого». Первая замѣтила, что Хома Брутъ посѣдѣлъ.

Балабанъ (*«Тарасъ Бульба»*).—Куренной атаманъ. Одинъ изъ доблестнѣйшихъ козаковъ; много совершилъ онъ подъ своимъ атаманствомъ морскихъ походовъ, но славнѣе всѣхъ былъ походъ къ анатольскимъ берегамъ. Много набрали они тогда цехиновъ, дорогой турецкой габы, киндяковъ и всякихъ убранствъ, но мыкнули горе на обратномъ пути: попались, сердечные, подъ турецкія ядра. Какъ хватило ихъ съ корабля,—половина челновъ закружилась и перевернулась, потопивши не одного въ воду; но привязанные къ бокамъ камыши спасли челны отъ потопленія. Балабанъ отплылъ на всѣхъ веслахъ, сталъ прямо къ солнцу и чрезъ то сдѣлался невиденъ турецкому кораблю. Всю ночь потомъ черпаками и шапками выбирали они воду, латая пробитыя мѣста; изъ козацкихъ штановъ нарѣзали парусовъ, понеслись и убѣжали отъ быстрѣйшаго турецкаго корабля. И мало того, что прибыли безбѣдно на Сѣчь, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорскаго кіевскаго монастыря и на

Покровъ, что на Запорожьи, окладъ изъ чистаго серебра. И славили долго потомъ бандуристы удачливость казаковъ». «Три смертельныя раны достались ему: отъ копья, отъ пули и отъ тяжелаго палаша». Почуявъ предсмертныя муки, тихо сказалъ: «Сдается мнѣ, паны-браты, умираю хорошею смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ исколол, истопталъ конемъ вдоволь, а ужъ не припомню, скольких досталъ пулею». «Пусть же цвѣтетъ вѣчно Русская земля!»

Бандуристъ (*«Страшная месть»*).—Старецъ; «пѣлъ грустныя пѣсни и поваживалъ своими очами на народъ, какъ будто зрячій; а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали, какъ муха, по струнамъ, и, казалось, струны сами играли».

Барыни (*«Мертвыя Души»*).—См. Дамы.

Басаврюкъ (*«Вечеръ накануннѣ Ивана Купала»*).—«Человѣкъ, или, лучше, дьяволъ въ человѣческомъ образѣ». «Волосы—щетина, очи—какъ у вола». «Когда нахмуритъ онъ, бывало, свои щетинистыя брови и пустить изподлобья «взглядъ», «кажется, унесъ бы ноги, Богъ знаетъ куда». «Понаберетъ встрѣчныхъ козаковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сиплются, водка—какъ вода... Пристанетъ, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ: подаритъ лентъ, серегъ, монистъ,—дѣвать некуда!» Потомъ «вдругъ пропадетъ, какъ въ воду, и слуху нѣтъ». «Блаженной памяти отецъ Аѳанасій» «задумалъ было пожурить его», но «насилу ноги унесъ»:—«слушай, паноче! загремѣлъ Б. ему въ отвѣтъ: «знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залѣплено горячею кутьею». Уже потомъ только узнали, что Б. «не кто другой, какъ сатана, принявшій человѣческій образъ».

Башмачкина (*«Шинель»*). — Покойница-старуха, мать Акакія Акакіевича. «Чиновница и очень хорошая женщина». Когда она «расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка», то ей кумовья «предоставили на выборъ» любое изъ трехъ именъ для новорожденнаго: «Мокія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нѣтъ», подумала покойница, «имена-то все такія». Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ—вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій. «Вотъ это наказаніе!» проговорила старуха: «какія все имена! Я, право, никогда и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій». Еще переворотили страницу—вышли: Павсикахій и Вахтисій. «—Ну, ужъ я вижу», сказала старуха: «что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій».

Башмачкинъ, Акакій Акакіевичъ (*«Шинель»*).—См. Акакій Акакіевичъ.

Бейбасъ (*«Тарасъ Бульба»*).—Прозвище Андрія.

Бекеша, другая (*«Театральный разъѣздъ»*).—«У французовъ другое дѣло. Тамъ société, mon cher! У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованія: все это бóльшею частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею тоже ходилъ въ гости одинъ какой-то сочинитель; гдѣ жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ?»

Бекеша, первая (*«Театральный разъѣздъ»*).—«...У французовъ тоже, напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, схватываетъ со стола салатникъ и ставитъ его подъ кровать. Оно, конечно, не скромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь—ну, чтó это право?—какой нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго я бы въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ—ну, чтó это право? На что это похоже?

Берендовскій (*«Мертвыя Души»*) —Уп. л. I, 8.

Бетрищевъ, Александръ Дмитріевичъ (*«Мертвыя Души» II*),—стр. 22.

Бобовъ (*«Записки Сумасшедшаго»*). — «Очень похожъ въ своемъ жабо на аиста».

Бобчинскій, Петръ Ивановичъ (*«Ревизоръ»*),—стр. 22.

Бовтюгъ, Касьянъ (*«Тарасъ Бульба»*).—Старый козакъ, «батько». «Въ чести былъ онъ отъ всѣхъ козаковъ; два раза уже былъ избираемъ кошевымъ и на войнахъ тоже былъ сильно добрый козакъ, но уже давно состарѣлся и не бывалъ ни въ какихъ походахъ; не любилъ тоже и совѣтовъ давать никому», «давно не слышали отъ него никакого слова», «а любилъ старый вояка лежать на боку у козацкихъ круговъ, слушая разсказы про всякіе бывалые случаи и козацкіе походы. Никогда не вмѣшивался онъ въ ихъ рѣчи, а все только слушалъ, да прижималъ пальцемъ золу въ своей коротенькой трубкѣ, которой не выпускалъ изо рта, и долго сидѣлъ онъ потомъ, прижмуривъ слегка очи, и не знали козаки, спалъ ли онъ, или все еще слушалъ. Всѣ походы оставался онъ дома, но сей разъ разобрало стараго. Махнулъ рукою по-козацки и сказалъ: «А не куды пошло! Пойду и я: можетъ, въ чемъ-нибудь буду пригоденъ козачеству!» — — «Первый долгъ и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на вѣку, говорить Б., не слышалъ я, паны братья, чтобы козакъ покинулъ гдѣ, или про-

далъ какъ-нибудь своего товарища. И тѣ, и другіе намъ товарищи—меньше ихъ или больше, все равно, всѣ товарищи, всѣ намъ дороги»: «тѣмъ, которымъ милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которымъ милы полоненные ляхами и которымъ не хочется оставлять праваго дѣла, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдетъ съ одною половиною за татарами, а другая половина выберетъ себѣ наказного атамана. А наказнымъ атаманомъ, коли хотите послушать бѣлой головы, не пригоже быть никому другому, какъ только одному Тарасу Бульбѣ. Нѣтъ изъ васъ никого равнаго ему въ доблести». Бовдюгъ захотѣлъ остаться. «Теперь не такіе мои лѣта, чтобы гоняться за татарами, а тутъ есть мѣсто, гдѣ опочить доброю козацкою смертью», сказалъ онъ.—«Давно уже просилъ я у Бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы покончить ее на войнѣ за святое и христіанское дѣло. Такъ оно и случилось. Славнѣйшей кончины уже не будетъ въ другомъ мѣстѣ для стараго козака». Во время боя упалъ съ воза Б. Прямо подъ самое сердце пришлась ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой и сказалъ: «Не жаль разстаться съ свѣтомъ. Дай Богъ и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца вѣка Русская земля!»

Бокитекъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»).*—Козакъ, дѣло котораго «о краденой коровѣ» разбиралось въ судѣ.

Болячка *(«Заколдованное мѣсто»).*—«Чумакъ съ сизыми усами».

Бородатый *(«Тарасъ Бульба»).*—Уманскій куренной атаманъ. Въ бою семерыхъ шляхтичей убилъ своей рукой, но польстился корыстью и хотѣлъ снять «обшитый золотомъ желтый кафтанъ» убитаго Кукубенкомъ врага; не услышалъ Бородатый, какъ налетѣлъ на него сзади красноносый хорунжій, уже разъ сбитый имъ съ сѣдла и получившій добрую зарубину на память. Размахнулся Б. со всего плеча и ударилъ его саблей по нагнувшейся шеѣ. Не къ добру повела корысть козака, отскочила могучая голова, и упалъ обезглавленный трупъ, далеко вокругъ оросивши землю. Понеслась къ вышинамъ суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивуясь, что такъ рано вылетѣла изъ такого крѣпкаго тѣла». Остапъ не далъ надругаться врагу надъ тѣломъ Б.

Борщовъ, Павелъ Григорьевичъ *(«Утро дѣлового человѣка»).*—Уп. л.

Брифрикъ *(«Альфредъ»).*—«Сынъ Квикельма». «Хвастунъ», по словамъ Вульфинга. Рѣшилъ «оружіемъ добиться чести», «поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю», который «набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ». «Съ французскимъ королемъ» былъ «въ Римѣ», «видѣлъ папу», и, разсказывая о шествіи, добавляетъ: «А ходъ-то весь, для всѣхъ былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ, вотъ какъ кровь...» Если бы изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантію, то «не только-бы» свой новый шлемъ, что съ каменьемъ и позолотою», и «если бы прибавить къ этому ту сбрую, которую промѣнялъ Кенфусъ рыжій за гнѣдаго коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга, и еще коня въ придачу—ей-Богу, отдалъ бы за эту мантію!» «Увидѣвъ писанную бумагу, Б. восклицаетъ: «Вишь ты, какія каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть А. В. С., я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ», но прочесть проситъ Киссу.

Брутъ Хома *(«Вій»).*—См. Хома Брутъ.

Бубуницынъ, Илья Владиміровичъ *(«Утро дѣлового человѣка»).*—Уп. л.

Будочникъ *(«Мертвыя Души»).*—«Услыша на другомъ концѣ города шумъ и визгъ экипажа Коробочки, поднялъ свою алебарду, закричалъ спросонья, что стало мочи: «кто идетъ?» но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря, и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ, послѣ чего, оставивши алебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства».

Будочникъ (*«Шинель»).*—«Будочникъ какого-то квартала, въ Кирюшкиномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризовую шинель съ какого-то оставного музыканта...» Схвативши «мертвеца» за воротъ, вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку примороженный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянулъ лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали:—«Эй, ты, ступай своею дорогою!»

Будочникъ *(«Шинель»).*—Стоялъ возлѣ своей будки и, «опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ». Когда тотъ подбѣжалъ и началъ кричать, что Б. спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ че-

ловѣка, Б. «отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что то были его пріятели, а что пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасно браниться, сходитъ къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель».

Будочникъ (*«Шинель»*).—«Поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку». Очнулся отъ того занятія Б. только тогда, когда его по разсѣянности толкнулъ прохожій; это заставило его сказать: «Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трахтуара?»

Будочникъ коломенскій (*«Шинель»*).—Этотъ будочникъ, стоя на посту, «видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ,—такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ,—итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебѣ чего хочется?» и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: «Ничего», да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ».

Бульба, Тарасъ.—См. Тарасъ.

Бульбенко, Андрій.—См. Андрій.

Бульбенко, Остапъ.—См. Остапъ.

Бурдюковъ, Петръ Петровичъ (*«Тяжба»*).—Уп. л. Тетушка, умирая, «въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при (ней) обрѣтенія до смерти», оставила П. П. во владѣніе свое имѣніе.

Бурдюковъ, Христофоръ Петровичъ (*«Тяжба»*). — Тамбовскій помѣщикъ,— «уѣздный медвѣдь». Тетушка (см. Меринова) завѣщала Б. Х. П. «три стаметовыя юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ». Пріѣхалъ къ Пролетову просить «личной помощи, заступничества» по тяжебному дѣлу съ братомъ. По словамъ Пролетова, у Б. «нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ, у него на языкѣ». Никакъ не можетъ понять, «на кой чортъ» ему «стаметовыя юбки».—«Что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?» спрашиваетъ Б. По словамъ же Б., тетушка подъ завѣщаніемъ «нацарапала такую дрянь, что «разобрать нельзя:» написала «обмокни».—«Обмокни!» Что-жъ это значитъ? Вѣдь это не имя «Обмокни», недоумѣваетъ Б.

Бурульбашъ, Данила (*«Страшная месть»*).—Братъ есаула Горобца. Въ хатѣ Б. («хата на видъ, какъ и у простыхъ козаковъ, и въ ней одна свѣтлица»). «Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки. Густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы. Есть между ними и кубки серебряные и чарки, оправленныя въ золото, дарственныя и добытыя на войнѣ. Ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ: не мало за-то и вызубрены. Глядя на нихъ, панъ Данило, какъ будто по значкамъ, припоминалъ свои схватки». Когда-то, разсказываетъ Б. Стецько, «выложенную шапку бархатомъ съ золотомъ я снялъ вмѣстѣ съ головой у татарина; весь снарядъ достался мнѣ, одну только его душу я выпустилъ на волю».—«Молчи, баба», говоритъ Д. Б. своей женѣ, когда та, боясь,—просила его не затѣвать ничего съ колдуномъ. «Съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Я размечу чортовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него есть какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ что и воронамъ нечего будетъ расклевать». По собственнымъ словамъ, онъ «давно уже вышелъ изъ тѣхъ, которыхъ бабы пеленаютъ». Знаетъ, какъ сидѣть на конѣ, умѣетъ держать въ рукахъ и саблю острую, еще кое-что умѣетъ...—«Умѣемъ никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ, всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну, не такъ, какъ иные бродяги». «Эхъ, если бы знала» Катерина, вспоминаетъ Б. свое прошлое, какъ «рѣзались мы тогда съ турками! На головѣ моей виденъ и донынѣ рубецъ. Четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогіе каменья шапками черпали козаки. Какихъ коней, Катерина, если бъ ты знала, какихъ коней мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ и тѣломъ бодръ, а мечъ козацкій вываливается изъ рукъ; живу безъ дѣла, и самъ не знаю, для чего живу». «Любитъ свою молодую жену, счастливъ сыномъ».—«Слушай, жена моя!» говоритъ Б. въ минуты горькихъ думъ, «не оставляй сына, когда меня не будетъ. Не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ. Тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ, а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!» Передъ смертью Б. проситъ Стецько передать Катеринѣ, чтобы она берегла сына.

Бухмистерова, Анна Петровна (*«Портретъ»*).—На Васильевскомъ островѣ «и сарай, и конюшню нанимаетъ на два стоила, три при ней дворовыхъ человѣка».

Бѣгушкинъ (*«Мертвыя Души»*).—Одинъ изъ предполагаемыхъ свидѣтелей по совершенію Чичиковской крѣпости на мертвыя души, за которыми распорядился

послать предсѣдатель казенной палаты. Вмѣстѣ съ Трухачевскимъ, по мнѣнію предсѣдателя, «даромъ бременитъ землю».

Бѣлобрюшкова, Арина Семеновна (*«Шинель»).*—Крестная мать Акакія Акакіевича, «жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей».

В

Вакула (*«Ночь передъ Рождествомъ»).*—Кузнецъ. «Силачъ и дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата». «Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околоткѣ. Самъ, еще тогда здравствовавшій, сотникъ Л....ко вызывалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить дощатый заборъ около его дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе казаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ». «Богобоязненный человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ; намалевалъ на стѣнѣ церковной картину, на которой изобразилъ «святого Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злого духа»...—«Такихъ людей мало у насъ на селѣ»,—говорилъ В. Голова. Полюбивъ Оксану, «Вакула не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что съ нимъ поступали ничуть не лучше, чѣмъ съ другими». «Не любитъ она меня!»—тоскливо размышляетъ онъ.—«Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея... Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любитъ. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любуется сама собою; мучитъ меня, бѣднаго, а я за грустью не вижу свѣта». «Если бы меня призвалъ царь и сказалъ:—«Кузнецъ Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами».—«Не хочу»,—сказалъ бы я царю, «ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мнѣ лучше мою Оксану!»—«Чего мнѣ больше ждать?» «Она издѣвается надо мною. Ей я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова, Но если-жъ такъ, не достанется по крайней мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе моего, я отучу»... Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана? Не хочу думать о ней; а все думается, и, какъ нарочно, о ней одной только»... Любовь къ Оксанѣ такъ и жжетъ Вакулу.—«Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя. Пора положить конецъ всему. Пропадай, душа! Пойду утоплюсь въ пролубѣ, и поминай, какъ звали!»—«Прощай, Оксана! Ищи себѣ, какого хочешь, жениха, дурачь, кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ»,—сказалъ В. Оксанѣ.

Варухъ Кузьмичъ (*«Портретъ»).* Квартальный.—«Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить», — говоритъ В. К. Чарткову, «съ небольшимъ потряхиваньемъ головы и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира». Узнавъ, что у Чарткова нѣтъ денегъ для платежа за квартиру, В. К. предлагаетъ уплатить «издѣльями своей (Чарткова) профессіи», т. е. картинами. Разсматривая картины, квартальный тотчасъ показалъ, что у него душа была не чужда художественнымъ впечатлѣніямъ. «Хе»,—сказалъ онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина: «предметъ, того... игривый... А у этого зачѣмъ такъ подъ носомъ черно? табакомъ, что ли, онъ себѣ засыпалъ?»—«Тѣнь», отвѣчалъ на это сурово и не обращая на него глазъ Чартковъ. «Ну, ее бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести, а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто», сказалъ квартальный. «А это чей портретъ?» продолжалъ онъ, подходя къ портрету старика. «Ужъ страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой страшный? Ахти, да онъ, просто, глядитъ! Эхъ, какой Громобой! Съ кого вы писали?». Угрожаетъ Чарткову, что если онъ «сегодня ввечеру» не уплатитъ хозяину, «тогда ужъ извините, господинъ живописецъ!»

Варѳоломей (*«Страшная месть»).*—Старецъ-схимникъ. «Одиноко сидѣлъ онъ въ своей пещерѣ передъ лампадой и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и дощатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели». Когда показался колдунъ и просилъ молиться «о погибшей его душѣ», старецъ «весь дрожалъ, какъ осиновый листъ, очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо».—«Иди, окаянный грѣшникъ! Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть человѣку съ тобой вмѣстѣ», говоритъ В. колдуну. Колдунъ убиваетъ В.

Василиса Кашпаровна Цупчевьска (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка»).*—«Родная сестра матушки Шпоньки». «Лѣтъ около пятидесяти». Имѣетъ «исполинскій ростъ, дородность и силу совершенно соразмѣрную». «Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый, по буднямъ, капотъ съ мелкими сборками и красную кашемировую шаль въ день Свѣтлаго Воскресенія и своихъ именинъ, тогда какъ ей болѣе всего шли

бы драгунскіе усы и длинные ботфорты». «Замужемъ В. К. никогда не была», потому что, по собственному признанію, «жизнь дѣвическая для нея дороже всего». «Мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никакъ не имѣли духа сдѣлать ей признаніе».—«Весьма съ большимъ характеромъ В. К.», говорили про нее женихи. «И хоть кого умѣла сдѣлать ниже травы». «Пьяницу мельника, который совершенно былъ ни къ чему не годенъ, она, собственною своею мужественною рукою дергая каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ». «Маленькое имѣньице Ив. Ѳедоровича», благодаря В. К., «процвѣтало въ полномъ смыслѣ». «Она каталась сама на лодкѣ, гребя весломъ искуснѣе всякаго рыболова; стрѣляла дичь; стояла неотлучно надъ косарями; знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на баштанѣ; брала пошлину по пяти копѣекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ ея греблю; взлѣзала на дерево и трясла груши; била лѣнивыхъ вассаловъ своею страшною рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она бранилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квасъ, варила медовое варенье и хлопотала во весь день и вездѣ поспѣвала». «Любитъ племянника, не можетъ нарадоваться и никогда не упускаетъ случая имъ похвастаться». «Въ головѣ В. К. громоздились постоянно одни за другими планы». «Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ: ... тебѣ непремѣнно нужна жена»,—говоритъ В. С., и не доводитъ до конца своего замысла, какъ—у ней зарождается другой.

Вельможа молодой (*«Портретъ»*).—«Юноша лучшей фамиліи». Жаркій почитатель всего истинно возвышеннаго, ревнитель всего, что породило искусство и умъ человѣка»; «пророчилъ въ себѣ Мецената» и «скоро онъ былъ достойно отличенъ самой государыней (Екатериной II), ввѣрившей ему значительное мѣсто». В. «окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ на собственный счетъ множество полезныхъ изданій, надавалъ множество заказовъ, объявилъ поощрительные призы, издержалъ на это кучи денегъ и, наконецъ, разстроился»... Обратился къ извѣстному ростовщику и сдѣлалъ у него «значительный заемъ»; вскорѣ совершенно измѣнился: «сталъ гонителемъ, преслѣдователемъ развивающагося ума и таланта. Во всѣхъ сочиненіяхъ сталъ видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово». Революція во Франціи послужила для В. «орудіемъ для всѣхъ возможныхъ гадостей». Во всемъ онъ сталъ видѣть «какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки». Подозрительность довела его до сочиненія «ужасныхъ и несправедливыхъ доносовъ». Онъ «надѣлалъ тьму несчастныхъ» и былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ: это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя разсказать, какъ страдала тщеславная душа: гордость, обманутое честолюбіе, разрушившіяся надежды—все соединилось вмѣстѣ, и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь».

Винокуръ (*«Майская ночь»*).—«Низенькій маленькій человѣчекъ, съ маленькими вѣчно смѣющимися глазками». Куритъ коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ вылѣзавшій изъ нея, превращенный въ золу, табакъ. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополію амбарнаго кота. «Вѣрилъ всѣмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человѣка, уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликать бѣду». «Этакаго человѣка не худо на всякій случай и при винницѣ держать, а еще лучше повѣсить на верхушкѣ дуба вмѣсто паникадила», отзывается В. о Левко.

Вице-губернаторъ (*«Мертвыя Души»*).—По словамъ Собакевича, губернаторъ и В.-Г.—«это Гога и Магога».

Вій (*«Вій»*).—По замѣчанію Гоголя,—«Вій есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли». «Приземистый, дюжій, косолапый человѣкъ». «Весь онъ былъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его засыпанныя землею ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступался». «Лицо на немъ—желѣзное». Говоритъ онъ «подземнымъ голосомъ». Гномы подымаютъ В. вѣки, и тогда онъ видитъ все то, что недоступно обыкновеннымъ вѣдьмамъ, гномамъ и нечистымъ духамъ.

Власъ (*«Ревизоръ»*).—Трактирщикъ.

Военный (*«Театральный разъѣздъ»*).—Штатскій говоритъ ему: «Вы (военные) готовы вдоволь посмѣяться надъ штатскимъ чиновникомъ», вы говорите: «это нужно выводить на сцену», «а затронь какъ нибудь военныхъ», «просто скажи: есть офицеры дурного тона, съ неприличными ухватками—да вы изъ-за одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ». Военный отвѣчаетъ:—«Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкихоты, но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на общее посмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте

его намъ! Мы всякій день готовы смотрѣть (Статскій, въ сторону: «Этакъ всегда, кричитъ человѣкъ:—«подавайте, подавайте!», а подашь, такъ и разсердится».

Вовтузенко (*«Тарасъ Бульба»*).—Одинъ изъ «именитыхъ и дюжихъ козаковъ». Они «были хожалые, ѣзжалые: ходили по анатольскимъ берегамъ, по крымскимъ солончакамъ и степямъ, по всѣмъ рѣчкамъ большимъ и малымъ, которыя впадали въ Днѣпръ, по всѣмъ заходамъ и днѣпровскимъ островамъ: бывали въ молдавской, волошской, въ турецкой землѣ; изъѣздили все Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали въ пятьдесятъ челновъ въ рядъ на богатѣйшіе и превысокіе корабли; перетопили не мало турецкихъ галеръ и много-много выстрѣлили пороху на своемъ вѣку. Не разъ драли на онучи дорогія наволоки и оксамиты; не разъ череши у штанныхъ очкуровъ набивали все чистыми цехинами. А сколько всякій изъ нихъ пропилъ и прогулялъ добра, ставшаго бы другому на всю жизнь, того и счесть нельзя. Все спустили по-козацки, угощая весь міръ и нанимая музыку, чтобы все веселилось, что ни есть на свѣтѣ. Еще и теперь у рѣдкаго изъ нихъ не было закопано добра: кружекъ, серебряныхъ ковшей и запястьевъ, подъ камышами на днѣпровскихъ островахъ, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, въ случаѣ несчастья, удалось ему напасть врасплохъ на Сѣчь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и самъ хозяинъ уже сталъ забывать, въ которомъ мѣстѣ закопалъ его. В. вмѣстѣ съ Тарасомъ рѣшилъ «остаться и отмстить ляхамъ за вѣрныхъ товарищей и Христову вѣру!

Волокита, Антонъ (*«Мертвыя Души»*).—Сынъ Никиты (см.).

Волокита, Никита (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Бѣглые крестьяне Плюшкина, запроданные Чичикову.

Воробей (*«Мертвыя Души»*).—См. Елизаветъ Воробей.

Вороной-Дрянной (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л.

Враль просто (*«Театральный разъѣздъ»*).—Говоритъ объ авторѣ «комедіи»: «Бойкая, бойкая голова!» Ему мѣсто долго не давали, такъ что-жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ! Квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: «милостивый государь!». А потомъ и пошелъ и пошелъ... страницъ восемь отвалялъ кругомъ. Министръ какъ прочиталъ: «Ну», говоритъ, «благодарю, благодарю! я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!» И прямо изъ писцовъ махнулъ онъ въ начальники отдѣленія (См. «Госп. хладнокровнаго свойства»).

Вульфингъ (*«Альфредъ»*). — «Старикъ - пастухъ». Пріятель Тукила, имѣетъ «Одинъ hydes земли» «отъ тана». На вопросъ Кудреда: «Платитъ хлѣбомъ?» отвѣчаетъ:—«Нѣтъ, еще никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ».—«Шесть десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить».

Вышнепокромовъ, Варваръ Николаевичъ (*«Мертвыя Души», II*). — Заѣзжалъ къ Тѣнтѣтникову «затѣмъ, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи». Когда Тѣнтѣтниковъ «выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ», гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: «скотина!» другой послалъ ему съ досады тоже что-то въ родѣ свиньи».

Вѣдьма (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»*).—«Старуха съ лицомъ сморщившимся, какъ печеное яблоко, вся согнутая въ дугу; носъ съ подбородкомъ словно щипцы, которыми щелкаютъ орѣхи». Про нее ходила слава, что она и «умѣетъ лѣчить всѣ на свѣтѣ болѣзни».

Вѣдьма (*«Майская ночь»*).—Жена сотника, молода, «румяна и бѣла собой». «Лукава и хитра». По словамъ падчерицы, «страшная вѣдьма, не было ей отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила ее, заставляла работать, какъ простую мужичку». «Старухи выдумали, будто, когда утопленница «утащила въ воду, вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ, и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы».

Вѣдьма (*«Пропавшая грамота»*).—«Предложила дѣду сыграть съ нею въ дурачки (три раза): «Если хоть разъ выиграешь—твоя шапка; когда же всѣ три раза останеться дурнемъ, то не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта больше не увидишь!»

Г

Гаврюшка (*«Игроки»*). — Слуга Ихарева. Ѣздитъ съ бариномъ «всего двѣ недѣли»; любитъ «походную жисть», потому что «всегда что нибудь пріобрѣтешь». Не знаетъ только, «который изъ городовъ партикулярнѣй, Рязань, или Казань?» О баринѣ говоритъ не иначе, какъ «мы»: «мы обыграли». За «красулю» выдаетъ барскія тайны.

Галя (*«Майская ночь»*).—См. Ганна.

Галяндовичъ (*«Тарасъ Бульба»*).—Панъ хорунжій. По словамъ Янкеля, у Г. «нѣтъ и червоннаго въ карманѣ»; «съ третьяго года задолжалъ» Янкелю «сто червонныхъ».

Ганна Петрыченкова (*«Майская ночь»*).—«Ясноокая красавица, бѣлое личико», «дѣвушка на порѣ семнадцатой весны»; горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея». «—Посмотри»—обращается Г. къ любимому ею Левку, «вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ,—туда бы полетѣть высоко-высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А, говорятъ, однакоже, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ праздникомъ».

Ганна (*«Неоконченная повѣсть»*).—«Дѣвушка лѣтъ осьмнадцати». «Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали станъ ея, такъ что формы ея были какъ будто отлиты. Стройная роскошь совершенно нѣжныхъ членовъ не была скрыта. Широкіе рукава, шитые краснымъ шелкомъ и всѣ въ мережкахъ, спускались съ плеча, и обнаженное плечо, слегка зарумянившееся, выказывалось мило, какъ спѣющее яблоко, тогда какъ на груди подъ сорочкою упруго трепетали молодыя перси». Черныя очи и брови сверкаютъ какъ молнія. Лицо ея не было совершенно правильнымъ: «ничего въ ней не было законно, прекрасно-правильно; ни одна черта лица, ничего не соотвѣтствовало съ положенными правилами красоты. И въ этомъ своенравномъ, нѣсколько смугловатомъ лицѣ что-то было такое, что вдругъ поражало. Всякій взглядъ ея полонилъ сердце, душа занималась, и дыханіе отрывисто становилось». На уговоры Остраницы бѣжать съ нимъ, отвѣчаетъ: — «Не пойду съ тобою. Пусть у тебя и золото, и сукна, и сдамашки. Хотя я тебя больше люблю, чѣмъ всѣ сокровища, но не пойду. Какъ я оставлю престарѣлую бѣдную мать мою? Кто приглядитъ за нею?»—Не выдерживаетъ упрековъ Остраницы въ недостаткѣ чувства къ нему, соглашается оставить мать и ѣхать съ нимъ.

Ганцъ Кюхельгартенъ. Герой юношеской поэмы. См. ниже «Перечень» «Г. Кюхельгартенъ».

Гапка (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*). — Дворовая «дѣвка»; ходитъ въ запаскѣ, съ свѣжими икрами и щеками». По словамъ Ив. Ник., «беззаконная дѣвка» Ив. Ив. «Носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ», за исключеніемъ «средней коморы» и «сундука, что стоитъ въ его спальнѣ». Варитъ хорошій борщъ съ голубями» и «искусно дѣлаетъ» «колбасы» изъ свиной крови и сала. Дѣти Г. называютъ Ив. Ив. «тятей».

Генералъ бригадный (*«Коляска»*). — «Дюжъ и тученъ, впрочемъ, хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры». Говоритъ «довольно густымъ, значительнымъ басомъ», и часто повторяетъ: «что?»

Генералъ-губернаторъ (*«Мертвыя Души»*, II).—См. Князь.

Гершко (*«Неоконченная повѣсть»*). Держитъ на откупу православныя церкви. За вносимую въ казну сумму денегъ получаетъ въ свой доходъ сборы съ прихожанъ за требы.

Гибнеръ, Христіанъ Ивановичъ (*«Ревизоръ»*).—См. Христіанъ Ивановичъ.

Глечикъ (*«Гетманъ»*).—Миргородскій полковникъ.

Гловъ, Александръ Михайловичъ (*«Игроки»*).—«Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты Китайскій Императоръ», говоритъ онъ Ихареву. Участвовалъ «за три обѣщанныя тысячи» въ компаніи Швохнева. Былъ «благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что-жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя (Ихарева). Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно».

Гловъ, Михаилъ Александровичъ (*«Игроки»*). — Юнкеръ. См. Крыницынъ, Иванъ Климычъ.

Голодуха Максимъ (*«Тарасъ Бульба»*).—Запорожецъ. Принесъ извѣстіе о нападеніи татаръ на Сѣчь. Одинъ Максимъ Голодуха вырвался «изъ татарскихъ рукъ, закололъ мирзу, отвязалъ у него мѣшокъ съ цехинами и на татарскомъ конѣ, въ татарской одеждѣ, полтора дня и двѣ ночи уходилъ отъ погони, загналъ на-смерть коня, пересѣлъ дорогою на другого, загналъ и того, и уже на третьемъ пріѣхалъ въ запорожскій таборъ, развѣдавъ на дорогѣ, что запорожцы были подъ Дубномъ. Только и успѣлъ объявить онъ, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшіеся запорожцы, по козацкому обычаю, и пьяными отдались въ плѣнъ, и какъ узнали татары мѣсто, гдѣ былъ зарытъ войсковой скарбъ, — того ничего не сказалъ онъ. Сильно истомился козакъ, распухъ весь, лицо пожгло и опалило ему вѣтромъ; упалъ онъ тутъ же и заснулъ крѣпкимъ сномъ».

Голопузъ, Антонъ Прокофьевичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*). — «Совершенно добродѣтельный человѣкъ во всемъ значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею или исподнее,—онъ благодаритъ;

щелкнетъ ли его слегка въ носъ,—онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали: «Отчего это у васъ сюртукъ коричневый, а рукава голубые?» то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ: «А у васъ и такого нѣтъ! Подождите, обносится. весь будетъ одинаковый!» И точно, голубое сукно, отъ дѣйствія солнца, начало обращаться въ коричневое, и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука. Но вотъ что странно, что А. П. имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое—зимою». «У А. П. были, между прочимъ одни панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры». «Любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники». Прежде у Г. былъ домъ на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ лошадьми было много хлопотъ и притомъ нужны были деньги на овесъ, то А. П. ихъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потомъ скрипку А. П. продалъ, а дѣвку промѣнялъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это наслажденіе онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ и ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Несмотря на то, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла». «Онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтиться въ такихъ обстоятельствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко умный бываетъ съ состояніи извернуться». «Повиноваться всегда было его стихіею». А. П. поклялся Ивану Никифоровичу, что Ивана Ивановича не будетъ на обѣдѣ у городничаго.

Голопупенко Грицко *(«Сорочинская ярмарка»)*.—См. Грицко Голопупенко.

Голосъ въ народѣ *(«Театральный разъѣздъ»)*.—«Что жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобой смѣяться».

Голосъ господина поощрительнаго свойства *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ, все знаетъ!

Голосъ купца *(«Театральный разъѣздъ»)*. — Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится».

Голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытнаго *(«Театральный разъѣздъ»)*. — Что онъ (т. е. авторъ) знаетъ? чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все—враки. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то»...

Голосъ чиновника изъ толпы *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Да что вы говорите: «смѣшно, смѣшно», знаете ли, отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это онъ (т. е. авторъ) вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно».

Гончаръ высокій *(«Сорочинская ярмарка»)*. — «Медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Горобецъ *(«Страшная месть»)*.—Старый есаулъ. Когда на свадьбѣ «показался колдунъ», Г. «величаво и сановито выступилъ впередъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы.—Пропади, образъ сатаны! Тутъ тебѣ нѣтъ мѣста!» «Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, прійти сюда: отвѣдаетъ, бываетъ ли сила въ рукахъ стараго козака!

Горобца жена *(«Страшная месть»)*.—Катеринѣ обѣщаетъ позвать старуху-ворожею: противъ нея никакая сила не устоитъ; она выльетъ переполохъ тебѣ».

Горобецъ-сынъ *(«Страшная месть»)*.—«Ничего не бойся!» «Тебя никто не обидитъ», говорилъ онъ, когда Катерина, плача, разсказывала про то, что колдунъ намѣренъ убить ея сына.

Городничій, Петръ Федоровичъ *(«Какъ поссорился Ив. Ив.»)*.—См. Петръ Федоровичъ.

Городничій *(«Коляска»)*.— Во времена своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ, «воздвигъ въ городѣ Б.» модный дощатый заборъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи». Человѣкъ разсудительный, но спавшій «рѣшительно весь день отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда».

Городничій *(«Ревизоръ»)*.—См. Ант. Ант. Сквозникъ-Дмухановскій.

Горожанка *(«Какъ поссорился Ив. Ив.»)*.—Чернобровая «съ дрожащими молодыми грудями, ей снится гусарскій усъ и шпоры; свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ», а она лежитъ, «разметавшаяся на одинокой постели».

Горпина *(«Какъ поссорился Ив. Ив.»)*.—Дворовая дѣвка Ив. Ник.

Горпина *(«Неоконченная повѣсть»)*. —«Старая ключница» бывшая «нянька» Остраницы. «Для праздника наградила себя порядочной кружкой водки». Встрѣтивъ Остраницу, подняла такой вой, «что лай собакъ, который было началъ стихать, удвоился». «Привыкла бояться повелительнаго голоса своего пана» и немедленно ему повинуется.

Господинъ *(«Носъ»)*.—«Говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою».

Гость *(«Майская ночь»)*.—«Какого онъ роду — Богъ его знаетъ», но упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно. Покамѣстъ всѣ съѣли по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, какъ панскій помостъ. Теща насыпала еще: думаетъ, гость наѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бывало: еще лучше сталъ уплетать. И другую выпорожнилъ. Вдругъ поперхнулся и упалъ. Кинулись къ нему—и духъ вонъ. Удавился!—Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!—сказалъ голова.

Голова *(«Майская ночь»)*.—См. Макогоненко, Евтухъ.

Гостья *(«Ревизоръ»)*.—О женѣ городничаго говоритъ: «Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...»

Господинъ А. *(«Театральный разъѣздъ»)*.—«Занимаетъ государственную должность довольно значительную», «кажется, министръ». «Ничуть не раздѣляетъ мнѣній многихъ черезчуръ разгорячившихся патріотовъ», будто «не нужно намъ показывать злоупотребленій» въ комедіи, будто «Ревизоръ» «насмѣшка надъ правительствомъ, надъ нашими обычаями». Но ему кажется, «не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго?» Онъ сомнѣвается—«что̀ скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія», и «неужели однакожъ существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?» «Очень скромно одѣтый человѣкъ» удостовѣрилъ, что народъ думаетъ: «Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа», и указалъ, что вмѣсто второго вопроса надо спрашивать: «Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ». Восхитившись «честностью и благородствомъ» такихъ воззрѣній, г. А. предлагаетъ молодому человѣку «мѣсто, гдѣ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ онъ получитъ несравненно болѣе выгодъ и будетъ на виду». «Душа» А. освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ».—«Да хранитъ тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоемъ скрывается подобный перлъ, и вѣроятно не одинъ».

Господинъ Б. *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Отстаиваетъ автора комедіи. Можно выводить порочнымъ «хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника». «Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками». «По вашему мнѣнію, нужно бы только закрыть, залѣчить какъ нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь, до того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни».

Господинъ В. *(«Театральный разъѣздъ»)*. Считаетъ, что обличеніе есть «нѣкоторымъ образомъ оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ». «Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія». «Это нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя нужно скрывать, а не показывать». Скажешь глупость: она бы, можетъ быть, такъ и проскользнула незамѣченной, но отыщется поклонникъ и пріятель, съумѣетъ совсѣмъ опошлить ее.

Господинъ, второй *(«Театральный разъѣздъ»)*.—«Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значитъ разрушить всякое уваженіе—вотъ что это значитъ. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибьетъ на улицѣ, скажетъ: «Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина!» Вѣдь это вотъ что значитъ!»

Господинъ добродушнаго свойства *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Слушая противорѣчивыя сплетни «Просто Враля», «Господина отрицательнаго свойства» и т. п., недоумѣваетъ, не зная, кому вѣрить. Когда ему указываютъ, что «все это говорится экспромтомъ», негодуетъ:—«Это однакожъ, безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому» (См. «Господинъ хладнокровнаго свойства»).

Господинъ красивый и плотный *(«Театральный разъѣздъ»)*.—У него «четыре дома въ одной улицѣ: всѣ рядомъ, одинъ возлѣ другого, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу? Съ жаромъ говоритъ по поводу комедіи: «Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что̀ главное».

Господинъ N. *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Согласенъ, что въ комедіяхъ «нѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству, словомъ любовью». «Причина этихъ произведеній»— «желчь, ожесточеніе, негодованіе»: соображая все, что слышалъ объ авторѣ, думаетъ, что «онъ точно долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ».

Господинъ, невзрачный, но ядовитаго свойства (*«Театральный разъѣздъ»).*— «Скверенъ какъ чортъ, а языкъ, какъ у змѣи». «Нравственность,—говоритъ онъ,— вещь относительная». Всякій мѣряетъ нравственность относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ... Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится, въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у кого нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не такъ ли?»

Господинъ отрицательнаго свойства (*«Театральный разъѣздъ»).*—Авторъ пьесы, по его словамъ, «ничуть не умный: я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы: просьбы не умѣлъ написать».

Господинъ П. (*«Театральный разъѣздъ»).*—Дѣйствительный статскій совѣтникъ В. говоритъ о немъ: «Есть люди, которые имѣютъ искусство все охаять. Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать такъ пошлою, что самъ краснѣешь. Скажешь глупость; она бы, можетъ быть, такъ и проскользнула незамѣченной,— нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непремѣнно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право: точно въ грязь посадилъ».—П. подхватываетъ мысли г. В. Обличеніе—«это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь выведутъ, напримѣръ, какого нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... «Э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника»... «Ну ужъ, братъ, слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣствительный статскій совѣтникъ?.. Ну, пусть, еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ». «Онъ (г. Б.) можетъ себѣ говорить что ему угодно, а вѣдь это всетаки наши, такъ сказать, раны» (Госп. В. въ сторону: ну, попались ему на языкъ эти раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному и поперечному!)

Господинъ положительнаго свойства (*«Театральный разъѣздъ»). —* Догадывается, что авторъ пьесы «должно быть умный человѣкъ».

Господинъ съ вѣсомъ (*«Театральный разъѣздъ»).—*«Я не знаю, что это за человѣкъ (авторъ комедіи). Это, это, это... Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго! сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ».

Господинъ съ другой стороны группы (*«Театральный разъѣздъ»).*—Подхватываетъ, что авторъ «комедіи сидѣлъ за долги въ какомъ-то городкѣ: но «не въ тюрьмѣ: это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ— горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя?»

Господинъ, третій (*«Театральный разъѣздъ»). —* «Говорятъ—бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это нужно обратить строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да еслибъ я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ».

Господинъ хладнокровный (*«Театральный разъѣздъ»).*—По его словамъ, врали «еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышатъ отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ возвращаться домой, какъ будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ это.

Григорій (*«Записки Сумасшедшаго»).*—Служитъ въ домѣ директора; «мететъ полъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собой».

Григорій (*«Лакейская»).*—Лакей. «Чухонскій сычъ», по словамъ Андрюшки. Увѣренъ, что «у хорошаго барина лакея не займутъ работой: на то есть мастеровой». «Если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ», то долженъ имѣть много слугъ. За копѣйкой Г. не гонится: баринъ все равно жалованье выдастъ, «хоть работай, хоть не работай». Лакейская служба, такая, что какъ ни старайся—все выбранятъ. Копить на старость тоже считаетъ лишнимъ, такъ какъ, «что жъ за баринъ, коли ужъ пенсіона слугѣ не выдаетъ за службу?» Своего барина за глаза обзываетъ «медвѣдемъ» и не спѣшитъ на его зовъ. По словамъ дворецкаго Лаврентія, большой лѣнтяй: спитъ «ровно отъ утра до вечера» и глаза совсѣмъ заплыли отъ сна».

Григорій (*«Мертвыя Души»).*—«Дворовый человѣкъ» Тѣнтѣтникова «въ качествѣ буфетчика». «Губитель господскаго», «бездонная бочка», по выраженію Перфильевны. Сошелся съ Петрушкой, «хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ». Дѣло, однакожъ, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ деревни Лысой, Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было Акулька. Въ этомъ

заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что называютъ въ народѣ—кабацкіе завсегдатели».—См. Перфильевна.

Гримуальдъ *(«Альфредъ»).*—Братъ Руальда, «славный воинъ», «храбрый товарищъ» Губбо.

Грыцко Голопупенко *(«Сорочинская ярмарка»).*—«Парубокъ», «одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой свиткѣ и въ сѣрой шапкѣ рѣшетиловскихъ смушекъ», «съ загорѣвшимъ, но исполненнымъ пріятности лицомъ и огненными очами», умѣлъ покорять дѣвичьи сердца. «Какъ любо говоритъ онъ: Парасю голубко!» «Какъ чудно пристала къ нему бѣлая свитка!» «Какъ чудно горятъ его черныя очи!» мечтаетъ о немъ Параска.—«Эхъ, хватъ!» говоритъ про него Черевикъ, послѣ того, какъ Г. «налилъ кружку величиною съ полкварты и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна». Полюбивъ Параску и узнавъ, что злая мачиха не хочетъ отдавать ее за него замужъ, Г. «загорюнился».—«Эхъ, если бы я былъ царемъ или паномъ великимъ», говоритъ онъ,—«я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ»...

Грѣходѣй Григорьевичъ Сторченко *(«Майская ночь»).*—См. Сторченко, Григорій Григ.

Гуска *(«Тарасъ Бульба»).*—См. Мыкола, Охримъ и Степанъ Гуска.

Губбо *(«Альфредъ»).*—Король датскій, «морской король»; побѣжденный Альфредомъ, говоритъ «товарищамъ»: «Намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня, завтра,—не здѣсь, въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ, носящимъ золотое убранство!»

Губернаторъ *(«Мертвыя Души»).*—«Былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю». «Препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ», по словамъ Манилова. «Первый разбойникъ въ мірѣ», по характеристикѣ Собакевича.—«И лицо разбойничье!» «Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу—зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ—это Гога и Магога!»

Губомазова, Наталья Андреевна *(«Отрывокъ»).*—«Толкуютъ», что «примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-англійски». Встрѣтившись въ обществѣ съ Марьей Александровной, сынъ который штатскій, говоритъ «нарочно громко, такъ чтобъ та слышала:—«я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это все такіе mauvais genre, чѣмъ-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, что мой Alexis не носитъ этого сквернаго фрака». У Г. «голубая карета со свѣтлой уборкой» — предметъ подражанія Марьи Александровны. Собачкинъ разсказываетъ, будто Г. «сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ» и разъ, по ошибкѣ, вмѣсто дѣвки высѣкла мужа. Потомъ, будто она «сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку».

Губомазовъ, Alexis *(«Отрывокъ»).*—Уп. л. Офицеръ.

Гувернантка *(«Мертвыя Души»).*—Француженка; наставница дочерей Плюшкина. Была «прогнана», потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны.

Гунтингъ *(«Альфредъ»).*—«Читаетъ» «жалобу» Кудреда передъ народомъ.

Густый Мыкола *(«Тарасъ Бульба»).* Уп. л.

Д

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ (Анна Григорьевна) *(«Мертвыя Души»).*—«Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась—ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подчасъ въ пріятномъ словѣ ея торчала—ухъ, какая булавка! А ужъ не приведи Богъ, что кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, хотя и «была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни». Въ разговоръ ея «вмѣшивалось много иностранныхъ словъ». — — Въ бесѣдѣ съ «дамой просто пріятной» недоумѣваетъ, что такое могли бы значить «мертвыя души».—Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во-второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: Что нибудь, вѣрно же, есть». Рѣшаетъ:—«Это просто выдумано только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ (Чичиковъ) хочетъ увезти губернаторскую дочку». «Смекнулъ въ чемъ дѣло», едва дама просто пріятная открыла ротъ... потому что, «слышала», какъ губернаторская дочка «говорила такія рѣчи», что у А. Г. «не станетъ духа произнести ихъ» и «манерна нестерпимо».—«Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь—это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи;

если-жъ было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія,—попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что значитъ внутреннее убѣжденіе». Убѣдила въ истинѣ своего предположенія «Д. П.», и обѣ дамы отправились, каждая въ свою сторону, бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными».

Дама просто пріятная (Софья Ивановна) *(«Мертвыя Души»)*.—«Была нѣсколько тяжеловата». «Не имѣла такой многосторонности въ характерѣ», какъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и легко «терялась». «Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не доставало, и потому она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ».— Пріѣхала къ «дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ» разсказать «скопанель истоаръ» о посѣщеніи Корбочкой протопопши и о томъ, что Чичиковъ скупаетъ «мертвыя души». Для Д. это «совершенный романъ» и Чичиковъ «Ринальдо Ринальдини».—Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: «Продайте», говоритъ, «всѣ души, которыя умерли». Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: «Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя».—«Нѣтъ», говоритъ, «онѣ не мертвыя; это мое», говоритъ, «дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя!» кричитъ—«не мертвыя!» Словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ,— ну, просто, оррёръ, оррёръ, оррёръ!.. Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. «Голубушка барыня», говоритъ мнѣ Машка: «посмотрите въ зеркало, вы блѣдны».—«Не до зеркала», говорю, «мнѣ: я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ». Въ ту же минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая». Когда же «Д. П. во всѣхъ отношеніяхъ» заявила, что это «все выдумано для прикрытія» и что главное въ томъ, что Чичиковъ «хочетъ увезти губернаторскую дочку», Д. «просто пріятная» «такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, какъ смерть и, точно, перетревожилась не на шутку.—«Ахъ, Боже мой, вскрикнула она, всплеснувъ руками: ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать».—«Вѣдь это просто раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безнравственность» и наконецъ рѣшительно убѣдилась, что «въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго» и «запутанное обстоятельство рѣшено».

Дама *(«Носъ»)*.—Знатная почтенная дама; прослышавъ, что Носъ Ковалева прогуливается по Таврическому саду, «просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей»...

Дама *(«Ревизоръ»)*.—Послѣ прочтенія письма Хлестакова, говоритъ:—«какой репримандъ неожиданный!»

Дамы города N *(«Мертвыя Души»)*.—Всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить», «таліи были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы». Д. «были то, что называютъ, презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ коляскахъ, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно,—именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ,—оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались «во взаимномъ нерасположеніи», по выраженію городского свѣта. Насчетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ». — — На балу «все у нихъ было придумано и предусмотрѣно съ необыкновенной осмотрительностью: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что они способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій

галстучекъ изъ ленты легче пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ поцѣлуя, эѳирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатыя стѣнки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ скромностей. Эти скромности скрывали напереди и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться далѣе,—словомъ, кажется, какъ будто на всемъ было написано: «Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!»— —Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ и показать во всемъ блескѣ превосходство того, что у нея было самаго превосходнаго».— —Въ нравахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ими и происходило какое-нибудь то, что называютъ другое-третье, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ другое-третье или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?»— —«Дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: «я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула», а говорили: «я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка». Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: «этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ»; и даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: «этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя», или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; за то ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ».

Дамы молодыя (*«Театральный разъѣздъ»).*—См. Молодыя дамы.

Дама средняго свѣта (*«Театральный разъѣздъ»).*—«Какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что не хотѣла бы попасться ему на глаза: этакъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное».

Дама (*«Портетъ»).*—Великосвѣтская дама. «Исплясалась на балахъ до того», что сдѣлалась «чуть не восковой». Присутствуетъ при писаніи Чартковымъ портрета дочери. «Любительница живописи и обѣгала съ лорнетомъ всѣ галлереи въ Италіи». «Скажите, какого вы мнѣнія на счетъ нынѣшнихъ портретовъ?»—спрашиваетъ она при первой же встрѣчѣ Чарткова: «Не правда ли, теперь нѣтъ такихъ, какъ былъ Тиціанъ? Нѣтъ той силы въ колоритѣ, нѣтъ той... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-русски»... Конечно, и нынче есть великіе художники, наприм., мсье Ноль:—Ахъ, какъ онъ пишетъ! какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженія въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсье Ноля?»— «Кто этотъ Ноль?» спросилъ художникъ.—«Мсье Ноль. Ахъ, какой талантъ! онъ написалъ съ нея портретъ, когда ей было двѣнадцать лѣтъ». Заказывая Черткову портретъ дочери, тотчасъ же желаетъ приступить къ сеансу; п. ч. слышала, что Чартковъ за два сеанса кончаетъ портреты, и высказываетъ недовольство, что работа идетъ туго», «съ нѣсколько даже трогательнымъ выраженіемъ лица: «Я бы хотѣла... на ней теперь платье; я бы признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобы она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незамѣтно было, что она ѣдетъ куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ. Простоты, понимаете, чтобы было больше». «Совсѣмъ не была расположена угождать» кому либо и прерываетъ сеансы, когда у художника «рука только-что расходилась». Увидя на портретѣ дочери легкую желтизну лица и едва замѣтную синеву подъ глазами, дама говоритъ: «Ахъ, зачѣмъ это? это не нужно», «у васъ тоже... вотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно, какъ темныя пятнышки». Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составятъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются, и что это ему только такъ кажется. «Но позвольте здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской», сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко не расположена, а что желтизны въ ней никакой не бываетъ, и лицо ея поражаетъ особенно свѣжестью краски. При видѣ дочери, изображенной въ образѣ Психеи, Д. восклицаетъ: «Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, superbe! Какъ хорошо вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ».—«Это Психея»,—замѣтилъ художникъ. «Въ видѣ Психеи? C'est charmant», сказала мать,

улыбнувшись, при чемъ улыбнулась также и дочь. «Не правда-ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée délicieuse! Но какая работа! это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также и съ меня портретъ». «Дамѣ, какъ видно, хотѣлось тоже предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи». «Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатьемъ руки, приглашеньемъ на обѣды,—словомъ получилъ тысячу лестныхъ наградъ».

Дегтяренко (*«Тарасъ Бульба»*).—См. тоже, что Вовтузенко.

Демьянъ Демьяновичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—«Судья; довольно полный человѣкъ» «въ замасленномъ халатѣ», «съ доброю миною», «человѣкъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ добрые люди, трусливаго десятка». «У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и оттого носъ его могъ нюхать верхнюю губу, сколько душѣ угодно было. Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому что табакъ, адресуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. — — Любилъ «отвѣдать икры» и «выпить водки персиковой, настоянной на золототысячникѣ», но «селедки» «не ѣлъ, потому что» отъ нея дѣлается изжога подъ ложечкою. Увидя входящаго Ивана Ивановича, «носъ его потянулъ съ верхней губы весь табакъ, что всегда было у него знакомъ большого удовольствія». Прослушавъ жалобу Ивана Ивановича, «приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу и началъ говорить ему почти такимъ образомъ:—«Что это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! Бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (Сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки, да поцѣлуйтесь; да купите сантуринскаго, или никопольскаго, или хоть, просто, сдѣлайте пуншику, да позовите меня! Разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!» Несговорчивость Ивана Ивановича привела Д. Д. «въ изумленіе», и онъ «въ разсѣянности, разводилъ пальцомъ по столу чернильную лужу» изъ опрокинутаго черепка, употребляемаго «вмѣсто чернильницы». «—Господи! И вы туда же! Такіе рѣдкіе друзья!»—«Когда Ив. Н. назвалъ Ив. Ив. «сатаной», «Д. Д. перекрестился» и «съ видомъ недовольства велитъ читать просьбу», причемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большого удовольствія. Такое самоуправство носа причинило судьѣ еще болѣе досады: онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхней губы весь табакъ, чтобы наказать дерзость его».

Демытровичъ (*«Тарасъ Бульба»*). — Куренной атаманъ. См. характеристику «Вовтузенко».

Денисъ (*«Мертвыя Души»*).—Крѣпостной Пѣтуха.

Денисъ Петровичъ (*«И. Ф. Шпонька»*).—Уп. л. Покойный гадячскій засѣдатель. «Всегда бывало, увидѣвши» Степана Ивановича «издали, говорилъ: «—Глядите, глядите, вонъ идетъ вѣтряная мельница».

Дергуновъ, Аркадій Андреевичъ (*«Игроки»*).—По разсказу Утѣшительнаго, «помѣщикъ», богатѣйшій человѣкъ. «Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей: за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны—камергеры, домъ—дворецъ, деревня, сады,—все это по аглицкому образцу; словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова». Послѣ игры съ Утѣшительнымъ, «всѣ и хозяинъ и гости остались безъ копѣйки»...

Деребинъ (*«Мертвыя Души»*).—По словамъ Ноздрева, Д. такое счастье: «тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы этакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ!»

Держиморда (*«Ревизоръ»*).—Квартальный. Стучитъ сапогами, какъ «косолапый медвѣдь». Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги». Говоритъ—«какъ изъ бочки, такъ и рычитъ». «Для порядка всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами,—и правому и виноватому.

Дерказъ-Дршпановскій, Козьма (*«Майская ночь»*). — Комиссаръ, отставной поручикъ. Пишетъ сельскому головѣ: «Приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына Левка Макогоненка на козачкѣ изъ вашего же села Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты по столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хоть бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое не приведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту».

Дивчата (*«Пропавшая грамота»*).—Постоянно просившіе разсказать «якунибудь страхавину сказочку». «Разсказать-то, конечно, говоритъ разсказчикъ, не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели... Каждая дрожитъ подъ одѣяломъ. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу,—и Боже упаси! и душа въ пяткахъ».

Директоръ департамента (*«Записки Сумасшедшаго»*).—Начальникъ Поприщина. «Надворный совѣтникъ». Довольно высокаго роста и толстъ собой». «Носитъ золотую цѣпочку къ часамъ и заказываетъ сапоги по тридцати рублей». По словамъ Поприщина, «въ глазахъ Д. сіяетъ важность», не скажетъ «лишняго слова». «Большой честолюбецъ»; «если даетъ кому руку, то высовываетъ только два

пальца». «Дочь свою (Софью) непремѣнно хочетъ видѣть замужемъ или за генераломъ, или за камеръ-юнкеромъ или за военнымъ полковникомъ».

Дворецкій (*«Лакейская»*).—См. Лаврентій.

Добчинскій, Петръ Ивановичъ (*«Ревизоръ»*),—стр. 23.

Довгочхунъ, Иванъ Никифоровичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—См. Иванъ Никифоровичъ Д.

Докторъ (*«Носъ»*).—Столичный докторъ. «Видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками». Позванный къ больному, Д. «поднялъ маіора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что маіоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и, посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: «Гм!» потомъ велѣлъ перегнуть ему голову на лѣвую сторону и сказалъ «Гм!», и въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка»... «Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головой и сказалъ: «Нѣтъ, нельзя. Вы ужъ лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить (носъ) можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже»... Ковалевъ убѣждаетъ Д. лѣчить, обѣщаетъ хорошо заплатить. «—Вѣрите ли», отвѣчаетъ ему Д. «ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ и магнетическимъ: «что я никогда изъ корысти не лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вамъ носъ; но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствію самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса,—и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожитесь». «—Извините!» сказалъ докторъ, откланиваясь: «я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Что-жъ дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе», и «докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты».

Долото (*«Тарасъ Бульба»*).—Запорожецъ.

Дорофей Трофимовичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—Подсудокъ повѣтоваго миргородскаго суда.

Дорошъ (*«Вій»*).—Козакъ; когда выпьетъ, дѣлается «чрезвычайно любопытенъ» и спрашиваетъ бурсака:—«Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ бурсѣ учатъ: тому ли самому, что и дьякъ читаетъ въ церкви, или чему другому?..» «Я хочу знать все, что ни написано»,—настойчиво твердитъ Д.—«Я пойду въ бурсу, ей-Богу, пойду. Что ты думаешь, я не выучусь? Всему выучусь, всему!..» Не «расположенъ молчать», если успѣетъ сходить «въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-то нужному дѣлу и, наклонившись раза два къ двумъ или тремъ бочкамъ», выйдетъ оттуда «чрезвычайно веселымъ».—«Панночка?»—говоритъ Дорошъ по поводу дочери своего хозяина:—«Да она была цѣлая вѣдьма! Я присягну, что вѣдьма!..» «Да она на мнѣ самомъ ѣздила! Ей-Богу ѣздила!»... Когда во время разсказа баба вставила свое слово, то Д. «поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ: «Когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу, то не хорошо будетъ».

Дорошъ (*«Тарасъ Бульба»*).—Уп. л. Покойный братъ Тараса Б.; по словамъ Янкеля, «былъ воинъ на украшеніе всему рыцарству». Янкель «ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться отъ плѣна у турка».

Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—Комиссаръ полтавскій; когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ Ив. Ив.

Дочка губернаторская (*«Мертвыя Души»*).—Славная бабенка! опредѣлилъ ее Чичиковъ при первой встрѣчѣ на дорогѣ. «Институтка, только что выпущена». Шестнадцатилѣтняя дѣвушка, свѣтленькая блондинка съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для Мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадается на Руси, гдѣ любитъ все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги». «Бѣлое почти простое платьице, легко и ловко» охватывало «во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы» (во время бала).

Доѣзжай-не-доѣдешь, Григорій *(«Мертвыя Души»).*—Уп. л. Одинъ изъ тѣхъ «ста двадцати слишкомъ, бывшихъ крѣпостныхъ Плюшкина, «мертвыя души» которыхъ Чичиковъ пріобрѣлъ у помѣщика по сорокъ двѣ копейки съ души.

Дробяжкинъ *(«Мертвыя Души»).*—Уп. л. Засѣдатель или «земская полиція». Убитъ былъ крестьянами за то, что, «будто земская полиція, то-есть, засѣдаталь Дробяжкинъ, повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что, въ иныхъ случаяхъ, стоитъ повальной горячки, а причина де-та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ». «Земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ уже тряпки, а ужъ физіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много, Д. же человѣкъ мертвый, стало быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало-быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то вслѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спѣси и Задирайлова тожъ, а умеръ де онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара».

Дуняша *(«Женитьба»).*—Горничная «дѣвчонка» въ домѣ Купердягиныхъ. «Раскрасоточка!»—по словамъ Жевакина.

Дьячокъ *(«Вечеръ накануиѣ Ивана Купала»).*—См. Ѳома Григорьевичъ.

Дырка-мичманъ *(«Женитьба»).*—Уп. л. По разсказу Жевакина, «одинъ мичманъ» третьей эскадры,—«и даже хорошій мичманъ»... «Капитанъ бывало: «Эй ты, Дырка, поди сюда!» и бывало надъ нимъ всегда пошутитъ: «Эхъ ты, дырка этакой!» говоритъ, бывало, ему».

Дѣдъ *(«Заколдованное мѣсто»).*—См. Максимъ.

Дѣдъ *(«Пропавшая грамота»).*—«Покойный дѣдъ Ѳомы Григорьевича былъ не изъ простыхъ, въ свое время, козаковъ. Зналъ и твердо—онъ-то, и слово-титлу поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется», а «въ тогдашнія времена, если собрать со всего Батурина грамотеевъ, то нечего и шапки подставлять,—въ одну горсть можно было всѣхъ уложить». «Всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ». Былъ человѣкъ—не то, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ козаковъ,—всѣ, какъ груши, повалятся на землю». «Живалъ онъ не мало на свѣтѣ, зналъ, какъ подпускать турусы и, при случаѣ, пожалуй, и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь».

Дѣепричастіе, Никифоръ Тимофѣевичъ *(«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»).*—«Учитель россійской грамматики въ повѣтовомъ училищѣ»; «носилъ съ собою въ классъ кленовую линейку, которою уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ».

Дѣрпѣнниковъ *(«Мертвыя Души»).*—Уп. л.

Е

Елизаветъ-Воробей *(«Мертвыя Души»).* — Забралась въ списокъ «Мертвыхъ душъ» Собакевича «и такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже ея имя оканчивалось на букву ъ, т. е. не Елизавета, а Елизаветъ». Чичиковъ «это не принялъ въ уваженье и тутъ же ее вычеркнулъ».

Емельянъ-Ротозѣй *(«Мертвыя Души», II).*—Слуга Пѣтуха, «хорошій и расторопный»

Ердащагинъ *(«Лакейская»).*—Нѣвелещагинъ. См. Григорій.

Еремѣй *(«Мертвыя Души»).* См. Сорокоплехинъ Еремѣй.

Ермолай Ивановичъ *(«Отрывокъ»).* Уп. л.

Ерошкинъ, Иванъ Ивановичъ *(«Шинель»).* — Крестный отецъ Акакія Ак. Б., «превосходнѣйшій человѣкъ». Служилъ столоначальникомъ въ Сенатѣ.

Ж

Жандармъ *(«Мертвыя Души», II).*—Предсталъ предъ Чичиковымъ. «Страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку». Чичикову показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только!» «Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!» «Чичиковъ началъ было возражать, (страшилище) грубо заговорилъ: приказано сей часъ!»

Жандармъ *(«Ревизоръ»).*—Объявляетъ о пріѣздѣ ревизора.

Жевакинъ, Балтазаръ Балтазаровичъ *(Женитьба)*,—стр. 25.

Жевакинъ 1-й *(«Женитьба»)*.—«Уп. л. Вышелъ изъ морской службы въ отставку раньше Жевакина 2-го. «Былъ раненъ подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила—какъ иголкой сшило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить».

Жевакинъ 2-й *(«Женитьба»)*,—стр. 24.

Жена дѣда *(«Пропавшая грамота»)*.—«Ей снилось, что печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки»...

Женщины итальянскія *(«Римъ»)*.—«Онѣ или дворцы или лачужки, или красавицы или безобразныя; средины нѣтъ между ними: хорошенькихъ нѣтъ».

Живописецъ *(«Портретъ»)*.— Пріятель Б. «Весельчакъ, всегда довольный собой, не заносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что попадалось, и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдъ и пирушку». Выпрашиваетъ у Б. портретъ «страшнаго ростовщика», который тотъ сбирается сжечь, и уноситъ его къ себѣ.—«Ну, братъ, не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то страшное... Я вѣдьмамъ не вѣрю, но, воля твоя, въ немъ сидитъ нечистая сила»... говоритъ онъ, когда повѣсилъ портретъ въ своей комнатѣ. Тогда онъ «почувствовалъ тоску такую... точно, какъ будто бы хотѣлъ кого-то зарѣзать». «Въ жизнь свою не зналъ, что такое безсонница, а теперь испыталъ не только безсонницу, но сны такіе...», что и самъ не умѣетъ сказать, сны ли это, или что другое: точно домовой тебя душитъ и все мерещится проклятый старикъ».—«Подобнаго со мной никогда не бывало», говоритъ онъ. «Я бродилъ, какъ шальной, всѣ эти дни: чувствовалъ какую-то боязнь, непріятное ожиданье чего-то. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго, искренняго слова; точно, какъ будто возлѣ меня сидитъ шпіонъ какой-нибудь. И только съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь. Ну, братъ, состряпалъ ты чорта!»

Жидъ *(«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»)*.—«Набожный кучеръ». «Шабашовалъ по субботамъ и, накрывшись попоной, молился весь день».

З

Закруты-Губа *(«Тарасъ Бульба»)*.—Запорожецъ.

Замухрышкинъ, Псой Стахичъ *(«Игроки»)*.—См. Мурзафейкинъ, Флоръ Семенычъ.

Запорожецъ *(«Ночь передъ Рождествомъ»)*.— Одинъ изъ запорожцевъ; обратился къ Екатеринѣ со словами: «Помилуй, мамо! Чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвилъ? Развѣ держали мы руку поганаго татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что-жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь поворотить въ карабинеры; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію черезъ Перекопъ и помогло твоимъ енераламъ порубать крымцевъ?..»

Запорожецъ-гуляка *(«Пропавшая грамота»)*.—«Гуляка»; красные, какъ жаръ, шаровары, синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ; при боку сабля и люлька съ мѣдной цѣпочкой по самыя пяты... Дѣду и еще одному «гулякѣ» онъ, заканчивая свои «диковинныя присказки и исторіи», говоритъ: «Передъ вами нечего таиться... Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому».

Засѣдатель *(«Ревизоръ»)*.—«Конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода». «Говорилъ, что это у него природный запахъ», «этого уже невозможно выгнать», потому, «что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою».

Засѣдатель *(«Тяжба»)*. — Уп. л. По словамъ Бурдюкова, у З. «вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать какъ будто отрѣзана и поросла шерстью, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Засѣдатель Сорочинскій *(«Ночь передъ Рождествомъ»)*.—Ѣздитъ обыкновенно «на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышомъ... въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика...» «Отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна...»

Захаръ Прокофьевичъ *(«Какъ поссорился Ив. Ив.»)*. — Научилъ судью, какъ лѣчить дрозда, который послѣ этого «пересталъ пѣть».

Земляника, Артемій Филипповичъ *(«Ревизоръ»)*,—стр. 24.

Земляника (*«Ревизоръ»*).—Дочь Земляники. Уп. л. III, 3.

Земляника (*««Ревизоръ»*).—Уп. л. Дѣти: Николай, Иванъ, Елизавета, Марья Перепетуя, IV, 7.

Значительнаго лица дочь (*«Шинель»*). — Шестнадцатилѣтняя дѣвушка «съ нѣсколько выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ», приходила каждый день вмѣстѣ съ двумя братьями цѣловать по-утру руку отцу, говоря: «bonjour, papa».

Значительнаго лица супруга (*«Шинель»*).—«Женщина свѣжая и даже ничуть не дурная, давала мужу прежде поцѣловать, свою руку и потомъ, переворотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку».

Значительное лицо (*«Шинель»*).—«Человѣкъ не молодой». Взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ: «У, какой характеръ!» Говорилъ «голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина». «Завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернскій секретарь—титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него». Пріемы и обычаи З. Л. были «солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость». «Строгость, строгость и—строгость», говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: «Какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?» Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ, «состраданіе» также «было ему не чуждо». Онъ «даже задумался» объ упавшемъ въ обморокъ чиновникѣ, и «недѣлю спустя, рѣшился послать къ нему узнать, что онъ». Когда же ему донесли, что Акакій Акакіевичъ умеръ, З. Л. «остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ».— —«Хорошій супругъ», «почтенный отецъ семейства», но «совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города» (см. Каролина Ивановна). Генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ ровными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ, — человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но, какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость, тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамильярно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣлъ такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Когда къ нему явился чиновникъ Башмачкинъ, то З. Л. сначала долго продержалъ просителя въ пріемной. Затѣмъ «обхожденіе» несчастнаго, приниженнаго чиновника показалось генералу «фамильярнымъ».—«Что, что, что?» сказалъ Значительное Лицо: «откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!» (З. Л. не замѣтилъ, что Акакію Акак. «забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ»).—«Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это?»... «Тутъ онъ топнулъ ногой, возведя голосъ до такой сильной ноты», что бѣдный проситель упалъ въ обморокъ. «А Значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданія, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля» и «не безъ удовольствія увидѣлъ», что и тотъ чуть ли не чувствуетъ страхъ.—Когда же на улицѣ грабитель началъ снимать съ него шинель, «Значительное Лицо чуть не умеръ. Онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ: «Пошелъ во весь духъ домой!» Онъ никому ни слова не сказалъ о томъ, что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ

ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: «какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?» если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло».

Золотуха (*«Мертвыя Души»*).—Стряпчій. Первѣйшій хапуга въ мірѣ. «Все дѣлаетъ» за прокурора.

Зритель (*«Театральный разъѣздъ»*).—Выходитъ послѣ представленія новой пьесы: «Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь».

Зритель, второй (*«Театральный разъѣздъ»*).—По его мнѣнію, «лица комедіи— «вовсе не злодѣи. Они именно то, что говоритъ пословица: не душой худъ, а просто плутъ».—«Эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите— и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя... Это сборное мѣсто: отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ—произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго... Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію и помѣщено со всею увлекательностью, то уже всѣ до одного перешли бы на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь».—«Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. Чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы». «Прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него».

Зритель, первый (*«Театральный разъѣздъ»*).—Мнѣніе о новой комедіи: «отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ то-громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ». «Гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности».

И

Иванова (*«Ревизоръ»*).—См. Унтеръ-офицерша.

Иванъ (*«Лакейская»*).—Младшій слуга, называемый дворецкимъ Ванькой. За его лѣнь «просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ».

Иванъ (*«Носъ»*).—Лакей Ковалева. Въ отсутствіи барина, лежа на спинѣ на кожаномъ запачканомъ диванѣ, «плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто».—«Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!»— говоритъ Ковалевъ, ударяя И. шляпой по лбу. «И. вдругъ вскочилъ со своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ» снимать съ Ковалева плащъ.

Иванъ (*«Страшная месть»*).—Братъ Петра; козакъ, смѣльчакъ; достаетъ турецкаго пашу живого въ руки королю Степану. «Какъ получилъ И. жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собой и Петромъ». Когда Петръ столкнулъ его въ пропасть, желая овладѣть одинъ его добромъ, И., ухватившись за сукъ», просилъ:—«Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына; чѣмъ безвинный младенецъ виноватъ, чтобы ему пропасть такою лютою смертью».

Иванъ (*«Страшная месть»*).—Чернобровое дитя Бурульбаша. «Тѣшится въ люлькѣ и убаюкивается». Когда «старый есаулъ пришелъ къ колыбели, дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него въ серебряной оправѣ красную люльку и гаманъ съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось. По отцу пойдетъ»,—сказалъ есаулъ.

Иванъ, о. (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ (*«Ревизоръ»*).—См. Иванъ Александровичъ.

Иванъ Антоновичъ (*«Мертвыя Души»*).—«Кувшинное рыло». Чиновникъ «крѣпостной экспедиціи», или самъ «крѣпостная экспедиція». Имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ». На просьбу Чичикова ускорить дѣло по совершенію купчей, на купленныя имъ на мертвыя души, «завернулъ заковыку». Когда же Чичиковъ вынулъ изъ кармана бумажку и «положилъ предъ И. А.», тотъ ее совершенно не замѣтилъ и накрылъ ее книгою». «Когда же Чичиковъ хотѣлъ было указать ее ему», И. А. «движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать».

Иванъ Григорьевичъ («*Мертвыя Души*»).—Предсѣдатель палаты. Весьма разсудительный и любезный человѣкъ. Во время игры въ карты, кроя фигуру, приговаривалъ:—«А я его по усамъ! А я ее по усамъ!» Принималъ гостей, въ томъ числѣ и дамъ, «въ халатѣ нѣсколько замасленномъ».

Иванъ Ивановичъ («*Ив. Фед. Шпонька*»).—Помѣщикъ. «Ходилъ въ долгополомъ сюртукѣ, съ огромнымъ стоячимъ воротникомъ, закрывавшимъ весь его затылокъ, такъ что голова его сидѣла въ воротникѣ, какъ будто въ бричкѣ». «Одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ величайшимъ удовольствіемъ любятъ позаняться услаждающимъ душу разговоромъ и будутъ говорить обо всемъ, о чемъ только можно говорить. Если разговоръ касался важныхъ и благочестивыхъ предметовъ, то Ив. Ив. вздыхалъ послѣ каждаго слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственныхъ, то высовывалъ голову изъ своей брички и дѣлалъ такія мины, глядя на которыя, кажется, можно было прочитать, какъ нужно дѣлать грушевый квасъ, какъ велики тѣ дыни, о которыхъ онъ говорилъ, и какъ жирны тѣ гуси, которые бѣгутъ у него по двору».

Иванъ Ивановичъ («*Какъ поссорился Ив. Ив.*»).—«Другой Ив. Ив., у котораго одинъ глазъ кривъ»; «всегда говорилъ о себѣ иронически». Всѣ очень любили кривого Ив. Ив. за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусѣ нынѣшнемъ». «Послушайте!» сказалъ кривой Ив. Ив., когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество: «послушайте: вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого помиримъ двухъ нашихъ пріятелей!»

Иванъ Ивановичъ («*Портретъ*»).—Хозяинъ небольшого дома на Васильевскомъ островѣ. «Былъ одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ, или въ отдаленномъ углу Коломны,—творенье, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо выпить, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался, любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ; аккуратно, по истеченіи каждаго мѣсяца, навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его конуры, куда тотъ запрятывался спать: однимъ словомъ, былъ человѣкъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладныхъ, остаются однѣ пошлыя привычки». Когда Чартковъ затянулъ уплату денегъ за квартиру, И. И. явился къ нему съ квартальнымъ: «Извольте сей же часъ заплатить деньги да и съѣзжать вонъ». На предложеніе квартальнаго взять въ уплату картины, И. И. заявляетъ: «Нѣтъ, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить: хоть какой-нибудь генералъ со звѣздой, или князя Кутузова портретъ; а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слуги-то, что третъ краски. Еще съ него, свиньи, портретъ рисовать! Ему я шею наколочу: онъ у меня всѣ гвозди изъ задвижекъ повыдергалъ, мошенникъ. Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуетъ. Добро бы ужъ взялъ комнату прибранную, опрятную; а онъ вонъ какъ нарисовалъ ее, со всѣмъ соромъ и дрязгомъ, какой ни валялся. Вотъ, посмотрите, какъ запакостилъ у меня комнату; извольте сами видѣть. Да у меня по семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Бухмистерова Анна Петровна... Нѣтъ, я вамъ скажу: нѣтъ хуже жильца, какъ живописецъ: свинья-свиньей живетъ, просто—не приведи Богъ».

Иванъ Ивановичъ Перерепенко («*Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ*»).—Стр. 26.

Иванъ Карповичъ («*Ревизоръ*»).—Квартальный. Уп. л. V.

Иванъ Кирилловичъ («*Ревизоръ*»).—Уп. л. I, 1.

Иванъ-Колесо («*Мертвыя Души*»).—Уп. л. Бывшій крѣпостной Коробочки, одинъ изъ тѣхъ, чьи мертвыя души купилъ у помѣщицы Чичиковъ за пятнадцать ассигнацій.

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ («*Какъ поссорился Ив. Ив.*»).—Стр. 29.

Иванъ Осиповичъ («*Учитель*»). — «Важная осанка, громоподобный басъ». «Лицо его и окладомъ и цвѣтомъ совершенно походило на бутылку», огромнѣйшій ротъ его, котораго дерзкимъ покушеніямъ едва полагали преграду оттопырившіяся уши, поминутно строилъ гримасы, приневоливая себя выразить улыбку», глаза имѣли цвѣтъ яркой зелени. «Принадлежалъ къ числу тѣхъ семинаристовъ, убоявшихся бездны премудрости, которыми ***ская семинарія снабжаетъ не слишкомъ зажиточныхъ панковъ въ Малороссіи, рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя». «Въ семинаріи «дошелъ даже до богословія и залетѣлъ бы не вѣсть куды, вѣроятно, еще далѣе, если бъ не шалуны его товарищи», которые «не давали ему прохода: то бросали цѣпкимъ репейникомъ въ бороду и усы, то привѣшивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову или подсыпали въ табакерку его чемерки». Опредѣленіе на ваканцію (въ домашніе

учителя) сдѣлало «переломъ въ его жизни». Свѣтло-синій сюртукъ съ большими костяными пуговицами, «на которыя толпами заглядывались уличные ребятишки», внушалъ къ нему «невольное почтеніе». «За столомъ пріятно было видѣть, какъ чинно, съ какимъ умиленіемъ, почтенный наставникъ, завѣсившись салфеткой, отправлялъ процессъ житейскаго насыщенія. Ни слова посторонняго, ни движенія лишняго; весь переселялся онъ, казалось, въ свою тарелку. Опорожнивъ ее такъ, что никакія, принадлежащія къ гастрономіи орудія, какъ-то: вилка и ножъ, ничего уже не могли захватить, отрѣзывалъ онъ ломтикъ хлѣба, вздѣвалъ его на вилку и этимъ орудіемъ проходилъ въ другой разъ по тарелкѣ, послѣ чего она выходила чистою, будто изъ фабрики». «Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ иныя держалъ подъ секретомъ, какъ-то: составленіе лѣкарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, искусство окрашивать посредствомъ одной только дубовой коры и острой водки въ лучшій красный цвѣтъ. Сверхъ того, онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внучка Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера моталъ мотки и даже прялъ». Былъ «необходимымъ человѣкомъ въ домѣ», и «вся дворня была безъ ума отъ него. Въ отношеніи къ женщинамъ И. О. «былъ настоящій стоикъ, несмотря на то, что не дошелъ еще до философіи, онъ твердо зналъ, что ни одинъ изъ философовъ, начиная отъ Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинаріи, не ставилъ ни во-что «женщинъ».

Иванъ Петровичъ (*«Утро дѣлового человѣка»).*—«Всегда занятъ», даже тогда, когда нацѣпляетъ на хвостъ Зюзюшкѣ бумажку.

Иванъ Потапычъ (*«Мертвыя Души»).*—По словамъ Муразова, «хорошій былъ торговецъ: полмилліона было; да какъ увидѣлъ во всемъ прибытокъ—и распустился: Сына по-французски сталъ учить, дочь—за генерала. И уже не въ лавкѣ, или въ биржевой улицѣ, а все какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ пить чай; тамъ цѣлые дни—чай, да и обанкрутился». «Теперь онъ, видите ли, приказчикомъ у меня. Началъ сызнова. Дѣла-то поправились его. Онъ могъ бы опять торговать на пятьсотъ тысячъ. «Приказчикомъ былъ, приказчикомъ хочу и умереть. Теперь», говоритъ, «я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюходе заводилось, да и водяная началась... Нѣтъ!» говоритъ. И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу—и больше ничего, да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ насъ не молится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ; а другой радъ бы помочь, но деньги свои прожилъ».

Иванъ Яковлевичъ (*«Носъ»).* — Цирульникъ, съ Вознесенскаго проспекта. «Фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его, — гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою и надписью: «И кровь отворяютъ», — не выставлено ничего болѣе. И. Я., «какъ всякій порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно небритъ. Фракъ у И. Я. (И. Я. никогда не ходилъ въ сюртукѣ) былъ пѣгій, то-есть, онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ: воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ пуговицъ висѣли однѣ только ниточки. И. Я. былъ большой циникъ, и когда коллежскій асессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: «у тебя И. Я., вѣчно воняютъ руки!» то И. Я. отвѣчалъ на это вопросомъ: «Отчего жъ бы имъ не вонять?» и, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою—однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота». Человѣкъ робкій, почти забитый. Онъ робѣлъ предъ женой и не осмѣливался «требовать двухъ вещей разомъ», т. е. «кофію» и свѣжеиспеченнаго хлѣбца съ лукомъ. Жена называла его: «дуракъ», «звѣрь», «мошенникъ», «пьяница», «разбойникъ», «сухарь поджаристый», «потаскушка», «негодяй» и т. д... При встрѣчѣ съ квартальнымъ онъ изъявляетъ полную готовность брить его «безъ всякаго прекословія» два и три раза въ недѣлю, и когда квартальный, не взирая на это, спрашивалъ: «Что ты тамъ дѣлалъ?» — И. Я. «поблѣднѣлъ». Квартальный называетъ его «мошенникомъ-цирульникомъ», но послѣ съѣзжей, куда попалъ И. Я. по подозрѣнію въ кражѣ изъ лавочки бортища пуговицъ», онъ окончательно оробѣлъ и даже, не заходя къ Ковалеву, заглядываетъ въ его дверь «такъ боязливо, какъ кошка, которую только-что высѣкли за кражу сала».

Ивась (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—«Шестилѣтній братъ Пидоркинъ».

Игуменья (*«Альфредъ»).*—«Точно, святая,—уговорила всѣхъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; изуродовала совсѣмъ себя. И какъ увидѣли эти звѣри» (игвары),—«что нѣтъ хорошихъ лицъ, то» «пережгли огнемъ всѣхъ монахинь».

Издатель ходячей газеты (*«Портретъ»).*—Къ И. приходитъ Чартковъ, «взявши десятокъ червонцевъ», «прося великодушной помощи». Художникъ былъ принятъ «радушно», «и на другой же день появилась въ газетѣ, вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ сальныхъ свѣчахъ, статья съ такимъ заглавіемъ: О необыкновенныхъ талантахъ Чарткова».

Инвалидъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»).*—Отправлявшій должность фельдъегеря и сторожа; «имѣлъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку»;

«стоялъ у дверей, почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ». Когда увидѣлъ Ив. Ник., застрявшаго въ дверяхъ», «разинулъ ротъ и наступилъ кому-то на ногу», уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ив. Никиф. и, несмотря на жалобные стоны», вытиснулъ его въ переднюю.

Инспекторъ врачебной управы (*«Мертвыя Души»).*—«Человѣкъ праздный». Сидитъ дома, «если не поѣхалъ куда нибудь играть въ карты». При извѣстіи о назначеніи новаго губернатора, вдругъ поблѣднѣлъ: ему представилось Богъ знаетъ что: что подъ словомъ мертвыя души не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю».

Исправникъ (*«Мертвыя Души»).*—См. Капитанъ-Исправникъ.

Ихаревъ (*«Игроки»).*—Помѣщикъ. Игрокъ и «шулеръ первой степени». У него «заповѣдная колодушка картъ»—«Аделаида Ивановна»—«просто перлъ». Жизнью шулера вполнѣ доволенъ:—«Воображаю, хорошъ бы я былъ,—говоритъ И.—если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ—поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по аглицкой набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что всему причина? чему обязанъ?—именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что-жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обмануту самому—вотъ настоящая задача и цѣль!» Обманутый «дьявольски» Швохневымъ и его пріятелями, призываетъ «законъ». «—Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права! А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди—переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей!» Убѣждается, что «существуютъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, этакіе мошенники», какъ Швохневъ, съ которымъ И. дѣйствовалъ заодно.

К

«Кавалеръ» (*«Ревизоръ»).*—(Уп.). По словамъ Осипа—«компаніи захотѣла—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ,—такъ вотъ какъ на ладони все видишь.

Казначей (*«Записки Сумасшедшаго»).*—«Жидъ»; «сѣдой чортъ». «Собственная его кухарка бьетъ его по щекамъ».

Каленникъ (*Майская ночь»).*—Мужикъ среднихъ лѣтъ.—«Полезный человѣкъ», говоритъ про него винокуръ,—«побольше такого народу и винница наша славно бы пошла»... Ненавидитъ сельскаго голову и угощаетъ его «всѣми отборными словами, какія могли вспасть на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его». Напившись шатается «по уснувшимъ улицамъ села, отыскивая свою хату».

Камердинеръ (*«Мертвыя Души», II).*—Слуга Бетрищева. «Великанъ» «въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ», «съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

Канцелярскій (*«Записки Сумасшедшаго»).*—«Съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами, глядѣвшими искоса и пьяно, съ разодранными локтями; приблизился къ Ив. Никиф., застрявшему въ дверяхъ суда, «сложилъ ему обѣ руки на-крестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду». «Дыханіемъ устъ своихъ распространилъ» «такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась было на время въ питейный домъ».

Канцелярскій 1-ый (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»).*—«Въ фризовомъ подобіи полуфрака».

Канцелярскій 2-ой (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—При появленіи Ив. Ник. въ дверяхъ суда «проглотилъ муху».

Канцлеръ (*«Записки Сумасшедшаго»*).—Уп. л. По словамъ Поприщина, состоитъ на государственной службѣ въ Испаніи. Его голосъ наводитъ страхъ на чиновниковъ. «Великій инквизиторъ».

Капитанъ-иноземный (*«Тарасъ Бульба»*).—«Взялъ въ руку фитиль, чтобы выпалить изъ величайшей пушки, какой никто изъ козаковъ не видалъ дотолѣ». «И какъ грянула она, а за нею слѣдомъ три другія, четырекратно потрясши глухо-отвѣтную землю,—много нанесли онѣ горя».

Капитанъ-Исправникъ (*«Мертвыя Души»*),—пріѣхавшій къ Ноздреву объявить сообщенное ему извѣщеніе, что тотъ находится подъ судомъ до времени рѣшенія по дѣлу. См. Максимовъ.

Капитанъ Копѣйкинъ (*«Мертвыя Души»*).—См. Копѣйкинъ, капитанъ.

Капитанъ, пѣхотный (*«Ревизоръ»*) — «сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ нибудь четверть часа посидѣлъ—и все обобралъ»—говоритъ Хлестаковъ.

Каролина Ивановна (*«Шинель»*).—Дама, «кажется, нѣмецкаго происхожденія», «Значительное лицо» чувствовало къ ней «совершенно пріятельскія отношенія», хотя эта «пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его».

Карпо (*«Майская ночь»*).—«Десятскій», «составляетъ команду сельскаго головы».

Карпъ, о. (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Карпъ и Поликарпъ—два священника деревни Плюшкина.

Карякинъ, Еремѣй (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. См. Волокита.

Касьянъ (*«Тарасъ Бульба»*).—Уп. л. Запорожецъ.

Касьянъ (*«Ив. Ѳед. Шпонька»*).—Слуга Шпоньки.

Катерина (*«Учитель»*).—«Бѣлокурая красавица». Въ нее влюбляются учитель Иванъ Осиповичъ и кухмистеръ Онисько. Катерина предпочла Онисько.—«Плутовка! самъ лукавый не хитрѣе этой дѣвки!» говоритъ Онисько.

Катерина (*«Страшная месть»*).—Молодая жена Бурульбаша, лицо—бѣлое, брови—черны, «какъ нѣмецкій бархатъ». По словамъ мужа, К. «такъ дѣлаетъ галушки, что и гетману рѣдко достается ѣсть такія». Вѣритъ въ нечистаго духа; все ей мерещатся во снѣ колдуны.—«Слушай, панъ Данила»—говоритъ она мужу, когда тотъ собирается уйти въ горы. «Замкни меня въ комнатѣ, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а козаки пусть лягутъ передъ дверями». — — Никогда не рѣшится на богопротивное дѣло.—«Если бъ ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу. Если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ». По словамъ отца, К. «кротка, не памятозлобна», но когда отецъ за колдовство былъ посаженъ въ глубокій подвалъ и долженъ былъ быть казненъ, К. освобождаетъ его, внимая его мольбамъ. «Я выпустила его,—сказала она, испугавшись и дико» осматривая стѣны.—Что я стану теперь отвѣчать мужу? Я пропала! Мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!—И, зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ колодникъ.—Но я спасла душу,—сказала она тихо,—я сдѣлала богоугодное дѣло. Но мужъ мой... Я въ первый разъ обманула его. О, какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду!» — — Когда мужъ умеръ, проситъ: «Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! Засыпьте мнѣ очи землею! Надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!» Послѣ смерти единственно оставшагося сына, К. лишается разсудка. «Не молится, бѣжитъ отъ людей, и съ утра до поздняго вечера бродитъ по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плечи; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, русалокъ, бѣгаетъ поздно съ ножомъ своимъ и ищетъ отца».

Катерина Александровна (*«Утро дѣловаго человѣка»*).—Жена Ивана Петровича.

Катерины мать (*«Страшная месть»*).—Была зарѣзана мужемъ.—«Какая была любовь въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловала въ уста, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу», вспоминаетъ ее Катерина.

Кенульфъ (*«Альфредъ»*).—«Сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Мидльсекса, славный воинъ» (по словамъ Туркила). «Машетъ алебардой» и кричитъ:—«Разступись, народъ!»

Квартальный (*«Носъ»*).—Человѣкъ «красивой» и даже «благородной наружности», съ широкими бакенбардами, «не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками», въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Стоя въ концѣ Исаакіевскаго моста, замѣчаетъ на мосту цирульника, Ивана Яковлевича, подзываетъ его къ себѣ кивкомъ пальца и допрашиваетъ, что тотъ «тамъ дѣлалъ»? Когда цирульникъ изъявляетъ готовность брить Кв. Н. два и три раза въ недѣлю «безъ всякаго прекословія», отвѣчаетъ:—«Нѣтъ, пріятель, это пустяки!»—меня три цирульника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка

разсказать, что ты тамъ дѣлалъ?» Тотъ же Кв. Н. предупредительно приноситъ «маіору» Ковалеву его носъ, причемъ считаетъ нужнымъ замѣтить:—«Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то-есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды, очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ...»

Квартальный (*«Портретъ»).*—См. Варухъ Кузьмичъ.

Квартальный (*«Ревизоръ»).*—Городничій говоритъ ему: «Смотри ты! Ты! Я знаю тебя: ты тамъ кумаешься да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки,—смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ:—а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку! Смотри! Не по чину берешь!»

Кедовалла (*«Альфредъ»).*—Танъ, о немъ говоритъ Альфредъ:—«Какое черное невѣжество вѣетъ отъ К.», «душа зачерствѣла въ старой корѣ». К. вѣритъ, что за датчанами «стоитъ демонъ». «Я видѣлъ самъ», говоритъ К., «какъ его, т. е. демона, темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо».

Кизяколупенко (*«Ночь передъ Рождествомъ»).* — Парубокъ, разсказывавшій сельчанамъ, что онъ видѣлъ у Солохи сзади хвостъ и что «къ попадьѣ разъ прибѣжала свинья (преображенная Солоха), закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ...»

Киль (*«Альфредъ»).*—«Сынъ» Этельбальда, «рыжебородый» «молокососъ».

Кирдяга (*«Тарасъ Бульба»).*—Престарѣлый, но умный, хитрый, «глубоко опытный въ дѣлѣ козакъ». «Старый товарищъ Тараса; бывалъ съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же сухопутныхъ и морскихъ походахъ, дѣля суровости и труды боевой жизни». Выбранный кошевымъ, отказывался: «Гдѣ мнѣ быть достоину такой чести! Гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленью такой должности. Будто ужъ никого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ». Когда Тарасъ «совѣщался съ новымъ кошевымъ, какъ поднять запорожцевъ на какое нибудь дѣло», К. сначала сказалъ:—не можно клятвы преступить; никакъ не можно», а потомъ, помолчавши, прибавилъ: «—ничего, можно; клятвы мы не преступимъ, а такъ кое-что придумаемъ». «Пусть только соберется народъ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою,—вы ужъ знаете, какъ это сдѣлать,—а мы со старшинами тотчасъ и прибѣжимъ на площадь, будто бы ничего не знаемъ». Держа рѣчь предъ запорожцами, К. говорилъ, что «безъ войны не можно пробыть», но «не для того, чтобы нарушить миръ», не къ тому, «чтобы начать войну съ басурманами».—«Войны не можно начать: рыцарская честь не велитъ. А, по своему бѣдному разуму, вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ, пусть немного пошарпаютъ берега Натоліи. Какъ думаете, панове?»—«Веди, веди всѣхъ!» закричала со всѣхъ сторонъ толпа: «за вѣру мы готовы положить головы». Кошевой испугался; онъ ничуть не хотѣлъ подымать всего Запорожья: разорвать миръ ему казалось въ этомъ случаѣ дѣломъ неправымъ. «Позвольте, панове, еще одну рѣчь держать?»—«Довольно!» кричали запорожцы: «лучше не скажешь». «Когда такъ, то пусть будетъ такъ. Я слуга вашей воли. Ужъ дѣло извѣстное, и по писанью извѣстно, что гласъ народа—гласъ Божій. Ужъ умнѣе того нельзя выдумать, что весь народъ выдумалъ. Только вотъ что: вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы тѣмъ временемъ были бы наготовѣ, и силы у насъ были бы свѣжія, и никого-бъ не побоялись. А во время отлучки и татарва можетъ напасть: они, турецкія собаки, въ глаза не кинутся и къ хозяину на домъ не посмѣютъ придти, а сзади укусятъ за пяты, да и больно укусятъ. Да если ужъ пошло на то, чтобы говорить правду, у насъ и челновъ нѣтъ столько въ запасѣ, да и пороху не намолото въ такомъ количествѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ: я слуга вашей воли». Узнавъ, что ляхи гуляютъ по Украйнѣ, К. спрашиваетъ:—«Развѣ у васъ сабель не было что ли? Какъ же вы допустили такому беззаконію?»——«Осмотритесь, всѣ осмотритесь хорошенько!»—говорилъ К. предъ походомъ. «Исправьте возы и мазницы, испробуйте оружье. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шароваръ на козака, да по горшку саламаты и толченаго проса—больше чтобъ и не было ни у кого! Про запасъ будетъ въ возахъ все, что нужно. По парѣ коней чтобъ было у каждаго козака! Да паръ двѣсти взять воловъ, потому что на переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между васъ такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть—пошли тотъ же часъ драть китайку и дорогіе оксамиты себѣ на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите только одно оружье, коли попадется доброе, да червонцы, или серебро, потому что они емкаго свойства и пригодятся во всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку за шеяку повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій козакъ изо всего войска; какъ собака, будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безо всякаго погребенья на поклевъ птицамъ, потому что пьяница въ

походѣ недостоинъ христіанскаго погребенья. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля, или царапнетъ саблей по головѣ, или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороху въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте и все пройдетъ—не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнетъ рана. Ну-те же за дѣло, за дѣло, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дѣло!» За пьянство, учиненное козаками подъ Дубно, выговариваетъ: «Такъ вотъ что, панове братове, случилось въ эту ночь; вотъ до чего довелъ хмель! Вотъ какое поруганье оказалъ намъ непріятель! У васъ, видно, уже такое заведеніе: коли позволишь удвоить порцію, такъ вы готовы такъ натянуться, что врагъ Христова воинства не только сниметъ съ васъ шаровары, но въ самое лицо вамъ начихаетъ, такъ вы того не услышите». Въ отвѣтъ на защительную рѣчь Кукубенка прибавляетъ:—«Еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но бо́льшая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его, придало бы духу ему, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ. Я самъ хотѣлъ вамъ сказать потомъ утѣшительное слово, да Кукубенко догадался прежде».

Кириллъ *(«Мертвыя Души»)*.—См. Коровій Кириллъ.

Кириллъ, протопопъ *(«Мертвыя Души»)*.—См. Протопопъ Кириллъ.

Кирюшка *(«Мертвыя Души», II)*.—Слуга Хлобуева.

Кисса *(«Альфредъ»)*.—«Высокородный танъ».

Кифа Мокіевичъ *(«Мертвыя Души»)*.—Уп. л. «Отецъ семейства». Кифа Мокіевичъ человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: «Вотъ, напримѣръ, звѣрь», говорилъ онъ, ходя по комнатѣ: «звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!» —«Помилуй, батюшка баринъ, Кифа Мокіевичъ», говорила отцу и своя, и чужая дворня: «что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертѣнь!»—«Да, шаловливъ, шаловливъ», говорилъ обыкновенно на это отецъ: «да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздно, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости; а человѣкъ онъ честолюбивый; укори его при другомъ-третьемъ — онъ уймется, да вѣдь гласность-то—вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!» Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. «Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдалъ его!» И, показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ: «Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была,—пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать».

Князь *(«Мертвыя Души»)*.—Генералъ-губернаторъ. «Ни одного чиновника у меня нѣтъ хорошаго; всѣ мерзавцы!» говоритъ князь Муразову, «но какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и той же кровью», К. обращается къ тѣмъ изъ чиновниковъ, «кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей», приглашая «вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку». «Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался, долженъ возстать такъ противъ неправды». Неправду, безчестныя дѣла князь «намѣренъ» «слѣдить не формальнымъ слѣдованіемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное время, и надѣюсь, говорилъ онъ, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло». Военный судъ для него «единственное средство». Чичикову безъ суда и слѣдствія заявляетъ: «Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на-ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ

ждать разрѣщенія участи своей. И это мало еще, потому что хуже ты въ нѣсколько разъ, чѣмъ тѣ, что въ армякахъ и тулупахъ, а вѣдь ты...»

Князь («*Портретъ*»).—«Благороднѣйшій, лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйшій и лицомъ и рыцарскими великодушными порывами, высокій идеалъ романовъ и женщинъ. Грандисонъ во всѣхъ отношеніяхъ»; влюбился «страстно и безумно» въ свою будущую жену, но «родовыя вотчины князя уже ему не принадлежали, фамилія была въ опалѣ, и плохое положеніе дѣлъ его было извѣстно всѣмъ», родители невѣсты не соглашались на бракъ дочери съ Р. «Вдругъ князь оставляетъ на время столицу, будто бы съ тѣмъ, чтобы поправить свои дѣла и, спустя непродолжительное время, является, окруженный пышностью и блескомъ неимовѣрнымъ. Блистательные балы и праздники дѣлаютъ его извѣстнымъ двору. Отецъ красавицы становится благосклоннымъ, и въ городѣ разыгрывается интереснѣйшая свадьба. Откуда произошла такая перемѣна и неслыханное богатство жениха, этого не могъ навѣрно изъяснить никто; но поговаривали стороною, что онъ вошелъ въ какія-то условія съ непостижимымъ ростовщикомъ и сдѣлалъ у него заемъ». Въ одинъ годъ всего князь Р. страшно измѣнился. Сталъ ревнивъ, нетерпимъ и необыкновенно капризенъ. «Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей», прибѣгалъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, «даже побоямъ». Когда жена заговорила о разводѣ, кн. Р. «пришелъ въ бѣшенство» и бросился на нее съ ножомъ, но его удержали. Тогда, «въ порывѣ изступленія и отчаянія, онъ обратилъ ножъ на себя—и въ ужасныхъ мукахъ окончилъ жизнь».

Князь («*Римъ*»). — Молодящійся старикъ. «Непреклонно деспотическій» характеръ; «своего сына онъ воспитывалъ такъ, какъ въ обычаяхъ у доживающихъ вѣкъ свой римскихъ вельможъ». Впослѣдствіи, однако, старому князю пришла вдругъ въ голову идея перемѣнить старую методу воспитанья и дать сыну образованье европейское, что можно было отчасти приписать вліянію какой-то француженки». Засыпалъ въ кровати, подъ балдахиномъ съ кистями и гербомъ, и потомъ выходилъ въ шлафрокѣ и туфляхъ въ кабинетъ выпить стаканъ ослинаго молока, съ намѣреніемъ пополнѣть,—уборную, гдѣ онъ наряжался съ утонченнымъ стараніемъ старой кокетки и откуда отправлялся потомъ въ коляскѣ съ своими лакеями на гулянье въ виллу Боргезе лорнировать постоянно какую-то англичанку, пріѣзжавшую туда также прогуливаться...» «За двѣ недѣли до смерти «принялъ было твердое намѣреніе жениться»...

Князь Римскій (молодой) («*Римъ*»).—«Двадцати-пятилѣтній юноша, римскій князь, потомокъ фамиліи, составлявшей когда-то честь, гордость и безславіе среднихъ вѣковъ, нынѣ пустынно догорающій въ великолѣпномъ дворцѣ, исписанномъ фресками Гверчина и Караччей, съ потускнѣвшей картинною галлереей, съ полинявшими шторами, лазурными столами и посѣдѣвшимъ, какъ лунь, maestro di casa. «Черныя очи, метатели огней изъ-за перекинутаго черезъ плечо плаща,—носъ, очеркнутый античной линіей», слоновая бѣлизна лба и брошенный на него летучій шелковый локонъ». Появился въ Римѣ послѣ пятнадцати лѣтъ отсутствія, «гордымъ юношею». «Первоначальное дѣтство его протекло въ Римѣ; затѣмъ «былъ отправленъ въ Лукку, въ университетъ. Тамъ, во время шестилѣтняго его пребыванія, развернулась его живая италіянская природа, дремавшая подъ скучнымъ надзоромъ аббата. Въ юношѣ оказалась душа, жадная наслажденій избранныхъ, и наблюдательный умъ». Неожиданно получилъ отъ отца письмо, «въ которомъ предписано было ему ѣхать въ Парижъ, окончить ученье въ тамошнемъ университетѣ... Молодой князь прыгнулъ отъ радости, перецѣловалъ всѣхъ своихъ друзей...» Однако «Парижъ, скоро сдѣлался для него тягостною пустынею, и онъ невольно выбиралъ глухіе, отдаленные концы его. Только въ одну еще итальянскую оперу заходилъ онъ, тамъ только какъ будто отдыхала душа его, и звуки родного языка теперь выростали передъ нимъ во всемъ могуществѣ и полнотѣ. И стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ-то манящемъ свѣтѣ...» Вернувшись въ Римъ, «онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ, съ толпящимся новымъ населеніемъ. Ему нравилось это чудное ихъ сліяніе въ одно, эти признаки людской столицы и пустыни вмѣстѣ: дворецъ, колонны, травы, дикіе кусты, бѣгущіе по стѣнамъ, трепещущій рынокъ...» «Часто оставлялъ онъ городъ для того, чтобъ оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другія чудеса...» «И неужели», думалъ онъ, «не воскреснетъ никогда ея (Италіи) слава? Неужели нѣтъ средствъ возвратить минувшій блескъ ея?» «Въ порывѣ душевной жалости, готовъ онъ былъ даже лить слезы». Но, любуясь Римомъ, «онъ позабылъ и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ. Встрѣтивъ Аннунціату, князь предается размышленіямъ:—«Она римлянка: такая женщина могла только родиться въ Римѣ. Я долженъ непремѣнно ее увидѣть; я хочу ее видѣть не съ тѣмъ, чтобы любить ее,—нѣтъ, я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее, смотрѣть на ея очи, смотрѣть на руки, на ея пальцы, на блистающіе волосы». «Не цѣловать ее, хотѣлъ бы только глядѣть на

нее. И что же? вѣдь это такъ должно быть, это въ законѣ природы; она не имѣетъ права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того въ міръ, чтобы всякій ее увидалъ, чтобы идею о ней сохранялъ вѣчно въ своемъ сердцѣ...»—Послѣ смерти отца «онъ распустилъ тотъ-же часъ всю эту сволочь, всѣхъ егерей и охотниковъ... уничтожилъ почти вовсе конюшню, продалъ никогда не употреблявшихся лошадей; призвалъ адвокатовъ и распорядился съ своими тяжбами, по крайней мѣрѣ, такъ, что изъ четырехъ составилъ двѣ, бросивъ остальныя, какъ вовсе безполезныя; рѣшился ограничить себя во всемъ и вести жизнь со всею строгостью экономіи. Это было ему не трудно сдѣлать, потому что уже заблаговременно онъ привыкъ ограничивать себя. Ему не трудно было также отказаться отъ всякаго сообщества съ своимъ сословіемъ, которое, впрочемъ, все состояло изъ двухъ-трехъ доживавшихъ фамилій...»

Ковалевъ, Платонъ Кузьмичъ («*Носъ*»).—«Кавказскій коллежскій асессоръ», т. е. чинъ коллеж. асс. К. получилъ «не съ помощью ученыхъ аттестовъ», а былъ однимъ изъ тѣхъ коллежскихъ асессоровъ, «которые дѣлались на Кавказѣ», куда К. «былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствія». Въ чинѣ коллежскаго асессора К. состоялъ «только еще» два года, а потому «ни на минуту не могъ его позабыть, а чтобы еще болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ никогда не называлъ себя просто коллежскимъ асессоромъ, но всегда маіоромъ». Точно также своего знакомаго надворнаго совѣтника К. называлъ «подполковникомъ», особенно, при постороннихъ.—«Послушай, голубушка», говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки: «ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя по Садовой; спроси только: здѣсь живетъ маіоръ Ковалевъ?—тебѣ всякій покажетъ». «Если же встрѣчалъ какую нибудь смазливенькую, то прибавлялъ: «Ты спроси, душенька, квартиру маіора Ковалева». «Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать». Чинъ обязывалъ его сидѣть въ театрѣ непремѣнно въ креслахъ. Гордился своимъ знакомствомъ со статской совѣтницей Чехтаревой. «Пріѣхалъ въ Петербургъ» «по надобности, а именно—искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вице-губернаторскаго, а не то—экзекуторскаго въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ». «Былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капиталу». «Воротничокъ его манишки былъ чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ». Бакенбарды его шли по самой срединѣ «полныхъ и румяныхъ» щекъ и доходили «прямехонько до носа». Носилъ на золотой цѣпочкѣ «множество печатокъ сердоликовыхъ—и съ гербами, и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: среда, четвергъ, понедѣльникъ и проч...» За дочерью Подточиной К. ухаживаетъ, но «такъ, просто... par amour», когда же мать заговорила о свадьбѣ, съ своими комплиментами «отчалилъ».

Князь («*Театральный разъѣздъ*»).—На вопросъ, что́, какъ пьеса, отвѣчаетъ: «Да, смѣшна». «Почему же не представлять?»—На слова: «вдругъ на сценѣ плутъ—вѣдь это все наши раны», «наши, такъ сказать, общественныя раны»—отвѣчаетъ: «Возьми ихъ себѣ! Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны!»

Козакъ («*Вій*»).—Козакъ, старается всѣхъ примирить и успокоить. «Полно, полно!..»—говоритъ онъ,—«это не наше дѣло; Богъ съ нимъ! Нечего объ этомъ толковать»...

Козолупъ («*Тарасъ Бульба*»).—Запорожецъ. Уп. л.

Колесо, Иванъ («*Мертвыя Души*»).—См. Иванъ Колесо.

Копѣйкинъ, капитанъ («*Мертвыя Души*»),—стр. 31.

Колдунъ («*Страшная месть*»).—Козакъ, отецъ Катерины, «угрюмый, суровый» «колдунъ»; борода давно посѣдѣла, лицо въ морщинахъ»; жилъ на Заднѣпровьѣ. «Двадцать одинъ годъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда та уже вышла замужъ и родила сына», суровый, «пріѣхавъ къ Катеринѣ, не хочетъ выпить за козацкую волю, внука не покачалъ на рукахъ... — «Сидитъ у меня на шеѣ», жалуется на него Бурульбашъ женѣ: «много онъ вѣрно грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ, живетъ около мѣсяца и хоть бы разъ развеселился, какъ добрый козакъ, и въ Господа Христа не вѣруетъ и не такъ онъ дѣлаетъ, какъ православный». Бурульбашъ называетъ его турецкимъ игуменомъ и антихристомъ. Когда Горобець на свадьбѣ поднялъ «на колдуна» «иконы», «вдругъ все лицо К. перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ—запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ головы поднялся горбъ, и сталъ козакъ—старикъ». Любилъ до безумія свою дочь, ревновалъ ее къ зятю Бурульбашу и требовалъ отъ Катерины взаимности. За отказъ Катерины онъ отмстилъ: убилъ мужа, сына и затѣмъ Катерину.

Comme il faut, первый («*Театральный разъѣздъ*»).—«Плотнаго свойства». Выходя послѣ представленія новой комедіи, говоритъ: «Хорошо, если бы полиція не далеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?» «Недурна, но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ: вчера намъ подалъ свѣжій зеленый горохъ (цѣлуетъ концы пальцевъ)—прелесть!»

Comme il faut, второй *(«Театральный разъѣздъ»)*.—«Плотнаго свойства».

Коржъ *(«Вечеръ накануне Ивана Купала»)*.—Козакъ. Увидѣвъ, какъ его дочка цѣлуется съ бѣднымъ работникомъ, К. «одеревенѣлъ», «разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери». Очнувшись, «хотѣлъ было покропить» нагайкой «спинку бѣднаго Петра», но, раздумавъ, далъ ему только «легонькой рукою стусана въ затылокъ, такъ что Петруся, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ». Увидавъ потомъ у Петра деньги, К. «разнѣжился»: «сякой, такой Петрусь, немазаный! Да я ли не любилъ его? Да не былъ ли онъ у меня, какъ сынъ родной?»

Коржъ, Ѳедоръ *(«Тарасъ Бульба»)*.—Уп. л. Запорожецъ.

Коробкина *(«Ревизоръ»)*.—Жена Кор. Поздравляетъ жену городничаго: «Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію. Вы не можете себѣ представить». Сейчасъ же послѣ этого, когда городничій чихнулъ, высказываетъ пожеланіе «чортъ тебя побери!»—«Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ», говоритъ К., послѣ того, какъ жена гор. отозвалась о ней и ея мужѣ, какъ о мелюзгѣ. Послѣ чтенія письма К. восклицаетъ: «Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія». На лицѣ ея «ядовитая усмѣшка».

Коробкинъ, Степанъ Ивановичъ *(«Ревизоръ»)*.—«Отставной чиновникъ, почетное лицо въ городѣ». «Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость?»—спрашиваетъ онъ у городничаго о Хлест.—Проситъ городн.: «Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ». Читаетъ въ письмѣ: «судья—въ сильнѣйшей степени моветонъ (останавливается). Должно быть французское слово».

Коробочка, Настасья Петровна *(«Мертвыя Души»)*,—стр. 32.

Коровій Кирпичъ *(«Мертвыя Души»)*.—Уп. л. См. Иванъ Колесо.

Костанжогло, Константинъ Ѳедоровичъ *(«Мертвыя Души», II)*,—стр. 33.

Костанжогло *(«Мертвыя Души»)*.—Жена К. Ѳ., сестра Платонова. «Бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо русскимъ выраженіемъ». «Красавица», но такая же «полусонная», какъ братъ. «Кажется, будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся, или оттого, что всепоглащающая дѣятельность (мужа) ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философскому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то въ половину, на жизнь глядятъ въ полглазъ и, видя возмутительныя тревоги и борьбы, говорятъ: «Пусть ихъ, дураки бѣсятся! Имъ же хуже!»

Кочкаревъ Илья Ѳомичъ *(«Женитьба»)*,—стр. 35.

Кошкаревъ *(«Мертвыя Души»)*,—стр. 36.

Красавица *(«Невскій проспектъ»)*.—Одна изъ «этихъ жалкихъ созданій». По опредѣленію Пискарева, «совершенно Перуджинова Біанка»... «Она была свѣжа; ей было только 17 лѣтъ; видно было, что еще недавно наступилъ ее ужасный развратъ; онъ еще не смѣлъ коснуться къ ея щекамъ, они были свѣжи и легко оттѣнены тонкимъ румянцемъ». «Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агатъ, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и горсть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки»... «Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грезъ». «На этомъ прекрасномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обворожителенъ», но, когда она «значительно улыбнулась» Пискареву, «эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она такъ была странна и такъ шла къ ея лицу, какъ идетъ выраженіе набожности рожѣ взяточника или бухгалтерская книга поэту». Когда она начинала говорить, то «все это было такъ глупо, такъ пошло»...—«Меня привезли въ семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна»,—говоритъ она съ улыбкой Пискареву». На предложеніе выйти замужъ и трудиться вмѣстѣ, Кр. отвѣчаетъ «съ выраженіемъ какого-то презрѣнія»: «Какъ можно! Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою». «Въ этихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь,—жизнь, исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата». Встрѣча съ ней погубила Пискарева.

Кругель *(«Игроки»)*.—Пріятель Швохнева. Игрокъ. «Что я за нѣмецъ?» Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки, говоритъ К. По его мнѣнію, «человѣкъ принадлежитъ обществу, но «принадлежитъ не весь». «Излишество вредитъ», говоритъ К., но «отъ невинныхъ удовольствій» онъ «никогда не прочь».

Крыницынъ, Иванъ Климычъ *(«Игроки»)*.—Старикъ изъ компаніи Швохнева. Называетъ себя Михаиломъ Александровичемъ Гловомъ, помѣщикомъ заложившимъ имѣніе въ двухъ стахъ тысячахъ. Смотря на игру Швохнева съ Кругелемъ проситъ послушать старика, ибо «все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ. а смотришь, маленькая игра какъ разъ кончилась большой. Отъ всякой игры отказывается и, уѣзжая, оставляетъ игрокамъ «своего Сашу» (см. Гловъ), который долженъ получить изъ приказа деньги.

Крѣпостной Кошкарева *(«Мертвыя Души», II)*.—Уп. л.

Ксендзъ *(«Страшная месть»)*.—«Съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа; пьетъ и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи».

Кубышевъ, Иванъ Михайловичъ *(«Игроки»)*.—Помѣщикъ Тетюшевскаго уѣзда «почтенныхъ лѣтъ». Уп. л. По разсказу Швохнева: сынъ И. М. мальчикъ «чудо».

Въ одиннадцать лѣтъ передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ; по отзыву отца, «хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо». Когда «началъ метать», Швохневъ «просто потерялся». «Это превосходитъ, говоритъ Швохневъ, «всякое описаніе». «Феноменъ! Феноменъ!» по словамъ Утѣшительнаго.

Кувшинниковъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. По словамъ Ноздрева, «волокита и бестія». «Простыхъ бабъ не пропуститъ». Это онъ называлъ, «попользоваться насчетъ клубнички».

Кувшинное рыло (*«Мертвыя Души»*).—См. Иванъ Антоновичъ.

Кудредъ (*«Альфредъ»*).—«Сынъ Эгвиковъ». «Вольный» «сеорлъ». «Пріятель Брифрика». «Честный человѣкъ», по словамъ Эгберта. «Короля видѣть пришелъ». «И больше чѣмъ видѣть», принесъ «жалобу прямо самому королю» «на королевскаго тана Этельбальда». К. говоритъ: «обѣщался ему, если надобность, первому явиться въ его войска и лошадь привести свою и все вооруженіе мое... А онъ, мошенникъ, какъ только датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои ряды. За что я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ благородныхъ, возить фашинникъ?» «Я, если бы только захотѣлъ, прикупилъ еще два hydes земли да выстроилъ церковь и домъ,—я бы самъ былъ таномъ. Никто, по законамъ англосаксскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?» «Подлецы! всѣ держутъ его сторону». «Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немного тановъ».

Куку, m-r (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. I, 8.

Кукубенко (*«Тарасъ Бульба»*).—Незамайковскій куренной атаманъ, молодой храбрецъ. Среди боя, «припустивъ коня, налетѣлъ прямо въ тылъ врагу и сильно вскрикнулъ, такъ что вздрогнули всѣ близъ стоявшіе отъ нечеловѣческаго крика». Палъ, благодаря Бога, что «довелось умереть при глазахъ» товарищей. Всѣхъ опечалила его смерть.

Купердягина, Агафья Тихоновна (*«Женитьба»*).—См. Агафья Тихоновна Купердягина.

Купердягинъ, Тихонъ Пантелеймоновичъ (*«Женитьба»*).—Уп. л. Покойный отецъ Агафьи Тихоновны. По словамъ Арины Пантелеймоновны: «Бывало, какъ ударитъ всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: «Плевать я», говоритъ, «на того, который стыдится быть купцомъ; да не выдамъ же», говоритъ, «дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына», говоритъ, «не отдамъ на службу. Что», говоритъ, «развѣ купецъ не служитъ государю такъ же, какъ и всякій другой?» Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то въ ведро величиною—такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе».

Купецъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л.

Купецъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Голосъ купца»: «Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякія-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется. А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится».

Купецъ (*«Мертвыя Души» II*).—По его словамъ, «купецъ есть негоціантъ, а не то, что купецъ. Тутъ съ этимъ соединено и буджетъ, и реакцыя, а иначе выйдетъ павпуризмъ».

Купецъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Съ дамой подъ-руку». На слова офицера: «Развѣ не видишь—дама?»—отвѣчаетъ: «У самихъ, батюшка, дама».

Купцы (*«Ревизоръ»*).—Ихъ такъ характеризуетъ городничій: «Начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ!—Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь? (Далѣе см. «Антонъ Ант.»). Послѣ выговора городничаго говорятъ: «И закаемся впередъ жаловаться! Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только».

Курочка, Степанъ Ивановичъ (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»*).—Отъ лица К. ведется разсказъ. «Человѣкъ добрый». «Ведетъ жизнь холостую», его всегда можно «встрѣтить на базарѣ, гдѣ бываетъ онъ каждое утро до девяти часовъ». Ни у кого нѣтъ, кромѣ него, панталонъ изъ цвѣтной выбойки и китайчатаго желтаго сюртука». «Когда ходитъ онъ, то всегда размахиваетъ руками». «Денисъ Петровичъ всегда, увидѣвши его издали, говорилъ:—«глядите, вотъ идетъ вѣтряная мельница».

Кучеръ-прокурора (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л.

Кучеръ (*«Мертвыя Души»*).—Родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова: «Маленькій горбунокъ», «занимавшій почти всѣ должности въ домѣ».

Кучеръ (*«Старосвѣтскіе помѣщики»*).—«Вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лежбикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки, и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся спать».

Л

Лаврентій (*«Лакейская»)*—«Брюхачъ-дворецкій». Убѣжденъ, что «въ томъ-то есть поведенье, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ слуга; дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій зачалъ... Я бы сейчасъ сказалъ: «Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи». Да вѣдь за то мнѣ всякій бы сказалъ: «Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ»—«вотъ что! «Твоя обязанность смотрѣть за домомъ, за поведеньемъ слугъ»—вотъ что! «Тебѣ не то, что бонъ журъ, команъ ву франсе, а веди порядокъ, распоряженье»—«вотъ что. Да». По словамъ Аннушки, очень хорошо говоритъ. «Оно конечно, замѣчаетъ самъ Л., не всякій человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то-есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что впрочемъ уже происходитъ отъ натуры». Выражается мягко; распекая Григорія за лѣнь, говоритъ:—«вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павлычъ!» На слова Аннушки, что кучера всѣ необразованные, невѣжи, возражаетъ, что и «кучера-кучерамъ рознь». «Оно, конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію, больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человѣкъ простой, выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкуритъ обыкновеннаго бакуну, какой большею частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой,—конечно, все это такъ; да, однако-жъ», «есть и такіе кучера, которые, хотя и кучера, однако-жъ, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выразиться, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился форейторъ или кучеръ». Ходитъ Л. «съ сильными движеніями и размахами рукъ».

Лакей (*«Отрывокъ»)*.—Лакей въ домѣ Марьи Александровны.

Лакей (*«Утро дѣловаго человѣка»)*.—Слуга Ив. Пет.

Лакей (*«Носъ»)*.—«Лакей съ галунами и съ довольно чистою наружностью, показывавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ»; «почелъ приличнымъ показать свою общежительность»:—«Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоитъ восьми гривенъ, т. е. я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любитъ, ей-Богу, любитъ,—и вотъ, тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалѣй пяти сотъ, тысячу дай, но за то ужъ чтобъ была собака хорошая».

Лидина (*«Записки Сумасшедшаго»)*.—«Воображаетъ что у нея голубые глаза между тѣмъ какъ они зеленые».

Лизанька (*«Мертвыя Души»)*.—См. Манилова, Л.

Лизанька (*«Ревизоръ»)*.—См. Добчинская, Л.

Lise (*«Портретъ»)*. — «Молоденькая восемнадцатилѣтняя молчаливая дѣвица», дочь великосвѣтской дамы. Знатокъ человѣческой природы на ея блѣдномъ лицѣ прочелъ бы «начало ребяческой страсти къ баламъ, начало тоски и жалобъ на длинноту времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ новомъ платьѣ на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилежанія къ разнымъ искусствамъ, внушаемаго матерью для возвышенія души и чувствъ». Но глазъ художника видѣлъ въ лицѣ L. «одну только заманчивую для кисти, почти фарфоровую прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана». Чартковъ изобразилъ ее въ видѣ Психеи.

Левко (*«Страшная месть»)*.—См. Сторченко.

Левченко (*«Ночь передъ Рождествомъ»)*.—Хромой; женатъ «на молодой женѣ».

Литераторъ (*«Театральный разъѣздъ»)*.—Помилуйте, говоритъ онъ: «неизвѣстно какому человѣку».—Что-жъ тутъ остроумнаго? Что за низкій народъ выведенъ, что за тонъ? Шутки самыя плоскія; просто даже сально». «Да и не смѣшно. Помилуйте, что-жъ тутъ смѣшного и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. Все несообразности, ни дѣйствія, ни соображенія никакого». «Ну что за разговорный языкъ, кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?» Послѣдній аргументъ заставляетъ «неизвѣстно какого человѣка» сдаться.

Литераторъ, еще (*«Театральный разъѣздъ»)*.—Говоритъ, «размахивая руками»: «повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная пьеса! Грязная, грязная пьеса! Нѣтъ ни одного лица истиннаго,—все карикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого, повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю; я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе... да вѣдь это все вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а пьеса, просто, недостойна даже быть комедіей. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный». «Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два». «У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ напримѣръ и Пушкинъ. Отчего вся Россія те-

перь говоритъ о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать».

Луиза (*«Ганцъ Кюхельгартенъ»*).—Дочь «Вильгельма Бауха»; «Подруга съ дѣтскихъ дней» и невѣста Ганца. «Ангелъ свѣтлый, блистала прелестью рѣчей; сквозь кольца русыя кудрей, лукавый взглядъ жегъ непримѣтно». Все простодушно въ ней, все живо, все дѣтски въ ней краснорѣчиво» Танцуя съ Ганцемъ, «Л. ни дохнуть ни посмотрѣть во кругъ не можетъ: вся въ движеньи потерялась». «О, какъ она любила!» «съ какимъ восторгомъ чувствъ живымъ простыя рѣчи говорила!» «Таинственная грусть Ганца терзаетъ Л.»; на предложеніе отца: пожурить его «порядкомъ», Л. говоритъ: «И безъ того онъ боленъ, блѣденъ, худъ». «Чтобъ не замѣтилъ онъ въ ея лицѣ тоски докучливой, чтобъ не прочелъ въ ея глазахъ онъ ѣдкаго упрека». «Всѣмъ сердцемъ предана Ганцу»: «О, какъ меня твой грустный видъ тревожитъ! О, какъ меня печаль твоя печалитъ!» Луиза несетъ свою печаль дѣду: «вы, дѣдушка, вы можете помочь одни неслыханному горю: мой Ганцъ страхъ боленъ; день и ночь все ходитъ къ сумрачному морю»... «Быть можетъ онъ меня не любитъ.—Мнѣ это—въ сердце ножъ стальной». Узнавъ, что Ганцъ ужъ больше не придетъ, Л. вдругъ упала на колѣни»; «ее кручина давитъ, жжетъ, гробовый холодъ въ ней течетъ». «И жизни радость претворилъ въ тоску ей, въ адское мученье, въ гнѣздо разоренныхъ могилъ».

Лука Лукичъ Хлоповъ (*«Ревизоръ»*).—См. Хлоповъ, Лука Лукичъ.

Лукьянъ Федосѣевичъ (*«Утро дѣлового человѣка»*).—Партнеръ Ив. Петр. По словамъ Ал. Ив., «нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума». «Тонокъ въ обращеніи» и «большихъ свѣдѣній». «Л. Ф. человѣкъ, какихъ у насъ мало на Руси», отзывается о немъ Ив. Петр. Но «дурно играетъ въ карты».

Любитель искусствъ (*«Портретъ»*).—Одинъ изъ тѣхъ «богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами». Такихъ меценатовъ «уже нѣтъ, и нашъ XIX-й вѣкъ давно уже пріобрѣлъ скучную физіономію банкира, наслаждающагося своими милліонами только въ видѣ цифръ, выставляемыхъ на бумагѣ».

Любитель искусствъ, первый (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное дѣло, что такія слова большею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостиныхъ и допускаются только въ переднія... Я говорю насчетъ того, что въ пьесѣ, точно, нѣтъ завязки».—«Всѣ не могутъ же быть героями (въ пьесѣ); одинъ или два должны управлять другими».

Любитель искусствъ, второй (*«Театральный разъѣздъ»*).—Говоритъ о завязкѣ пьесы: «Вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей», «обыкновенно принимаютъ ее» «въ смыслѣ любовной интриги. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку». «Конечно это завязка, но какая завязка?—Точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два,—коснуться того, что волнуетъ болѣе или менѣе всѣхъ дѣйствующихъ».—Относительно развязки, на замѣчаніе, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ правительства: «безъ него у насъ не развязывается ни одна комедія»—отвѣчаетъ: «стало быть, это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть, это уже составляетъ какой-то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключена какая-то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? Тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призваніе свое—быть представителемъ Провидѣнія на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія». О «герояхъ» комедіи: «тутъ всякій герой: теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины. Ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло... И въ машинѣ одни замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными: но правитъ пьесою идея, мысль; безъ нея нѣтъ въ ней единства». «Герои должны «не управлять, а развѣ преобладать». О смыслѣ комедіи: «Уже въ самомъ началѣ комедія была народнымъ созданіемъ... Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку». Любовь можетъ входить въ комедію. «Но только и любовь, и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо долженъ пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону комедіи, поблѣднѣетъ и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезнетъ».—Стало быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое?—«Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ послужить той же цѣли? Развѣ всѣ до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? ...въ рукахъ таланта все можетъ служитъ орудіемъ къ прекрасному, если только нра-

вится высокой мыслью служить прекрасному». Когда рѣчь зашла о толкахъ «о правительствѣ», возбужденныхъ комедіей, говоритъ: «поговоримте лучше объ этихъ толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ».

Любитель искусствъ, третій (*«Театральный разъѣздъ»).*—Отстаиваетъ мысль что предметомъ комедіи можетъ быть и «высокое»—«любовь и другія чувства».—Относительно того, что «безъ правительства у насъ не развяжется ни одна комедія, говоритъ: «это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей».

Любитель искусствъ, четвертый (*«Театральный разъѣздъ»).*—Находитъ, что въ комедіи «виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшного, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей пьесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни развязки, ни завязки». «Странно, что наши комики не могутъ обойтись безъ правительства. Безъ него у насъ не развяжется ни одна комедія». «И пусть эта связь (между ними и правительствомъ) будетъ слышна; но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ правительства. Оно непремѣнно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ».

Люлюковъ, Ѳедоръ Андреевичъ (*«Ревизоръ»).*—«Отставной чиновникъ, почетное лицо въ городѣ», «подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства».

Лѣницынъ, Ѳедоръ Федоровичъ (*«Мертвыя Души»*, II).—Начальникъ отдѣленія. Тѣнтѣтникову «показалось, что Л. въ разговорахъ съ высшими весь превращался въ какой-то приторный сахаръ, и—въ уксусъ, когда обращался къ нему подчиненный; что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ».

Ляпкина-Тяпкина (*«Ревизоръ»).*—Жена Л.-Т. (уп.) III д., явл. 3.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, Аммосъ Федоровичъ (*«Ревизоръ»*),—стр. 36.

Ляхъ (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—«Обшитый золотомъ, съ усами, съ саблею, со шпорами, съ карманами, бренчавшими какъ звонокъ отъ мѣшечка, съ которымъ понамарь нашъ, Тарасъ, отправляется каждый день по церкви»; ходилъ къ Коржу свататься за дочку.

М

Мавра (*«Записки Сумасшедшаго»).*—Служанка Поприщина; чухонка. По словамъ Поприщина, «глупая» и «всегда некстати чистоплотная». Когда Поприщинъ «объявилъ», «что передъ нею» стоитъ «испанскій король», М. «всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха».

Мавра (*«Мертвыя Души»).*—Дворовая, неграмотная. На зовъ Плюшкина явилась съ тарелкой, гдѣ лежалъ сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна. Плюшкинъ обвинилъ М. въ томъ, что она «подтибрила» бумагу и снесла понамаренку. На угрозы Плюшкина «страшнымъ судомъ», гдѣ черти припекутъ ее рогатками, отвѣчаетъ:—«Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ». По характеристикѣ Плюшкина, баба «занозистая».—«Ей скажи одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ».

Maestro di casa (*«Римъ»).*—Дряхлый и болтливый старикъ—слуга молодого князя.

Маіоръ Ковалевъ (*«Носъ»).*—См. Ковалевъ, Платонъ Кузьмичъ.

Макаръ Назаровичъ Лохвицкій (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—Панычъ въ гороховомъ кафтанѣ. «Одинъ изъ тѣхъ господъ», которыхъ «простымъ людямъ мудрено и назвать»: «писаки они—не писаки, а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ: нахватаютъ, напросятъ, накрадутъ всякой всячины, да и выпускаютъ книжечки, не толще букваря, каждый мѣсяцъ или недѣлю».

Макдональдъ Карловичъ (*«Мертвыя Души»).*—Послѣ того какъ «городъ былъ рѣшительно взбунтованъ» дамами, показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и М. К., о которыхъ и не слышно было никогда».

Макогоненко, Евтухъ (*«Майская ночь»).*—Сельскій голова. «Въ мірской сходкѣ, или громадѣ, несмотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу или копать рвы. Угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ онъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать

соколиный взглядъ исподлобья. И съ той поры голова, объ чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ царской кареты». «Любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо, если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать». «Терпѣть не можетъ щегольства: носитъ всегда свитку чернаго домашняго сукна; перепоясывается шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій козацкій жупанъ. Но это время врядъ ли кто могъ запомнить изъ цѣлаго села; а жупанъ держитъ онъ въ сундукѣ подъ замкомъ». «Вдовъ и кривъ, но зато одинокій глазъ его—злодѣй, и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку». «—Я знаю твой умыселъ», кричитъ на Г. свояченица: «Ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дѣвчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится сѣдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О, я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей безтолковой башкѣ». По словамъ Левко, «будто гетманъ какой. Мало того что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дѣвчатамъ». На слова винокура, что нѣмцы вздумали курить не дровами, а «какимъ-то чертовскимъ паромъ», отвѣчаетъ:—Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!— —Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слыханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было кипятить что. Поэтому, ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губъ, вмѣсто молодого поросенка...—«Пусть знаетъ, что значитъ власть! отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя?» Когда пришелъ приказъ отъ комиссара не препятствовать женитьбѣ сына Левко на Ганнѣ, Г. покоряется...—«Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть комиссаръ увидитъ, что значитъ исправность!», говоритъ Г., хотя самъ любитъ Ганну.

Макогоненко, Левко (*«Майская ночь»).*—«Чернобровый козакъ» съ карими глазами, «сынъ сельскаго головы». Отецъ называетъ его «малокососомъ». Любитъ безумно Ганну, въ лицѣ отца имѣетъ соперника.—«Вотъ тебѣ слово козацкое, что уломаю его». «Постой же, старый хрѣнъ», ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ; будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ!—Гей, хлопцы, сюда, сюда!—кричалъ Л., махая рукой парубкамъ, которые снова собирались въ кучу:—Ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ итти спать, но теперь раздумалъ и готовъ хоть цѣлую ночь самъ гулять съ вами. И «въ черномъ вывороченномъ тулупѣ» Л. начинаетъ проказничать и угощать отца отборными «словами».

Макогоненко-свояченица (*«Майская ночь»).*—У головы завѣдываетъ всѣмъ домомъ. «На селѣ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница»; къ этому подало поводъ то, что свояченицѣ всегда не нравилось, если голова заходитъ въ поле, усѣянное жницами, или къ козаку, у котораго была молодая дочка. Когда «С., по ошибкѣ заперли въ хатѣ и «заколотили ставнемъ», она съ неистовствомъ кидается къ головѣ, понося его:—Ты не свихнулся еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозгу, когда толкнулъ ты меня въ темную комору? Счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ толкали черти!..»

Максимовъ (*«Мертвыя Души»).*—Уп. л. Помѣщикъ, которому Ноздревъ въ пьяномъ видѣ нанесъ «личную обиду» розгами.

Максимъ (*«Заколдованное мѣсто»).*—«Дѣдъ», имѣетъ свой баштанъ, возитъ въ Крымъ свой табакъ для продажи. Его «всякій уже знаетъ». «Но дѣду болѣе всего было любо то, что чумаковъ каждый день возовъ пьтдесятъ проѣдетъ. Гостей угощаетъ дынями изъ собственнаго огорода, любитъ иногда «прихвастнуть передъ чумаками».—«Развѣ такъ танцуютъ?» возгордился дѣдъ, когда Остапъ и Ѳома пустились плясать козачка.—«Вотъ какъ танцуютъ»,—сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки, ударивъ каблуками, и пошелъ хрѣнъ вывертыватъ ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только что дошелъ, однакожъ, до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку,—не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошелъ до середины,—не беретъ. Что хошь дѣлай,—не беретъ, да и не беретъ. Ноги, какъ деревянныя, стали!—Вишь, дьявольское мѣсто! вишь, сатанинское навожденіе! Впутается же Иродъ, врагъ рода человѣческаго!» «Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины,—нѣтъ, не вытанцовывается, да и полно!—А, шельмовскій сатана! чтобъ ты подавился гнилою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! Вотъ на старость надѣлалъ стыда какого!..»—«Не спрашивай, Остапъ! не то посѣдѣешь», говоритъ онъ, когда Остапъ спросилъ его о чертяхъ. «Приголубливалъ чорта такими словами, какихъ дьячокъ отъ роду не слыхивалъ». «А на другой день сталъ пугать меньшого брата, что обмѣняетъ его на куръ вмѣсто арбуза». Какъ-то разъ М. почудилось, будто «въ сторонѣ отъ

дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка. Сталъ дѣдъ и руками подперся въ боки и глядитъ: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая.— Кладъ!—закричалъ дѣдъ.—Я ставлю, Богъ знаетъ что, если не кладъ.—И уже поплевалъ было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа, ни лопаты». На другой день съ лопатой и заступомъ Д. М. вновь отправился на «заколдованное мѣсто» и вырылъ котелъ. «Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вамъ принесъ:—сказалъ дѣдъ и открылъ котелъ». Что жъ бы, вы думали, такое тамъ было? Ну, по малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? Вотъ то-то, что не золото: соръ, дрязгъ... стыдно сказать, что такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котелъ и руки послѣ того вымылъ». «И съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту».—«И не думайте,—говорилъ онъ часто намъ:— все, что ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! У него правды и на копѣйку нѣтъ!» «И, бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ неспокойно.—А, ну-те, ребята, давайте крестить!—закричитъ намъ.— Такъ его! такъ его! хорошенько!—и начнетъ класть кресты».

Мальчикъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—Камердинеръ Ив. Ник., «небольшого роста», «запутанный въ длинный и широкій сюртукъ». Единственный зритель «великолѣпнаго спектакля» (разыграннаго Ив. Ив. и Ив. Ник.) во время котораго М. стоялъ въ своемъ «жизнерадостномъ сюртукѣ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ».

Манилова, Лизанька (*«Мертвыя Души»*).—Была недурна, говорила нѣсколько картавя, получила хорошее воспитаніе въ пансіонѣ и «предметами низкими» (домомъ, дворней и хозяйствомъ) не интересовалась. Ко дню рожденія мужа приготовляла сюрпризы,—«какой нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку».

Маниловъ, Алкидъ (*«Мертвыя Души»*).—См. Алкидъ.

Маниловъ.—Стр. 37.

Маниловъ, Ѳемистоклюсъ.—См. Ѳемистоклюсъ.

Мардохай (*«Тарасъ Бульба»*).—«Тощій жидъ, покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою». «Въ бородѣ у М. было только пятнадцать волосковъ и то на лѣвой сторонѣ». «На лицѣ было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна». «Видъ его внушалъ нѣкоторое довѣріе». Въ разговорахъ М. «размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руки и вынималъ какія-то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны». Желая предупредить опасность, М. «наговорилъ Тарасу Б. такую дрянь, что тотъ ничего не понялъ». По словамъ Янкеля, М. мудръ, «какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то ужъ никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ».

Марья (*«Ревизоръ»*).—Дочь Земляники. Уп. л.

Марья Александровна (*«Отрывокъ»*).—Сынъ ея имѣетъ ужъ 30 лѣтъ, «толстенекъ»; ему «всего годъ осталось до коллежскаго ассесора». Но мать требуетъ, чтобы онъ поступилъ въ юнкера. «Я хочу чтобъ ты непремѣнно служилъ (въ военной службѣ): на это есть очень важная причина»: именно, Губомазова сказала у Рогожинскихъ, при Софи Вотрушковой и княгинѣ Александринѣ, «нарочно такъ, чтобъ я слышала»:—«Я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все—говоритъ—mauvais genre; чѣмъ-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, что мой Alexis не носитъ этого сквернаго фрака». Такъ «я хочу на-зло, чтобы мой сынъ служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ придворныхъ балахъ, «пусть себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣсится». «Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться предо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ». «Эта дура Губомазова...» — — М. А. заказываетъ передѣлать свою карету: «цвѣтъ чтобъ былъ голубой со свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой».—Собачкинъ насплетничалъ, будто М. А. «выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозчичьихъ хомутахъ» и т. п. «Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна: я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно одна вѣра въ Провидѣніе подкрѣпила меня», «какой гнусный, какой гнусный человѣкъ!» «какой ужасный человѣкъ! Я испугалась когда его узнала». Какъ разъ въ это время пріѣзжаетъ Собачкинъ. «Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было». Но С., не смущаясь пріемомъ, обѣщаетъ разсказать анекдотъ о Губомазовой, и М. А. мѣняетъ настроеніе: «Какъ, объ Губомазовой? (стараясь скрыть свое любопытство). Такъ это, вѣрно, недавно случилось?» «Ахъ Боже мой, какой срамъ!» «Куда жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши?»— —М. А. хочетъ заставить сына жениться на «княжнѣ Шлепохвостовой». Сынъ говоритъ, что княжна «дура первоклассная», что «жениться дѣло сердечное, нужно, чтобы душа...». М. А. возражаетъ:—«Послушай, перестань либеральничать. Другому еще это идетъ какъ-то, а тебѣ совсѣмъ нейдетъ». «Будто я не знаю, что ты либералъ! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ». Сынъ признается, что влюбленъ въ другую, дочь Одосимова. «Что онъ, богатый человѣкъ?» «Довольно, довольно!

Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ быть, Богъ знаетъ чѣмъ занимается». «И я должна все это слушать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни». «Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого: клянусь, не переживу этого... Ахъ! что это? у меня закружилась голова! (Вскрикиваетъ). Ахъ, въ боку колика! Машка, Машка, стклянку!.. я не знаю, проживу ли я до вечера! Жестокій сынъ!»— —Примирясь съ Собачкинымъ и выславъ сына изъ комнаты, М. А. проситъ у С. «большой услуги». «Нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею (дочерью Одосимова) въ связи... и чтобы это дошло до моего сына». «Нельзя ли какъ нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ нибудь этакъ, что называется, немножко замарать». Чтобы уговорить С., она льститъ: «вы, я знаю, нравитесь женщинамъ», «будто вы сами не знаете, что вы хороши» (а про себя думаетъ: «моська совершеннѣйшая»); наконецъ даетъ ему «взаймы»—двѣ тысячи.

Марья Антоновна Сквозникъ-Дмухановская (*«Ревизоръ»*),—стр. 40.

Марья Григорьевна (*«Ив. Ѳ. Шпонька»*).—См. Сторченко.

Машка (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Дѣвушка Софьи Ивановны.

Меланья (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Портниха.

Меринова, Евдокія Малафѣевна (*«Тяжба»*).—Уп. л. Тетка Бурдюковыхъ. Помѣщица семидесяти лѣтъ. По духовной оставила имѣніе племяннику Павлу, деревню въ сто душъ племянницѣ, а Хрисанфію, сыну Петрову Бурдюкову, на память о себѣ завѣщала «три стаметовыхъ юбки и всю рухлядь находящуюся въ амбарѣ, какъ-то пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы» и «всякое рванье». Вмѣсто подписи подъ завѣщаніемъ покойница, по увѣренію Хрисанфа, «нацарапала какую-то дрянь». «Ей нужно было написать Евдокія, а она написала «Обмокни»...

Мертвецъ (*«Шинель»*).—«По Петербургу у Калинкина и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенный шинели, и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не успѣли». «Мертвецъ» началъ показываться и грабить и за Калинкинымъ мостомъ ближе къ центру города, пока не сдернулъ шинель съ плечъ значительнаго лица, «съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ...»

Мижуевъ (*«Мертвыя Души»*).—Зять Ноздрева. Мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что называютъ, издержанный, съ рыжими усами, въ темносиней венгеркѣ. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный.

Микита (*«Вій»*).—Уп. л. «—Эхъ какой рѣдкій былъ человѣкъ! Собаку каждую онъ, бывало, такъ знаетъ какъ родного отца...» «Зайца увидитъ скорѣе, чѣмъ табакъ утрешь изъ носу. Бывало свистнетъ, «а ну, Разбой, а ну, Быстрая», а самъ на конѣ во всю прыть,—и уже разсказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свиснетъ вдругъ, какъ не бывало. Славный былъ псарь!» Началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вклепался ли онъ точно въ нее, или уже она сама такъ его околдовала, только пропалъ человѣкъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался чортъ знаетъ что, пфу! непристойно сказать...» «Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ, Разбоя зоветъ Бровкомъ, спотыкается и ни вѣсть что дѣлаетъ. Одинъ разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня.— «Дай», говоритъ, «Микитка, я положу на тебя свою ножку». А онъ, дурень, и радъ тому: говоритъ, что «не только ножку, но и сама садись на меня». Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и, схвативши обѣими руками ее нагія ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только воротился едва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка; и когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою. А такой былъ псарь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти».

Микита (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—Дегтярь, «ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія шутки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху».

Микитка (*«Страшная месть»*).—Разгульный молодой запорожецъ; пріѣхалъ на свадьбу сына есаула Горобца «прямо съ разгульной попойки, съ Перешляяполя, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ».

Микола (*«Вій»*).—«Псарь» сотника; «и въ подметки не годится», по словамъ Спирида, прежнему псарю Микитѣ, «хотя онъ тоже разумѣетъ свое дѣло, онъ противъ него (покойнаго Микиты)—дрянь, помои»...

Милушкинъ *(«Мертвыя Души»).*—Уп. л., бывшій крѣпостной Собакевича, мертвую душу котораго помѣщикъ запродалъ Чичикову за два съ полтиной. Былъ «кирпичникомъ» и могъ, по словамъ Собакевича. «поставить печи въ какомъ угодно домѣ».

Министръ *(«Театральный разъѣздъ»).*—См. Господинъ А.

Миняй *(Мертвыя Души»).*—Широкоплечій мужикъ съ черною какъ уголь бородою, и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка. Вмѣстѣ съ Митяемъ помогаетъ проѣзжимъ при столкновеніи брички Чичикова съ шестерикомъ. «Сѣлъ съ охотой на коренного», на мѣсто Миняя; коренной «чуть не пригнулся подъ нимъ до земли», потомъ посадилъ туда же вмѣстѣ съ собою Митяя.

Митяй *(«Мертвыя Души»).*—«Сухощавый и длинный, съ рыжей бородой», одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, которые собрались на дорогѣ посмотрѣть на столкновеніе брички Чичикова съ шестерикомъ съ дамами. Принялъ дѣятельное участіе въ помощи: «взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню, или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ». Ничего не подсобилъ и долженъ былъ уступить мѣсто Миняю. Въ концѣ концовъ былъ прогнанъ кучеромъ, потерявшимъ терпѣнье.

Михайло *(«Мертвыя Души», II).*—Слуга Тѣнтѣтникова. По цѣлымъ часамъ простаивалъ «съ рукомойникомъ и полотенцемъ» у дверей, въ ожиданіи, когда баринъ протретъ глаза.

Михаилъ Андреевичъ *(«Отрывокъ»).*—См. Миша.

Михалъ Михалычъ *(«Развязка Ревизора»).*—См. первый комическій актеръ.

Михѣевъ *(«Мертвыя Души»).*—Бывшій крѣпостной Собакевича. По словамъ помѣщика, «никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорныя. И не то какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ и лакомъ покроетъ». «Мертвую душу» М. Чичиковъ купилъ у Собакевича за два съ полтиной.

Миша *(«Отрывокъ»).*—«Тридцати лѣтъ». «Титулярный совѣтникъ», «всего годъ осталось до коллежскаго асессора».—«Толстенекъ немножко», «фигура совершенно не военная», «еще въ школѣ звали хомякомъ».—Говоритъ матери: «Когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ? Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать,—и я ѣду, не показывая даже и вида, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то—и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ—и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу: въ тридцать лѣтъ я иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ» (Мать пожелала видѣть сына военнымъ только въ пику Губомазовой: «пусть себѣ треснетъ отъ досады») «и при всемъ томъ—жалуется М.—вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ; клянусь вамъ, это больно!»—Наконецъ мать желаетъ женить его на княжнѣ Шлепохвостовой—«дурѣ первоклассной». Тутъ онъ рѣшается признаться ей: «Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ... Вы не спросили еще меня... ну, если я влюбленъ въ другую?»—О предметѣ своей любви, Одосимовой, онъ такого мнѣнія: «Клянусь, никогда еще не было подобной—ангелъ, ангелъ и лицомъ, и душою». Объ отцѣ ея говоритъ: «Удивительный человѣкъ»—«такихъ достоинствъ души не сыщешь на свѣтѣ».—Мать говоритъ: «Все знаю, все: влюбился въ потаскушку... которая, можетъ быть, Богъ знаетъ чѣмъ занимается».—М. можетъ только отвѣтить «Мама!» Когда у матери отъ всего этого случилась «колика», и она кричитъ «жестокій сынъ!» М. «бросается» къ ней: «Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...»—По мнѣнію М., «бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ»,—«я понимаю, въ правѣ искать богатой невѣсты», «но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ?»

Миша *(«Игроки»).*—Уп. л. Сынъ Кубышева. См. Кубышевъ.

Мишка *(«Ревизоръ»).*—Слуга городничаго. Говоритъ Осипу: «Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ».

Мокій Кифовичъ *(«Мертвыя Души»).*—Уп. л. Родной сынъ Кифы Мокіевича. «Былъ онъ то, что называютъ на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденьемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все—или рука у кого-нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все—отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки—бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. М. К., впрочемъ, былъ доброй души.

Молодая дама *(«Театральный разъѣздъ»).*—Дама большого свѣта на вопросъ: «Что вижу? Вы пріѣхали смотрѣть русскую пьесу!»—отвѣчаетъ: «Что жъ тутъ такого? Развѣ я уже ничуть не патріотка?» «Я нахожу, что многое очень вѣрно:

я смѣялась отъ души». «Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ—она была бы такая же подлость и низость». «Я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что внутренно смѣшно. Я знаю, есть иныя изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духа посмѣяться надъ кривою душой человѣка».

Молодая дама, вторая (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Я знаю, все это очень вѣрно...», «но при всемъ томъ мнѣ было тяжело». «Я смѣялась отъ всей души и больше даже, нежели всѣ другія: я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ: это излишество и множество лишняго... Послушайте, посовѣтуйте автору, что бы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка...». «У автора вашего нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ». «Причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ быть и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, чтобы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству... словомъ любовью?» «Ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что чувствуетъ одно только нѣжное сердце...». «Я всегда поставлю выше (тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенія человѣка) и, признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору». Крики по поводу комедіи, «что это отвратительная насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить? Да что скажетъ народъ?» «М. дама» объясняетъ желаніемъ «произвести шумъ, чтобы запретили пьесу, потому что въ ней, можетъ быть, отыскали кое-что похожее на самихъ себя».—Взглядъ на женщину. «У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицемѣрить, гдѣ лицемѣрите вы, не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ,—потому что это нужно говорить».

Мужики (*«Мертвыя Души»*),—стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы; Увидя бричку Чичикова, «Вишь ты», сказалъ одинъ другому: «вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ колесо, если бъ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?» — «Доѣдетъ», отвѣчаетъ другой.—«А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?»—«Въ Казань не доѣдетъ», отвѣчалъ другой (Уп. л. I, 1).

Мужчины (*«Мертвыя Души»*)—въ губернскомъ городѣ были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьмо гладко выбритые овалы лицъ, такъ же небрежно подсѣдали къ дамамъ, такъ же говорили по-французски и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые, или не такъ, чтобы слишкомъ толстые, однакожъ и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ; волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ чортъ меня побери, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь—и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ, толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. За картами всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣльному. Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: «А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!» или же просто восклицанія: «черви! червоточина! пикенція!» или «пикендрасъ! пичурущукъ! пичура!» и даже просто: «пичукъ!»—названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили, какъ водится, довольно громко».

Мужчина, первый (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Почему жъ не посмѣяться? смѣяться можно: но что за предметъ для насмѣшки—злоупотребленія и пороки? Какая здѣсь насмѣшка!» «Это не предметъ для комедіи, мой милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?» «Мало ли есть смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ? Ну, положимъ, напр., я отправился на гулянье на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?» «Ну, вотъ видите ли вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣждену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы...»

Мужчина, второй (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Зачѣмъ издавать непремѣнный законъ (что комедія должна изображать «смѣшной свѣтскій случай»). Если вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите—поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите пьесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу». «Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь?»—«Такъ всегда—говоритъ онъ съ горькой усмѣшкой:—такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, надъ тѣмъ, что̀ составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ; посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ—всѣ закричатъ: «онъ смѣется надъ святыней». «Я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери маловажные свѣтскіе случаи, всѣ будутъ говорить: «Онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли», избери предметъ сколько нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль—будутъ говорить: «не его дѣло, пиши пустяки».

Мужчина, третій (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Всему есть свои границы:—Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыня».

Мужчина въ мундирѣ (*«Театральный разъѣздъ»*).—Отзывается о комедіи: «Да, тривіально, тривіально».

Мужчина во фракѣ (*«Театральный разъѣздъ»*).—На слова жены: «Скажите, отчего у насъ въ Россіи все еще такъ тривіально?» говоритъ: «Душа моя, послѣ разскажемъ, отчего травіально: кричатъ нашу карету».

Мужъ первой дамы (*«Театральный разъѣздъ»*).—Говоритъ онъ: «Дамамъ, хочется непремѣнно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ», «чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ черезъ какую нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею». «Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...» Поддразниваетъ «вторую молодую даму»: «О, да у васъ ужъ начинаетъ рождаться маленькая злость!» «Натурально: женщинѣ что нужно? Ей непремѣнно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ».

Муразовъ, Аѳанасій Васильевичъ (*«Мертвыя Души»*, II),—стр. 40.

Мурзафейкинъ, Флоръ Семенычъ (*«Игроки»*).—Выдаетъ себя за чиновника Замухрышкина изъ приказа. На вопросъ Утѣшительнаго (ну что, какъ въ приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ халуи), отвѣтилъ: «какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насъ»...—«только что развѣ придумали названіе поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что̀ такое; а на дѣлѣ выходитъ—такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ».

Н

Настенька (*«Ревизоръ»*).—См. Хлопова, Н.

Настенька (*«Ревизоръ»*).—Жена Луки Лукича Хлопова.

Настоятель (*«Гетманъ»*). — «Старецъ».—Оловянные глаза «казалось, давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали никакой страсти».

Начальникъ отряда (*«Гетманъ»*). — «Неизмѣримые», «длиннѣй даже локтей рукъ», усы; «по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду» человѣкъ этотъ казался начальникомъ отряда. «Брань на разныхъ нарѣчіяхъ» сыплется изъ подъ огромнѣйшихъ усовъ его. Оконечности лица грубо закруглены, «выраженіе глубоко-безчувственное», «показавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ, что жизнь и смерть—трынъ-трава, что величайшее наслажденіе—табакъ и водка, что блаженство тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: родомъ сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку полякъ, по жадности къ золоту жидъ, по расточительности его козакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ».

Начальникъ польскихъ уланъ (*«Нѣсколько главъ изъ неоконченной повѣсти»*).—«Довольно рослый полякъ, съ глупо-дерзкою физіономіею, которая всегда почти отличаетъ полицейскихъ служителей». «Старый волокита», «малеванный шутъ». Трусъ. Ругается непрестанно и безсмысленно. Лицо его съ длинными усами принимаетъ цвѣтъ «вареной свеклы» въ минуты волненія.

Начальникъ Чичикова (*«Мертвыя Души»*).—«Человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры—и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ». «Грозенъ было сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ. Но, такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало-быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генералъ скоро очутился въ рукахъ еще большихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капиталу». Управленье генеральскимъ носомъ «въ совершенствѣ постигъ секретарь, однако, генералъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить».

Невѣлычкій (*«Тарасъ Бульба»*).—Куренной атаманъ.

Незнакомецъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—На замѣчаніе «невзрачнаго, но ядовитаго свойства господина» о «красивомъ и плотномъ господинѣ»—что у того «четыре дома въ одной улицѣ: всѣ рядомъ, одинъ подлѣ другого въ 6 лѣтъ выросли»—отвѣчаетъ, «уходя поспѣшно»: «Извините, я не дослышалъ».

Незнакомый сосѣдъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—На ядовитое замѣчаніе о «незнакомцѣ» («глухота-то какъ нынче распространилась въ городѣ, а») отвѣчаетъ: «Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли».

Неизвѣстно какой человѣкъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Я не могу судить относительно литературнаго достоинства; но, мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро». Послѣ возраженія литератора, что «шутки самыя плоскія и т. д.», сбавляетъ оцѣнку. «А это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить, я только замѣтилъ, что пьеса смѣшна, доставила удовольствіе». Литераторъ заявляетъ: «Да и не смѣшно».—«Ну, да противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи такъ, въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...» Но литераторъ окончательно разбиваетъ его: «Кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?»—«Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть своей низкой природы»...—А вы еще хвалите!—«Кто-жъ хвалитъ? Я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что пьеса—вздоръ. Но вѣдь вдругъ же нельзя этого узнать, я не могу судить въ литературномъ отношеніи».

Неуважай-Корыто (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. См. Иванъ Колесо.

Никита (*«Портретъ»*).—Парень въ синей рубахѣ; служитъ у Чарткова въ качествѣ «его приспѣшника, натурщика, краскотерщика и выметателя половъ, пачкавшаго ихъ тутъ же своими сапогами». Подъ оторванную на диванѣ кожу Н. засовывалъ «черные чулки, рубашки и все немытое бѣлье». На все одинъ у Н. отвѣтъ: «не знаю».—«Съ кѣмъ приходилъ хозяинъ?»—спрашиваетъ Чартковъ,—«Не знаю съ кѣмъ... какой-то квартальный»,—отвѣчаетъ Н.—«А квартальный зачѣмъ?—«Не знаю зачѣмъ; говоритъ, затѣмъ, что за квартиру не плачено».—«Ну что-жъ изъ того выйдетъ?» — «Я не знаю, что выйдетъ; онъ говорилъ: «коли не хочетъ, такъ пусть, говоритъ, съѣзжаетъ съ квартиры...» Въ отсутствіи барина Н. время проводилъ за воротами, ночью оглашалъ переднюю «богатырскимъ храпѣньемъ»; во время сеанса Н., «бывало, сидѣлъ не ворохнувшись на одномъ мѣстѣ—пиши съ него сколько угодно; онъ даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи».

Николай Николаевичъ (*«Развязка Ревизора»*).—«Литературный человѣкъ»,—(примѣч. въ письмѣ Гоголя къ Щепкину 1846) «Н. Н. долженъ быть даже отчасти крикливъ», «Н. Н-чу должно, за неимѣніемъ другого, придерживаться Н. Филип. Павлова [1]), п. что у него самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ)».—Мнѣніе объ искусствѣ: «Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому—вотъ искусство. Это

[1]) Николай Филипповичъ Павловъ, извѣстный въ свое время даровитый писатель, род. 1805 г., † 1864 г. *Ред.*

не премѣнный законъ искусства; безъ этого искусство—не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно и отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ». Если «всякій изъ зрителей получитъ полное отвращеніе» къ послѣднему, то «развѣ это не похвала всему хорошему?... Не похвала добру?...» «Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно или нѣтъ;.. то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра». Отвергаетъ аллегорическій смыслъ «Ревизора» (см. «актеръ первый комическій») «Вздоръ! авторъ и въ помышленіи этого не имѣетъ». Между Хлестаковымъ и «вѣтреною свѣтской совѣстью»—«никакого сходства». См. также и Перечень—Театральный разъѣздъ.

Ничипоръ (*«Старосвѣтскіе Помѣщики»)*.—Приказчикъ Пульхеріи Ивановны и Аѳанасія Ивановича; завелъ «обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные» и увѣрялъ замѣтившую пропажу Пульхерію Ивановну, что дубы «и громомъ побило и черви проточили».

Ноздревъ (*«Мертвыя Души»)*,—стр. 42.

Ноль (*«Портретъ»)*.—Художникъ, великосвѣтская дама, говоря о немъ, восклицаетъ: «Ахъ, какъ онъ пишетъ! Какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженія въ лицахъ, нежели у Тиціана...» «Мсье Ноль. Ахъ какой талантъ! Онъ написалъ съ нея (съ дочери дамы) портретъ, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ».

Носъ (*«Носъ»)*. — Неизвѣстный господинъ, котораго Ковалевъ считаетъ за собственный свой исчезнувшій у него носъ. Ходилъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевыя панталоны; при боку шпага», и считался «въ рангѣ статскаго совѣтника». Ѣздитъ въ каретѣ, а на приставанія Ковалева отвѣчаетъ: — «Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству».

Нѣвелещагинъ (*«Лакейская»)*.—«Господинъ въ шубѣ» (IV).

О

„Обмокни“ (*«Тяжба»)*.—См. Меринова, Евдокія Малафѣевна.

Оверко (*«Вій»)*.—Казакъ, кучеръ сотника; повязываетъ, сидя на облучкѣ, голову тряпицей, потому-что шапку «успѣлъ оставить въ шинкѣ». «Лошади Оверко были такъ уже пріучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ».

Овчаръ (*«Вій»)*.—Слуга сотника, молодой пастухъ; «насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговки». Интересуется вопросомъ: «правда ли, что панночка (дочь хозяина-сотника), не тѣмъ будь помянута, зналась съ нечистымъ?».

Одарка (*«Ночь передъ Рождествомъ»)*.—Одна изъ дѣвушекъ—подругъ Оксаны.

Одонъ (*«Альфредъ»)*.—Танъ короля Альфреда. На замѣчаніе короля, что государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, («потупляетъ глаза») и замѣчаетъ: «Вѣдь англосаксскій всякій танъ—вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля».

Одосимова (*«Отрывокъ»)*.—Въ нее влюбленъ Миша. Его мнѣніе о ней: «клянусь, еще никогда не было подобной—ангелъ, ангелъ и лицомъ, и душою».

Одосимовъ, Александръ Александровичъ (*«Отрывокъ»)*.—По словамъ Миши, «Рѣдкій человѣкъ! Удивительный человѣкъ!» «Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ». «Пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери».

Оксана (*«Ночь передъ Рождествомъ»)*.—Дочь Корнія Чуба, «красавица на всемъ селѣ». «Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Парубки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица». У нея было «свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо, съ блестящими черными очами и невыразимо пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу». Оксана кокетлива... «Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя отъ радости. Онъ зацѣлуетъ меня на смерть». Любуясь своей красотой, отраженной въ зеркалѣ, и разговаривая довольно громко сама съ собой, Оксана не замѣтила тихо вошедшаго Вакулу... Увидѣвъ его, «вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.—Кузнецъ и руки опустилъ. Трудно разсказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады... и все это такъ смѣшалось и такъ было необозримо-хорошо, что расцѣловать ее милліонъ разъ,—вотъ все, что

можно было сдѣлать тогда наилучшаго». «Капризная красавица» смѣется и мучитъ Вакулу своей требовательностью. «Да! будьте всѣ вы свидѣтельницы: если кузнецъ Вакула принесетъ тѣ самые черевики, которые носитъ царица, то вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него замужъ». Но когда Вакула неожданно исчезъ изъ села, Оксана пригорюнилась... «Ай!», воскрикнула Оксана, переступая черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостью въ него очи. «Погляди, какіе я принесъ тебѣ черевики!» сказалъ Вакула: «тѣ самые, которые носитъ царица».—«Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ?» говорила она, махая руками и не сводя съ него очей: «я и безъ черевиковъ...» Далѣе она не договорила и покраснѣла.

Омелько («*Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька*»).—Кучеръ Шпоньки; «исправлялъ часто должность огородника и сторожа».

Онисько («*Страшный кабанъ*»).—Кухмистеръ, разгульный и постоянный посѣтитель шинковъ. Когда Катерина заявила, что она замужъ за пьяницу не пойдетъ, въ душѣ О. пробуждаются укоры:—«Въ самомъ дѣлѣ, на что я похожъ? кому угодно житье мое? Что я сдѣлалъ до сихъ поръ такого, за что бы сказалъ мнѣ спасибо добрый человѣкъ? Все гулялъ, да гулялъ. Да гулялъ ли когда-нибудь такъ, чтобы и на душѣ, и на сердцѣ было весело? Напьешься, какъ собака, да и протрезвишься тоже, какъ собака, если не протрезвятъ тебя еще хуже. Нѣтъ, прахъ возьми... собачья моя жизнь!» Изъ товарищескихъ чувствъ О. идетъ, какъ повѣренный учителя Ивана Осиповича, чтобы передать его чувства Катеринѣ, но, вмѣсто того, самъ признается ей въ любви.

Онуфрій Ивановичъ («*Мертвыя Души*», *II*).—Дядя Тѣнтѣтникова.

Орышко («*Какъ поссорился Ив. Ив.*»).—Дѣвка босая. Держала подносъ съ чашками и «перемигивалась» съ канцелярскими повѣтоваго суда.

Осипъ («*Ревизоръ*»),—стр. 46.

Осипъ Никифоровичъ («*Ночь передъ Рождествомъ*»).—Дьякъ. Глупъ и сладострастенъ. Прійдя къ Солохѣ, «онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся своими длинными пальцами ея обнаженной, полной руки и произнесъ: «А что это у васъ, великолѣпная Солоха?» И сказавши это, онъ отскочилъ нѣсколько назадъ. «Какъ что? рука, Осипъ Никифоровичъ!» отвѣчала Солоха. «Гм! рука! Хе, хе, хе!» произнесъ сердечно довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ. «А это что у васъ, дражайшая Солоха? произнесъ онъ,... схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ, отскочивъ назадъ. «Будто не видите»... отвѣчала Солоха, «шея, а на шеѣ монисто»...

Остапъ («*Заколдованное мѣсто*»).—Братъ Ѳомы, играетъ на сопилкѣ. Отца называетъ старымъ хрѣномъ.

Остапъ («*Тарасъ Бульба*),—стр. 47.

Остраница, Тарасъ («*Неоконченная повѣсть*»).—Возвышался надъ другими цѣлой головой, широкоплечъ. Лицо его имѣло «какой-то крѣпкій, смѣлый окладъ, какая-то легкая безпечность выказывалась на немъ. Оно было спокойно и вмѣстѣ такъ живо, что, взглянувши, ожидалъ бы непремѣнно услышать отъ него слово, чтобы увидѣть его измѣнившимся, какъ будто оно непремѣнно должно было все заговорить конвульсіями.—«Разумная голова!»—по отзыву Пудько.—«Онъ тогда еще, когда было поднялось все наше рыцарство на ляховъ, онъ славную далъ имъ перепойку. Дали бъ и они ему перцу, когда бы не улизнулъ на Запорожье.— Самъ О. говоритъ: «Странная судьба моя! Отца я не видалъ: его убили на войнѣ, когда меня еще на свѣтѣ не было. Матери я видѣлъ только посинѣлый и разрѣзанный трупъ. Она, говорятъ, утонула. Ее вытянули мертвую и изъ утробы ея вырѣзали меня, безчувственнаго, неживого. Какъ мнѣ спасли жизнь—самъ не знаю. Кто спасъ? зачѣмъ спасъ? Лучше бы пропалъ не живымъ! Чужіе призрѣли. Еще малъ и глупъ, я уже наѣздничалъ съ запорожцами. Опять случай: меня полонили татары. Не годится жить межъ нихъ христіанину, пить кобылье молоко, ѣсть конину. Однакожъ я былъ веселъ душой! ну, вырвусь когда-нибудь на волю! И вотъ пріѣхалъ я на родину, сирота—сиротой. Не встрѣтилъ никого знакомаго. Хотя бы собака была такая, которая знала меня въ дѣтствѣ. Никого, никого!»— —Когда собралось компанейство отомстить за ругательства надъ Христовой вѣрой и за безчестье народу, О., ни объ чемъ не думалъ, его почти силою заставили схватиться за саблю». Вражья потеря вѣрно-бъ была сильнѣе, когда бы О. ударилъ изъ засады. «А все вы, черныя брови, вы всему виною!» «И вотъ я снова пріѣхалъ сюда съ ватагою товарищей; но не правда и месть и жажда искупить себѣ славу силой и кровью завели меня,—все вы, все вы, черныя брови!» Остраница любитъ Ганну всею силою души, проситъ ее, чтобы она бросила домъ свой. Самъ же рѣшается ѣхать въ Польшу, просить Ивана Остраницу: «онъ добудетъ мнѣ грамоту и королевское прощеніе, и тогда, тогда... Богъ знаетъ, что тогда будетъ! только все лучше, я буду близъ нея жить...» Взглядъ у Остраницы «мощный», онъ свободно повелѣваетъ толпой, является въ глазахъ ея мстителемъ полякамъ за православную вѣру и попираемые козацкіе обычаи.

Остраницы-отецъ («*Неоконченная повѣсть*»). — Воевалъ съ знаменитымъ Баторіемъ. На портретѣ изображенъ «почти во весь ростъ, въ кольчугѣ, съ парою

пистолетовъ, заткнутыхъ за поясъ; нижняя часть ногъ до колѣнъ не была только видна. Потемнѣвшія краски едва позволяли видѣть суровое, мужественное лицо, которому жалость и все мірское, казалось, было совершенно неизвѣстно».

Офицеръ (*«Театральный разъѣздъ»).* — «Пробирается съ дамой подъ-руку». Кричитъ купцамъ: «Эй, вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь—дама!»

Офицеръ первый (*«Театральный разъѣздъ»).*—На слова второго: «Да останемся», отвѣчаетъ: «Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь. Знаемъ мы эти пьесы, которыя даются на закуску—лакей вмѣсто актеровъ, а женщины—уродъ на уродѣ».

Офицеръ первый (вторая пара) (*«Театральный разъѣздъ»).*—Говоритъ второму: «Мишель, ты туда?»—Туда.—«Ну, и я тамъ».

Офицеръ второй (*«Театральный разъѣздъ»).*—См. первый.

Офицеръ первый (третья пара) (*«Театральный разъѣздъ»).*—«Я еще никогда такъ не смѣялся», но вывода «отличная комедія» не хочетъ дѣлать: «Ну нѣтъ, посмотримъ еще, что скажутъ въ журналахъ: нужно подвергнуть суду критики». Замѣчаетъ литератора и выслушиваетъ его отзывы. Затѣмъ говоритъ: «Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ: я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями (см. Литераторъ, еще). Признаюсь, на многое даже отвратительно смотрѣть». Второй офицеръ замѣчаетъ: «Да вѣдь ты жъ говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?»—А, это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ нужно растолковать. Тутъ что, въ этой пьесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенья рѣшительно никакого: все невѣроятности и притомъ все карикатура».

Офицеры, проѣзжіе (*«Ревизоръ»).*—«Подрались въ номерѣ гостиницы» (уп.).

Очень скромно одѣтый человѣкъ (*«Театральный разъѣздъ»).*—По его мнѣнію, «въ комедіи» всего сильнѣй и глубже поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка». «Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута». Что скажетъ народъ?—«Послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство. «Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія исходятъ не отъ правительства... Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка». «Мнѣ нравится также еще замѣчаніе: «народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ». То есть они воображаютъ, что народъ только здѣсь въ первый разъ въ театрѣ увидитъ своихъ начальниковъ». «Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна»...—«Даже хорошо, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра»...—

Охримъ, Охримовъ-сынъ (*«Сорочинская ярмарка»).*—См. Охримъ и Грыцко Голопупенко.

П

Павлушка (*«Игроки»).*—Уп. л.; слуга Ихарева, «который прежде съ бариномъ ѣздилъ».

Павлушка (*«Мертвыя Души»).*—Крѣпостной Ноздрева. «Парень дюжій», съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ не выгодно. Призванъ былъ Ноздревымъ бить Чичикова.

Палашка (*«Шпонька»).*—Уп. л.; «дѣвка въ Вытребенькахъ», имѣніи Ивана Федоровича Шпоньки, «садила въ огородѣ пшеничку вмѣстѣ» съ тетушкой Шпоньки.

Палывода (*«Тарасъ Бульба»).*—Уп. л.; «одинъ изъ атамановъ».

Панаса, жена (кума Чуба) (*«Ночь передъ Рождествомъ»).*—«Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома, и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ... Все, что ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа, и часто самоуправно отнимала у него добычу, если только онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и оттого почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась разсказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ отъ него побояхъ».

Панасъ (*«Ночь передъ Рождествомъ»).*—Кумъ Чуба. «Сухощавый, высокій, въ короткомъ тулупѣ мужикъ съ обросшею бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики бреютъ свою бороду, за неимѣніемъ бритвы». Панасъ—ко всему равнодушный, порой остроумный мужикъ.

Пантелеева (*«Ревизоръ»).*—Уп. л. Купчиха. Городничій хотѣлъ взять ея сына въ военную службу, «а П. подослала къ супругѣ полотна три штуки».

Пантелеевъ, Акинфъ Степановичъ (*«Женитьба»*).—Уп. л. Одинъ изъ жениховъ, рекомендуемыхъ Өеклой. «Чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только за то-жъ такой скромный»... Пьетъ, но «за то такой тихій, какъ шелкъ». Впрочемъ, добавляетъ та же Өекла: «не всю недѣлю бываетъ пьянъ. Иной день выберется и трезвый».

Параска (*«Сорочинская ярмарка»*).—«Славная дивчина». «Съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами», съ безпечно улыбавшимися розовыми губами. «Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново, и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой». Полюбивъ съ перваго взгляда Грицко, П. рѣшила выйти за него замужъ, вопреки желанію мачехи. «Мачеха дѣлаетъ все, что ей ни вздумается; развѣ и я не могу сдѣлать того, что мнѣ вздумается. Упрямства и у меня достанетъ». Размечтавшись о Грицко, «держа передъ собой зеркало и напѣвая свою любимую пѣсню», П. пошла танцовать одна въ хатѣ, да такъ, что заглянувшій въ это время въ дверь, отецъ ея, Черевикъ «пустился въ присядку, позабывъ про всѣ дѣла свои».

Парубокъ I (*«Майская ночь»*).—«Плечистый и дородный», считается «первымъ гулякой и повѣсой на селѣ».—«Мнѣ кажется все тошно», говоритъ онъ, «когда не удастся погулять порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто недостаетъ чего-то, какъ будто потерялъ шапку или люльку; словомъ, не козакъ, да и только».

Парубокъ II (*«Майская ночь»*).—Дюжій повѣса. «Что за роскошь!» говоритъ онъ, «что за воля!» «Какъ начнешь бѣситься, чудится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!..

Парубокъ-гуляка (*«Пропавшая грамота»*).—Онъ «лежалъ возлѣ коровы, съ покраснѣвшимъ, какъ снигирь, носомъ».

Пацюкъ (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—Знахарь. «Пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорожцемъ». Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожецъ—ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей, и выпивалъ за однимъ разомъ почти по цѣлому ведру... «Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась, куда ей слѣдуетъ... Въ послѣднее время его рѣдко видѣли гдѣ-нибудь. Причиною этому была, можетъ быть, лѣнь, а можетъ и то, что пролѣзать въ дверь дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе».

Паша (*«Страшная месть»*).—Уп. л. П., по велѣнію короля семиградскаго, былъ доставленъ ему Иваномъ живымъ.

Пелагея (*«Мертвыя Души»*).—Дѣвчонка, лѣтъ одиннадцати, «въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью». Коробочка приказываетъ П. показать Чичикову дорогу; «не знаетъ гдѣ право, гдѣ лѣво». Получила отъ Чичикова «мѣдный грошъ» и, «довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ», побрела во-свояси.

Пелагея Егоровна (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. «Сестра невѣстки Петра Варсонофьевича».

Пеппе (*«Римъ»*).—«Огромный запачканый носъ», «какъ большой топоръ, повиснулъ» надъ губами и всѣмъ лицомъ». «Пеппе всю жизнь свою остался съ уменьшительнымъ именемъ своимъ Пеппе. До Джузеппе онъ никакъ не добрался, хотя и посѣдѣлъ. Онъ происходилъ даже изъ хорошей фамиліи, изъ богатаго дома негоціанта, но послѣдній домишка былъ у него оттяганъ тяжбой. Еще отецъ его, человѣкъ тоже въ родѣ самого Пеппе, хотя и назывался sinior Джіованни, проѣлъ послѣднее имущество, и онъ мыкалъ теперь свою жизнь подобно многимъ, то-есть какъ приходилось: то вдругъ опредѣлялся слугой у какого-нибудь иностранца, то былъ на посылкахъ у адвоката, то являлся убирателемъ студіи какого-нибудь художника, то сторожемъ виноградника или виллы, и, по мѣрѣ того, измѣнялся на немъ безпрестанно костюмъ. Иногда Пеппе попадался на улицѣ въ круглой шляпѣ и широкомъ сюртукѣ, иногда въ узенькомъ кафтанѣ, лопнувшемъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, съ такими узенькими рукавами, что длинныя руки его выглядывали оттуда какъ метлы; иногда на ногѣ его являлся поповскій чулокъ и башмакъ; иногда онъ показывался въ такомъ костюмѣ, что ужъ и разобрать было трудно, тѣмъ болѣе, что все это было надѣто вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ: иной разъ, просто, можно было подумать, что онъ надѣлъ на ноги, вмѣсто панталонъ, куртку, собравши и завязавши ее кое-какъ сзади. Онъ былъ самый радушный исполнитель всѣхъ возможныхъ порученій... Часто ему перепадали порядочныя деньги; но деньгами онъ распоряжался по-римски, то-есть на завтра никогда почти ихъ не ставало,—не потому, чтобъ онъ тратилъ на себя или проѣдалъ, но потому, что все у него шло на лотерею, до которой онъ былъ страшный охотникъ. Врядъ ли существовалъ такой номеръ, котораго бы онъ не пробовалъ. Всякое незначущее ежедневное происшествіе у него имѣло важное значеніе... Приснился ему однажды сонъ, что сатана, который и безъ того ему снился, неизвѣстно по какой причинѣ, въ началѣ каждой весны,—что сатана по-

тащилъ его за носъ по всѣмъ крышамъ всѣхъ домовъ... и остановился наконецъ у самой Trinita на лѣстницѣ, приговаривая: «вотъ тебѣ, Пеппе, за то, что ты молился св. Панкратію!» Пеппе разрѣшилъ этотъ сонъ «по своему: сбѣгалъ тотъ же часъ за гадательной книгой, узналъ, что чортъ значитъ 13 нумеръ, носъ 24, святой Панкратій 30, и взялъ въ то же утро всѣ три нумера. Потомъ сложилъ всѣ три нумера — вышло 67, онъ взялъ и 67. Всѣ четыре нумера, по обыкновенію, лопнули... Что билеты лопались и пропадали, этимъ не смущался Пеппе. Онъ былъ твердо увѣренъ, что будетъ богачомъ, и потому, проходя мимо лавокъ, спрашивалъ почти всегда, что стоитъ всякая вещь. Одинъ разъ, узнавши, что продается большой домъ, онъ зашелъ нарочно поговорить объ этомъ съ продавцомъ...»

Перекроевъ, Федоръ Федоровичъ (*«Мертвыя Души»).*—Уп. л. «Помѣщикъ». Знакомый Чичикова; по словамъ Петрушки, П. человѣкъ хорошій.

Переперчиха (*«Ночь передъ Рождествомъ»).*—Ткачиха; толстая баба. По словамъ дьячихи, П., «проклятая вѣдьма», напустила на дьяка «туманъ», опаиваетъ «нечистымъ зельемъ, чтобы онъ ходилъ» къ ней «каждый вечеръ». «А, скверная баба!» кричитъ сельскій голова, когда П. «плюнула въ небритую бороду головы».

Перепетуя (*«Ревизоръ»).*—Уп. л.; Дочь Артемія Филипповича Земляники.

Перерепенко, Иванъ Ивановичъ (*«Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ»).* — См. Иванъ Ивановичъ.

Пери (*«Ганцъ Кюхельгартенъ»).*—Молода; «какъ солнца два, очи небесно горятъ, какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ», «а голосъ, какъ звуки серенады ночной». «Дыханіе ея, какъ лилій серебряныхъ чадъ». «Полна «мечтаній», въ забвеніи не видитъ, не внемлетъ». «Какъ воздухъ летитъ въ края поднебесны» и «тонетъ въ радугѣ».

Персіянинъ (*«Невскій проспектъ»).*—Персъ, имѣющій магазинъ шалей; встрѣчая Пискарева, всегда «просилъ нарисовать ему красавицу». Соглашается дать Пискареву опіуму: «Только нарисуй мнѣ красавицу. Чтобъ хорошая была красавица! Что бы брови были черныя, и очи большія, какъ маслины; а я сама чтобы лежала возлѣ нея и курила трубку! Слышишь, чтобъ хорошая была! Что бы была красавица!»

Перфильевна (*«Мертвыя Души»).*—«Домоводка» Тѣнтѣтникова. Григорій отзывался о ней какъ о «мелочи амбарной»:—«Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной, молчать!» «А не хочешь ли вотъ этого?» выкрикивала ничтожность.—Ужъ тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло! выкрикивала ничтожность, или Перфильевна».

Перхуновскій (*«Мертвыя Души»).*—Уп. л. I, 8.

Петра Безроднаго отецъ (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—По словамъ тетки дѣда Ѳомы Григорьевича, «теперь на Запорожьи; былъ въ плѣну у турокъ, натерпѣлся мукъ Богъ знаетъ какихъ и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу».

Петро (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—См. Петръ Безродный.

Петро (*«Страшная месть»).*—Братъ Ивана; козакъ. «Гляди, Иванъ», говорилъ П. брату, «все, что ни добудешь, все попаламъ: когда кому веселье,—веселье и другому; когда кому горе,—горе и обоимъ; когда кому добыча,—пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ,—другой продай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ». Когда же Иванъ получилъ обѣщанное отъ короля за доставку живого паши, поѣхали два брата съ добромъ «на жалованную королемъ землю». Во время путешествія П. предалъ своего брата, какъ Іуда (столкнулъ его съ младенцомъ въ пропасть), и «самъ забралъ себѣ все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра, овецъ и барановъ нигдѣ столько не было».

Петровичъ (*«Шинель»).*—Петербургскій портной. «Назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ». «Петровичемъ онъ началъ прозываться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ», гдѣ только «стоялъ въ календарѣ крестикъ». Жену, которая не соглашалась съ подобнымъ почитаньемъ святыхъ, П. называлъ «мірской женщиной и нѣмкой». Онъ, вообще, при случаѣ любилъ «кольнуть» нѣмцевъ. Жилъ «гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ»; несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія». Работалъ П., сидя на деревянномъ некрашенномъ столѣ и подвернувъ подъ себя голыя ноги, «какъ турецкій паша». На ногахъ Петровича бросался въ глаза большой палецъ «съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ». На шеѣ П. «висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь».— —Выпивши, П., обыкновенно, заказчику «очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ»; въ трезвомъ состояніи былъ «крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны». Очень любилъ также «сильные эффекты, любилъ вдругъ

какъ-нибудь озадачить совершенно (заказчика) и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ». И, послѣ ухода озадаченнаго, П. «долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу», довольный, «что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ». Когда же вмѣсто починки П. сшилъ Акакію Акакіевичу новую шинель и принесъ ее, то въ лицѣ его показалось невиданное раньше «значительное» выраженіе. «Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново»; при этомъ указалъ, что только по знакомству да потому, что живетъ безъ вывѣски, онъ, П., взялъ за шитье шинели 12 рублей, а на Невскомъ съ Акакія Акакіевича взяли бы «за одну только работу семьдесятъ пять рублей». Нарядивъ заказчика въ сработанную имъ шинель, П. вышелъ вслѣдъ за нимъ и, «оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель», а затѣмъ забѣжалъ кривымъ переулкомъ впередъ, чтобы посмотрѣть на ту же шинель съ другой стороны, «то-есть, прямо въ лицо».

Петровича жена (*«Шинель»*).—«Носитъ даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться: по крайней мѣрѣ при встрѣчѣ съ нею одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой-то особый голосъ».—«Осадился сивухой, одноглазый чортъ», говорила выпившему мужу. Когда тотъ же мужъ заламывалъ съ заказчика непомѣрную цѣну, «не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоитъ». Если же Петровичъ бралъ слишкомъ дешево, то приходила къ заказчику, «плачась, что мужъ-де былъ пьянъ и потому дешево взялся», и была довольна прибавкой гривенника.—Иногда поколачивала мужа.

Петруччіо (*«Римъ»*).—Уп. л. Мастеръ-точильщикъ, заложилъ свое платье въ Гету жидамъ, разорвалъ на себѣ юбку и послѣдній платокъ жены, нарядясь женщиною».

Петрушка (*«Мертвыя Души»*),—стр. 48.

Петрушка (*«Лакейская»*).—См. Петръ Ивановичъ.

Петръ Безродный (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»*).—Работникъ козака Коржа. У него «всего на все была одна сѣрая свитка, въ которой было больше дыръ, чѣмъ у иного жида въ карманѣ золотыхъ», но чернобровыя дѣвчата и молодицы «говорили», «что если бы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, прицѣпить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ». Услышавъ, что отецъ выдаетъ Пидорку противъ воли замужъ за ляха, Петръ воскликнулъ:—«будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ у меня не будетъ на той свадьбѣ—воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною; гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча—моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымочатъ дожди козацкія косточки и вихорь высушитъ ихъ». «Такъ уже, видно, Богъ велѣлъ! Пропадать, такъ пропадать! Да прямехонько и побрелъ въ шинокъ».— —Когда вѣдьма предложила П. «отрѣзать» брату Пидорки голову, «остолбенѣлъ»; «какъ бѣшеный подскочилъ съ ножомъ къ вѣдьмѣ» «и уже занесъ было руку» надъ ней. Басаврюкъ напомнилъ ему, что за это онъ получитъ нужныя ему деньги и Пидорку—и глаза его загорѣлись... Умъ помутился... Какъ безумный, ухватился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи»... Послѣ совершеннаго преступленія П. «одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшенъ, и все думаетъ объ одномъ, все силится припомнить что-то и сердится и злится, что не можетъ вспомнить».

Петръ Ивановичъ (*«Лакейская»*).—Слуга. По выраженію дворецкаго Лаврентія, «на свинью похожъ». Всей заботы у П. «два-три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить». Издѣвается надъ Андрюшкой, у барыни котораго «дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда кучеръ или лакей, или башмаки шьетъ».

Петръ Ивановичъ Бобчинскій (*«Ревизоръ»*).—См. Бобчинскій, П. Ив.

Петръ Ивановичъ Добчинскій (*«Ревизоръ»*).—См. Добчинскій, Петръ Ивановичъ.

Петръ Петровичъ (*«Развязка Ревизора»*).—См. Человѣкъ большого свѣта.

Петръ Петровичъ Пѣтухъ (*«Мертвыя Души»*).—См. Пѣтухъ, Петръ Петровичъ.

Петръ, протопопъ, о. (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—«Живетъ въ Колибердѣ»; «всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ христіанскій и умѣлъ жить, какъ Ив. Ив.».

Петръ Ѳедоровичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—Городничій; «изъ рядовыхъ»; «въ 1801 году» «находился въ 42 егерскомъ полку въ 4 ротѣ поручикомъ» «Наукамъ не обучался никакимъ; скорому письму началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни». «На мундирѣ у городничаго посажено было восемь пуговицъ; де-

вятая, какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма, назадъ тому два года, такъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапортахъ, которые отдаютъ ему квартальные надзиратели, всегда спрашиваетъ, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво». «Красный обшлагъ городничаго», «равномѣрно какъ и воротникъ его, получилъ политуру и по краямъ превращался въ лакированную кожу». «Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней кампаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ею такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги». «Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ». Онъ часто «ссорился со своею пѣхотой». Когда «дѣло казалось необыкновенной важности», «при городничемъ была даже новая шпага». «Былъ истиннымъ блюстителемъ порядка». «Что-жъ дѣлать? Начальство хочетъ— мы должны повиноваться». «Далъ предписаніе не впускать на публичныя площади куръ и гусей», и предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ». «Мой долгъ, словомъ, обязанность, требуетъ смотрѣть за чистотою».—«Какъ вы хотите, но я долженъ слѣдовать предписанію начальства». На вопросъ Ивана Ивановича: «Что ваша раненая нога мѣшаетъ?»... «—Моя нога!» «восклицалъ» Г., бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе бросаетъ великанъ на пигмея, ученый педантъ на танцовальнаго учителя. При этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ ею объ полъ. Эта храбрость, однакожъ, ему дорого стоила, потому что весь корпусъ его покачнулся и носъ клюнулъ перила; но мудрый блюститель порядка, чтобъ не подать никакого вида, тотчасъ оправился и полѣзъ въ карманъ, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы достать табакерку».— —Съ Ив. Ив. ведетъ дружбу, называя его «любезнѣйшій другъ и благодѣтель».—«Я вамъ доложу о себѣ», говорилъ городничій, «что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно, дѣлывалъ. Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года...—Ахъ, я вамъ разскажу, какимъ манеромъ я перелѣзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой нѣмкѣ». «При этомъ городничій зажмурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски-плутоватую улыбку».

Пидорка (*«Вечеръ накануне Ивана Купала»*).—«Дочка» стараго Коржа. «Полненькія щеки» ея «были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ»; «брови» ея «словно черныя шнурочки», «ровно нагнувшись, какъ будто глядѣлись въ ясныя очи»; «ротикъ», «кажись, на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни»; «волосы ея, черные, какъ крылья вороны, и мягкіе, какъ молодой ленъ, падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ».

Писарь (*«Майская ночь»*).—«Худощавый», «въ пестрядевыхъ шароварахъ и въ жилетѣ цвѣта винныхъ дрождей»; протягивалъ шею впередъ и приводилъ ея тотъ же часъ въ прежнее состояніе».

Писарь волостной (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—«Выходя на четвереренькахъ изъ шинка, волостной писарь видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ того, ни съ сего, танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село»...

Писарь полковой (*«Пропавшая грамота»*). — «Позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ».

Пицикароле (*«Римъ»*).—«Продавецъ съѣстныхъ припасовъ» въ Римѣ.

Платоновъ, Василій Михайловичъ (*«Мертвыя Души»*).—Братъ Платона: «ростомъ пониже, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленія, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ». У него «слугъ не было, но всѣ дворовые исправляли по очереди эту должность». «Утверждалъ, что слуги не сословіе: подать можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особыхъ людей: что будто русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество». «Въ деревнѣ П. народъ одѣвался особенно щеголевато: кички у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ—точныя коймы турецкой шали». «Обычай для него святая вещь, и за него» П. «готовъ пожертвовать всѣмъ». «Мода, говоритъ, намъ не указъ, а Петербургъ не церковь». Узнавъ, что братъ рѣшился «проѣздиться» съ Чичиковымъ, спросилъ озадаченно: «Какъ же такъ вдругъ рѣшился?» и добавилъ: «И еще ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ быть, дрянь и чортъ знаетъ, что?».

Платоновъ, Платонъ Михайловичъ (*«Мертвыя Души»*).—Сосѣдъ Пѣтуха, братъ жены Костанжогло. «Прекрасный человѣкъ», по опредѣленію Алексаши. Красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри». «Хозяйство на рукахъ брата» и жить дома ему нечего. Страдаетъ

«спячкой» «и хандрой». Противъ скуки не знаетъ средствъ и, чтобы развлечься, принимаетъ предложеніе Чичикова «поѣздить» «по Святой Руси». «На знакомства неразборчивъ». О зятѣ (Костанжогло) самаго лестнаго мнѣнія: «поучительно», говоритъ П. Чичикову, и узнать этакаго человѣка», хотя самъ и мало знаетъ «эти вещи» (хозяйственные вопросы). Стыдитъ сестру за старыя ноты и вообще находитъ, что она «скучная».—«Что ни разсказывай, а все, однакоже, скучно, говорилъ П. въ отвѣтъ на «сладкозвучныя рѣчи» Костанжогло, но, глядя на Хлобуева, которому предложилъ «выхлопотать должность, думалъ: «вотъ плоды безпутнаго поведенія».

Плѣнникъ («*Плѣнникъ*»).—«Въ самомъ странномъ нарядѣ, какой когда либо налагало насиліе на человѣка», онъ шелъ среди отряда коронныхъ войскъ, останавливавшаго на немъ всю силу напряженнаго вниманія. «Былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно, для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту его лицо — и онъ бы, вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку». «Вѣрно, опять какой нибудь мученикъ за вѣру Христову!»—говоритъ про него настоятель монастыря. Въ монастырѣ, гдѣ на ночь остановился отрядъ, его прячутъ въ подземелье: «ему казалось, что крышка гроба захлопнулась надъ нимъ, и стукъ бревенъ, заваливших входъ его, показался стукомъ заступа, когда страшная земля валится на послѣдній признакъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: «Его нѣтъ уже, но онъ былъ».

Плюшкина («*Мертвыя Души*»).—Покойная жена Плюшкина. «Добрая, привѣтливая и говорливая хозяйка»; «славилась хлѣбосольствомъ».

Плюшкина («*Мертвыя Души*»).—Сестра Александры Степановны. Послѣ смерти матери, бѣгства сестры и поступленія въ военную службу брата, осталась одна въ домѣ съ отцомъ, но вскорѣ умерла.

Плюшкина, Александра Степановна («*Мертвыя Души*»).—Старшая дочь Плюшкина. Бѣлокурая, миловидная и свѣжая, «какъ роза». Воспитывалась подъ наблюденіемъ «наставницы»-француженки, которая «оказалась не безгрѣшною въ похищеніи А. С. штабсъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, съ которымъ Плюшкина и «обвѣнчалась гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, за что и получила «проклятіе» отца. Однако, А. С. «какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ А. С. пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ, куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала А. С.»

Плюшкинъ («*Мертвыя Души*»),—стр. 52.

Плюшкинъ-сынъ («*Мертвыя Души*»).—Былъ отправленъ въ губернскій городъ, съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ «службу существенную», но «опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ за это то, что называется въ простонародіи шишъ».

Поваръ («*Мертвыя Души*»).—Иностранецъ—«французъ съ открытой физіогномикой, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равной».

Погонщикъ («*Вій*»).—Слуга сотника; погонщикъ коровъ. «Широкій, какъ блинъ». «Экой здоровый быкъ!»—говоритъ о немъ Дорошъ.

Подколесинъ, Иванъ Кузьмичъ («*Женитьба*»),—стр. 55.

Подточина-дочь («*Носъ*»).—Дочь штабъ-офицерши Подточиной. Уп. л.

Подточина, Александра Григорьевна [1]) («*Носъ*»).—Штабъ-офицерша, вдова. П. желала, чтобы «маіоръ» Ковалевъ женился на ея дочери, о чемъ и «объявила ему напрямикъ». Ковалевъ «отчалилъ» отъ этого предложенія и П. (по подозрѣнію Ковалева) мститъ ему черезъ посредство какихъ-либо «колдовокъ-бабъ». Въ письмѣ къ Ковалеву говоритъ: «Если вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія».

Покрышка («*Тарасъ Бульба*»).—Козакъ, куренной атаманъ.

Полковникъ («*Коляска*»).—Служилъ «еще въ кампанію 1812 года». За ужиномъ разсказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку изъ графина и воткнулъ ее въ пирожное».

Полковникъ-буджаковскій («*Тарасъ Бульба*»).—«Грузенъ былъ», всѣхъ выше и толще и широкій дорогой кафтанъ насилу облекалъ его. «Позади его пуза, по

[1]) Она-же, очевидно, по недосмотру, 2 раза названа Пелагеей Александровной.

словамъ Поповича, упрячется все войско». «Вотъ я васъ!» кричалъ сверху запорожцамъ П.: «всѣхъ перевяжу! Отдайте, холопы, ружья и коней. Видѣли, какъ перевязалъ я вашихъ?» Не выдержалъ, однако, ѣдкаго слова Поповича (см.).

Полковникъ Глечикъ (*«Глава изъ историческаго романа»*).—Начальникъ «миргородскаго полка»: женатъ; «семеро» дѣтей. По собственнымъ словамъ, «голова его, какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни толкуй умныхъ рѣчей, все позабудетъ». «Старая собака», отзывается о немъ поселянинъ.

Полковникъ, заслуженный (*«Носъ»*).—Повѣривъ слуху, что носъ маіора Ковалева гуляетъ по Невскому просп. и даже заходитъ въ магазины, П. нарочно «вышелъ раньше изъ дому и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но, къ большому негодованію своему, увидѣлъ въ окнѣ магазина, вмѣсто носа, обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку съ изображеніемъ дѣвушки, поправляющей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою,—картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою: «Какъ можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?»

Полковникъ П* полка** (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»*).—«У меня», говорилъ П., обыкновенно трепля себя по брюху послѣ каждаго слова, «многіе (офицеры) пляшутъ-съ мазурку».

Поликарпъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. и Карпъ—священники въ имѣніи Плюшкина.

Полицмейстеръ (*«Мертвыя Души»*).—См. Алексѣй Ивановичъ.

Полячка (*«Тарасъ Бульба»*).—«Прекрасная полячка», дочь воеводы ковенскаго. Андрій, увидя ее въ Кіевѣ, «глядѣлъ на нее совсѣмъ потерявшись», въ осажденномъ козаками городѣ она была уже «не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чудеснѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что-то недоконченное, недовершенное, теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти, Та была прелестная, вѣтреная дѣвушка; эта была красавица, женщина во всей развившейся красѣ своей. Полное чувство выражалось въ ея поднятыхъ глазахъ, не отрывки, не намеки на чувство, но все чувство. Еще слезы не успѣли въ нихъ высохнуть и облекли ихъ блистающею влагою, проходившею душу; грудь, шея и плечи заключались въ тѣ прекрасныя границы, которыя назначены вполнѣ развившейся красотѣ; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ея, теперь обратились въ густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длинѣ руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упадала на грудь. Казалось, всѣ до одной измѣнились черты ея». Напрасно силился Андрій «отыскать въ нихъ хотя одну изъ тѣхъ, которыя носились въ его памяти,—ни одной. Какъ ни велика была ея блѣдность, но она не помрачила чудесной красы ея, напротивъ, какъ будто придала ей что-то стремительное, неотразимо-побѣдоносное». И предъ этой красотой Андрій ощутилъ въ своей душѣ «благоговѣйную боязнь».

Помѣщикъ (*«Коляска»*).—«Чрезвычайно толстый», «съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшія картофеля».

Пономарь (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—«Несется по Миргороду» и перелѣзаетъ черезъ плетень съ рыцарскою безстрашностью.

Поповичъ, Демидъ (*«Тарасъ Бульба»*).—«Сильно завзятаго нрава козакъ; не могъ долго высидѣть на мѣстѣ, уже давно маячилъ на Сѣчи, былъ подъ Адріанополемъ и много натерпѣлся на вѣку своемъ: «горѣлъ въ огнѣ и прибѣжалъ на Сѣчь съ обсмоленною, почернѣвшею головою и выгорѣвшими усами; но раздобрѣлъ вновь Поповичъ, пустилъ за ухо оселедецъ, вырастилъ усы густые и черные, какъ смоль. И крѣпокъ былъ на ѣдкое слово Поповичъ. «Коли кому закрутитъ слово, такъ только ну...» На угрозу поляковъ обрѣзать козакамъ чубы, отвѣтилъ ѣдкимъ словомъ, котораго не выдержали враги. — «А хотѣлъ бы я поглядѣть, какъ они намъ обрѣжутъ чубы!»—говорилъ Поповичъ, поворотившись передъ ними на конѣ, и потомъ, поглядѣвши на своихъ, сказалъ: «А что-жъ! Можетъ быть, ляхи и правду говорятъ: коли выведетъ ихъ вонъ тотъ пузатый, имъ всѣмъ будетъ добрая защита»: «позади его упрячется все войско, и ужъ чорта съ два изъ-за его пуза достанешь котораго-нибудь». Въ бою трехъ закололъ простыхъ и двухъ лучшихъ шляхтичей сбилъ съ коней, говоря: «Вотъ добрые кони! Такихъ коней я давно хотѣлъ достать». И выгналъ коней далеко въ поле, крича стоявшимъ козакамъ перенять ихъ. Потомъ вновь пробился въ кучу, напалъ опять на сбитыхъ съ коней шляхтичей; одного убилъ, а другому накинулъ арканъ на шею, привязалъ къ сѣдлу и поволокъ его по всему полю, снявши съ него саблю съ дорогою рукоятью и отвязавши отъ пояса цѣлый черенокъ съ червонцами». Съ ляхами попробовалъ онъ уже дѣла, хотѣлось попробовать съ татарами, и потому вызвался «въ догонъ за татарами», разорившими Сѣчь.

Поприщинъ (*«Записки Сумасшедшаго»*),—стр. 57.

Портной (*«Мертвыя Души, II»).*—Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: Иностранецъ изъ Лондона и Парижа. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара». Чичикову сшилъ «фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ».

Поручикъ (*«Ревизоръ»).*—«Пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо:—Жизнь моя, милый другъ, течетъ—говоритъ—въ эмпиреяхъ: барышенъ много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...»—«Съ большимъ чувствомъ описалъ», говоритъ почтмейстеръ, распечатавшій письмо Поручика.

Поручикъ изъ Рязани (*«Мертвыя Души»).*—Сосѣдъ по номеру Чичикова.—«Большой охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ».

Порфирій (*«Мертвыя Души»).*—Слуга Ноздрева; «долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ». Призванъ былъ Ноздревымъ «бить Чичикова».

Потанчиковъ, Филиппъ Ивановичъ (*«Носъ»).*—«Искалъ руки» дочери Подточиной, но безъ успѣха. По опредѣленію штабъ-офицерши, П. человѣкъ «хорошаго, трезваго поведенія и великой учености».

Потемкинъ (*«Ночь передъ Рождествомъ»).*—«Всѣ ли вы здѣсь?»—спросилъ Потемкинъ протяжно, произнося слова немного въ носъ. «Та вси, батько!» отвѣчали запорожцы, кланяясь... «Не забудете говорить съ Екатериной такъ, какъ я васъ училъ!» «Нѣтъ, батько, не позабудемъ». «Это царь?» спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.—«Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ—отвѣчалъ тотъ».

Потогонкинъ (*«Портретъ»).*—Подполковникъ. «Семь лѣтъ ужъ живетъ» на одной и той же квартирѣ.

Потылица, Харько (*«Страшный кабанъ»).*—Козакъ, отецъ Катерины.

Почечуевъ, Филиппъ Антоновичъ (*«Ревизоръ»).*—Уп. л. I, 3; купецъ.

Почтмейстеръ (*«Мертвыя Души»),*—стр. 59.

Почтмейстеръ (*«Ревизоръ»).*—См. Шпекинъ.

Пошлепкина, Февронія Петровна (*«Ревизоръ»).*—Слесарша—«Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его, ни въ чемъ никакого прибытка не было!» «Побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой!» (О дѣлѣ П. — см. Антонъ Антоновичъ). «Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобы всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ!»

Прасковья Осиповна (*«Носъ»).* — Жена цирульника Ивана Яковлевича, «довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе. Держала мужа въ строгости и считала для него «прихотью» пить кофе и одновременно ѣсть горячій хлѣбъ съ лукомъ.—«Пусть, дуракъ, ѣстъ хлѣбъ, мнѣ же лучше», думала про себя П. О.: «останется кофею лишняя порція». Когда въ испеченномъ ею же хлѣбѣ обнаруживается носъ, она обрушивается на мужа съ величайшимъ «негодованіемъ». «Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзалъ носъ?» закричала она съ гнѣвомъ: «Мошенникъ! пьяница! Я сама на тебя донесу полиціи...» «Сухарь поджаристый! знай умѣетъ только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобъ я стала за тебя отвѣчать полиціи?.. Ахъ ты, пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! вонъ!..»

Прасковья Θедоровна (*«Мертвыя Души»).*—Уп. л. По словамъ губернскихъ чиновниковъ, П. Θ. «надѣлилъ Богъ такою благодатію, что годъ—то несетъ: либо Праскушку, либо Петрушу».

Предводитель (*«Ревизоръ»).*—Сдѣлалъ Хлопову выговоръ, «зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству», такъ какъ, когда П. вошелъ въ классъ, одинъ изъ учителей, по привычкѣ, «скроилъ такую рожу, какой Хлоповъ никогда еще не видывалъ».

Предсѣдатель палаты (*«Мертвыя Души»).*—См. Иванъ Григорьичъ.

Приказчикъ Манилова (*«Мертвыя Души»).*—«Человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ, ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказчикомъ. А сдѣлавшись приказчикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: во-

дился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай».

Приставъ частный (*«Мертвыя Души»*).—Замѣтивъ во время обѣдни, что у одной изъ дамъ внизу платья такое руло, которое растопырило его на полъ-церкви, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то есть, поближе къ паперти, чтобъ какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія».

Приставъ частный (*«Носъ»*).—«Большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей, но государственную ассигнацію предпочиталъ всему.—«Это вещь», обыкновенно говорилъ онъ: «ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ помѣстится, уронишь—не расшибется». Пришедшаго къ нему Ковалева (по дѣлу о пропавшемъ носѣ) П. «принялъ довольно сухо». Сказалъ, «что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть» и, наконецъ, по его убѣжденію, «у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа».

Пробка, Степанъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Плотникъ, бывшій крѣпостной Собакевича, который голову готовъ былъ прозакладывать, если Чичиковъ гдѣ сыщетъ такого мужика. «Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи—ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ роста».—«Мертвая душа» П. была запродана Чичикову за два съ полтиной серебромъ.

Прокуроръ (*«Мертвыя Души»*).—Человѣкъ серьезный и молчаливый, «съ вѣчно неподвижною физіономіей» «съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ такъ, какъ будто бы говорилъ: «пойдемъ, братъ, въ другую комнату; тамъ я тебѣ что-то скажу». Играя съ Ноздревымъ «въ большую игру, П. вмѣстѣ съ полицмейстеромъ чрезвычайно внимательно разсматривали взятки Ноздрева и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ».— —Толки о «мертвыхъ душахъ» и слухи о назначеніи новаго генералъ-губернатора «неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого, умеръ! Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: «Ахъ, Боже мой!»—послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ».

Пролетовъ (*«Тяжба»*).—Секретарь. «Взглянувши на вашу физіономію, говоритъ ему Бурдюковъ, при первомъ знакомствѣ никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ». Не обижайтесь, такъ какъ слова—словами, а дѣло дѣломъ.

Протопопа-сынъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Служитъ въ палатѣ. Вмѣстѣ съ протопопомъ-отцомъ, Бѣгушкинымъ и Трухачевскимъ является свидѣтелемъ при совершеніи Чичиковымъ купчей.

Протопопъ Кириллъ (*«Мертвыя Души»*).—Свидѣтель при совершеніи Чичиковымъ купчей.

Протопопша (*«Мертвыя Души»*).—Жена о. Кирилла. Къ ней ночью пріѣхала Коробочка «узнать навѣрно, почемъ ходятъ мертвыя души», которыя скупаетъ Чичиковъ. П. разсказала этотъ «совершенный романъ» дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ.

Профессоръ (*«Портретъ»*).—Профессоръ живописи; «не разъ» говорилъ своему ученику Чарткову:—«Смотри, братъ, у тебя есть талантъ; грѣшно будетъ, если ты его погубишь; но ты нетерпѣливъ; тебя одно что-нибудь заманитъ, одно что-нибудь тебѣ полюбится—ты имъ занятъ, а прочее у тебя дрянь, прочее тебѣ ни почемъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь. Смотри, чтобъ изъ тебя не вышелъ модный живописецъ: у тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски; рисунокъ у тебя не строгъ, а подчасъ и вовсе слабъ, линія не видна; ты ужъ гоняешься за моднымъ освѣщеньемъ, за тѣмъ, что бьетъ на первые глаза—смотри, какъ разъ попадешь въ аглицкой родъ. Берегись: тебя ужъ начинаетъ свѣтъ тянуть; ужъ, я вижу, у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картинки и портретики за деньги; да вѣдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу; брось щегольство—пусть ихъ другіе набираютъ деньги,—твое отъ тебя не уйдетъ». П., замѣтивъ на улицѣ щегольски одѣтаго Чарткова, который лихо шмыгнулъ» возлѣ, сдѣлавъ видъ, что не узнаетъ своего учителя, «остолбенѣлъ» и «долго еще стоялъ неподвижно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своемъ».

Прохоровъ (*«Ревизоръ»*).—Квартальный. Когда спрашиваетъ о немъ городничій, оказывается, что П. «въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ». «Привезли его поутру мертвецки. Вотъ ужъ два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился». «Вчерашняго дня случилась за городомъ драка—поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ».

Прошка (*«Мертвыя Души»*).—Слуга Плюшкина «мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что ступая, едва не вынималъ «изъ нихъ ноги». «Глупъ, вѣдь, какъ дерево, а попробуй что нибудь положить—мигомъ украдетъ, отзывался о П. Плюшкинъ. Онъ же не довѣряетъ П. отнести сухарь въ кладовую.

Пуговицынъ (*«Ревизоръ»*).—Квартальный. «Высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту»; посылается «съ десятскими подчищать тротуаръ».

Пудько, Кузубія (*«Неоконченная повѣсть»*).—«Средняго роста воинъ, посѣдѣвшій человѣкъ». «Небольшое продолговатое лицо его было уже прорыто морщинами. Носъ, загнувшійся внизъ, придавалъ ему нѣсколько горбатое сложеніе и неподвижность членамъ; но за то узенькіе сѣрые глаза продирались довольно увертливо сквозь чащу насунувшихся бровей, которыя, вѣрно, придали бы лицу суровый видъ, если бы нижняя часть лица, что-то простодушное и веселое въ губахъ, не давали ему противнаго выраженія. Подъ кобенякомъ, надѣтымъ въ рукава, виденъ былъ овчинный кожухъ, хотя воздухъ былъ довольно тепелъ и день былъ жарокъ». Торгуетъ всякой дрянью: табакъ, кремни, дробь, порохъ; сѣра. За отсутствіемъ собесѣдниковъ разговариваетъ со своимъ гнѣдко и очень интересуется, что для него милѣе, пшеница или овесъ? «П. не выносилъ, «когда видѣлъ, что младшій равняется съ старшими». «Эхъ, добродію!» говоритъ П. Остраницѣ — «Если бы теперь, кто сказалъ: «А ну, старый, гайда на войну бить ляховъ!»—все бы продалъ и жинку, и дѣтей бы покинулъ, пошелъ бы въ компанейство». Остраницу, задумавшаго оставить свои воинственные планы, бранитъ щенкомъ и дурнемъ. Когда сердитъ, то рѣчь свою оканчиваетъ возгласомъ «жинко! жинко!»—«и Боже сохрани жинкѣ не явиться тотъ же часъ!» Жена его—«изсохнувшее, едва живущее существо».

Пупопузъ, Антонъ Прокофьевичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—См. Антонъ Прокофьевичъ.

Пухивочка, Дорошъ Тарасовичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—См. Дорошъ Тарасовичъ.

Пѣтухъ, Алексаша (*«Мертвыя Души», II*).—Сынъ П. П., гимназистъ.

Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ (*«Женитьба»*).—Уп. л. Мичманъ въ эскадрѣ капитана Болдырева. «Былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ—вдругъ засмѣется, ей-Богу, и до самаго вечера смѣется».

Пѣтухъ, Николаша (*«Мертвыя Души», II*).—Сынъ П. П., гимназистъ. Разсказалъ Чичикову, «что у нихъ въ гимназіи не очень хорошо учатъ», а въ городѣ стоитъ «гусарскій полкъ».

Пѣтухъ, Петръ Петровичъ (*«Мертвыя Души», II*),—стр. 62.

Р

Р. княгиня (*«Портретъ»*).—«Чудное сліяніе нашей сѣверной красоты съ красотой полудня—брильянтъ, какой попадается на свѣтѣ рѣдко». «Все, казалось, въ ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть». «Пламенно» влюбилась въ князя Р. и вышла за него замужъ. Но «въ одинъ годъ никто не могъ узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собой толпы покорныхъ поклонниковъ». К. «заговорила о разводѣ», но мужъ ея покончилъ съ собой.

Р. князь (*«Портретъ»*).—См. князь Р.

Растаковскій, Иванъ Лазаревичъ (*«Ревизоръ»*). — «Отставной чиновникъ, почетное лицо въ городѣ» V, 3.

Ректоръ (*«Вій»*).—Ректоръ кіевской духовной семинаріи. «Вишь, чортовъ сынъ!.. говоритъ Хома Брутъ, длинноногій вьюнъ!»—«Послушай, domine Хома»,—объясняется въ свою очередь Р. съ подчиненнымъ ему воспитанникомъ:—«тебя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я тебѣ скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню не нужно будетъ ходить». Отдаетъ Р. своего ученика въ полное распоряженіе сотника за крупу и яйца, и проситъ еще и рыбы, и «особенно осетрины».

Ринальдъ (*«Альфредъ»*).—Воинъ короля Губбо; палъ отъ руки Эдвига.

Ростовщикъ (*«Портретъ»*).—«Существо во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенное», жилъ въ Петербургѣ (въ Коломнѣ), ходилъ въ широкомъ азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхожденіе; но какой именно былъ онъ націи—индѣецъ, грекъ, персіянинъ—объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно. Высокій, почти необыкновенный ростъ, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то непостижимо-страшный цвѣтъ его, большіе, необыкновеннаго огня глаза, нависнувшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ всѣхъ пепельныхъ жителей столицы»... «Эти сильныя черты, врѣзанныя, такъ глубоко, какъ не случается у человѣка; этотъ горячій, бронзовый цвѣтъ лица; эта непомѣрная гущина бровей, невыносимые страшные глаза, даже самыя широкія

складки его азіатской одежды,—все, казалось, какъ будто говорило, что предъ страстями, двигавшимися въ этомъ тѣлѣ, были блѣдны всѣ страсти другихъ людей». Люди, встрѣчаясь съ Р. на улицѣ, «невольно чувствовали страхъ» и озирались назадъ, «слѣдя пропадавшую въ дали его непомѣрно высокую фигуру». Б.-отецъ при встрѣчѣ съ Р. всякій разъ останавливался и не могъ «удержаться, чтобъ не произнести:—«Дьяволъ, совершенный дьяволъ!» Жилище Р. «не похоже было на прочіе маленькіе деревянные домики. Это было каменное строеніе въ родѣ тѣхъ, которыя когда-то настроили вдоволь генуэзскіе купцы, съ неправильными, неравной величины окнами, съ желѣзными ставнями и засовами». «Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна, сундуки, покрытые странными коврами»,—все это поражало посѣтителя. Р. «могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ нищей-старухи до расточительнаго придворнаго вельможи. Предъ домомъ его показывались часто самые блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы. Молва, по обыкновенію, разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоцѣнностей, брильянтовъ и всякихъ залоговъ, но что, однакоже, онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ». «Онъ давалъ деньги охотно, распредѣляя, казалось, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то странными ариѳметическими выкладками заставлялъ ихъ восходить до непомѣрныхъ процентовъ». Но «странная была судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги; всѣ они оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпые суевѣрные толки, или съ умысломъ распущенные слухи—это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько примѣровъ, случившихся въ непродолжительное время предъ глазами всѣхъ, были живы и разительны». Разсказывали о молодомъ вельможѣ, о блестящемъ князѣ Р., разсказывали множество примѣровъ, случившихся въ низшихъ классахъ, «которые всѣ имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человѣкъ сдѣлался пьяницей; тамъ купеческій приказчикъ обворовывалъ своего хозяина; тамъ извозчикъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошъ зарѣзалъ сѣдока». Въ концѣ концовъ, всеобщая молва приписала этому Р. «сверхъестественное существованіе».— —«Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣтъ; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно какъ живой?» сказалъ Р. художнику. Б. согласился, но почувствовалъ скоро, что не можетъ «болѣе выносить» своей натуры и заявилъ Р., что бросаетъ работу. Страшный ростовщикъ измѣнился при этихъ словахъ. «Онъ» бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ этого зависитъ судьба его и существованье въ мірѣ; что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то не умретъ совершенно; что ему нужно присутствовать въ мірѣ». Р. умеръ, но съ недоконченнаго портрета «глядятъ» его глаза и портретъ всѣмъ владѣльцамъ приноситъ несчастья.

Руальдъ (*«Альфредъ»).*—Братъ Гримуальда. Говоритъ о себѣ: «Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ крышей? Развѣ платье мое на мачтѣ сушилось, а не на мнѣ?» «Я себѣ отвоюю лучшій замокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксcкихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества».

Рыцарь (*«Альфредъ»).* — Кричитъ: «Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись!» «Дорогу... королевскому тану Этельбальду!» Получивъ пощечину отъ Эгберта, закричалъ:—«Мы увидимся, проклятый длиннорукій».

С

Савва Гавриловичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»).*—Уп. л. Гость на ассамблеѣ у городничаго Петра Ѳедоровича.

Самойловъ, Петръ Петровичъ (*«Мертвыя Души»).*—Уп. л. Управитель для мужиковъ Чичикова, подысканный предсѣдателемъ палаты.

Самосвитовъ (*«Мертвыя Души»,* II).—«Чиновная особа. Эпикуреецъ, лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги страшныя, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ. Если бы послать его куда нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятеля пушку,—это его бы дѣло. Но, за неимѣніемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ быть, его сдѣлали бы честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ отъ всѣхъ силъ»; «странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила: съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ. За освобожденіе и «совершенное оправданіе Чичикова, назначаетъ цѣну въ тридцать тысячъ рублей».

С. же добылъ «запечатанную» при арестѣ шкатулку Чичикова и явился «распорядителемъ»: «выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что не бдительны, осмотрѣлъ, приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ нибудь компрометировать Чичикова, и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей». «Превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина (соучастница Чичикова въ подлогѣ завѣщанія), онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. «Давно ты здѣсь стоишь?» — «Съ утра, ваше благородіе».—«Долго до смѣны?»—«Три часа, ваше благородіе!»—«Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы на мѣсто тебя отрядилъ другого».—«Слушаю, ваше благородіе!» И, уѣхавъ домой на минуту, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ. Самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативъ первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ: «Ступай! меня прислалъ командиръ выстоять на мѣсто тебя смѣну». Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. «Въ это время на мѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась.

Самуйло (*«Тарасъ Бульба»*).—Уп. л. Жидъ.

Свербыгузъ, Касьянъ (*«Ночь передъ Рождествомъ»*). — «Степенный козакъ, бравшій самаго низкаго баса». Когда Свербыгузъ бывалъ въ церкви, то «по всей церкви слышно было, какъ онъ клалъ поклоны».

Свистуновъ (*«Ревизоръ»*)—Уп. л.—Квартальный. Про него и Держиморду городничій говоритъ: «Экіе косолапые медвѣди, стучатъ сапогами. Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто нибудь съ телѣги».

Свѣтская дама (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, напр., какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели: выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предалась самой порочной и непозволенной любви; но представьте это увлекательно, такъ, чтобы я побуждена была къ ней участьемъ, чтобы я полюбила ее. А вѣдь здѣсь всѣ лица—одинъ отвратительнѣй другого!.. «Скажите, отчего у насъ въ Россіи все еще такъ тривіально?». Мужъ перебиваетъ ее: «Душа моя, послѣ разскажешь, отчего тривіально: кричатъ нашу карету».

Селифанъ (*«Мертвыя Души»*),—стр. 63.

Семенъ (*«Игроки»*).—Уп. л. Поваръ.

Семенъ Семенычъ (*«Развязка Ревизора»*). — Человѣкъ тоже не малаго свѣта, но въ своемъ родѣ», «горячится», въ спорѣ. «Самому Семену С. нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взятъ съ Н. М. Загоскина» (письмо Г. къ Щепкину, 1841). Объ игрѣ Щепкинъ отзывается такъ: «Михайло Семеновичъ!.. (въ безсиліи выразить словомъ, выражаетъ движеніемъ руки), вы просто Асмодей!» Я даже вижу вредъ (въ «Ревизорѣ»). Въ пьесѣ выставлено намъ униженье наше; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И при томъ, какое неуваженіе, какая даже дерзость... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ смѣть сказать въ глаза всѣмъ: «Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь». — «Я по крайней мѣрѣ, не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ «Ревизорѣ» людьми. Извините! не хвастаюсь, я не безъ пороковъ, такъ же, какъ и всѣ люди, но все же я не похожъ на нихъ. Это уже слишкомъ! Въ эпиграфѣ выставлено: «На зеркало нечего пенять, если рожа крива!» Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ; развѣ у меня рожа крива? Ѳедоръ Ѳедоровичъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива?.. Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ, развѣ у меня рожа крива?» Отрицаетъ существованіе аллегорическаго смысла въ «Ревизорѣ». Въ концѣ, концовъ заявляетъ: «Признаюсь, ваши [1]) слова заставили меня задуматься. Вы думаете возможенъ этотъ поворотъ смѣха на самого себя, противъ собственнаго лица».

Сибиряковъ, Савелій (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Мастеръ. Фамилія С. С. была вырѣзана «по ошибкѣ» на одномъ изъ турецкихъ кинжаловъ, которые показалъ Чичикову Ноздревъ.

Сидоръ, о. (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Попъ деревни Трухмачевка. По увѣренію Ноздрева, С. назначилъ за вѣнчаніе Чичикова съ губернаторской дочкой 75 р., «и то не согласился бы, если бы онъ, Ноздревъ, не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумѣ».

Симониха (*«Страшный кабанъ»*).—Содержательница шинка; подсматриваетъ, какъ цѣлуются Катерина съ Онисько. Отъ ея ядовитыхъ рѣчей можно спастись только бѣгствомъ.

---

[1]) «Михалъ Михалыча», «перваго комическаго актера». *Ред.*

Сильфида Петровна (*«Отрывокъ»*). — Жена Ермолая Ивановича, знакомаго Собачкина. По словамъ Собачкина, «лѣтъ пять тому назадъ попала въ исторію».

Синій армякъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—Послѣ представленія новой комедіи: «Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа».

Сифредъ (*«Альфредъ»*).—Танъ «никогда не былъ безчестнымъ». «Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить».

Сквозникъ-Дмухановская, Анна Андреевна (*«Ревизоръ»*).—Стр. 14.

Сквозникъ-Дмухановская, Марья Антоновна (*«Ревизоръ»*).—Стр. 40.

Сквозникъ-Дмухановскій, Антонъ Антоновичъ (*«Ревизоръ»*).—Стр. 15.

Скудронжогло, Константинъ Ѳедоровичъ (*«Мертвыя Души»*). — См. Костанжогло.

Слесарша (*«Ревизоръ»*).—См. Пошлепкина.

Слуга трактирный (*«Ревизоръ»*).—Принесъ Хлестакову обѣдъ. «А соуса почему нѣтъ?»—Соуса нѣтъ.—Да оно то-есть, пожалуй, да нѣтъ.—«Какъ нѣтъ?»—Да ужъ нѣтъ.—«А семга, а рыба, а котлеты?»—Да это для тѣхъ, которые почище-съ. —«Ахъ, ты觉 дуракъ!»—Да-съ.—«...Развѣ они не такіе же проѣзжающіе?»—Да ужъ извѣстно, что не такіе.—Обыкновенно какіе! Они ужъ извѣстно: они деньги платятъ.—Мы приемемъ-съ; хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно».

Слуга-трактирный (*«Мертвыя Души»*).—Весь длинный, живой и вертлявый, въ длинномъ демикатонномъ сюртукѣ, со спинкой чуть не на самомъ затылкѣ. На вопросъ Чичикова, «большой ли подлецъ хозяинъ», отвѣчалъ:—«О, большой, сударь, мошенникъ!»— —Каждый разъ, когда носъ Чичикова «звучалъ какъ труба», встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: «не нужно ли чего?»

Собакевичъ (*«Мертвыя Души»*),—стр. 64.

Собакевичъ, Ѳеодулія Ивановна (*«Мертвыя Души»*).—«Дама весьма высокая»; носила чепецъ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Ходила «степенно, держа голову прямо, какъ пальма». Когда Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳ. И., «она почти впихнула ему въ губы руку, вымытую огуречнымъ разсоломъ».

Собачкинъ (*«Отрывокъ»*),—стр. 66.

Совѣтникъ надворный (*«Женитьба»*).—Уп. л. Одинъ изъ бывшихъ жениховъ Агафьи Тихоновны, которому, по словамъ Ѳеклы, отказали, потому что «не понравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Что-жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть...».

Солопій Черевикъ (*«Сорочинская Ярмарка»*).—См. Черевикъ Солопій.

Солопій Чубко (*«Страшный кабанъ»*).—Мельникъ; «дерзнулъ утверждать, что старшинамъ со стороны его нечего опасаться, что готовъ онъ держать закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ рѣшетиловскихъ смушковъ, если смыслитъ учитель, какъ остановить пятерню и поворотить застоявшійся жерновъ».

Солоха (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—Мать кузнеца Вакулы.—«Имѣла отъ роду не больше сорока лѣтъ; была ни хороша, ни дурна собою... Однако жъ она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степенныхъ козаковъ (которымъ, не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома), и козакъ Корній Чубъ, и козакъ Касьянъ Свербыгузъ». «Къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ! Завидя Солоху въ церкви, голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ и говорилъ стоявшему близъ его сосѣду: «Эхъ, добрая баба! чортъ баба! Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному. Однако «благосклонность къ старому Чубу» удвоивалась, когда она «размышляла о томъ», какой приметъ порядокъ хозяйство Чуба, когда «перейдетъ въ ея руки». «А чтобы, какимъ-нибудь образомъ, сынъ ея Вакула не подъѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ, и тогда бы, навѣрное, не допустилъ ее мѣшаться ни во что, она прибѣгала къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ—ссорить, какъ можно чаще, Чуба съ кузнецомъ. Можетъ быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма...»

Сорокоплехинъ, Еремѣй (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Бывшій крѣпостной Собакевича; по характеристикѣ барина, «одинъ встанетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ пятьсотъ рублей». Чичиковъ пріобрѣлъ «мертвую душу» С. у Собакевича за два съ полтиной серебромъ.

Сотника-дочь (*«Майская ночь»*).—См. Утопленница.

Сотникъ (*«Майская ночь»*).—Женился вторично, и «на четвертый день приказалъ своей дочкѣ отъ первой жены носить воду, мести хату, какъ простой мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои, а на пятой день выгналъ ее босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу».

Сотникъ (*«Вій»).*—Престарѣлый владѣлецъ большого имѣнія, «любилъ повеселиться». Послѣ смерти единственной дочери «глубокое уныніе на лицѣ» С. «и какой-то блѣдно-тощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ въ одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли на вѣки».—«Я не о томъ жалѣю, моя наимилѣйшая дочь,—говорить онъ у гроба покойницы,—что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣка, на печаль и горесть мнѣ, оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что не знаю того, кто былъ лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И если бы я зналъ, кто могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказать что-нибудь непріятное о тебѣ, то, клянусъ Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если онъ такъ же старъ, какъ и я, ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ, и тѣло его было бы выброшено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ! Но горе мнѣ, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной вѣкъ свой безъ потѣхи, утирая полою дробныя слезы, текущія изъ старыхъ очей моихъ, тогда какъ врагъ мой будетъ веселиться и втайнѣ посмѣиваться надъ хилымъ старцемъ...» Во исполненіе послѣдней воли умершей дочери, выписываетъ изъ Кіева бурсака Хому Брута, чтобы тотъ читалъ три ночи «писаніе» надъ ея тѣломъ. «Слушай, философъ!» сказалъ сотникъ (когда Хома отказался читать надъ покойницей)— и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и грозенъ: «я не люблю этихъ выдумокъ. Ты можешь это дѣлать въ вашей бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то, что ректоръ. Знаешь ли ты, что такое кожаные канчуки?» «Какъ не знать!» сказалъ философъ, понизивъ голосъ: «всякому извѣстно, что такое кожаные канчуки: при большомъ количествѣ—вещь нестерпимая». «Да. Только ты не знаешь еще, какъ хлопцы мои умѣютъ парить!» сказалъ сотникъ грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усыпленный только на время горестью. «У меня прежде выпарятъ, потомъ вспрыснутъ горѣлкою, а послѣ опять. Ступай, ступай, исправляй свое дѣло! Не исправишь—не встанешь, а исправишь—тысяча червонныхъ!»

Софи (*«Записки Сумасшедшаго»).*—Дочь директора. По словамъ Поприщина, «канарейка», «такъ и дышетъ отъ нея генеральствомъ». «Всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится», «и пріѣзжаетъ домой съ балу въ 6 часовъ утра». «Влюблена въ Теплова до безумія».

Софи Ватрушкова (*«Отрывокъ»).*—Уп. л.

Софья Ивановна (*«Мертвыя Души»).*—См. Дама просто пріятная.

Спекуляторъ (*«Носъ»).*—Почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки. Когда пронеслись слухи о прогулкахъ Ковалева по Невскому проспекту, то на улицахъ у иныхъ магазиновъ, гдѣ предполагали присутствіе носа, сдѣлалась давка, «С. нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ, прочныхъ скамеекъ, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться, за восемьдесятъ копѣекъ отъ каждаго посѣтителя».

Спиридъ (*«Вій»).*—Казакъ, слуга сотника.

Стариковъ, Алексѣй Дмитріевичъ (*«Женитьба»).*—Женихъ изъ купцовъ. Кланяется «живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь за бока». Познакомиться съ невѣстой приходитъ подъ видомъ покупки шерсти и тотчасъ задаетъ вопросъ: «Вона! Аль невдопадъ пришли? аль и безъ насъ дѣло сварили?»—«Нѣтъ, тутъ что-то спѣсьевато. Ай, припомните потомъ, Агафья Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа!»

Старикъ (*«Неоконченая повѣсть»).*—«Стодвадцатилѣтній старикъ, дряхлый, посѣдѣлый, какъ лунь». «Бей еще!»—говоритъ онъ польскому улану, занесшему на него руку.—«Самъ я виноватъ, что дожилъ до такихъ лѣтъ, что и счетъ уже имъ потерялъ. Сто лѣтъ, а можетъ и больше тому назадъ, меня драли за чубъ, когда я былъ хлопцемъ у батька. Теперь опять бьютъ. Видно, снова воротились лѣта мои... Только нѣтъ, не то, не въ силахъ теперь и руки поднять. Бей же меня!..»

Староста церкви (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—Любилъ «по временамъ раздобаривать глазъ-на-глазъ съ дѣдовской чаркой», и какъ-то, не успѣвъ «еще раза два достать дна», увидѣлъ, «что чарка кланяется ему въ поясъ».

Старуха (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»).*—Содержательница постоялаго двора. Имѣетъ трактиръ, «но если бы» кто нибудь «захотѣлъ позавтракать, какъ обыкновенно завтракаютъ порядочные люди, то сохранилъ бы въ ненарушимости свой аппетитъ до другого случая».

Старуха (*«Сорочинская ярмарка»).* — «Продавица бубликовъ». «Подвижная лавка» ея «была рядомъ съ яткою шинкарки»; С. «раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенно подобіе своего лакомаго товара».

Старуха-просительница (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»).*—Находилась въ передней суда и тщетно прилагала «усилія своихъ костлявыхъ рукъ», чтобы помочь застрявшему въ дверяхъ И. Н.

Статскій (*«Театральный разъѣздъ»).*—См. Военный.

Стеклярь Стокоза (*«Страшная месть»*).—Уп. л.

Стемидъ (*«Альфредъ»*).—По желанію Губбо, долженъ воспѣвать доблести Гримуальда. «Знаешь, какую пѣсню?—такую, чтобы въ груди все встрепенулось—отвага, самое большое веселье, и руки схватились за рукоятки мечей», говоритъ С. Губбо.

Степанъ (*«Женитьба»*).—Слуга Подколесина.

Степанъ (*«Страшная месть»*).—«Князь Седмиградскій», «былъ королемъ у ляховъ». «Воевалъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша такой, что самъ съ десятью янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что, если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему того пашу живого или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько даетъ на все войско». Когда же паша былъ доставленъ Иваномъ, король сказалъ смѣльчаку: «Бравый молодецъ!» «и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско», и «отвесть ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ».

Степанъ Гуска (*«Тарасъ Бульба»*).—Козакъ; во время битвы С. «пустился на перейму» за полковникомъ ляховъ «съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши всю голову къ лошадиной шеѣ и, улучивши время, съ одного раза накинулъ арканъ ему на шею и вогналъ ему въ самый животъ гибельную пику». Не успѣли оглянуться козаки, какъ уже увидѣли С. на четыре копья. Только и успѣлъ сказать бѣднякъ: «Пусть же пропадутъ всѣ враги и ликуетъ вѣчные вѣки русская земля...» И тамъ же испустилъ духъ свой.

Степанъ Пробка (*«Мертвыя Души»*).—См. Пробка, Ст.

Стецько (*«Страшная месть»*).—Вѣрный слуга Бурульбаша. На вопросъ Бурульбаша:—«что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?»—отвѣчаетъ—«Попробовалъ только, панъ». «Лжешь, собачій сынъ! Вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра», смѣется надъ нимъ Бурульбашъ.

Сторожъ (*«Тарасъ Бульба»*).—«Прежде всего заснулъ», «потому-что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей».

Сторожъ департамента (*«Шинель»*).—Былъ посланъ начальникомъ справляться объ Акакіѣ Акакіевичѣ; воротившись, С. «сказалъ, что не можетъ быть больше» (Ак. Ак.), а на вопросъ: «почему?» отвѣтилъ:—«Да такъ: онъ уже умеръ—четвертаго дни похоронили».

Сторченка-мать (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»*).—«Низенькая старушка», «совершенный кофейникъ въ чепчикѣ». Знаетъ «множество секретовъ насчетъ дѣланія пастилы и сушенія грушъ». По словамъ Василисы Кашпаровны, «очень разумная и большая мастерица солить огурцы».

Сторченко, Григорій Григорьевичъ (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»*).—«Толстый помѣщикъ». «Голова его неподвижно покоилась на короткой шеѣ, которая казалась еще толще отъ двухъэтажнаго подбородка». Сидя за столомъ, «завѣсившись огромной салфеткой, С. походилъ на тѣхъ героевъ, которыхъ рисуютъ цирульники на своихъ вывѣскахъ». Имѣлъ обыкновенье послѣ обѣда ходить «по двору въ сюртукѣ, но безъ галстука, жилета и подтяжекъ», однако, «и этотъ нарядъ обременялъ его тучную ширину». Любилъ всхрапнуть и при этомъ пускалъ такой «носовой свистъ по всей комнатѣ», что будилъ спящихъ. Ночуя на постоялыхъ домахъ, передъ сномъ всегда «затыкаетъ на ночь уши съ того» «случая», когда «въ одной русской корчмѣ залѣзъ» ему «въ лѣвое ухо тараканъ». «Пузатая шельма»—по выраженію Василисы Кашпаровны.— —Когда Шпонька проситъ «по дарственной записи» слѣдуемыя ему деньги, С. «съ умысломъ» старается «поворотить рѣчь на другое», а подъ конецъ увѣряетъ, что не причастенъ къ дѣлу. Однако-жъ съ радушіемъ принимаетъ гостей и «съ мѣста не сойдетъ, покамѣстъ не выкушаетъ» гость.

Сторченко, Марья Григорьевна (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»*).—«Бѣлокурая барышня», «по виду около двадцати пяти лѣтъ». «Красива» собой, но «по всему лицу небольшія веснушки». По словамъ Ив. Ѳедор. Шпоньки, «весьма скромная и благонравная дѣвица».

Студентъ (*«Мертвыя Души»*).—Недоучившійся, рѣзкаго направленія.

Судья (*«Коляска»*).—Жилъ «въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею». Въ дни обѣдовъ у бригаднаго генерала питается лепешками изъ гречневой муки, да крахмальнымъ киселемъ, за отсутствіемъ провизіи на базарѣ.

Судья (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—См. Демьянъ Демьяновичъ.

Судья (*«Ревизоръ»*).—См. Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Сусанна, сьора (*«Римъ»*).—«Едва только блеснетъ утро, уже открывается окно и высовывается сьора Сусанна».

Сынъ трактирщика Власа (*«Ревизоръ»*).—Уп. л. «Родился три недѣли тому назадъ» и, по словамъ Бобчинскаго, «такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ».

Сынъ Добчинскаго (*«Ревизоръ»*).—«Мальчишка-то этакой... большія надежды подаетъ—говоритъ отецъ: наизусть стихи разные разскажетъ, и если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ».

Сысой Пафнутьевичъ (*«Мертвыя Души»*).—См. Макдональдъ Карловичъ.

Т

Табунщикъ (*«Вій»*).—Кумъ Микиты.

Тарасъ (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»*).—См. Понамарь.

Тарасъ Бульба (*«Тарасъ Бульба»*),—стр. 67.

Тарасъ Тихоновичъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—«Секретарь» миргородскаго повѣтоваго суда; сморкался «такимъ образомъ, какъ сморкаются всѣ секретари по повѣтовымъ судамъ, съ помощью двухъ пальцевъ», и «нюхалъ табакъ». На вопросъ судьи, послѣ принятія жалобы Ив. Ник., секретарь пустилъ сквозь губы густой «гм» и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски-двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву». «Дѣла» читалъ «такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы, слушая»; передъ «начатіемъ чтенія» «обыкновенно» дѣлалъ «свой приступъ», т. е. сморкался «безъ помощи носового платка».

Татарка (*«Тарасъ Бульба»*).—«Плѣнная татарка; горничная дочери ковенскаго воеводы».

Телятниковъ, Максимъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Сапожникъ, бывшій крѣпостной Собакевича. «Что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмѣльного». Одинъ изъ тѣхъ, чьи «мертвыя души» пріобрѣлъ Чичиковъ у Собакевича. См. Милушкинъ, Михѣевъ, Пробка и Телятниковъ.

Тепловъ (*«Записки Сумасшедшаго»*).—«Камеръ-юнкеръ», «гладкое широкое лицо съ черными бакенбардами». Любитъ Софи и бываетъ у нея «каждый день».

Терентій (*«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»*).—См. Коржъ.

Терентій Горобецъ (*«Вій»*).—Питомецъ кіевской бурсы, «риторъ; еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горѣлки и курить люльки. Онъ носилъ только оселедецъ, и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но, судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій воинъ. Богословъ Халява и философъ Хома часто дирали его за чубъ, въ знакъ своего покровительства, и употребляли въ качествѣ депутата». Въ старшемъ классѣ «съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами, такъ что на немъ и шаровары, и сюртукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками...»—«Я знаю», говоритъ онъ по поводу смерти Хомы Брута,—«почему пропалъ онъ: оттого, что побоялся; а если бы не побоялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ въ Кіевѣ всѣ бабы, которыя сидятъ на базарѣ, всѣ—вѣдьмы».

Теща (*«Майская ночь»*).—Имѣла «дѣтей штукъ съ пятеро». Когда за трапезой гость отъ чрезмѣрной ѣды «удавился», то ей «съ того времени покою не было. Чуть только ночь, мертвецъ и тащится» къ ней.

Тимошка (*«Мертвыя Души»*).—«Конторщикъ»; «откомандированный на слѣдствіе, Т. заступилъ мѣсто предсѣдателя—разбирать пьяницу-прикащика съ старостой, мошенникомъ и плутомъ».

Тихонъ Пантелеймоновичъ Купердягинъ (*«Женитьба»*).—См. Купердягинъ, Тихонъ Пантелеймоновичъ.

Товстогубы (*«Старосвѣтскіе Помѣщики»*).—См. Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна.

Ткачиха (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—«А вотъ къ кому ходитъ дьякъ!» сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху. «Такъ это ты, сука», сказала дьячиха... «такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ... Негодная! Тьфу!» Тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ. Ткачиха хотѣла и сама сдѣлать то же, но, вмѣсто того, плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ».

Трепакинъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Помѣщикъ.

Трубочистъ (*«Шинель»*).—«Задѣлъ всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ Акакія Акакіевича и вычернилъ все плечо ему».

Трухачевскій (*«Мертвыя Души»*).—См. Бѣгушкинъ.

Тряпичкинъ, Иванъ Васильевичъ (*«Ревизоръ»*).—«Пописываетъ статейки». «А ужъ Тряпичкину, точно, кто попадетъ на зубокъ,—берегись: отца родного не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ». «Бѣдствовалъ» вмѣстѣ съ Хлестаковымъ и «обѣдалъ на шерамыжку».

Туркилъ-Томсъ (*«Альфредъ»*).—«Изъ графства Гертингаль», «сеорлъ». «Бѣжалъ изъ Колдингама». Пріятель Вульфинга; вѣритъ, что датчанамъ «помогаетъ нечистая сила,—тотъ самый сатана, что искушаетъ людей, о которомъ читалъ» «въ церкви священникъ. «Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо», говоритъ Т.

Тымишъ-Коростявый (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—Коровій пастухъ.

Тѣнтѣтниковъ, Андрей Ивановичъ (*«Мертвыя Души», II*),—стр. 70.

У

Улинька Бетрищева *(«Мертвыя Души», II)*,—стр. 72.

Унтеръ-офицерская вдова Иванова *(«Ревизоръ»)*.—Жалуется, что городничій ее «высѣкъ». «По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши подрались на рынкѣ, а полиція подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дни сидѣть не могла». «Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повелѣли ему заплатить штрафъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились». По словамъ городничаго, она «сама себя высѣкла».

Управитель *(«Мертвыя Души»)*.—Уп. л. Нѣмецъ, молодой человѣкъ; женатъ на «институткѣ, молоденькой, субтильной». Въ случаѣ надобности, подмазывалъ судейскихъ «и приглашалъ къ себѣ на обѣдъ». А когда разъ судейскіе ввалились къ нему, «управитель такъ и оторопѣлъ» и закричалъ: «что вамъ угодно?» Тогда судейскіе стали требовать отчета по выкуриванію вина и, найдя недочеты, «связали У., да полтора года и просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ». «Отдѣлался» только «двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ».

Утопленница *(«Майская ночь»)*.—Дочь сотника. «Ясная панночка, бѣлая, какъ снѣгъ». «Длинныя рѣсницы ея были опущены на глаза». Отецъ «выгналъ ее босую изъ дому и куска хлѣба не далъ». «Погубилъ ты, батька, родную дочку свою! Прости тебя Богъ, а мнѣ, несчастной, видно, не велитъ Онъ жить на бѣломъ свѣтѣ!» и кинулась панночка въ воду. И съ той поры не стало ея на свѣтѣ...» «Старухи выдумали», что сотникова дочка сдѣлалась «главною» надъ утопленницами.

Утѣшительный, Степанъ Ивановичъ *(«Игроки»)*.—Игрокъ и шуллеръ. Считаетъ, что «человѣкъ весь принадлежитъ обществу». Это его «обязанность», «долгъ»; «часу не можетъ пробыть безъ дружескаго общества». Все, что ни есть на душѣ, готовъ разсказать каждому; «не можетъ безъ откровенности». По словамъ Швохнева, «горячъ необыкновенно, еще первыя два слова можно понять изъ того, что онъ говоритъ, а ужъ дальше ничего не поймешь».—«Если дѣло коснется обязанностей или долга, я, заявляетъ У., «ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: «господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право, увлекусь». Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ». Первый предлагаетъ открыться во всемъ Ихареву, «безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній» и предложить «дружескій союзъ», т. к., соединя «познанія и капиталы», можно дѣйствовать несравненно успѣшнѣй чѣмъ порознь». Знакомитъ Ихарева съ мнимымъ помѣщикомъ Гловымъ и его «сыномъ» и, учтя векселя послѣдняго у Ихарева, скрывается со своей компаніей.

Уховертовъ, Степанъ Ивановичъ *(«Ревизоръ»)*.—Частный приставъ.—Послѣ сватовства Хлестакова поздравлялъ городничаго: «Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта».—Когда городничій чихнулъ: «здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе». Уп. л. 1, 5.

Учитель *(«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»)*.—Преподавалъ въ «гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ латинскій языкъ». «Одинъ кашель его наводилъ страхъ на весь классъ». «На каѳедрѣ» у него «всегда лежало два пучка розогъ и половина слушателей стояла на колѣняхъ»; «высѣкъ пребольно Шпоньку».

Учитель *(«Ревизоръ»)*.—«Вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи—говоритъ городничій;—никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу вотъ этакъ (дѣлаетъ гримасу) и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду». «Когда зашелъ предводитель—говоритъ Лука Лукичъ,—онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ».

Учитель *(«Страшный кабанъ»)*.—См. Иванъ Осиповичъ.

Учитель дѣтей Манилова *(«Мертвыя Души»)*.—Во время обѣда «очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ (хозяевъ съ Чичиковымъ) и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ этимъ заплатить хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ (когда Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида) «и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей». Когда Маниловъ обратился съ вопросомъ къ Ѳемистоклюсу: «какой лучшій городъ во Франціи», Учитель «обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ: «Парижъ».

Учитель дѣтей Плюшкина *(«Мертвыя Души»)*.—Французъ; жилъ на антресоляхъ. «Славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ».

Учитель по исторической части *(«Ревизоръ»)*.—«Онъ ученая голова—это видно, говоритъ городничій,—и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ

такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ объ ассиріанахъ и вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей-Богу. Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?»

Учитель Чичикова (*«Мертвыя Души»*).—«Большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться, или ненарокомъ моргнуть бровью, чтобы попасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «—Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!» говорилъ онъ: «—я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!» «Способности и дарованія—это все вздоръ» говаривалъ онъ: «я смотрю только на поведеніе. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому—нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!» Онъ не любилъ на-смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», и разсказывалъ съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ». Отличилъ Чичикова.— —За глупость или другую вину У. былъ выгнанъ изъ училища и съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что, больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещились безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи бросили, сказавши: «Эхъ ты, жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...»

Учителя (*«Ревизоръ»*).—«Они, конечно, люди ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ,—говоритъ городничій,—но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ».

Фельдъегерь (*«Мертвыя Души»*).—«Трехъ-аршинный мужичина; ручища у него», «самой натурой устроена для ямщиковъ,—словомъ, дантистъ эдакой», по словамъ почтмейстера.

Фенарди (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Въ балаганѣ на ярмаркѣ, по словамъ Ноздрева, «четыре часа вертѣлся мельницею».

Фетинья (*«Мертвыя Души»*).—Дворовая Коробочка. «Мастерица сбивать перины», такъ что «напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ».

Х

Хавановъ (*«Мертвыя Души»*).—Свидѣтель въ судѣ; по словамъ Чичикова, «говорятъ, честенъ».

Хавронья Никифоровна (*«Сорочинская ярмарка»*).—Жена Черевика. По «красному, полному лицу» Х. Н. проскальзывало что-то очень «непріятное» и «дикое». Мужа своего она держала «въ рукахъ такъ ловко, какъ онъ возжи своей старой кобылы». Грыцко изругала такъ, что тотъ только удивлялся, какъ «языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова». За то, приходившему къ ней, въ отсутствіе мужа, Аѳанасію Ивановичу «заботливая Хивря» приготовляла «варенички, галушечки пшеничныя, пампушечки, товченички».—«Чего добраго вы, пожалуй, затѣете еще цѣловаться», говорила Аѳанасію Ивановичу Хавронья Никифоровна, «жеманно застегивая свою будто не нарочно разстегнувшуюся кофту».

Халява (*«Вій»*).—Бурсакъ; «былъ чрезвычайно мраченъ». «Рослый, плечистый мужчина и имѣлъ чрезвычайно странный нравъ: все, что ни лежало, бывало, возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ». Подобныя кражи Х. «производилъ не изъ

какой-нибудь корысти, но единственно по привычкѣ»,—такъ, стянувъ мимоходомъ съ воза карася, онъ тотчасъ забылъ объ этомъ и уже «разглядывалъ, что бы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса». Когда X. напивался пьянъ, то «прятался въ бурьянѣ, и семинаріи стоило большого труда сыскать его тамъ»... «По окончаніи курса наукъ, его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни, и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому-что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сдѣлана».—X. сохранилъ прежнія бурсацкія привычки. Напившись, онъ, пошатываясь, идетъ «спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ», причемъ крадетъ «старую подошву отъ сапога, валявшуюся на лавкѣ». Узнавъ о страшной смерти своего товарища Хомы Брута, X. «предался цѣлый часъ раздумью». «—Такъ ему Богъ далъ. Пойдемъ въ шинокъ, да помянемъ его душу!»

Ханасарова, Александра Ивановна *(«Мертвыя Души»)*.—Помѣщица; трехмилліонная тетушка Хлобуева. По словамъ послѣдняго, X. «натура крѣпковата». «Богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька». Въ прежнія времена у X. «однѣхъ канареекъ сотни четыре» было, моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ». «Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подъ 60, а X. зоветъ его: «Эй, малый». Если гость, какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ X. за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ,—и обнесутъ».

Харлампій *(«Предисловіе разсказчика»)*.—«Диканьскій попъ». «Уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ его нѣтъ на свѣтѣ».

Харя *(«Заколдованное мѣсто»)*.—«Носъ, какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри хоть по ведру воды влей въ каждую», «губы», какъ двѣ колоды», «красныя очи выкатились поверхъ и еще языкъ высунула и дразнитъ». «Экая мерзостная рожа» говоритъ дѣдъ.

Хвеська *(«Сорочинская ярмарка»)*.—Покойная жена Черевика.

Хивря *(«Сорочинская ярмарка»)*.—См. Хавронья Никифоровна.

Хлестаковъ, Иванъ Александровичъ *(«Ревизоръ»)*,—стр. 73.

Хлибъ *(«Тарасъ Бульба»)*.—Куренной атаманъ, переяславскаго куреня; схваченъ былъ въ плѣнъ «какъ собака сонный» во хмелю «безъ шароваръ и верхняго убранства»; «крѣпко курнулъ и прокурилъ долю свою»; отъ стыда «въ одну ночь посѣдѣла крѣпкая голова его».

Хлобуевъ, Семенъ Семеновичъ *(«Мертвыя Души»)*,—стр. 76.

Хлобуева *(«Мертвыя Души», II)*.—«Молодая» жена Семена Сем. «Была хоть куда: въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ грязь. Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чѣмъ мужъ, и что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна».

Хлобуевы *(»Мертвыя Души»)*—Дѣти Семена Семеновича. Ихъ было шестеро. «Всѣ были прекрасны: мальчики и дѣвочки—заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы».

Хлоповъ, Лука Лукичъ *(«Ревизоръ»)*,—стр. 78.

Хлопова *(«Ревизоръ»)*.—Жена Луки Лукича (бѣжитъ впередъ): «Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (цѣлуются). А я такъ право обрадовалась. Говорятъ мнѣ: «Анна Андреевна выдаетъ дочку».—«Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ и такъ обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчикъ; вотъ какое счастье Аннѣ Андр.!» «Ну, думаю себѣ,—слава Богу!» И говорю ему: «Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъявить лично А. А.» ...и такъ право обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» «Луканчикъ—говорю; я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются».—[Въ письмѣ къ Щепкину, 1841. Гоголь пишетъ: «На лицахъ дамъ-гостей ядовитая усмѣшка (въ послѣдней сценѣ при заявленіи жандармъ), кромѣ одной жены Луканчика, которая должна быть вся испугъ, блѣдна, какъ смерть, и ротъ открытъ»].

Хлоста, Харлампій Кирилловичъ *(«Предисловіе къ Вечерамъ»)*—Уп. л., Засѣдатель.

Хозяйка *(«Шинель»)*.—Семидесятилѣтняя старуха, хозяйка Акакія Акакіевича. Департаментскіе чиновники острили, что X. бьетъ своего постояльца по щекамъ. На страшный стукъ Акакія Акакіевича, вернувшагося ночью, послѣ того какъ его ограбили, X. «поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, придерживая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку». Выслушавъ разсказъ ограбленнаго, она «всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо къ частному».

Хозяинъ лавки *(«Портретъ»)*.—На Щукиномъ дворѣ; «сѣренькій человѣкъ, во фразовой шинели, съ бородой, небритой съ самаго воскресенья». Стоя у двери, зазываетъ прохожихъ, «указывая одной рукой на лавку»: «Сюда, батюшка! вотъ картины! зайдите, зайдите! съ биржи получены». «Вотъ за этихъ мужичковъ и за ландшафтикъ возьму бѣленькую. Началъ онъ торговаться и условливаться въ цѣнѣ, «еще не узнавъ, что нужно Чарткову. Живопись-то какая! просто, глазъ прошибетъ; только-что получены съ биржи: еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима,—

возьмите зиму! пятнадцать рублей! одна рамка чего стоитъ! Вонъ она какая зима!» «Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, вѣроятно, чтобы показать всю доброту зимы». Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и снести за вами? Гдѣ изволите жить? Эй, малый! подай веревочку». Когда Чартковъ отказывается отъ предлагаемыхъ картинъ, Х. отходитъ и, вдоволь наговорившись съ сосѣдомъ, лоскутнымъ продавцомъ, опять обращается къ Чарткову:— —«А что-жъ, возьмите портретъ!» сказалъ хозяинъ.— —«А сколько?» сказалъ художникъ.— —«Да что за него дорожиться? три четвертачка давайте!»—«Нѣтъ».— —«Ну, да что-жъ даете?»— —«Двугривенный»—сказалъ художникъ, готовясь идти.— —«Экъ цѣну какую завернули! да за двугривенный одной рамки не купишь! Видно, завтра собираетесь купить? Господинъ, господинъ, воротитесь! гривенничекъ хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенный. Право, для почину только; вотъ только, что первый покупатель». Засимъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто бы говорившій: «Такъ ужъ и быть, пропадай картина!»

Холопъ *(«Тарасъ Бульба»)*.—«Въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами», разносилъ панамъ напитки и съѣстное во время казни козаковъ.

Хома Брутъ *(«Вій»)*.—Воспитанникъ кіевской бурсы, юноша семинаристъ философскаго класса». «Философъ Х. Б. былъ нрава веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку; если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ тропака. Онъ часто пробовалъ крупнаго гороху (порку короткими кожаными канчуками), но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря что, чему быть, того не миновать». «Несмотря на веселый нравъ свой» и безпечность, Х. Б. былъ по натурѣ нѣсколько трусовать: «боялся нѣсколько волковъ», вѣдьмъ и всякой нечистой силы, хотя и говорилъ, что онъ «козакъ и ничего на свѣтѣ не долженъ бояться». При встрѣчѣ съ вѣдьмой «философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но, къ удивленію, замѣтилъ, что руки его не могутъ приподняться, ноги не двигались, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце». Вѣдьма ему «задаетъ такіе страхи, что никакое писаніе не учитывается», хотя противъ нечистой силы Х. Б. «зналъ молитвы и заклинанія, которымъ научился у одного монаха. Когда же старуха-вѣдьма обращается въ молодую красавицу, Хома въ страхѣ убѣгаетъ обратно изъ хуторовъ въ Кіевъ, «раздумывая о такомъ непонятномъ происшествіи. Ему часто приходилось возлагать надежду на свои ноги». «Всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полпудовую краюху хлѣба и фунта четыре сала», но часто чувствовалъ, что «въ животѣ какъ будто кто-то колесами сталъ ѣздить». «Однако-же философъ скоро сыскался, какъ поправить свое горе», «вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы; онъ глянулъ на шаровары богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ: богословъ уже успѣлъ подтибрить съ воза цѣлаго карася. Тогда философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и вытащилъ карася». Въ другой разъ, въ Кіевѣ онъ прошелъ, «посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-то молодою вдовою въ желтомъ очипкѣ, продававшей ленты, ружейную дробь и колеса,—и былъ въ тотъ же день накормленъ пшеничными варениками, курицею... «Въ тотъ же самый вечеръ видѣли философа въ корчмѣ: онъ лежалъ на лавкѣ, покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросилъ жиду-корчмарю ползолотой. Передъ нимъ стояла кружка. Онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи». «Въ другой разъ, одна смазливая молодка хватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ-было пощупать и полюбопытствовать, изъ какой матеріи у нея была сорочка и плахта».

Хома Прокоповичъ *(«Тарасъ Бульба»)*.—Уп. л. Козакъ, который вызвался «идти» вмѣстѣ съ другими «въ догонъ за татарами».

Хорошо одѣтые, первый и второй *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Послѣ представленія новой комедіи — «сторонятся и даютъ дорогу» «господину въ шинели». Первый: «не знаешь, какой генералъ? Должно быть какой нибудь извѣстный». Второй: «Не знаю, я никогда не видывалъ его».—Когда «чиновникъ разговорчиваго свойства» вмѣшался, разсказывая всѣ подробности о генералѣ, одинъ изъ нихъ говоритъ другому: «Уйдемъ!» и уходятъ.—«Должно быть, матушкины сынки. Чай, въ иностранной коллегіи служать,» говоритъ о нихъ чиновникъ.

Хорунжій *(«Тарасъ Бульба»)*.—«Длинный, съ густыми усами и, казалось, не было у Х. недостатка въ краскѣ на лицѣ». Въ битвѣ, когда «размахнулся со всего плеча» и ударилъ саблей Бородатаго, на Х. налетѣлъ Остапъ, «связалъ его по рукамъ и ногамъ, прицѣпилъ конецъ веревки къ сѣдлу и поволокъ его черезъ поле, сзывая громко всѣхъ козаковъ, чтобы шли отдать послѣднюю честь атаману».

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ *(«Ревизоръ»)*.—«Уѣздный лѣкарь». «Насчетъ врачеванья мы съ Хр. И. взяли свои мѣры,» говоритъ Земляника: «чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше—лѣкарствъ дорогихъ мы не употрбляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоро-

вѣетъ. Да и Хр. И. затруднительно было бы съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ»· Хр. И., вмѣсто отвѣта на русскія слова, «издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и и нѣсколько на е».

Хрулевъ (*«Мертвыя Души»)*.—Правитель вновь образовавшагося комитета сельскихъ построекъ въ имѣніи Кошкарева.

Художникъ (*«Портретъ»)*.—Художникъ, «усовершенствовавшійся» въ Италіи и приславшій геніальную картину, предъ которой «всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію». Отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ этотъ X. «страсть къ искусству, съ пламенной душою труженика погрузился въ него всей душою своей, оторвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ спѣетъ величавый разсадникъ искусствъ,—въ тотъ чудный Римъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ, какъ отшельникъ, погрузился онъ въ трудъ и въ неразвлекаемыя ничѣмъ занятія. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣньи обращаться съ людьми, о несоблюденіи свѣтскихъ приличій, объ униженіи, которое онъ причинялъ званію художника своимъ скуднымъ, нещегольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердилась ли или нѣтъ на него его братья. Всѣмъ пренебрегъ онъ, все отдалъ искусству. Неутомимо посѣщалъ галлереи, по цѣлымъ часамъ застаивался передъ произведеніями великихъ мастеровъ, ловя и преслѣдуя чудную кисть. Ничего онъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданіяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не входилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуристовъ, ни противъ пуристовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть, извлекая изо всего только то, что было въ немъ прекрасно, и, наконецъ, оставилъ себѣ въ учители одного божественнаго Рафаэля,—подобно, какъ великій поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, оставлялъ, наконецъ, себѣ настольною книгой одну только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, что бы не отразилось уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И за-то вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти».

Ц

Царица (*«Пропавшая грамота»)*.—Когда дѣдъ дьяка, Ѳомы Григорьевича, прибывъ во дворецъ съ грамотой и пройдя четыре дворцовыя комнаты, въ пятой увидѣлъ наконецъ царицу: «сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галушки ѣстъ». Ц. «велѣла ему насыпать цѣлую шапку синицами...»

Цеолинъ (*«Альфредъ»)*.—Танъ короля Альфреда.

Цирульникъ (*«Носъ»)*.—См. Иванъ Яковлевичъ.

Цыбула (*«Сорочинская ярмарка»)*.—Кумъ Черевика. «Будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!» говоритъ Ц. про самаго чорта, но, испугавшись свиной рожи, заползаетъ «въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги».

Цыганъ (*«Сорочинская ярмарка»)*.—«Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный язвительною улыбкою, небольшіе, но живые, какъ огонь, глаза и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ». Надѣтъ на немъ «темно-коричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль; длинные, валявшіеся по плечьямъ охлопьями, черные волосы; башмаки, надѣтые на босыя, загорѣлыя ноги,—все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу». По опредѣленію Грыцко, Ц. принадлежалъ къ тому «племени», которому «все бы корысть только: поддѣть, да обмануть добраго человѣка».

Ч

Чартковъ, Андрей Петровичъ (*«Портретъ»)*,—стр. 78.

Частный (*«Шинель»)*.—Полицейскій офицеръ: бываетъ «всякое воскресенье въ церкви, молится, а въ то же время весело смотритъ на всѣхъ, и по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ». Когда, поутру рано, Акакій Акакіевичъ отправился къ Ч. по дѣлу о своей шинели, ему сказали, что Ч. «спитъ». Онъ «пришелъ въ десять—сказали опять: «спитъ»; онъ пришелъ въ одиннадцать—сказали: «да нѣтъ частнаго дома»; онъ въ обѣденное время—но писаря въ прихожей никакъ ни хотѣли пустить. Когда же Акакій Акак. настоялъ, наконецъ, чтобы его приняли, то Ч. «принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о

грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ».

Чеботаревъ *(«Игроки»)*.—Уп. л. Полковникъ, котораго, по словамъ Гаврюшки, «обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотыя эполеты».

Человѣкъ *(«Какъ поссорился Ив. Ив.»)*.—«Высокій, худощавый», «въ байковомъ сюртукѣ, съ пластыремъ на носу», «сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда залетѣла къ нему въ носъ муха».

Человѣкъ, Богъ вѣсть какого свойства *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Первый: «послѣ представленія новой пьесы: «Ну, что это право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы Богъ знаетъ что!» «Пьеса» повеселила, какъ обыкновенно веселитъ всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? Разсуждаютъ, какъ будто о какой нибудь важной вещи, аплодируютъ... Ну, что это такое? Ну, я понимаю, если бы какая нибудь пѣвица или танцовщица—ну, тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту». «Ну танцоръ, напримѣръ! тамъ все-таки искусство, ужъ этого никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я напримѣръ, да у меня просто ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша—не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно не учившись». «Что же здѣсь за трудъ? что тутъ такого?» «Да помилуйте, что же онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно—ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну что такое они пишутъ? Вѣдь это все пустяки, побасенки. Захоти, я сейчасъ же это напишу, и вы напишете, и всякій напишетъ». «Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бъ еще была, положимъ, какая нибудь ученая наука, какой нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается,—вотъ и вся штука!» «Трата времени и больше ничего... Просто бы нужно запретить давать имъ перо и чернила въ руки».

Человѣкъ, Богъ вѣсть какого свойства, впрочемъ благородной наружности и прилично одѣтый *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Второй; слабо пытается защищать; комедію противъ нападокъ перваго, «однако-жъ пьеса повеселила, развлекла «Да. конечно, вещь неважная», «но однако-жъ всетаки что нибудь онъ долженъ знать: безъ этого нельзя писать». Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.» Третій: «Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время».

Человѣкъ молодой *(«Мертвыя Души»)*.—«Въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъподъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ» (Уп. л. I, 1.).

Человѣкъ большого свѣта Петръ Петровичъ *(«Развязка Ревизора»)*.—«Играющему П. П. нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Онъ долженъ скопировать того, котораго онъ зналъ говорящаго лучше всѣхъ по-русски».—«Слова произносить долженъ нѣсколько погромче, чѣмъ въ обыкновенномъ разговорѣ» «съ нѣкоторымъ заливомъ».—«Можетъ сказать нехвастовски, былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы»—и не видѣлъ лучшихъ актеровъ, не встрѣчалъ подобной игры», какъ у Щепкина.— —Относительно «Ревизора» думаетъ такъ: «Не вижу я въ «Ревизорѣ», даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу». «Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно въ самомъ сочиненіи». «Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое-то сочиненіе, на что именно бьетъ оно, къ чему клонится, что новаго хочетъ доказать собой».—Аллегорическій смыслъ (см. «Первый комическій актеръ») въ «Ревизорѣ» онъ отрицаетъ. «Комедія пишется для всѣхъ. Изъ нея должны вывести нравоученіе всѣ.—Спрашиваю: зачѣмъ этого нравоученія никто не вывелъ, а только одни вы?»—Въ разговорѣ П. П. постоянно повторяетъ имя-отчество собесѣдника: «Всякое сочиненіе должно имѣть... свое собственное личное выраженіе, Николай Николаевичъ, иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаевичъ».

Человѣкъ почтенный и прилично одѣтый, № 2. *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Говоритъ о новой пьесѣ: «нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставлять дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которые бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство. Просто даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій».

Человѣкъ почтенный и прилично одѣтый *(«Театральный разъѣздъ»)*.—Послѣ представленія новой пьесы: «Это вѣрно, это есть у насъ и случается въ иныхъ

мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему выводить это?—вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія, какая польза отъ нихъ?—Вотъ что разрѣшите мнѣ! Что мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности такихъ представленій...»

Человѣкъ свѣтскій, поплотнѣе (*«Театральный разъѣздъ»*).—Выходя послѣ представленія новой пьесы, говоритъ съ живостью другому: «Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть, меньше какъ по полтораста рублей робертъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринъ мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ».

Человѣкъ свѣтскій, щеголевато одѣтый (*«Театральный разъѣздъ»*).—Послѣ представленія новой пьесы, сходя съ лѣстницы: «Плутъ портной претѣсно мнѣ сдѣлалъ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. За это я намѣренъ еще проволочить его—съ годика два не заплачу долговъ.

Человѣчекъ (*«Какъ поссорился Ив. Ив.»*).—«Среднихъ лѣтъ, черномазый съ пятнами по всему лицу, въ темно-синемъ, съ заплатами на локтяхъ, сюртукѣ, совершенная приказная чернильница! Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемежая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и, наконецъ, состряпало бумагу: въ миргородскій повѣтовый судъ» (отъ Ив. Никиф.).

Чепраковъ (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. Помѣщикъ.

Чептовичъ (*«Ревизоръ»*).—Помѣщикъ, затѣявшій процессъ, на землѣ котораго судья травитъ по этому зайцевъ. I, 1.

Черевикъ, Солопій (*«Сорочинская ярмарка»*).—Съ сѣдыми усами и важной поступью, «любопытный Ч. былъ «не слишкомъ далекъ» умомъ. Первую жену, «свою Хвеську» онъ «выучился обнимать» «на четвертый только день послѣ свадьбы», «да и то, спасибо куму: бывши дружкою, уже надоумилъ». «Пень да и полно», по выраженію Грицко. Ч. хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги», «привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ». Зная, «что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы» при первомъ неповиновеніи, Ч. рѣшался возражать ей только тогда, когда «успѣлъ уже хлебнуть». «Господи, Боже мой! за что такая напасть на насъ грѣшныхъ?» восклицаетъ Ч., «и такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а ты еще жинокъ наплодилъ!» Ч. любилъ выпить и уважалъ тѣхъ, кто «молодецки тянетъ пѣнную». Не прочь поразсуждать и пофилософствовать: «Богъ знаетъ что говоришь ты, кумъ», замѣчаетъ Ч., слушая разсказъ про «красную свитку», «какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ и рожки на головѣ». «Будь примѣрно я чортъ, чего оборони Боже», размышляетъ далѣе Ч., найдя у себя «красный обшлагъ свитки», сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями».

Черевыченко (*«Тарасъ Бульба»*).—Одинъ изъ «именитыхъ и дюжихъ казаковъ».

Черняевъ (*«Ревизоръ»*).—Купецъ. См. «квартальный». Уп. л.

Чертокуцкая (*«Коляска»*).—Молоденькая хорошенькая жена Пиѳагора Пиѳагоровича Чертокуцкаго. Когда замѣчаетъ, что она недурна, то просиживаетъ лишнихъ два часа передъ зеркаломъ. Мужа называетъ «пульпультикъ».

Чертокуцкій, Пиѳагоръ Пиѳагоровичъ (*«Коляска»*).—«Одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б..... уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ». «Служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ». «Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется «непріятною исторіею»: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее», объ этомъ навѣрное авторъ не помнитъ,—«дѣло только въ томъ, что его попросили въ отставку». «Впрочемъ, онъ этимъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей». «Онъ былъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться, бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами. Въ прошлые выборы далъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя побарски». Женился и взялъ за женою «двѣсти душъ приданаго и нѣсколько ты-

сячъ капиталу». Капиталъ употребилъ на шестерку лошадей, «вызолоченныя замки къ дверявъ, ручную обезьяну» и француза дворецкаго. «Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ были заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ». «Словомъ онъ былъ»... «изрядный помѣщикъ». Жену называетъ «моньмуня».

Чехтарева (*«Носъ»*).—Статская совѣтница, у которой Ковалевъ бывалъ по четвергамъ и о знакомствѣ съ которой постоянно упоминаетъ.

Чечилія (*«Римъ»*).—Рано утромъ «сьора высовываетъ руку изъ окна, чтобы достать бѣлье на протянутой веревкѣ, которое тутъ же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьемъ, киданьемъ на полъ и словами: «che bestia!»

Чиновникъ (*«Мертвыя Души»*).—Товарищъ Чичикова по службѣ въ таможнѣ. «Не устоялъ противъ соблазна, несмотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ». Помогалъ Чичикову въ исторіи съ «испанскими баранами» (см. Чичиковъ) и, послѣ четырехъ бараньихъ походовъ, у Ч. очутилось «четыреста тысячъ капиталу, но вскорѣ пріятели «поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть, нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему—обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: «Нѣтъ, врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты—такъ поповичъ!» И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для бóльшей досады: «Да, вотъ, молъ, что!» Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе, и хотя выраженіе: «вотъ, молъ, что!» могло быть сильно, но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ».

Чиновникъ (*«Мертвыя Души», II*).—«Весьма умный и расторопный»; когда ему «поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума; никакимъ образомъ нельзя было поймать нить дѣла» Чичикова.

Чиновникъ (*«Носъ»*).—Служилъ въ газетной экспедиціи по пріему объявленій. Сѣдой, въ старомъ фракѣ и очкахъ, сидитъ за столомъ и, держа въ зубахъ перо, считаетъ принимаемыя мѣдныя деньги. Слушаетъ «съ значительной миной» болтовню какого-то аристократическаго лакея въ галунахъ и бросаетъ «старухамъ и дворникамъ записки въ глаза». «Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ»,—заявилъ Ч. Ковалеву послѣ долгаго молчанія. На вопросъ почему,—поясняетъ: «Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ»... «Вотъ, на прошлой недѣлѣ, такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по расчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей, не помню, какого-то заведенія». «Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое»,—говоритъ онъ: «только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать это (потерю носа), какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ «Сѣверной Пчелѣ» (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку) для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ) или такъ для общаго любопытства». Отказываясь окончательно принять объявленіе, Ч., все же, «почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ», а затѣмъ потерявшему носъ человѣку предлагаетъ понюхать: «Не угодно ли вамъ понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ гемороидамъ это хорошо». Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Чиновникъ (*«Мертвыя Души», II*).—Молодой чиновникъ по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ. «Одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ con amore, не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ. Онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его, разобрать по частямъ—это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло наконецъ начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда передъ нимъ раскрывалась какая-нибудь труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда передъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Забота, трудъ выражались на его лицѣ, видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученіямъ.

Чиновникъ (*«Театральный разъѣздъ»*). —«Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка». «Ужъ нѣсколько разъ я хотѣлъ было бросить службу, но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не остается скрытою или потворствуемой... что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія... что есть благородное правительство, которое дозволитъ показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ».—Министръ, услышавъ эти мысли, предлагаетъ ему «государственную должность, довольно значительную». Онъ отказывается: «Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки?»—«Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды... У насъ до того дошло, что... если иной только не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя Богъ вѣсть какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится серьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его». «Нѣтъ, по мнѣ, кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія—не вѣрю я благородству: не стоитъ гроша его мышиное благородство».

Чиновникъ (*«Шинель»*).—Замѣститель Акакія Акакіевича, «гораздо выше ростомъ», выставляетъ «буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе».

Чиновникъ важной наружности (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Я бы все запретилъ. Ничего не нужно печатать. Просвѣщеньемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно».

Чиновникъ, добродушный (*«Театральный разъѣздъ»*).—«А все бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить! Все плуты, да плуты».

Чиновникъ, другой (*«Театральный разъѣздъ»*).—Послѣ представленія новой комедіи: «Теперь, значитъ, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ который на мнѣ,—его, значитъ, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка».

Чиновникъ изъ толпы (*«Театральный разъѣздъ»*).—Отзывъ о новой комедіи: «Да что вы говорите: «смѣшно, смѣшно!» Знаете ли, отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно».

Чиновникъ, молоденькій, уклончиваго свойства (*«Театральный разъѣздъ»*).—Подбѣгаетъ къ господину, надѣвающему шинель: «Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу».—А, здравствуй! Ты здѣсь? пришелъ смотрѣть?—«Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено». «Это правда, ваше превосходительство, совсѣмъ ничего нѣтъ (забавнаго)». «Это правда, ваше превосходительство» (что за этакія вещи нужно сѣчь).—«Теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?» «Какъ можно, ваше превосходительство?.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ! (Народу, толкая того и другого): эй, вы, посторонитесь, генералъ идетъ! (Подходя съ необыкновенной учтивостью къ двумъ щегольски одѣтымъ): Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу».

Чиновникъ, одинъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—О новой комедіи: «это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!»

Чиновникъ отставшій (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театръ!»

Чиновникъ полицейскій (*«Носъ»*).—См. Квартальный надзиратель.

Чиновникъ разговорчиваго свойства (*«Театральный разъѣздъ»*).—Услышавъ, какъ кто-то спрашиваетъ другого: «не знаешь, какой генералъ?» «подхватываетъ сзади»: «Просто статскій совѣтникъ, по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ 15 лѣтъ службы Владиміра, Анну, 3000 рублей жалованья, 2000 столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ комиссіи, да еще по департаменту». Когда бесѣдовавшіе, въ отвѣтъ на его вмѣшательство, уходятъ, онъ замѣчаетъ: «Должно быть, матушкины сынки. Чай, въ иностранной коллегіи служатъ. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи».

Чиновникъ сердитый, но, какъ видно, опытный (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Что онъ (авторъ комедіи) знаетъ?—чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все—враки. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то».

Чиновникъ среднихъ лѣтъ (*«Театральный разъѣздъ»*).—«Выходитъ съ растопыренными руками». «Это просто, чортъ знаетъ что такое. ...Этакое... Этакое... Это ни на что не похоже» (о новой комедіи).

Чипхайхилидзе (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л.—Грузинскій князь. I, 8.

Чичикова родственница (*«Мертвыя Души»*).—Уп. л. I, 11. Низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пигалицами». Присутствовала при рожденіи Павлуши Ч.; «взявши на руки ребенка, вскрикнула:—«Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: «ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца».

Чичикова родственница (*«Мертвыя Души»*).—Жившая въ городѣ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара» (Уп. л. I, 11).

Чичиковъ, Иванъ (*«Мертвыя Души»*).—Отецъ П. И. Ч. Дворянинъ, но столбовой или личный,—Богъ вѣдаетъ. Больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босу ногу»; безпрестанно вздыхалъ, ходя по комнатѣ, и плевалъ въ стоявшую въ углу песочницу. «Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ»—училъ онъ сына. Умеръ, когда сынъ «очутился уже юношей», оставивъ ему въ наслѣдство четыре безвозвратно заношенныя фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, ветхій домишко съ ничтожной землицей и незначительную сумму денегъ.

Чичиковъ, Павелъ Ивановичъ (*«Мертвыя Души»*),—стр. 80.

Чмыховъ, Андрей Ивановичъ (*«Ревизоръ»*).—Называетъ городничаго въ письмѣ «любезнымъ другомъ, кумомъ и благодѣтелемъ»; сообщаетъ ему о ревизорѣ: «Ты человѣкъ умный—пишетъ онъ—и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки».

Чортъ (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—«Врагъ человѣческаго рода». «Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ («Нѣмцами называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли». Примѣчаніе пасичника): узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ...Но за то сзади онъ былъ настоящій губернскій стряпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернскій стряпчій, а просто чортъ.

Чубъ Корній (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—Вдовый, «богатый козакъ». Восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатой. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму—корову, или дядю—толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій»...——Лѣнивъ, и нелегокъ на подъемъ»... Когда Солоха посадила его въ мѣшокъ, въ которомъ уже сидѣлъ дьякъ,—Ч. удивленъ...—«Вотъ тебѣ и на! ай да Солоха! Посадить въ мѣшокъ... То-то, я гляжу, у нея полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человѣка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... Вотъ тебѣ и Солоха!» «Никакъ не могъ забыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее». Когда Вакула пришелъ къ Ч. съ покаяніемъ и, давъ ему нагайку, просилъ «бить, да не гнѣваться»—Ч., «чтобъ еще больше не уронить себя, взялъ нагайку и ударилъ его три раза по спинѣ.—«Ну, будетъ съ тебя, вставай! Старыхъ людей всегда слушай!..»

Ш

Шампаринъ (*«Мертвыя Души»*).—Штабсъ-капитанъ. Оставилъ поссорившихся Чичикова и его пріятеля чиновника «въ дуракахъ» и воспользовался бабенкой, за которой ухаживали оба чиновника.

Шапуваленко, Остапъ (*«Ночь передъ Рождествомъ»*).—Ткачъ.

Швейцаръ (*«Римъ»*).—Почти всегда отсутствовалъ и «проводилъ все время въ кафе со своей булавой».

Швейцаръ губернатора (*«Мертвыя Души»*).—«Графская физіономія, батистовые воротнички», точно «откормленный жирный мопсъ». «Не приказано принимать», говоритъ онъ Чичикову, когда тотъ хотѣлъ повидать губернатора. «Послѣ чего Ш. сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель».

Швохневъ (*«Игроки»*).—Знаетъ по себѣ, что игрокъ «безъ практики», «это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны?»

Шептунъ (*«Вій»*).—По словамъ Дороша, «любилъ иногда украсть и соврать безъ всякой нужды, но... хорошій козакъ»...

Шепчиха (*«Вій»*).—Жена Шептуна, по словамъ мужа, когда увидѣла вѣдьму, «испугалась». Однако-жъ думаетъ: «Дай-ка я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть»,—и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она дверь отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея и прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка; да притомъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала,—это бы еще ничего; но вотъ вещь и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: «Охъ, лишечко!» да изъ хаты. Только видитъ, что въ сѣняхъ двери заперты; она на чердакъ; сидитъ и дрожитъ глупая баба; а потомъ видитъ, что панночка къ ней идетъ и на чердакъ, кинулась на нее и

начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку, всю искусанную и посинѣвшую; а на другой день и умерла глупая баба».

Шиллеръ (*«Невскій Проспектъ»*).—Молоденькая нѣмка, жена жестяныхъ дѣлъ мастера Шиллера. «Эта блондинка была легонькое, довольно интересное созданьице». На улицѣ «она остановливалась передъ каждымъ магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ кушаки, косынки, серьги, перчатки и другія бездѣлушки, безпрестанно вертѣлась, глазѣла во всѣ стороны и оглядывалась назадъ». Пироговъ, глядя на нее, говорилъ: «Ты, голубушка, моя!..» Отвѣчала ему «рѣдко, отрывисто и какими-то неясными звуками...» «При всей миловидности своей», она «была очень глупа...» «Впрочемъ, жена Шиллера, при всей глупости, была всегда вѣрна своей обязанности». Пирогову «довольно трудно было успѣть въ смѣломъ своемъ предпріятіи...» Сообщаетъ Пирогову, что ея мужъ «по воскресеньямъ не бываетъ дома», и что она «всегда охотница до танцевъ».

Шиллеръ (*«Невскій Проспектъ»*).—Извѣстный жестяныхъ дѣлъ мастеръ на Мѣщанской ул., «флегматикъ» и «совершенный нѣмецъ въ полномъ смыслѣ этого слова». Уже съ двадцатилѣтняго возраста Ш. «размѣрилъ всю свою жизнь и никакого ни въ какомъ случаѣ не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ 50-десяти тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба...» «Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копѣйки, но уменьшалъ только количество, и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но скоро, однакоже, привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной чайной ложечки въ свой супъ; впрочемъ въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому что выпивалъ тогда двѣ бутылки пива и одну бутылку тминой водки, которую, однакоже, онъ всегда бранилъ». Пилъ Ш. «вдохновенно, или съ сапожникомъ Гофманомъ, или со столяромъ Кунцомъ». Когда Ш. бывалъ пьянъ, онъ говорилъ:—«Я швабскій нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи...»—Велитъ товарищу Гофману отрѣзать себѣ носъ, т. к. ему приходится платить за табакъ «въ русскій скверный магазинъ». По праздникамъ же Ш. нюхаетъ Рапе, «потому что не хочетъ нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ...» «Чортъ побери!»—восклицаетъ пьяный Ш.—«Я нѣмецъ, а не русская свинья!..» «Я восемь лѣтъ живу въ Петербургѣ, у меня въ Швабіи мать моя, и дядя мой въ Нюренбергѣ, я нѣмецъ, а не рогатая говядина!!! Ухаживанья Пирогова за женой Ш. возбуждаютъ въ немъ «что-то похожее на ревность» и вслѣдъ затѣмъ Ш. жестоко расправляется съ офицеромъ, поцѣловавшимъ его жену. Объ офицерахъ Ш. говоритъ: «что такое офицеръ!..» «...полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣлаетъ этакъ: фу!..»

Шило, Мосій (*«Тарасъ Бульба»*).—«Сильный былъ онъ козакъ, не разъ атаманствовалъ на морѣ и много натерпѣлся всякихъ бѣдъ. Схватили ихъ турки у самаго Трапезонта и всѣхъ забрали невольниками на галеры, взяли ихъ по рукамъ и ногамъ въ желѣзныя цѣпи, не давали по цѣлымъ недѣлямъ пшена и поили противной морской водою. Все выносили и вытерпѣли бѣдные невольники, лишь бы не перемѣнять православной вѣры. Не вытерпѣлъ атаманъ М. Ш., истопталъ ногами святой законъ, скверною чалмою обвилъ грѣшную голову, вошелъ въ довѣренность къ пашѣ, сталъ ключникомъ на кораблѣ и старшимъ надъ всѣми невольниками. Много опечалились оттого бѣдные невольники, ибо знали, что если свой продастъ вѣру и пристанетъ къ угнетателямъ, то тяжелѣй и горше быть подъ его рукой, чѣмъ подъ всякимъ другимъ нехристомъ: такъ и сбылось. Всѣхъ посадилъ М. Ш. въ новыя цѣпи по три въ рядъ, прикрутилъ имъ до самыхъ бѣлыхъ костей жестокія веревки; всѣхъ перебилъ по шеямъ, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себѣ такого слугу, стали пировать и, позабывъ законъ свой, всѣ перепились, онъ принесъ всѣ шестьдесятъ четыре ключа и роздалъ невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кандалы въ море, а брали бы на мѣсто того сабли, да рубили турокъ. Много тогда набрали козаки добычи и воротились со славою въ отчизну, и долго бандуристы прославляли М. Ш. Выбрали бы его въ кошевые, да былъ совсѣмъ чудной козакъ. Иной разъ повершалъ такое дѣло, какое мудрѣйшему не придумать, а въ другой, просто, дурь одолѣвала козака. Пропилъ онъ и прогулялъ» все, всѣмъ задолжалъ на Сѣчи и, въ прибавку къ тому, прокрался, какъ уличный воръ: ночью утащилъ изъ чужого куреня всю козацкую сбрую и заложилъ шинкарю. За такое позорное дѣло привязали его на базарѣ къ столбу и положили возлѣ дубину, чтобы всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, отвѣсилъ ему по удару; но не нашлось такого изъ всѣхъ запорожцевъ, кто бы поднялъ на него дубину, помня прежнія его заслуги. Таковъ былъ козакъ М. Ш.——Когда во время боя одинъ изъ ляховъ глумился и кричалъ: «Нѣтъ изъ васъ, козаковъ-собакъ ни

одного, кто бы посмѣлъ противустать мнѣ». «Такъ есть же такіе, которые, бьютъ васъ, собакъ!» сказалъ Шило, кинувшись на него. И ужъ такъ-то рубились они! И наплечники, и зерцала погнулись у обоихъ отъ ударовъ. Разрубилъ на немъ вражій ляхъ желѣзную рубашку, доставъ лезвеемъ самаго тѣла: зачервонѣла козацкая рубашка. Но не поглядѣлъ на то Ш., а замахнулся всей жилистой рукой (тяжела была коренастая рука) и оглушилъ его внезапно по головѣ. Разлетѣлась мѣдная шапка, зашатался и грянулся ляхъ; а Ш. принялся рубить и крестить оглушеннаго». Но «тутъ же одинъ изъ слугъ убитаго хватилъ его ножемъ въ шею. Поворотился Ш. и ужъ досталъ бы смѣльчака; но онъ пропалъ въ пороховомъ дымѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ. Пошатнулся Ш. и почуялъ, что рана была смертельна. Упалъ онъ, наложилъ руку на свою рану и сказалъ, обратившись къ товарищамъ: «Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная русская земля и будетъ ей вѣчная честь!» И зажмурилъ ослабшія свои очи, и вынеслась козацкая душа изъ суроваго тѣла».

Шинкарь (*«Пропавшая грамота»).*—Когда дѣдъ разсказчика и его спутникъ прибыли къ одной изъ «шинокъ», то замѣтили, что «шинкарь одинъ, передъ каганцемъ, нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осыпухъ высушили чумацкія головы». «Я научу тебя, какъ найти грамоту», сказалъ шинкарь, когда получилъ отъ дѣда «пять золотыхъ», и затѣмъ указалъ ему путь.

Шлема (*«Тарасъ Бульба»).*—Жидъ, «бѣлый, какъ глина».

Шлейко (*«Гетманъ»).*—Уп. л. «Запорожскій сотникъ».

Шлепохвостова, княжна (*«Отрывокъ»).*—Миша отзывается о ней: «да вѣдь она, матушка, дура первоклассная». По мнѣнію Марьи Александровны: «Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ: иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ за то вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ».— «Помилуйте, куда ей сплетничать!—отвѣчаетъ Миша.—Она насилу слово можетъ связать да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь».

Шляхтичъ (*«Тарасъ Бульба»).*—«Статенъ и высокъ, какъ тополь». На немъ висятъ «черенокъ, полный червонцевъ, и дорогая сумка съ длинной дѣвичьей кудрею, сохранно хранившеюся на сердечную память». «Княжескаго рода», «четырехъ сотъ червонныхъ стоитъ одинъ конь его». Удалый. «Многіе козаки, завидя его, не смѣли подступить къ нему». Въ битвѣ Ш. убилъ Кобиту, еще двухъ, а третьяго опрокинулъ вмѣстѣ съ конемъ». Куренный атаманъ Кукубенко убиваетъ Ш.

Шляхтичъ (*«Тарасъ Бульба»).*—Молодой, «въ военномъ костюмѣ», надѣто на немъ «рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка, да старые сапоги». «Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ». «Вотъ это, душечка Юзыся», объясняетъ Ш. своей коханкѣ на казни запорожцевъ, «весь народъ, что вы видите, пришелъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите—держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого, что у него, душечка, ужъ больше не будетъ головы».

Шмуль (*«Тарасъ Бульба»).*—Жидъ, «бѣлый, какъ глина».

Шпекинъ, Иванъ Кузьмичъ (*«Ревизоръ»),*—стр. 87.

Шпингъ-Джонъ (*«Альфредъ»).*—Сказалъ, что «король ѣдетъ»; говоритъ народу: «Ей Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!»

Шпонька-тетушка. См. Василиса Кашпаровна Цупчевьска.

Шпонька, Иванъ Ѳедоровичъ,—стр. 87.

Шпонька-отецъ (*«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»).*—По словамъ Сторченка, «былъ рѣдкій человѣкъ». «Арбузы и дыни всегда бывали у него такіе, какихъ теперь нигдѣ нѣтъ».

Шрейдеръ (*«Утро дѣлового человѣка»).* Чиновникъ съ унив. образованіемъ.

Штабсъ-капитанъ (*«Мертвыя Души»).*—Опекунъ наслѣдника старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Ходитъ «въ полиняломъ мундирѣ».

Штабсъ-ротмистръ (*«Коляска»).*—Въ гостяхъ у Чертокуцкаго, «въ углу, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, разсказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка».

Штабсъ-ротмистръ (*«Мертвыя Души»).*—Мужъ Александры Степановны Плюшкиной, похитившій ее изъ родительскаго дома. «Мастеръ притоптывать шпорой», по словамъ Плюшкина.

Щ

Щепкинъ, Михайло Семеновичъ (*«Развязка Ревизора»).*—См. «Актеръ первый комическій» и «Михалъ Михалчъ».

Э

Эгбертъ *(«Альфредъ»).*—«Танъ изъ графства Сомерсетскаго». Ненавидитъ тана Этельбальда. Недоволенъ, что не имѣетъ права «провожать короля въ первомъ ряду», и говоритъ: «Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженьи 16 тановъ Sith, ситкундмянтовъ. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня теперь нѣтъ этого, но я защищалъ землю нашу». «Я хотѣлъ было сбить съ сѣдла копьемъ плута Киля, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ». «Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вотъ тебѣ рука! При первой надобностн, всегда привожу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ, съ добрыми конями, и самъ пятнадцатый, а надежный ли человѣкъ?—вонъ, гляди, сколько рубцовъ у меня!» «Кто несетъ жалобу на Этельвальда, тотъ подай мнѣ руку». «Хотя ты и простой сеорлъ» говоритъ Э. Кудреду, «а я танъ, но я пожимаю, потому что ты честный человѣкъ. Я тебѣ буду помогать». Затѣмъ «бьетъ» рыцаря, очищавшаго путь для Этельвальда, со словами: «отнеси ему эту пощечину», «и убѣгаетъ».

Эдвигъ *(«Альфредъ»).*—Графъ. По словамъ Альфреда, «кромѣ войны и думать ни о чемъ не хочетъ». Въ битвѣ съ датчанами говоритъ: «Вотъ тебѣ, собака датчанинъ! и «протыкаетъ» Ринальду «голову копьемъ». Къ сыну Э. относится презрительно: «Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижнію не пристрастенъ и копьемъ плохо владѣетъ».

Эдринъ *(«Альфредъ»).*—Танъ короля Альфреда. Считаетъ, что А. Богъ (а не человѣкъ).

Эмилія Ѳедоровна *(«Мертвыя Души»).*—Уп. л. «Внучатная сестра Катерины Михайловны».

Этельбальдъ *(«Альфредъ»).*—Отецъ Киля. «Старшій въ государствѣ и первый совѣтникъ въ витенагемотѣ» Высокородный графъ и танъ королевства, «богачъ», имѣетъ много земли», «но, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше», «подлецъ, мошенникъ» и «старый плутъ», говоритъ Кудредъ. «Какъ только датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ» Кудреда «въ свои ряды; заставилъ мостить «чертовскій мостъ», взялъ его «собственную землю, родительскую землю, которой было» «больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то, а «Кудреду отдалъ двадцать шаговъ песчанику за кладбищемъ». «Вретъ старый медвѣдь», говоритъ Эдвигъ (когда Э. увѣряетъ короля въ сохранности его отцовскихъ щитовъ), «лучшее копье стянулъ себѣ», но Э. лицемѣритъ и говоритъ: «Для тебя, государь, все радъ принесть».

Этельвульфъ, О. *(«Альфредъ»).*—Имъ «заведена была коллегія», которую сожгли датчане.

Этельредъ *(«Альфредъ»).*—Король саксонскій, братъ короля Альфреда, «храбро сражался» съ датчанами, «да сильнѣе перетянула сила».

Ю

Юзякина *(«Мертвыя Души»).*—«Старая дѣва», «фрейлина прежнихъ временъ», отчасти болтунья, отчасти сплетница, но весьма обворожительна своей любезностью, имѣетъ большія связи въ Петербургѣ».

Юзыся *(«Тарасъ Бульба»).*—Коханка молодого шляхтича; въ шелковомъ платьѣ. «Со страхомъ и любопытствомъ» Ю. слушала шляхтича, разсказывавшаго о предстоящей казни запорожцевъ.

Юрисконсультъ *(«Мертвыя Души», II).*—«Какъ скрытый магъ ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться». Ведя дѣло Чичикова о наслѣдствѣ по подложному завѣщанію, «произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ донесенія; жандармскому чиновнику далъ знать, что секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами». «Обдѣлаемъ все».—«Главное дѣло спокойствіе», писалъ Ю. въ запискѣ Чичикову.

Я

Явдоха *(«Старосвѣтскіе помѣщики»).* — Ключница.

Явтухъ Ковтунъ *(«Вій»).*—Сѣдоусый козакъ, одинъ изъ слугъ богатаго сотника. Выпивши, Я. рыдаетъ «отъ души о томъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, и что онъ остался однимъ—одинъ на свѣтѣ».—«Когда стара баба, то и вѣдьма»,—говоритъ Я. Во время похоронъ панночки Я. исполнялъ обязанности церковнаго старосты, и наблюдалъ за семинаристомъ. «Чортовъ Явтухъ!»—думаетъ Хома въ сердцахъ: «Я бы взялъ тебя, да за ноги... И мерзкую рожу твою, и все, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ».

Яичница, Иванъ Павловичъ *(«Женитьба»),*—стр. 89.

Янкель («*Тарасъ Бульба*»).—«Высокій и длинный, какъ палка, жидъ». Въ предмѣстьи Сѣчи «продавалъ кремни, завертки, порохъ и всякія войсковыя снадобья», даже калачи и хлѣбъ. «Осажденнымъ полякамъ (пану Галяндовичу) одолжаетъ сто червонцевъ. Съ запорожцами живетъ «какъ братъ родной» и совсѣмъ не похожъ на тѣхъ, «что арендаторствуютъ на Украйнѣ».—«То совсѣмъ не жиды: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить». «Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что нибудь нехорошее!» клялся Я.—«Такихъ пановъ еще никогда не видывалъ, ей-Богу, никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ!» А голосъ Я. «дрожалъ и замиралъ отъ страха». Несмотря на постоянную опасность, Я. ухитрялся во время похода между козацкими возами» втихомолку тащить свой возъ «съ нужнымъ запасомъ для козаковъ, который онъ клялся продавать по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще ни одинъ жидъ не продавалъ». Пану-поляку обѣщаетъ «пообождать долгъ» и еще дать въ займы, если панъ поможетъ собрать долги съ другихъ рыцарей». Изъ осажденнаго города приноситъ Тарасу извѣстіе, что Андрій перешелъ на сторону поляковъ:—«Перешелъ на ихъ сторону; онъ уже теперь совсѣмъ ихній».—«Врешь, свиное ухо!»—«Какъ же можно, чтобы я вралъ? Дуракъ я развѣ, чтобы вралъ? На свою бы голову я вралъ? Развѣ я не знаю, что жида повѣсятъ, какъ собаку, коли онъ совретъ передъ паномъ?»—«Такъ это выходитъ, онъ, по-твоему, продалъ отчизну и вѣру?»—«Я же не говорю этого, чтобы онъ продавалъ что: я сказалъ только, что онъ перешелъ къ нимъ».—«Врешь, чортовъ жидъ! Такого дѣла не было на христіанской землѣ! Ты путаешь, собака!»—«Пусть трава порастетъ на порогѣ моего дома, если я путаю. Пусть всякій наплюетъ на могилу отца, матери, свекора и отца отца моего, и отца матери моей, если я путаю. Если панъ хочетъ, я даже скажу, и отчего онъ перешелъ къ нимъ».—«Отчего?»—«У воеводы есть дочка-красавица. Святой Боже, какая красавица!»—Здѣсь жидъ постарался, какъ только могъ, выразить въ лицѣ своемъ красоту, разставивъ руки, прищуривъ глазъ и покрививши на-бокъ ротъ, какъ будто чего нибудь отвѣдавши.—«Ну, такъ что же изъ того?»—«Онъ для нея и сдѣлалъ все, и перешелъ. Коли человѣкъ влюбится, то онъ все равно, что подошва, которую коли размочишь въ водѣ, возьми, согни — — она и согнется». Тарасъ спасъ его отъ смерти; Я въ свою очередь помогаетъ Тарасу проникнуть къ Варшаву.

Янъ («*Тарасъ Бульба*»).—Уп. л. Бывшій сторожъ въ темницѣ.

Ярыжкинъ («*Носъ*»).—Столоначальникъ въ Сенатѣ. Большой пріятель Ковалева. Я. «вѣчно въ бостонѣ обремизивался, когда игралъ восемь».

Ѳ

Ѳедоровъ, Василій («*Мертвыя Души*»).—Уп. л. «Иностранецъ Василій Ѳедоровъ», такъ написано на вывѣскѣ «магазина съ картузами и фуражками».

Ѳедоръ Ѳедоровичъ («*Лакейская*»).—Баринъ напрасно звонитъ изъ кабинета слугъ, занятыхъ разговоромъ въ прихожей, разсерженный, хватаетъ Григорія за ухо. Получивъ извѣщеніе отъ Анны Петровны объ ея визитѣ, велитъ поскорѣе дать одѣться и никого не принимать.

Ѳедоръ Ѳедорычъ («*Развязка Ревизора*»).—«Любитель театра». Говоритъ Щепкину: «Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей». «Вѣнецъ искусства и больше ничего!.. Какъ можно доставить наслажденіе зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута. Я плакалъ: но плакалъ не отъ участья къ положенію лица—плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло оттого, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, что такое плутъ».—Защищаетъ противъ Семена Семеныча слова комедіи: «Чего смѣетесь? Надъ собой смѣетесь!»: «Вѣдь это не авторъ говоритъ, вѣдь это говоритъ городничій; это говоритъ разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются». По поводу возмущенія эпиграфомъ Ревизора» [1]) возражаетъ: «Вѣдь ты же (Семенъ Семеновичъ) опять и не красавецъ, какъ мы всѣ, грѣшные. Нельзя сказать ужъ такъ напрямикъ, чтобы твое лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотри, немножко косовато: ну, а что косо, то ужъ и криво». Не думаетъ, чтобы «авторъ имѣлъ въ виду» аллегорію въ «Ревизорѣ».

Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ «(*Мертвыя Души*»).—Чиновникъ департамента; «всегда куда нибудь затаскаетъ пробку съ казенной чернильницы».

Ѳедотовъ («*Мертвыя Души*»).—Уп. л. Одинъ изъ тѣхъ крѣпостныхъ Собакевича, чьи «мертвыя души» были имъ проданы за два съ полтиной съ души Чичикову. Въ реестрѣ противъ фамиліи Ѳ. было рукой помѣщика отмѣчено: «отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ».

Ѳекла Ивановна («*Женитьба*»),—стр. 89.

---

[1]) «На зеркало нечего пенять, коли рожа крива».

Ѳемистоклюсъ *(«Мертвыя Души»).*—Старшій сынъ Манилова, семи лѣтъ. Послѣ бойкихъ отвѣтовъ Ѳ. на вопросы отца (какой лучшій городъ во Франціи и у насъ), Чичиковъ открылъ въ Ѳ. «большія способности».—«О, вы еще не знаете его!» отвѣчалъ Маниловъ: «у него чрезвычайно много остроумія...» «если что нибудь встрѣтитъ: букашку, козявку, такъ ужъ у него глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе». Отецъ прочилъ Ѳ. «по дипломатической части». На вопросъ Манилова, хочетъ ли онъ быть посланникомъ, Ѳ. отвѣчалъ, «жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво»,—«хочу».—Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля».

Ѳетинья *(«Мертвыя Души»).*—Горничная Коробочки; «мастерица взбивать перины» и печь блины.

Ѳома *(«Заколдованное мѣсто»).*—Дьячокъ ***ской деревни; разсказчикъ былей.—«Да вотъ вы говорили насчетъ того», обращается онъ къ слушателямъ, «что человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ»... «Однако-же не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ, ей-Богу, обморочитъ». «Я тогда былъ еще дурень», вспоминаетъ онъ свое дѣтство, «малый подвижной, всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать... такъ нѣтъ же, не одиннадцать: я помню, какъ теперь, когда разъ побѣжалъ было на четверенькахъ и сталъ лаять пособачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою:—Эй, Ѳома, Ѳома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!— —Когда-то казачка плясалъ, «теперь уже», продолжаетъ онъ, «не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются».

Ѳома Большой *(«Мертвыя Души»).*—Крѣпостной Петра Петровича Пѣтуха». Здоровый мужикъ.

Ѳома Григорьевичъ *(«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—Дьячокъ ***ской церкви. Прежде чѣмъ «осѣдлать носъ свой очками», справлялся, не забылъ-ли онъ «подмотать» ихъ «нитками и облѣпить воскомъ». «До смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало, иногда, если упросить его разсказать что сызнова, то, смотри, что нибудь да вкиннтъ новое, или переиначитъ такъ, что узнать нельзя». Прослушавъ однажды чтеніе собственной своей повѣсти, возмутился: «Бреше, сучый москаль! Такъ ли я говорилъ?» Подъ вліяніемъ разсказовъ дѣда, которые любилъ онъ пересказывать, «принималъ часто издали собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернувшагося діавола». Не разъ слышавъ, какъ «чортъ—нечего бы и вспоминать его, собачьяго сына—такъ всхлипывалъ жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны стаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ метались по нему»; искренно возмущался, невѣріемъ, которое теперь «разошлось по свѣту». Не любилъ также «умниковъ», «которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ, «а показывать на позоръ свои зубы—есть умѣніе». Про женщинъ говорилъ, что имъ, «сами знаете, легче поцѣловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею».

Ѳома Григорьевичъ *(«Пропавшая грамота»).*—Дьячокъ ***ской церкви. Любитъ старину и постоянно разсказываетъ дѣвчатамъ о былыхъ временахъ. «Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь просто, что давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ!.. чудится, что вотъ - вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, и прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ».

Ѳома Меньшой *(«Мертвыя Души»).*—Крѣпостной Петра Петровича Пѣтуха.

Ѳомы Григорьевича дѣдъ *(«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—Умѣлъ чудно разсказывать. Когда бывало поведетъ рѣчь «про какое нибудь старинное чудное дѣло», у слушателей его «всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ». «Главное въ разсказахъ» его, по словамъ Ѳомы Григорьевича, было то, «что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что, бывало, ни скажетъ, то именно такъ и было».

Ѳомы Григорьевича покойнаго дѣда тетка *(«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).*—Уп. л. Содержательница шинка. «Всѣми силами старалалась надѣлить» Петра «родней, хотя бѣдному Петру было въ ней столько нужды, сколько намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ», и увѣряла, «что отецъ его и теперь на Запорожьи, былъ въ плѣну у турокъ, натерпѣлся мукъ, Богъ знаетъ, какихъ, и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу».

Ѳомы—мать *(«Заколдованное мѣсто»).*—Однажды, по неосторожности не замѣтивъ въ темнотѣ дѣда, на него «вылила горячіе помои».

Ѳыровъ, Абакумъ *(«Мертвыя Души»).*—Уп. л. Бурлакъ. Любитъ «вольную жизнь». Ходитъ по Волгѣ, «гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами».

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ[1] Н. В. ГОГОЛЯ

И ВХОДЯЩИХЪ ВЪ НИХЪ

ТИПОВЪ, ОБРАЗОВЪ,[2] ЛИЦЪ И ИМЕНЪ[3].

---

[1]) Произведенія въ „Перечнѣ“ расположены въ алфавитномъ порядкѣ и выдѣлены **жирнымъ** шрифтомъ.

[2]) Типы и образы, вошедшіе въ „Словарь“, отмѣчены *курсивомъ*.

[3]) Лица и имена, набранныя обыкновеннымъ шрифтомъ, отнесены въ „Указатель“.

1. **Альфредъ,** начало трагедіи изъ англійской исторіи. Написана въ 1835 г., между окончательной обработкой «Коляски» и «Ревизора» для театра. Отрывокъ трагедіи напечатанъ въ первый разъ послѣ смерти автора въ «Сочиненіяхъ и письмахъ Н. В. Г.» подъ редакціей П. А. Кулиша. Въ десятомъ изданіи сочиненій Г., редактированномъ Н. С. Тихонравовымъ, данъ исправленный текстъ. «Историческія данныя, на которыхъ основанъ «Альфредъ», собраны Г. во время составленія имъ курса исторіи среднихъ вѣковъ, читаннаго въ Петербургскомъ университетѣ. Наброски этого курса, служащіе комментаріемъ къ «Альфреду», см. соч. Гоголя. Изд. 10-е, стр. 638—645.

Альфредъ. — Арнуль. — Арвальдъ. — Брифрикъ. — Вульфингъ. — Гуптингъ. — Гримуальдъ. — Губбо. — Кудредъ. — Кисса. — Киль. — Кедовалла. — Лодродъ. — Одонъ. — Ринальдъ. — Руальдъ. — Рыцарь. — Сифредъ. — Стемидъ. — Туркилъ. — Цеолинъ. — Шпингъ. — Эгбертъ. — Эдвигъ. — Этельбальдъ. — Этельвульфъ. — Этельредъ. — Эдринъ.

Аннунціата, неоконченная повѣсть Г.; отрывокъ изъ нея появился подъ заглавіемъ «Римъ».

Арабески, заглавіе третьяго сборника произведеній Г., вышедшаго въ январѣ 1835 г. (Спб.). Сюда вошли статьи и повѣсти Г., написанныя за время 1830—1834 гг. Изъ художественныхъ произведеній въ «Арабескахъ» помѣщены: 1) «Портретъ», первоначальная редакція; 2) «Невскій проспектъ»; 3) «Записки сумасшедшаго»; 4) Глава изъ историческаго романа, напечатанная ранѣе въ альманахѣ Дельвига «Сѣверные Цвѣты» на 1831 г. и 5) «Плѣнникъ» второй отрывокъ изъ историч. романа («Гетманъ»).

Бисаврюкъ. Первоначальное названіе первой изъ помѣщенныхъ въ журналѣ («*Отечественныя Записки*», февраль и мартъ 1830 г.) безъ имени автора, повѣстей Г. (См. «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»).

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, повѣсти, «изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ». Первый сборникъ повѣстей Г. въ двухъ разновременно вышедшихъ книжкахъ (Т. 1-й—1831 г. Т. 2-й—1832 г., Спб.), которымъ безвѣстный еще Г. выступалъ на литературное поприще. За исключеніемъ «Вечера наканунѣ Ивана Купала», повѣсти, вошедшія въ «Вечера», раньше нигдѣ не печатались.—Въ изданіяхъ сочиненій Н. В. Гоголя, какъ вышедшихъ при жизни писателя, такъ и позднѣйшихъ, «Вечера» сохранили свое первоначальное дѣленіе на двѣ части. Въ первую вошли: «Сорочинская ярмарка», «Вечеръ накануне Ивана Купала», «Майская ночь» и «Пропавшая грамота». Во вторую: «Ночь передъ Рождествомъ», «Страшная месть», «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка» и «Заколдованное мѣсто». Каждая часть снабжена авторскимъ предисловіемъ. О своихъ впечатлѣніяхъ при печатаніи первой части «плода отдохновенія и досужихъ часовъ отъ трудовъ», Гоголь писалъ Пушкину: «любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я—къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни». («*Письма Гоголя*». Т. 2. Письмо Пушкину отъ 21 августа).

2. **„Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“,** повѣсть. При появленіи въ «Отеч. Записк.» 1830 г. носила заглавіе: «Бисаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала— малороссійская повѣсть (изъ народнаго преданія), разсказанная дьячкомъ Покровской церкви». Повѣсть вошла въ составъ перваго сборника повѣстей Гоголя («Вечера на хуторѣ») со значительными сокращеніями. Сокращенія и измѣненія, которыя произвелъ въ повѣсти Гоголь, обусловлены были одновременно появившейся въ русскомъ переводѣ повѣстью Тика «Чары любви» Галатея»—журналъ, изд. въ Москвѣ—№ 11—1830 г. Сходство между обѣими повѣстями отмѣтилъ еще Надеждинъ въ «Телескопѣ» 1831 г. По мнѣнію Н. С. Тихонравова, «сходство гоголевского разсказа съ повѣстью Тика въ отдѣльныхъ подробностяхъ фабулы объясняется общимъ источникомъ обоихъ произведеній».

Аѳанасій, о.—Басаврюкъ. — Вѣдьма. — Дьячокъ. — Ивась. — Коржъ. — Ляхъ.—Панычъ.—Петра Безродный.—Пидорка.—Староста.—Тарасъ. — Терентій.— Ѳома Григорьевичъ.

3. **„Вій“,** народное преданіе (1833—1834 гг.). Появилось въ первый разъ во второмъ томѣ «Миргорода».

Бабенка.—Вій.—Дорошъ.—Казакъ.—Оверко.—Овчаръ.— Микита. — Микола.—Погонщикъ.—Ректоръ.—Сотникъ.—Спиридъ.—Тиберій Горобець.—Халява.—Шептунъ.—Шепчиха.—Явтухъ Ковтунъ.—Хома Брутъ.

„Владиміръ третьей степени“, комедія «истребленная авторомъ». «Черновые лоскутки ея послужили для сценъ: «Утро дѣлового человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ».

4. **„Ганцъ Кюхельгартенъ“,** «идиллія въ картинахъ». Соч. В. Алова (писано въ 1827 году). Спб. 1829 г. Подъ такимъ заглавіемъ вышло въ свѣтъ юношеское произведеніе Гоголя. Цензурное разрѣшеніе помѣчено 7 мая 1829 г., но, спустя два мѣсяца, Гоголь, подъ вліяніемъ холоднаго пріема со стороны критики его идилліи, рѣшилъ сжечь свое произведеніе». И раньше и позднѣе Гоголь тщательно скрывалъ свое авторство стихотворнаго произведенія, которымъ онъ началъ свое печатное поприще». Эту тайну Гоголя зналъ лишь его «соученикъ и близкій другъ—Н. Я. Прокоповичъ». Экземпляры «Ганца Кюхельгартена» уничтожались авторомъ.

Гертруда.—Кюхельгартенъ, Ганцъ.—Лодельгамъ.—Луиза.—Пасторъ.—Фрицъ.

6. **Гетманъ,** неоконченный историческій романъ. Двѣ главы напечатаны въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» за 1831 г., второй отрывокъ, относящійся къ этому роману, «Плѣнникъ», напечатанъ въ «Арабескахъ» съ датой 1830 г. Написанная первая часть была сожжена, п. ч. «самъ авторъ былъ ею недоволенъ».

Глечикъ.—Дьяконъ.—Карпъ.—Лапчинскій.—Маруся.—Панъ.—Шляйкъ.

Гоголь, Н. В. Біографическую канву см. въ началѣ выпуска. Сводка главнѣйшихъ матеріаловъ для изученія писателя дана ниже (стр. 93—94).

Надъ своими произведеніями Г. работалъ долго. Промежутокъ многихъ лѣтъ отдѣляетъ первоначальные наброски отъ послѣдней редакціи, при чемъ появленіе произведенія въ печати не останавливало новой редакціонной работы со стороны автора. Такъ «Тарасъ Бульба» начатъ въ 1833 г. напечатанъ въ 35 г., и въ окончательной передѣлкѣ появился въ 1842 г., «Женитьба» 1833—1842 г., «Портретъ», 1837—1842 г., «Мертвыя Души» 1835—1840 г. Исправленіе текста «Ревизора» шло въ продолженіе восьми лѣтъ, послѣ его появленія въ печати и на сценѣ, съ 1834 г. по 1842 г.

Драматическія произведенія. Первые наброски первой истребленной впослѣдствіе Г. комедіи «Владиміръ 3-й степени» относятся къ 1832 г. «Лоскутки» этой комедіи представляютъ сцены: «Утро дѣлового человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ». Всего Г. написано девять драм. произведеній. Въ 1834 г. начатъ «Ревизоръ—законченъ въ 1835 г.; въ 1836 г. отдѣльныя сцены: «Утро дѣлового человѣка»; въ 1839 г.—«Тяжба» и «Лакейская»; въ 1840 г. «Отрывокъ» и «Театральный разъѣздъ»; въ 1842 г., начатые еще гораздо раньше: «Женитьба» (начало ком. «Женихи» относится еще къ 1833 г.)», «Игроки» (начаты въ 1836 г.) и окончательная отдѣлка текста «Ревизора».

7. **Заколдованое мѣсто,** быль, разсказанная дьячкомъ *** ской церкви. Въ первый разъ напечатана во второй части «Вечеровъ на хуторѣ».

Болячка.—Ковелекъ.—Крутотрыщенко.—Максимъ.—Остапъ.—Печерыця.—Стецько.—Харя.

8. **Женитьба,** комедія. Начата еще въ 1833 г. подъ заглавіемъ «Женихи». Закончивъ свое произведеніе, Г. въ 1835 г. вновь принимается за его передѣлку и перетравку. Комедія предназначалась въ 1836 г. авторомъ для бенефисовъ Щепкина въ Москвѣ и Сосницкаго въ Петербургѣ; однако, Г. вновь рѣшилъ приняться за коренную передѣлку комедіи. Это удалось ему не раньше 1838 г. Окончательная «перечистка» текста была закончена только въ 1842 г. и комедія появилась въ четвертомъ томѣ «Сочиненій Н. Гоголя». Цензура сдѣлала нѣсколько сокращеній въ текстѣ, предназначавшемся для сцены, передѣлавъ фамилію Анучкина на Ходилкина.

Агафья Тихоновна Купердягина.—Анучкинъ, Никаноръ Ивановичъ—Арина Пантелеймоновна.—Дуняша.—Дырка, мичманъ.—Жевакинъ 1-й,—*Жевакинъ 2-й.*—*Кочкаревъ, Илья Ѳомичъ.*—Купердягинъ, Тихонъ Пантелеймоновичъ.—Пантелеевъ, Акинфъ Степановичъ.—*Подколесинъ, Иванъ Кузмичъ.*—Пѣтуховъ, Антипъ

Ивановичъ. — Совѣтникъ Надворный. — Стариковъ, Алексѣй Дмитріевичъ. —Степанъ.—*Яичница, Иванъ Павловичъ.—Ѳекла Ивановна.*

9. «**Записки сумасшедшаго**». Напечатаны въ первый разъ въ третьемъ сборникѣ произведеній Г. («Арабески») съ подзаголовкомъ: «Клочки изъ записокъ сумасшедшаго». По требованію цензора, Г. долженъ былъ поступиться «выкидкою лучшихъ мѣстъ».

Бобовъ. — Григорій. — Казначей.— Канцлеръ.—Лидина.—*Поприщинъ.*— Софи.—Тепловъ.

10. «**Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка**», повѣсть въ пяти главахъ съ предисловіемъ (глава 1-я «И. Ѳ. Шпонька», 2) «Дорога», 3) «Тетушка», 4) «Обѣдъ», 5) «Новый замыселъ тетушки»). Появилась первоначально во второй части «Вечеровъ на хуторѣ»; въ позднѣйшихъ изданіяхъ перепечатывалась безъ редакціонныхъ передѣлокъ автора.

Василиса Кашпаровна Цупчевска.—Дѣепричастіе, Никифоръ Тимофѣевичъ.—Жидъ.—Иванъ Ивановичъ.—Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька.—Камердинеръ.— Курочка, Степанъ Ивановичъ.—Омелько.—Старуха.—Сторченко.—Сторченки-мать.— Сторченко, Марья Ивановна.—Полковникъ.—Учитель.

11. «**Игроки**», пьеса; напечатана въ первый разъ въ первомъ собраніи сочиненій Г. Эпиграфъ: «Дѣла давно минувшихъ дней».

Алексѣй. — Гаврюшка. — Гловъ. — Ихаревъ. — Кругель. — Крыницынъ (Гловъ, А. И.).—Мурзафейкинъ (Замухрышкинъ).—Утѣшительный.—Швохневъ.

12. «**Коляска**», повѣсть. Закончена въ 1835 г.; напечатана въ «Современникѣ» Пушкина 1835 г. Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, что въ основѣ повѣсти лежитъ разсказъ объ «истинномъ происшествіи» съ графомъ Віельгорскимъ и приглашенными имъ гостями (См. «Воспоминанія» графа В. А. Соллогуба, стр. 113).

Адъютантъ.—Генералъ-бригадный.—Городничій.—Полковникъ.—Помѣщикъ.—Судья.—Чертокуцкая.—Чертокуцкій.

13. «**Лакейская**». Сцены. См. выше, драматическія произведенія.

Андрюшка.—Анна Петровна.—Аннушка.—Григорій.—Иванъ.—Лаврентій Петровичъ (дворецкій).—Нѣвелещагинъ.—Петръ.—Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

14. «**Майская ночь или утопленнница**», одна изъ самыхъ раннихъ повѣстей Г. Написана въ 1829 г., напечатана въ первой части «Вечеровъ на хуторѣ». Эпиграфъ къ повѣсти: «Врагъ его батька знае! начнутъ що небудь робыть люди хрещены, то мордуютця, мордуютця, мовъ хорты за зайцемъ, а все щось не до шмыгу; тильки жъ куды чортъ уплетецця, то верть хвостыкомъ—такъ де воно й возмецця ниначе зъ неба». Повѣсть раздѣлена на шесть главъ съ особыми подзаголовками: 1) «Ганна», 2) «Голова», 3) «Неожиданный соперникъ. Заговоръ», 4) «Порубки гуляютъ», 5) «Утопленница», 6) «Пробужденіе».

Винокуръ.—Вѣдьма.—Ганна Петрыченкова.—Гость.—Дерказъ-Дршипановскій. — Каленникъ. — Карпо. — Макогоненко, Евтухъ (Голова).—Левко.—Парубокъ.—Писарь.—Сотника дочь (утопленница).—Сотникъ.—Теща.

15. «**Мертвыя души, или похожденія Чичикова**», *поэма.* Въ теченіе шести лѣтъ (1835—1840 гг.) [1]) вырабатывались и отдѣлывались авторомъ первыя шесть главъ первой части; послѣднія три главы писались гораздо скорѣе. Готовая уже рукопись перваго тома по нѣсколько разъ переписывалась и снова обрабатывалась Г. Осенью 1841 г. Г. покинулъ Римъ и отправился въ Россію печатать поэму. Въ декабрѣ, переписанная писцомъ, рукопись была представлена въ Цензурный комитетъ, но трудъ обработки продолжался и въ это время. Цензурныя мытарства Г. начались. Цензоръ Снегиревъ, который былъ «нѣсколько толковѣе другихъ» объявилъ Г., что «рукопись онъ находитъ совершенно благонамѣренной, и въ отношеніи къ цѣли, и въ отношеніи впечатлѣнія, производимаго на читателя, и что кромѣ одного незначительнаго мѣста—перемѣны двухъ-трехъ именъ—нѣтъ ничего, что-бъ могло навлечь притязанія цензуры самой строгой». Снегиревъ, однако, вскорѣ же былъ «кѣмъ-то сбитъ съ толку» и представилъ рукопись въ Комитетъ. Здѣсь произошло нѣчто совсѣмъ не-

---

[1]) «Мертвыя Души», по выраженію Гоголя, «являются исторіею его собственной души». О сюжетѣ поэмы, разсказанномъ Гоголю Пушкинымъ, см. «Авторская исповѣдь» и «Четыре письма» Соч. Гоголя т. IV, *П. Анненковъ.* Воспоминанія СПБ. 1909 г. (статья: «Гоголь въ Римѣ»), *А. Н. Веселовскій.* «Этюды и характеристики» М. 1907 г. («Мертвыя Души»). Въ письмѣ къ М. П. Погодину, отъ 30 марта 1837 г. Г. говоритъ: «теперешній трудъ мой его (Пушкина) созданіе». (Письма Г. т. I. СПБ. 1901 г. стр. 437).

ожиданное. «Какъ только Голохвастовъ, занимавшій мѣсто президента, говоритъ самъ Г.[1]) услышалъ названіе: «Мертвыя Души», онъ закричалъ голосомъ древняго римлянина: «Нѣтъ, этого я никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертія». Въ силу наконецъ могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ объ ревижскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ и взяли въ толкъ вмѣстѣ съ нимъ другіе цензора, что «мертвыя» значитъ ревижскія души, произошла еще бо́льшая кутерьма. «Нѣтъ», закричалъ предсѣдатель и за нимъ половина цензоровъ: это и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: «ревижская душа»; ужъ этого нельзя позволить: это значитъ—противъ крѣпостного права». Наконецъ самъ Снегиревъ увидѣлъ, что дѣло зашло уже очень далеко; сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ, что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупщика и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка; что это—рядъ характеровъ, внутренній бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогло. «Предпріятіе Чичикова», стали кричать всѣ, «есть уже уголовное преступленіе». «Да впрочемъ и авторъ не оправдываетъ его»,—замѣтилъ мой цензоръ.—«Да, не оправдываетъ, а вотъ онъ выставилъ его теперь, и пойдутъ другіе брать примѣръ и покупать мертвыя души».—Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ-азіатцевъ, то есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ-европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы людей молодыхъ. Что вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ—Крыловъ), цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого. Хотя, конечно, эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя—душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ». Это главные пункты, основываясь на которыхъ произошло запрещеніе рукописи. Я не разсказываю вамъ о другихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, какъ-то въ одномъ мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. «Да вѣдь и государь строитъ въ Москвѣ дворецъ!»—сказалъ цензоръ. Тутъ по этому поводу, завязался у цензоровъ разговоръ, единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанія, которыя даже совѣстно пересказывать, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя Комитетъ только прочелъ три или четыре листа.» Г., не дожидаясь «закрѣпленія» запрещенія, взялъ рукопись обратно и черезъ бывшаго наѣздомъ въ Москвѣ Бѣлинскаго отправилъ поэму въ Петербургъ «подъ покровительство сильныхъ друзей»; благодаря имъ, петербургскій Цензурный Комитетъ разрѣшилъ печатаніе поэмы, но цензоромъ Никитенко была зачеркнута красными чернилами отъ начала до конца вся «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ». Г. принялся за вторичную передѣлку повѣсти для цензуры: «генераловъ и все выбросилъ». Послѣ долгихъ ожиданій и волненій, первая часть поэмы, наконецъ въ маѣ 1842 г. вышла изъ печати въ 2400 экземплярахъ (Москва. 1842 г.). Второе изданіе поэмы (Москва. 1847 г.) Гоголь дополнилъ предисловіемъ, «къ читателю отъ сочинителя», которому придавалъ большое значеніе. Второе изданіе «М. Д. появилось одновременно съ «Перепиской съ друзьями». Въ неурѣзанномъ цензурой видѣ «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ» появилась лишь въ тихонравовскомъ изданіи «Соч. Г.».

Агашка.—Акулька.—Алексѣй Ивановичъ (полицмейстеръ).—Алкидъ.—Андрюшка.—Антоновъ, Иванъ.—Бабы.—Барыни.—Беребендовскій.—Будочникъ.—Бѣгушкинъ.—Вице-губернаторъ.—Волокита, Никита.—Генералъ-губернаторъ.—Губернаторъ.—Гувернантка.—Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.—Дама просто пріятная.—Дамы.—Дочка губернаторская.—Доѣзжай-не-доѣдешь.—Дробяжкинъ.—Елизаветъ-Воробей.—Еремѣй.—Золотуха.—Иванъ, о.—Иванъ Антоновичъ.—Иванъ Григорьевичъ (предсѣдатель палаты).—Иванъ Колесо.—Исправникъ.—Карякинъ, Еремѣй.—Кирилла протопопа сынъ.—Кириллъ, протопопъ.—Кифа Мокіевичъ.—*Ко-*

---

[1]) Письмо Г. къ П. А. Плетневу отъ 7 января 1842 г. (*«Письма Н. В. Г.»* СПБ. 1904 г. т. 2-й, стр. 135—137)

пѣйкинъ.—Коробочка.—Коровій Кирпичъ.—Кувшинниковъ.—Куку, m-r.—Купцы.—Кучеръ.—Кучеръ прокурора.—Мавра.—Македонія Карповна.—Максимовъ.—*Маниловъ.*—Маниловы: Алкидъ, Θемистоклюсъ, Лизанька.—Машка.—Меланья. — Мижуевъ.—Милушкинъ.—Миняй.—Митяй.—Михѣевъ.—Мокій Кифовичъ.—Мужики.—Мужчины.—Неуважай-Корыто.—*Ноздревъ.*—Павлушка.—Пелагея.—Перхуновскій.—*Петрушка.—Плюшкинъ.*—Плюшкины.—Поручикъ изъ Казани.—Порфирій.—*Почтмейстеръ.*—Прасковья Θедоровна.—Приказчикъ Манилова.—Приставъ частный.—Пробка, Степанъ.—Прокуроръ.—Прошка.—Родственница Чичикова.—Самойловъ.—*Селифанъ.*—Сибиряковъ, Савелій.—Сидоръ, о.—Слуга.—Трактирный.—*Собакевичъ.*—Собакевичъ, Θеодулія Ивановна.—Сорокоплехинъ, Еремѣй.—Сысой Порфирьевичъ.—Телятниковъ.—Трухачевскій.—Учитель дѣтей Манилова и Плюшкина.—Учитель Чичикова.—Фетинья.—Человѣкъ молодой,—Чиновники.—Чипхайхилидзевъ.—Чичиковъ, Иванъ.—*Чичиковъ, Павелъ Ивановичъ.*—Штабсъ-ротмистръ.—Θедоровъ, Василій.—Θедотовъ.—Θемистоклюсъ.

16. **Мертвыя Души,** поэма, часть вторая. Съ 1840 г. идетъ работа надъ продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Доведенное до конца произведеніе трижды сожигалось авторомъ, чтобы «воскреснуть въ новомъ, лучшемъ видѣ». Первая редакція поэмы уничтожена въ 1843 г.; вторая редакція подверглась сожженію въ 1845 г. «Колоссальное созданіе», развернувшееся предъ Г. изъ «забавнаго, незначущаго анекдота», какимъ самъ авторъ считалъ первую часть поэмы, такъ и не было завершено художникомъ. Первая часть, въ его глазахъ, являлась только «простымъ крыльцомъ къ тому дворцу, который строится». Среди «потрясающей безтолковщины» сумасшедшаго времени (канунъ 1848 г.) Г. мечтаетъ о созданіи «такихъ людей, которые истинно нужны нынѣшнему времени»; онъ чувствуетъ себя обязаннымъ въ назиданіе современникамъ представить въ поэмѣ «людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ». По его убѣжденію «долгъ всякаго честнаго гражданина», «хоть что нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія». Онъ желаетъ явиться пѣвцомъ «мира и тишины посреди брани». Многолѣтній «мучительный» трудъ завершился новымъ сожженіемъ рукописи (1852 г.). Это не была жертва, принесенная «смиреннымъ христіаниномъ», но было сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ». Послѣ смерти автора отъ его произведенія остались лишь разбитыя и неполныя тетради, писанныя въ разное время. Напечатаны онѣ были лишь въ изданіи сочиненій Гоголя 1856 г. Тихонравовъ относитъ тетради первыхъ четырехъ главъ поэмы къ ранней редакціи, сохранившейся отъ перваго сожженія въ 1843 г.

Бетрищевъ, Александръ Дмитріевичъ.—Александръ Петровичъ.—Вишнепокромовъ.—Григорій.—Дѣрпѣнниковъ.—Жандармъ.—Камердинеръ.—Кирюшка. — Князь. — *Костанжогло, Константинъ Θедоровичъ.*—Констанжогло-жена.—*Кошкаревъ.*—Крѣпостной Кошкарева.—Купецъ.—Лѣницынъ.—Михайло.—*Муразовъ, Аѳанасій Васильевичъ.*—Перфильевна.—Петрушка.—Платоновъ, Василій Михайловичъ.—Платоновъ, Платонъ Михайловичъ.—Портной.—*Пѣтухъ, Петръ Петровичъ.*—Пѣтухи: Алексаша и Николаша.—Самосвитовъ.—*Селифанъ.—Тѣнтѣтниковъ, Андрей Ивановичъ.—Улинька.*—Хлобуева.—*Хлобуевъ, Семенъ Семеновичъ.*—Чиновникъ.—*Чичиковъ, Павелъ Ивановичъ.*—Θедоръ Ивановичъ (Лѣницынъ).

17. **Миргородъ,**—названіе второго сборника повѣстей Г., вышедшаго одновременно въ двухъ частяхъ (СПБ. 1835 г.) и явившагося продолженіемъ «Вечеровъ». Въ первую часть вошли: «Старосвѣтскіе помѣщики» и «Тарасъ Бульба»; во вторую «Вій» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

18. **Невскій проспектъ,** повѣсть; написана въ 1833—1834 г. Напечатанъ въ первый разъ въ «Арабескахъ». Невскій проспектъ—«самое полное изъ произведеній» Г., по мнѣнію Пушкина.

19. **Носъ,** повѣсть. Начало работы надъ повѣстью относится къ 1832—33 гг. Въ 1835 Г. отправилъ рукопись въ Москву Погодину, для журнала послѣдняго «Московскій Наблюдатель». Редакція нашла повѣсть «грязной» и отказалась ее напечатать «по причинѣ ея пошлости и тривіальности». Повѣсть въ переработанномъ видѣ появилась въ пушкинскомъ «Современникѣ» 1836 г., со слѣдующей замѣткой редактора: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись».

Дама.—Докторъ.—Иванъ.—Иванъ Яковлевичъ.—Квартальный.—Ковалевъ, Платонъ Кузьмичъ (маіоръ Ковалевъ).—Лакей.—Носъ.—Господинъ.—Подто-

чина, Александра Григорьевна.—Подточиной-дочь.—Полицейскій.—Полковникъ.—Потанчиковъ, Филиппъ Ивановичъ.—Прасковья Осиповна.—Приставъ-частный.—Спекуляторъ.—Чехтарева.—Чиновникъ.—Ярыжкинъ.

20. **Ночь передъ Рождествомъ,** повѣсть. Написана приблизительно въ 1830 г., вошла въ составъ второго тома «Вечеровъ на хуторѣ».

Вакула. — Запорожецъ. — Екатерина (императрица).—Канцеляристъ.—Кизяколупенко. — Корній Чубъ. — Микита. — Одарка.—Оксана.—Осипъ Никифоровичъ.—Отецъ Кондратъ.—Панаса-жена.—Панасъ.—Писарь волостной.—Пономарь.—Потемкинъ.—Пацюкъ.—Касьянъ Свербыгузъ.—Солоха.—Сорочинскій засѣдатель.—Ткачиха.—Тымишъ Коростявый.—Чортъ.—Чубъ, Корній.—Шапуваленко, Остапъ.

21. «**Отрывокъ**» изъ комедіи «Владиміръ 3-ей степени», въ которой женитьба Миши Повалищева на княжнѣ Шлепохвостовой «составляла важную часть въ фабулѣ». Названіе «отрывокъ» (двѣ сцены) дано редакторомъ перваго изданія сочиненій Г.—Н. Я. Прокоповичемъ, самъ же авторъ предполагалъ «въ ожиданіи другого названія» назвать пьесу: «Сцены изъ свѣтской жизни».

Лакей.—Марья Александровна.—Миша.—*Собачкинъ.*

Плѣнникъ (см. выше «Гетманъ»).

22. **Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ;** написана въ 1833 г., напечатана въ альманахѣ Смирдина «Новоселье» ч. II. (Спб. 1834 г.) за подписью «Рудый Панько». При изданіи «Миргорода» повѣсть вошла во вторую часть сборника.

Агафья Федосѣевна.—Аграфена Трофимовна.—Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ.—Баба.—Бакитько.—Гапка.—Горожанка.—Горпина.—Демьянъ Демьяновичъ (судья).—Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка.—Дорофей Трофимычъ.—Голопузъ, Антонъ Прокофьевичъ.—Захаръ Прокофьевичъ.—Иванъ Ивановичъ.—*Иванъ Ивановичъ Перерепенко.—Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ.*—Инвалидъ.—Канцелярскій чиновникъ. — Канцеляристы. — Мальчикъ.—Орышко.—Петръ, о.—Петръ Ѳедоровичъ (городничій).—Понамарь.—Тарасъ Тихоновичъ (секретарь).—Человѣкъ худощавый.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души, поэма. См. Мертвыя Души.

23. **Портретъ,** повѣсть; въ первоначальной редакціи появилась въ «Арабескахъ»; передѣланная въ Римѣ, повѣсть «въ совершенно новомъ видѣ» напечатана въ «Современникѣ» Плетнева 1842 г., № 3. Передѣлка коснулась не только нѣкоторыхъ частностей повѣсти, но и основной идеи произведенія: «осталась, по словамъ Г., одна только канва прежней повѣсти», но «все вышито по ней вновь».

Б., художникъ (отецъ).—Б., сынъ.—Бухмистерова, Анна Петровна.—Варухъ Кузьмичъ.—Вельможа.—Живописецъ.—Иванъ Ивановичъ.—Дама.—Издатель.—Lise.—Любитель искусствъ (меценатъ).—Никита.—Ноль.—Потогонкинъ.—Профессоръ.—Р., княгиня.—Р., князь. — Ростовщикъ.—Хозяинъ лавки.—Художникъ.—*Чартковъ, Андрей Петровичъ.*

24. **Пропавшая грамота**, быль, разсказанная дьячкомъ ***-ой церкви. Напечатана въ первомъ томѣ «Вечеровъ на хуторѣ». Одна изъ повѣстей Г. не подвергавшаяся авторомъ редакціоннымъ исправленіямъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ.

Вѣдьма. — Дивчата и молодцы. — Дѣдъ Ѳомы Григорьевича. — Жена дѣда. — Запорожецъ-гуляка. — Парубокъ-гуляка. — Писарь полковой. — Царица. — Шинкарь.—Ѳома Григорьевичъ.

Псевдонимы Н. В. Гоголя. 1) *В. Аловъ*, поэма Ганцъ Кюхельгартенъ. Спб. 1829 г.: 2) *П.* (олковникъ) *Глечикъ* (фамилія одного изъ дѣйствующихъ лицъ неоконченнаго романа «Гетманъ»)—отрывокъ изъ повѣсти «Страшный кабанъ»—«Учитель».—«Литератур. Газета» 1831 г. 3) о-о-о-о (четыре буквы «о», содержащихся въ имени и фамиліи Николай Гоголь-Яновскій). Главы изъ историческаго романа «Гетманъ»—«Сѣверные Цвѣты» на 1831 г. 4) *Рудый Панько*—«Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ»—Альманахъ Смирдина «Новоселье» Ч. II. Спб. 1834 г. 5) *Г. Яновъ* (Гоголь-Яновскій) подъ статьей «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи». «Литер. Газета» 1831 г., № 1.

25. **Развязка Ревизора.** Написана въ 1846 г. Самъ Гоголь придавалъ ей важное значеніе и торопилъ печатаніе разомъ двухъ изданій, въ Москвѣ и Петербургѣ, «Ревизора» «съ хвостомъ». Онъ же убѣждалъ Щепкина взять на свой бенефисъ комедію «Ревизоръ» въ полномъ видѣ. Затрудненія въ Москвѣ, однако, представились не со стороны цензуры, дозволившей рукопись къ печати. Друзья Гоголя—Аксаковъ,

Шевыревъ были противъ изданія и постановки «Развязки». Въ концѣ концовъ Г. согласился съ мнѣніемъ друзей и призналъ, что «Р. Р.» въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйти просто смѣшной сценой». Онъ просилъ Шевырева «удержать рукопись подъ спудомъ», гдѣ она и пролежала до 1856 г., когда появилась въ посмертномъ изданіи «Сочиненій Гоголя».

Актеръ первый комическій (Михайло Семеновичъ Щепкинъ).—Актеръ.—Актриса.— Николай Николаевичъ (литературный человѣкъ).— Петръ Петровичъ (человѣкъ большого свѣта).—Семенъ Семенычъ (человѣкъ то же немалаго свѣта).—Ѳедоръ Ѳедорычъ (любитель театра).

26. **Ревизоръ,** комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Эпиграфъ: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Народная пословица». Начата въ 1834 г., приготовлена для сцены въ 1835 г., первое изданіе въ 1836 г. Представлена въ Петербургѣ 19 апрѣля 1836 г., въ Москвѣ 25 мая т. г. Переработка текста «Ревизора» идетъ до 1842 г., когда комедія въ окончательной редакціи появилась третьимъ изданіемъ въ собраніи «Сочинененій Г.». Пріемъ комедіи въ Петербургѣ оскорбилъ драматурга. Онъ получилъ «такое отвращеніе къ театру», что одна мысль о тѣхъ «пріятностяхъ», которыя ожидали его въ Москвѣ, ужасала его. Онъ не привелъ въ исполненіе своей мечты «ѣхать въ Москву и прочесть комедію актерамъ, чтобы они лучше поняли роли», потому что «пьеса ему надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней». «Простое упоминаніе друзей о Р. раздражало Г. и подымало въ немъ желчь». Однако, послѣ годичнаго пребыванія за границей, въ 1838 г. Г. обращается вновь къ передѣлкѣ текста.

Абдулинъ.—Авдотья.—*Анна Андреевна.*—Анна Кирилловна.—*Бобчинскій, Петръ Ивановичъ.*—Вархоринскій.—Власъ.—Гибнеръ, Христіанъ Ивановичъ.—Горничная.—Гостья.—Дама.—Держиморда.—*Добчинскій, Петръ Ивановичъ.*— Жандармъ.—Засѣдатель.—*Земляника, Артемій Филипповичъ.* — Земляника-жена. — Земляники-дѣти: Николай, Иванъ, Елизавета, Перепетуя. — Иванова, унтеръ-офиц. жена. — Кавалеръ.—Капитанъ пѣхотный.—Купеческая дочка.—Люлюковъ, Ѳедоръ Андреевичъ.—*Ляпкинъ-Тяпкинъ, Аммосъ Ѳедоровичъ.*—*Марья Антоновна Сквозникъ-Дмухановская.*—Мишка.—Осипъ.—Пантелѣева.—Почечуевъ, Филиппъ Антоновичъ.—Поручикъ.—Пошлепкина, Февронья Петр.—Предводитель.—Прохоровъ, квартальный.—Пуговицинъ, квартальный.—Растаковскій, Ив. Лазаревичъ.—Свистуновъ, квартальный — *Сквозникъ - Дмухановскій, Антонъ Антоновичъ (Городничій).* — Слуга трактирный.—Тряпичкинъ, Ив. Васильевичъ.—Учитель съ толстымъ лицомъ.—Учитель исторіи.—Уховертовъ, Степанъ Ив.—*Хлестаковъ, Ив. Алекс.*—*Хлоповъ, Лука Лукичъ.*—Чептовичъ.—Черняевъ.—Чмыховъ, Андрей Иванов.—*Шпекинъ, Ив. Кузьмичъ (почтмейстеръ).*

27. **Римъ,** отрывокъ изъ повѣсти, начатой въ 1839 г.; появился въ печати противъ воли автора въ «Москвитянинѣ», 1842 г. См. Аннунціата.

Аббатъ.—Аннунціата.—Женщины Италіи.— Князь римскій (молодой). — Князь римскій (старый).—Пеппе.—Пицикароле.—Сусанна.—Чечилія.

28. **Сорочинская ярмарка,** первая по порядку повѣсть перваго тома «Вечеровъ на хуторѣ». Написана, однако, позже «Майской Ночи». Тихонравовъ относитъ дату написанія повѣсти къ 1830 г. Эпиграфъ изъ старинной легенды: «Мини нудно въ хати жить. Ой вези жъ мене изъ дому, де багацько грому, грому, де гопцують все дивкы, де гуляють парубкы!» Каждая изъ тринадцати главъ повѣсти снабжена особымъ эпиграфомъ по-малорусски.

Афанасій Ивановичъ. — Гололупенко, Грыцко.—Гончаръ высокій.—Параска.—Старухя. — Хавронья.—Хвеська. —Хивря.—Цыгань.—Цыбула. — Черевикъ, Солопій.

Сочиненія Н. В. Гоголя. При жизни автора выдержали одно изданіе (Спб. 1842 г. 4 т.). Приготовленное и частью отпечатанное второе изданіе сочиненій Г. смогло увидѣть свѣтъ лишь много позднѣе, и явилось первымъ посмертнымъ изданіемъ (М. 1855—1856 г. 6 т.) Кончина Г. задержала выходъ въ свѣтъ уже наполовину готоваго изданія. Имя почившаго великаго писателя было взято въ опалу. Цензорамъ объявленъ приказъ «строго цензуровать все, что пишется о Г., и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Г.»; даже его имя опасались употреблять въ печати и взамѣнъ его употребляли выраженіе: «извѣстный писатель». Только, вслѣдствіе особыхъ хлопотъ и заступничества великаго князя Константина Николаевича, въ 1855 г. было получено новое разрѣшеніе на печатаніе сочиненій Гоголя, и въ концѣ года появились первые четыре тома, изданные подъ редакціей племянника

Гоголя, Н. П. Трушковскаго. Въ 1856 г. вышли два послѣдніе томы (5 и 6). Наиболѣе полнымъ явилось третье изданіе, вышедшее подъ редакціей П. А. Кулиша «Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. М. 6 т. Слѣдующія затѣмъ изданія «наслѣдниковъ» Гоголя, за исключеніемъ второго, вышедшаго подъ редакціей Ѳ. В. Чижова, не дали чего либо новаго въ смыслѣ изученія писателя и представляли «прогрессивную порчу текста произведеній Г.». Начало историческому изученію Г. положило образцовое изданіе его сочиненій подъ редакціей покойнаго профессора Московскаго Университета Н. С. Тихонравова. М. 1889, изданіе десятое, 5 т.; т. 6-ой—М.; т. 7-ой—Спб.. редакція Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Полувѣковая годовщина со времени кончины Г. вызвала рядъ изданій. Изъ нихъ лучшія—фирмы А. Ф. Маркса, такъ какъ въ основу ихъ взятъ текстъ, провѣренный по рукописи автора и первоначальнымъ изданіямъ его сочиненій Н. С. Тихонравовымъ и В. И. Шенрокомъ. Повторяя знаменитое десятое изданіе, въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя, фирма Маркса однако значительно сократила примѣчанія и варіанты редактора, имѣющіе большую цѣнность при изученіи Г.

29. **Старосвѣтскіе помѣщики,** написана не ранѣе 1832 г.; напечатана въ первый разъ въ «Миргородѣ» ч. 1-ая.

Кучеръ. — Ничипоръ. — *Товстогубы, Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна.* — Явдоха.

30. **Страшная месть.** Напечатана въ первый разъ во второмъ томѣ «Вечеровъ на хуторѣ» съ подзаголовкомъ: «старинная быль», и раздѣлена въ шестнадцать главъ. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ подзаголовокъ «старинная быль» уничтоженъ самимъ авторомъ.

Баба.—Бандуристъ.—Бурульбашъ, Данила.—Варѳоломей.—Горобець.—Иванъ. — Катерина.—Катерины - мать. — Колдунъ.—Ксендзъ.—Микитка.—Петро.—Степанъ.—Стецько.

31. **Страшный Кабанъ,** неоконченная малороссійская повѣсть Гоголя (1830 г.). Двѣ главы повѣсти: «Учитель» и «Успѣхъ Посольства» появились въ «Литер. Газетѣ» 1831 г.—№№ 1 и 17.

Анна Ивановна.—Евдоха.—Иванъ Осиповичъ.—Карпъ.—Катерина.—Онисько.—Солопій Чубко.—Симониха.—Харько Потылица.

32. **Тарасъ Бульба,** повѣсть. Появилась въ первоначальной редакціи во второй части «Миргорода» (1835 г.). Г. неоднократно подвергалъ эту первую печатную редакцію повѣсти переработкѣ, дополненіямъ и измѣненіямъ. Переработка шла по частямъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока въ 1842 г. Т. Б. не появился въ окончательно исправленномъ видѣ во второмъ томѣ «Сочиненій Николая Гоголя» (въ первой редакціи «Т. Б.» состоялъ изъ девяти главъ, въ послѣдней прибавлено три новыхъ главы). По замѣчанію С. Т. Аксакова, въ послѣднихъ главахъ передѣланнаго «Т. Б.» уже слышится «новый тонъ». Это уже не былъ тонъ прежняго Г., великаго поэта и художника. Люди, знавшіе Г. лично, какъ С. Т. Аксаковъ и П. В. Анненковъ, подмѣтили уже тогда совершающуюся перемѣну въ Г. «Гоголь, по словамъ Анненкова, уже тогда (1841 г.) стоялъ на рубежѣ новаго направленія, принадлежа новымъ мірамъ. По *тайнымъ* стремленіямъ своей мысли онъ уже относился къ строгому, исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ возрѣніямъ художнической независимости къ прежнему направленію. Послѣднее еще преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и—ея славы... (*Анненковъ*. Восп. и крит. очерки т. I). «Въ послѣднихъ главахъ Т. Б. новой редакціи сказываются уже симптомы того дидактическаго направленія, которое выразилось во всей полнотѣ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» (*Тихонравовъ*. Сочиненія Гоголя, т. I., изд. десятое, стр. 675).

Андрій.—Балабанъ.—Бовтюгъ.—Бородатый.—Вовтузенко.—Гуска, Степанъ.—Гуска.—Охримъ.—Голодуха, Максимъ.—Густый, Мыкола.—Дегтяренко.—Дорошъ.—Закрутыгуба, Иванъ.—Задорожній.—Кирдяга (Кошевой).—Кукубенко.—*Остапъ.*— Писаренко. — Полковникъ. — Полячка.— Поповичъ, Демидъ.—Сторожъ.—Сыдоренко.—Тараса жена.—*Тарасъ Бульба.*—Хлибъ.—Шило, Мосій.—Янкель.

33. **Театральный разъѣздъ.** См. ниже—Драматическія произведенія.

34. **Тяжба.** Сцена. См. ниже: Драматическія произведенія.

Андрюшка.—Бурдюковы: Петръ и Хрисанфъ.—Меринова, Евдокія Малафѣевна.—Повалищева.—Пролетовъ.

Успѣхъ посольства. См. выше: «Страшный Кабанъ».

35. **Утро дѣлового человѣка.** См. ниже: Драматическія произведенія.

Александръ Ивановичъ.—Иванъ Петровичъ.—Катерина Александровна.—Шрейдеръ.

Учитель. См. выше: «Страшный Кабанъ».

36. **Шинель,** повѣсть. Закончена авторомъ въ 1840 г. Первоначальное названіе: «повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели». О происхожденіи повѣсти см. у *Анненкова* т. I или *Соч. Г.* Изданіе 10-ое, стр. 610.

Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ.—Башмачкина.—Будочникъ.—Бѣлобрюшкова, Арина Семеновна.—Дочь значительнаго лица.—Значительное лицо.—Ерошкинъ, Иванъ Ивановичъ.—Жена Петровича.—Каролина Ивановна.—Мертвецъ.—Петровичъ.—Супруга значительнаго лица.—Хозяйка.—Частный.

Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Гоголя.

I. На родинѣ.

а) **Малороссія.** «Гетманъ» [1]), «Страшный кабанъ». Неоконченная повѣсть. «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Ночь предъ Рождествомъ», «Страшная месть», «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка», «Заколдованное мѣсто», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій», «Повѣсть о томъ какъ поссорился Иванъ Ивановичъ», «Коляска».

б) **Великороссія.** «Ревизоръ», «Игроки», «Мертвыя Души».

в) **С.-Петербургъ.** «Носъ», «Портретъ», «Шинель», «Женитьба», «Утро дѣлового человѣка», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывокъ», «Театральный разъѣздъ», «Невскій проспектъ», «Записки Сумасшедшаго».

II. За границей.

Германія: «Ганцъ Кюхельгартенъ». **Англія:** «Альфредъ». **Италія:** «Римъ» («Аннунціата»).

---

[1]) Перечень въ постепенности Гоголевскаго творчества.

Важнѣйшіе источники для изученія Гоголя.

Литература о Г. огромна. Полный перечень книгъ и статей о Г. (до 1899 г.) данъ въ 1-омъ томѣ (и перенесенъ въ 2-ой, еще не вышедшій) работы **С. А. Венгерова** «Источники для Словаря русскихъ писателей». Спб. 1901 г. **Сводъ** юбилейной литературы о Г. см. «Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1902 г.

Переводы Г. указаны **П. Драгановымъ** въ статьѣ «Разноязычный Гоголь» «Новое Время», 21 февраля 1902 г., и въ работѣ **В. Лугаковскаго** «Русскіе писатели въ польской литературѣ». Спб. 1903 г.

Критическое изученіе Гоголевскаго текста завершено образцовымъ изданіемъ сочиненій Г. подъ редакціей Н. С. Тихонравова. М. 1889 г.— въ 5 т., и двухъ дополнительныхъ подъ редакціей Тихонравова и В. И. Шенрока—т. VI. М. и Спб. 1896 г.; т. VII. Спб. 1897 г. (тамъ же цѣнныя примѣчанія редакторовъ).

Письма Гоголя, вошли въ составъ изданія **П. А. Кулиша „Сочиненія и переписка Г.“** и составляютъ 5 и 6 томы изданія. Спб. 1857 г. Наиболѣе полно изданіе, вышедшее въ 4 томахъ, подъ редакціей **В. И. Шенрока. „Письма Г.“** Спб. 1901 г. Изданіе А. Маркса.

«Опытъ біографіи Г.» сдѣланъ былъ **П. Кулишомъ** (Ник. М.). Спб. 1854 г.

Цѣнный сводъ матеріаловъ для біографіи Гоголя заключаетъ капитальный трудъ **В. И. Шенрока:** «Матеріалы для біографіи Гоголя». Т. I. М. 1892 г., т. II. М. 1893 г., т. III. М. 1895 г. т. IV. М. 1898 г.

Біографическіе матеріалы:

Аксаковъ, С. Т. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ». Сочиненія, т. 3. М. 1902 г.

Анненковъ, П. В. («Гоголь въ Римѣ»).—«Литературныя воспоминанія». Спб. 1909 г.

Баженовъ, К. «Болѣзнь и смерть Гоголя». М. 1902 г.

Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды Погодина. Т. II—XIV. Спб. 1890—1902 г.

Смирнова, А. О. «Записки». Спб. 1898 г.

Тарасенковъ, д-ръ. «Послѣдніе дни жизни Гоголя». М. 1902 г.

Отношенія Г. къ его друзьямъ: къ Иванову («Вѣстникъ Европы» 1883 г. № 12, ст. **Е. Некрасовой**); Погодину («Русская Старина» 1892 г. т. III, ст. **А. И. Кирпичникова**); Щепкину (Сочиненія **Н. С. Тихонравова**, т. III. М. 1898 г.); Чаадаеву (**Ал. Н. Веселовскій** въ его книгѣ, см. ниже, и въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя» т. III).

Критика:

Айхенвальдъ, Ю. «Силуэты» т. I. М. 1908 г.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія, т. 1, 4, 5, ред. С. Венгерова. Письмо Б. къ Гоголю. Спб. 1905 г. Изд. «Свѣточа».

Венгеровъ, С. А. Очерки изъ исторіи русской литературы («Писатель-гражданинъ»). Спб. 1907 г.

Веселовскій, Ал. Н. Этюды и характеристики. М. 1907 г. (О «Мертвыхъ Душахъ»—«Памяти Гоголя» и «Г. и Чаадаевъ»).

Владиміровъ, П. В. Очеркъ развитія творчества Гоголя. Кіевъ. 1891 г.

Волковъ, Н. В. Къ исторіи русской комедіи. Спб. 1899 г.

Волынскій, А. Л. «Русскіе критики». Спб. 1896 г.

Вѣтринскій, Ч. Въ сороковыхъ годахъ. М. 1899 г.

Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія. Т. 2. Спб. 1905 г.

Котляревскій, Н. А. Гоголь. Спб. 1909 г. Изданіе 2-ое.

Кочубинскій, проф. Будущимъ біографамъ Г. (Г. и католическо-мистическія вліянія) «Вѣстникъ Европы» 1902 г. № 2—3.

Мандельштамъ, І. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902 г.

Майковъ, В. А. Сочиненія т. І. Изд. Фукса. Кіевъ. 1901 г.

Мережковскій, Д. С. Гоголь и чортъ. М. 1906 г.

Матвѣевъ, П. А. Г. и «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». М. 1895 г.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Гоголь. Изд. «Свѣточа» и въ Сочиненіяхъ О.-К., т. І. Спб. 1909 г.

Пыпинъ, А. Н. Характеристики литературныхъ мнѣній. Изд. 3-ое. 1906 г.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Т. IV, стр. 480—527. Изд. второе. Спб. 1903 г.

Скабичевскій. Сочиненія. Спб. 1891 г. Т. 2.

Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія т. III, ч. 1-ая («Пушкинъ и Гоголь», «Ревизоръ» на московской сценѣ). М. 1898 г. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.

Царевскій, А. «Г. какъ поэтъ и мыслитель-христіанинъ. Казань. 1902 г.

Чернышевскій. «Очерки Гоголевскаго періода. Сочиненія, т. 2. Спб. 1906 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Группировка типовъ и образовъ Гоголя (по классовымъ признакамъ).
2) Критика и библіографія.
3) Сводъ нарицательныхъ именъ.

Приложеніе 1.

Группировка Гоголевскихъ типовъ и образовъ.

I. Дворяне.

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ; Чичиковъ.

Помѣщики: Бетрищевъ; Бобчинскій; Иванъ Ивановичъ Перепе345ренко; Коробочка; Кочкаревъ; Костанжогло; Маниловъ; Ноздревъ; Плюшкинъ; Пѣтухъ; Собакевичъ, Товстогубы; Тѣнтѣтниковъ; Хлобуевъ.

II. Чиновники.

Александръ Ивановичъ; Бобчинскій; Земляника; Иванъ Андреичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ; Шпекинъ (почтмейстеръ); Подколесинъ; Хлестаковъ; Хлоповъ; Яичница.

Акакій Акакіевичъ; Поприщинъ. Господинъ А.; Господинъ П.

III. Крестьяне.

а) **Дворовые:** Крестьяне (дворовые); Осипъ; Петрушка; Селифанъ; Алексѣй.

IV. Торговое сословіе.

Купцы: Муразовъ; Купердягина, Агафья Тихоновна, купеческая дочка; Арина Пантелеймоновна.

V. Военные.

Военные: Бетрищевъ; Пироговъ; Жевакинъ; Копѣйкинъ; Анучкинъ; Чертокуцкій. Военный.

VI. Администрація.

Городничій (Сквозникъ - Дмухановскій); Городничій (Петръ Өедоровичъ); Городничій («Коляска»); Генералъ-губернаторъ; Губернаторъ; Полицмейстеръ (Алексѣй Ивановичъ); Варухъ Кузьмичъ (квартальный).

VII. Свободныя профессіи.

Актеры: Актеръ комическій первый.
Писатели: Авторъ пьесы («Театр. разъѣздъ»).
Художники: Пискаревъ; Чартковъ; Б. отецъ и сынъ.

VIII. Педагоги.

Дѣепричастіе; Александръ Петровичъ; Учителя: дѣтей Манилова, Чичикова, Шпоньки.

IX. Дѣти и подростки.

Алкидъ; Өемистоклюсъ (Ср. дѣтство: *Чичикова, Тѣнтѣтникова, Шпоньки).*

Женскіе типы: Василиса Кашпаровна;—Агафья Тихоновна;—Коробочка;—Анна Андреевна;—Марья Антоновна;—Анна Григорьевна;—Софья Петровна;—Улинька.

Критика и библiографiя [1].

Агафья Тихоновна [*Бѣлинскiй*. Соч. т. VIII № 976].

Акакiй Акакiевичъ. «Авторъ заставляетъ насъ прожить вмѣстѣ съ Акакiемъ Акакiевичемъ всѣ замѣчательныя минуты его жизни; мы съ нимъ и на чердакѣ, гдѣ онъ отъ каждаго рубля откладываетъ по грошу въ небольшой ящичекъ, гдѣ онъ каждые полгода ревизуетъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣняетъ ее мелкимъ серебромъ, гдѣ онъ мерзнетъ и не доѣдаетъ, не жжетъ свѣчей, снимаетъ съ себя платье, чтобы оно не занашивалось, и сидитъ въ демикотоновомъ халатѣ, гдѣ онъ питается, «духовно нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели»...; мы съ нимъ въ департаментѣ, гдѣ на него обращаютъ вниманiе столько же, сколько на пролетѣвшую муху, гдѣ издѣваются надъ нимъ и сыплютъ ему на голову бумажки, и гдѣ онъ сидитъ, годы сидитъ и съ любовью выводитъ буквы или откладываетъ бумаги, съ которыхъ для собственнаго удовольствiя хочетъ снять копiю». — — «Онъ, какъ живой, передъ нами у портного, въ эти единственные праздничные дни его жизни, когда онъ отъ сомнѣнiй и страховъ переходитъ къ надеждѣ, когда мечтаетъ о куницѣ на воротникъ, и, наконецъ, покупаетъ и сукно, и коленкоръ и кошку, которую издали можно всегда принять за куницу... Смѣшонъ онъ во всѣхъ этихъ положенiяхъ, но, читая повѣсть, никакъ нельзя подавить въ себѣ слезъ, и ни къ одному изъ произведенiй Гоголя не подходитъ такъ извѣстное выраженiе «смѣхъ сквозь слезы» въ прямомъ, не переносномъ смыслѣ, какъ къ «Шинели». Дѣйствительно, изображенiе физическаго ужаса, который охватываетъ Акакiя Акакiевича на площади, когда съ него стаскиваютъ шинель, его ночное бѣгство—рядъ очень смѣшныхъ положенiй, отъ которыхъ становится однако жутко и страшно. Весь нравственный ужасъ несчастнаго чиновника при встрѣчѣ съ высокопоставленнымъ лицомъ, у котораго для подчиненныхъ были всего три фразы: «Какъ вы смѣете? Знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите? Понимаете ли, кто стоитъ передъ вами», сцена, когда нашего чиновника выносятъ замертво, пораженнаго и оглушеннаго лицезрѣнiемъ генерала и бесѣдою съ нимъ,—также комическiя положенiя, которыя однако не вызываютъ даже и улыбки; наконецъ, послѣднiя минуты—бредъ Акакiя Акакiевича, этотъ докторъ съ практическими совѣтами о заказѣ сосноваго, а не дубоваго гроба, эта хозяйка которая крестится, слыша, какъ нашъ чиновникъ въ бреду сквернохульничаетъ и притомъ такъ, что самыя страшныя слова слѣдуютъ непосредственно за словомъ «ваше превосходительство» и, наконецъ, наслѣдство Акакiя Акакiевича—пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшихся отъ панталонъ—все это смѣшно и до слезъ грустно. Грустно и тяжело стало и автору отъ собственной ироніи и въ концѣ повѣсти онъ смѣнилъ ее на столь имъ любимую элегiю: «И Петербургъ, заканчивалъ онъ свою повѣсть, остался безъ Акакiя Акакiевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманiя и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскiя насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившiй на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастье, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ мiра

---

[1] Выносимъ настоящiй отдѣлъ въ «Приложенiе», т. к., по самому плану изданiя «Словаря Литературныхъ типовъ», онъ является лишь дополненiемъ къ цѣлому. Напоминаемъ еще разъ, что въ характеристики перваго отдѣла вносились по возможности «подлинныя опредѣленiя самого автора» и приводимые здѣсь отрывки изъ критической литературы, отнюдь не претендуя на полноту, должны лишь дополнять характеристики типовъ со стороны историко-литературной и общественной. Ред.

сего!» Такъ говорилъ авторъ, помогая читателю стать на должную точку зрѣнія при оцѣнкѣ этой повѣсти, смыслъ которой, какъ основательно могъ опасаться Гоголь, былъ вовсе не общедоступенъ. Вѣроятно, съ тою же цѣлью, чтобы облегчить читателю пониманіе столь необычнаго для тѣхъ годовъ произведенія, авторъ и въ началѣ повѣсти вставилъ эпизодъ о молодомъ человѣкѣ, котораго такъ сразили слова Акакія Акакіевича: «Оставьте меня? Зачѣмъ вы меня обижаете?» «И въ этихъ проникающихъ словахъ—поясняетъ авторъ—звенѣли другія слова: «я братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ». Можетъ быть для удовлетворенія нравственнаго чувства было къ этой реальной повѣсти присочинено и странное фантастическое окончаніе, въ которомъ разсказывалось, какъ Акакій Акакіевичъ, уже мертвый, содралъ въ отместку шубу съ плеча того самаго значительнаго лица, которое такъ любило кричать на подчиненныхъ. Послѣ встрѣчи съ мертвецомъ генералъ сталъ кричать рѣже». [*Н. Котляревскій.* Гоголь].

Анна Андреевна. «Кокетка, если не больше...» «уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣшная мать! Сколько оттѣнковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово [*Бѣлинскій*, Соч. т. VI «Горе отъ ума»].

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій (Городничій). «Городничій Гоголя, по словамъ *Бѣлинскаго,* не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но по своему очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло—своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову во второмъ актѣ—образецъ подъяческой дипломатіи. По мнѣнію того же критика, герой «Ревизора» не Хлестаковъ и Городничій.

«Первыя сцены пятаго акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые недоступные тайники ея и выводитъ наружу все скрывшееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апотеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполнѣ опредѣлившейся возможностью: все темное, грязное, низкое и грубое, что крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна наверхъ, извнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. «Что, говоритъ онъ женѣ, тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ... фу ты, канальство! Съ какимъ дьяволомъ породнилась!»—«Какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери!» Изъ труса онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди: страхъ Сибири прошелъ—онъ уже не обѣщаетъ Богу пудовой свѣчи, и грозится еще жить и обирать купцовъ; велитъ кричать о своемъ счастьи всему городу, «валять въ колокола: коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!» его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка, «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ». Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... «Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ, на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой, городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!»

«Такъ проявляются грубыя страсти животной натуры! Это страсть—и страсть бѣшеная; у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порывисты. Если не вѣрите—посмотрите на Щепкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ—значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнести всѣхъ негенераловъ своимъ чванствомъ и надменностью; отнять лошадей у человѣка нечиновнаго или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное на нихъ право; говорить «братецъ» и «ты» тому, кто говоритъ ему «ваше превосходительство» и «вы», и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ—и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе маленькому человѣку, если онъ, считая себя «не имѣющимъ чести быть знакомымъ съ генераломъ», не поклонится ему, или на балу не уступитъ мѣста, хотя бы этотъ маленькій человѣкъ готовился быть великимъ человѣкомъ!.. тогда изъ комедіи могла бы выйти трагедія для «маленькаго человѣка»...

«Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго; изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенной яростью и злобной ироніей; но животная натура не

даетъ ему выдержать этой роли: власть надъ собой принадлежитъ только образованнымъ людямъ; онъ постепенно приходитъ въ большую и большую ярость и разражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т. е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы «засусленыя бороды, аршинники, самоварники, протоканаліи и архибестіи» не думали «отбояриться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ или головой сахара», ибо-де «онъ выдаетъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина»...

«Начинаютъ собираться гости. Городничій снова въ своемъ пѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ знатной особой; поздравляютъ вслухъ «съ необыкновеннымъ благополучіемъ» и ругаютъ вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая однако нисколько не удивлена своимъ счастьемъ, какъ по праву принадлежащимъ ея достоинствамъ и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатной дамой: она почти оспариваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и пренаивно открываетъ всѣмъ глаза насчетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ «и не уполномоченный, и не особа». Сцена чтенія письма Хлестакова—въ высшей степени комическая. Но что же нашъ городничій?—Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственной ошибкой, такъ тяжко наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность или даже обыкновенный талантъ тотчасъ бы воспользовались случаемъ заставить городничаго раскаяться и исправится; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творитъ не по своему произволу, а по закону разумной необходимости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ», котораго «ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!»—Вы думаете, ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимой знатностью? Ничего не бывало! Когда дражайшая его половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ; «Какъ же?.. вѣдь это не можетъ быть... онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой?»—онъ не только не старается замять позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадой на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: «А развѣ ты не видишь, что у него все это фу-фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отнимаетъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, что бъ можно было принять за важнаго человѣка, иль вельможу? Пусть бы онъ имѣлъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что? дрянь, сосулька» *В. Бѣлинскій*. Соч. т. 5, «Горе отъ ума» № 435][1].

Бетрищевъ, по словамъ *А. Н. Веселовскаго*, замыкаетъ собою небогатый, но полный реализма рядъ военныхъ типовъ у Гоголя (поручикъ Пироговъ, Чертокуцкій, Анучкинъ). «Авторъ надѣлилъ Бетрищева примиряющими чертами. Это не только любовь его къ дочери, но и патріотическая гордость великимъ дѣломъ освобожденія Россіи, въ которомъ ему пришлось участвовать. Его внушительные аллюры, потрясаніе плечъ съ воображаемыми эполетами, важность тона, вызываютъ въ читателѣ улыбку,—но не того впечатлѣнія добивался Гоголь въ недошедшей до насъ главѣ, изображавшей примиреніе Тѣнтѣтникова съ генераломъ. Зашла рѣчь о мнимой исторіи отечественной войны: желая вывернуться изъ неловкаго положенія, Тѣнтѣтниковъ переходитъ къ восхваленію единодушной народной обороны, безчисленныхъ незамѣтныхъ жертвъ, увлекается вызываемыми имъ образами; онъ «проникся чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ брилліантъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ» [*А. Н. Веселовскій*. «Этюды и характеристики»].

Жевакинъ—не кривляка, не шутъ; это старый селадонъ, а потому и щеголь, несмотря на свой старинный мундиръ. Куда бы ни занесла его судьба,—хоть въ Китай, не только въ Сицилію,—онъ вездѣ замѣтитъ одно только: «розанчики этакіе», кромѣ «розанчиковъ» для него ничто не существуетъ. [*Бѣлинскій* т. 5].

Кочкаревъ. «Добрый и пустой малый, нахалъ и разбитная голова. Онъ скоро знакомится, скоро дружится и сейчасъ на ты. Горе тому, кто удостоится его дружбы! Кочкаревъ переставитъ у него по своему мебель въ комнатѣ, да еще будетъ ругать, если тотъ не усердно будетъ помогать ему распоряжаться съ своемъ домѣ. Кочкаревъ навяжетъ другу своего портного, своего сапожника, не потому, чтобы убѣжденъ былъ

---

[1]) Ссылки сдѣланы на изданіе сочиненій Бѣлинскаго, выходящее подъ редакціей С. А. Венгерова.

въ ихъ превосходствѣ, а для того, чтобъ сказать: «я рекомендовалъ». Кочкаревъ хочетъ, чтобъ все шло и дѣлалось черезъ него, и чтобъ всѣ говорили: «Этотъ человѣкъ на всѣ руки». Для этого онъ готовъ хлопотать, биться до пота лица, перенести что угодно. Другъ его сбирается купить домъ: у Кочкарева ужъ есть на примѣтѣ домъ, отличнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, именно такой, какой нуженъ его другу; онъ самъ, правду сказать, и не былъ въ этомъ домѣ, но готовъ сейчасъ же расписать расположеніе его комнатъ, доказать его удобство, выгодность, побожиться за достоинство каждой половицы, каждого стропила. Если другъ не захочетъ смотрѣть этого дома, онъ потащитъ его, будетъ упрашивать, умолять, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа разсорится съ другомъ по-своему: назоветъ его и «свиньей», и «подлецомъ». Первыя слова его свахѣ, которую засталъ онъ у Подколесина, были:—«Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?» Изъ этого видно уже, что женитьба не очень осчастливила его, и что не ему бы хлопотать о женитьбѣ другихъ. Но не тутъ то было: провѣдавъ о чужомъ дѣлѣ, онъ уже похожъ на гончую собаку, почуявшую зайца; чтобъ похлопотать, онъ описываетъ женитьбу самыми обольстительными красками, какія только можетъ ему дать его грубая фантазія. И потому, если актеръ, выполняющій ролъ Кочкарева, услышавъ о намѣреніи Подколесина жениться, сдѣлаетъ значительною мину, какъ человѣкъ, у котораго есть какая-то цѣль,—то онъ испортитъ всю роль съ самаго начала. Въ концѣ пьесы Кочкаревъ, взбѣсившись на Подколесина, самъ говоритъ:—«Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите, пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня что ли? И что я ему такое—нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего я хлопочу о немъ, не знаю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ?—А просто, чортъ знаетъ изъ чего! поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! «Въ этихъ словахъ—вся тайна характера Кочкарева». [*Бѣлинскій.* Соч. Т. VII № 726].

Маниловъ. Отмѣчая, что всѣ герои гоголевской поэмы люди ничтожные, «Н. А. Котляревскій тѣмъ не менѣе находитъ, что они «желчи въ насъ не возбуждаютъ». «Мы смѣемся надъ ними, намъ жаль ихъ, но мы ужились бы съ ними безъ особенныхъ компромиссовъ съ нашей стороны. Что могли бы мы имѣть, напр., противъ Манилова, который былъ человѣкъ такъ себѣ, ни то, ни се, довѣрчиваго и добродушнаго Манилова, желающаго всегда во всемъ предполагать лучшее, довольнаго и самимъ собой и женой, и своими сыновьями, которые такъ преуспѣли въ наукахъ, что знаютъ въ какой странѣ какой городъ лучшій, очень любезнаго человѣка, который даже кучеру говоритъ «вы», хотя и не знаетъ, сколько въ деревнѣ мужиковъ перемерло. Пусть себѣ Маниловъ мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ черезъ эту рѣку начать строить мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ и философствовать... Никому отъ этого никакого вреда не будетъ. Ужились бы мы и съ Собакевичемъ, съ этимъ ругателемъ и кулакомъ, и удавлялъ бы онъ насъ только подчасъ своими животными инстинктами — для ближняго, впрочемъ, совершенно безвредными. Этотъ ближній, находясь въ подчиненіи, конечно, могъ страдать отъ сосѣдства Коробочки и Плюшкина, но и Плюшкинъ и Коробочка все-таки скорѣе достойны жалости, чѣмъ осужденія. И самъ авторъ, выставляя напоказъ всю мелочность ихъ души и все ничтожество ихъ прозябанія—спѣшитъ предостеречь читателя отъ поспѣшнаго суда надъ ними. Онъ познакомилъ насъ съ Плюшкинымъ въ иные, счастливые годы его жизни, и мы поняли, что передъ нами несчастный человѣкъ, отданный въ жертву страсти, съ которой онъ бороться былъ не въ силахъ. Съ сокрушеніемъ говорилъ авторъ о неосторожности, мелочности и гадости, до которой могъ снизойти человѣкъ и, указывая на это извращеніе образа людского, совѣтовалъ намъ, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, брать съ собою въ путь всѣ человѣческія движенія и не оставлять ихъ на дорогѣ. Онъ грозилъ намъ этимъ живымъ мертвецомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ о немъ такъ, что вызывалъ не отвращеніе къ нему, а слезу участія. Когда же онъ замѣчалъ, что мы начинаемъ отъ души смѣяться, напр., надъ Коробочкой, и только смѣяться, онъ наводилъ насъ на раздумье вопросомъ: «Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита?» И такіе вопросы насъ невольно располагали въ пользу подсудимой. Даже Ноздрева—это сочетаніе безшабашности, плутовства и цинизма—Гоголь представилъ такимъ добродушнымъ и незлонамѣреннымъ, что почти отнялъ у насъ желаніе на него разсердиться». [*Н. Котляревскій.* Гоголь].

Осипъ — «герой лакейской природы, представитель цѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды,

но изъ которыхъ каждое похоже на него, какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монологѣ, гдѣ между прочимъ читаетъ онъ нравоученіе самому себѣ для своего барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и наконецъ самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который, поживъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и галантерейнаго обращенія, но, по пословицѣ «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь треволненіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ, иной разъ славно наѣшься, а въ другой—чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самый ихъ характеръ, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ — грубіянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ понимаетъ по своему». [*Бѣлинскій* т. 5, № 435].

Пироговъ. «Самый типичный изъ военныхъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Гоголя эпохи «Ревизора», — поручикъ Пироговъ не обладаетъ даже самою элементарною добродѣтелью своего—сословія онъ не храбръ и въ дѣлахъ чести весьма покладистъ. Если «перекидываніе карточками принимаетъ трагическій характеръ, уже тутъ непремѣнно на сценѣ военный и даже не малаго чина. Хлестакова на станціи «срѣзалъ» на штосѣ пѣхотный капитанъ, а «Господинъ майоръ» въ первоначальномъ наброскѣ «Коляски»—въ печати это исчезло—прямо рекомендованъ авторомъ какъ стрѣленый шулеръ» [*С. Венгеровъ.* Очерки по ист. р. литературы»].

Подколесинъ — «не просто вялый и нерѣшительный человѣкъ съ слабою волею, которымъ можетъ всякій управлять: его нерѣшительность преимущеетвенно выказывается въ вопросѣ о женитьбѣ. Ему страхъ какъ хочется жениться, но приступить къ дѣлу онъ не въ силахъ. Пока вопросъ идетъ о намѣреніи, Подколесинъ рѣшителенъ до героизма; но чуть коснулось исполненія, — онъ труситъ. Это недугъ, который знакомъ слишкомъ многимъ людямъ поумнѣе и пообразованнѣе Подколесина. Въ характерѣ Подколесина авторъ подмѣтилъ и выразилъ черту общую, слѣдовательно, идею. Подколесинъ покоряется одному Кочкареву, потому что тотъ нахалъ, которому не уступить—значить рѣшиться на исторію, конечно, не опасную, но зато неприличную, а одно стоитъ другого». [*Бѣлинскій.* Сочиненія т. VIII № 726].

«**Собакевичъ** первой части во второй превратился въ **Костанжогло.** Онъ такъ уже грубъ и падокъ на рѣзкіе приговоры, такъ же ненавидитъ заморскія новшества и стоитъ за русскую сметку и предпріимчивость, проявляетъ такіе же инстинкты кулака, но, по волѣ автора, эти черты смягчаются трезвою философіей труда, близостью къ народу, ролью благодѣтеля края, ненавистника несправедливости. Замыселъ, конечно, безнадежный; Костанжогло, такъ, какъ и Штольца, для которыхъ народныя трудовыя силы являются лишь аксессуаромъ, подспорьемъ, и которые одинаково отдаются поэзіи личнаго обогащенія, нельзя выставить друзьями человѣчества» [*А. Н. Весcловскій.* «Этюды и характеристики»].

Собакевичъ. См. выше. Костанжогло, Маниловъ и ниже Хлестаковъ.

Тѣнтѣтниковъ. 1) Въ характеристикѣ обломовщины, данной Добролюбовымъ, критикъ проводитъ аналогію между Онѣгинымъ, Печоринымъ, Тѣнтѣтниковымъ, Рудинымъ и Обломовымъ.

«Но вѣдь это еще не жизнь,—это только приготовленіе къ жизни»,—думалъ Андрей Иванычъ Тѣнтѣтниковъ, проходившій, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компаніей, тьму ненужныхъ наукъ и не умѣвшій ни іоты изъ нихъ примѣнить къ жизни. «Настоящая жизнь—это служба». И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ служба—ненужное и неимѣющее смысла бремя; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бельтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ... Тѣнтѣтниковъ поговорилъ крупно съ начальникомъ, да притомъ же хотѣлъ принести пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальникомъ всѣ говорятъ «не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ»; онъ не захотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что «отправилъ нужную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ», и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и та же обломовщина... (См. *Добролюбовъ.* Сочин. т. 2 и «Словарь Литер. Типовъ», выпускъ 3-ій «Печоринъ»).

2) По мнѣнію *Овсянико-Куликовскаго,* Т. «фигура, цѣликомъ выхваченная изъ жизни. Гоголь уловилъ характерную душевную складку людей этого типа, и Гончарову оставалось потомъ только глубже проанализировать и разработать въ подробностяхъ психологію лѣни и безволія русскаго образованнаго человѣка, благородно мыслящаго и ничего не дѣлающаго, да и неспособнаго ни къ какому дѣлу». Сопоставляя живого, неутомимаго, настойчиваго, упорнаго въ преслѣдованіи своихъ цѣлей Чичикова съ лежебокомъ и коптителемъ неба Тѣнтѣтниковымъ, изслѣдователь замѣчаетъ: «невольно думается, если бы дать Андрею Ивано-

вичу живой умъ, подвижность, энергію Павла Ивановича, а Павлу Ивановичу дать образованіе и благородный образъ мыслей Андрея Ивановича, мы имѣли бы передъ собою совсѣмъ иную картину нравовъ и общественной жизни и не узнали бы нашей дореформенной Руси съ ея темными проходимцами, дикими понятіями, жестокими нравами, бездѣйствующими идеалистами, скучающими господами и т. д. (Исторія р. интеллигенціи. Т. I. стр. 243—244).

Хлестаковъ. — 1) «Баринъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Онъ — франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель; глупцы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ до новой присылки денегъ. «Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія: не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно неожиданно». Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется литературой, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названія журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, «Библіотека для Чтенія» и «Сумбека», «Юрій Милославскій» и «Фенелла». Онъ — денди не по одному модному платью, но и по манерамъ, денди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя красуются на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цирюленъ и портныхъ. Въ Пензѣ его обыгралъ начистую пѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастье, но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ, какъ диллетантъ къ художнику, потому что «что̀ ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ—славно играетъ!» Великое достоинство въ его глазахъ!

«Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его нравоученій и его грубости! Посмотрите, какъ онъ подличаетъ предъ трактирнымъ прислужникомъ, справляясь о его здоровьи и о числѣ пріѣзжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ласково проситъ его поторопиться принести обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ! Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ сцены и этотъ языкъ? И почему только одинъ онъ такъ подсмотрѣлъ и такъ подслушалъ? Можетъ быть потому, что онъ подсматривалъ и подслушивалъ какъ и всѣ, то есть, не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи-то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А вѣдь и эти всѣ—тоже поэты и художники, и какъ блины пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи, и водевили»... [*Бѣлинскій* т. 5.].

2) «Хлестаковъ, по мнѣнію Овсянико-Куликовскаго, вышелъ типомъ національнымъ; въ этомъ образѣ дана злая критика извѣстныхъ чертъ нашей русской національный психики. То же самое нужно сказать по большинствѣ другихъ типовъ, созданныхъ Гоголемъ. Изъ его писемъ и признаній (наприм., въ «Авторской исповѣди») достаточно извѣстно, что всего болѣе интересовался онъ, какъ художникъ, національной психологіей русскаго человѣка. Большой мастеръ улавливать различныя черты нашей русской, національной складки и повадки, онъ почти непроизвольно превращалъ свои бытовые типы въ національные. А такъ какъ эти бытовые типы (чиновниковъ, помѣщиковъ и пр.) были продуктомъ не чистаго наблюденія, а художественнаго эксперимента, въ которомъ сгущались и выступали наружу черты отрицательныя (экспериментаторъ былъ моралистъ-сатирикъ), то и національные признаки получили въ этихъ образахъ характеръ отрицательныхъ качествъ, недостатковъ, даже пороковъ. И въ результатѣ вышло не только изображеніе отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности въ данную эпоху, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилась картина искривленія національной физіономіи, геніальная художественная картина, на которой русская національная психика представлена со стороны всего пошлаго, мелочнаго, нравственно-несостоятельнаго, что наблюдается въ русскомъ человѣкѣ и, въ существѣ дѣла, принадлежитъ не ей, а ему. Такимъ образомъ лганье Хлестакова, грубость Собакевича, слащавость Манилова и т. д. получили отпечатокъ особаго русскаго лганья, специфически русской грубости, слащавости и т. д. Но въ ряду этихъ безсмертныхъ фигуръ по преимуществу національными должны быть признаны Хлестаковъ, Чичиковъ, Ноздревъ, Сквозникъ-Дмухановскій, Тѣнтѣтниковъ, генералъ Бетрищевъ, Пѣтухъ, о которыхъ съ полнымъ правомъ можно сказать: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ»... И, въ нравственномъ смыслѣ, вовсе не такъ скверно пахнетъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Дѣло въ слѣдующемъ: національныя черты—не качества (хорошія или дурныя), а свойства въ этическомъ отношеніи безразличныя), но художникъ-экспериментаторъ, въ интересахъ художественнаго познанія, имѣетъ право дать имъ такую обработку и такое освѣщеніе, что онѣ явятся уже не безразличными свойствами, а опредѣленными качествами, подлежащими нравственной оцѣнкѣ. Люди, одержимые національнымъ самомнѣніемъ и шовинизмомъ, всегда склонны въ подобныхъ случаяхъ обвинять художника во лжи и клеветѣ. Излишне опровергать ихъ,—достаточно замѣтить, что это «ложь и клевета» микроскопа, который пока-

зываетъ въ чудовищно-увеличенномъ видѣ то, что въ дѣйствительности существуетъ въ микроскопически-маломъ видѣ. Но нелишне указать на то, что и сама жизнь спорадически производитъ своего рода «эксперименты», аналогичные экземпляры съ искривленной національной физіономіей. Такъ, Хлестаковы, Собакевичи, Маниловы, Чичиковы, Ноздревы и т. д. существовали и существуютъ, не столь «художественные», какъ у Гоголя, но во всякомъ случаѣ не уступающіе имъ въ «уродствѣ», въ искривленіи національной физіономіи» [*Овсянико-Куликовскій.* Гоголь].

Хлобуевъ—«изъ той же семьи неудачниковъ (какъ и Тѣтѣтниковъ). Онъ пошелъ дальше, всѣхъ пустилъ по міру, изломалъ воспитаніе дѣтей похуже дрессировки Өемистоклюса и Алкида и въ безпорядочной смѣси слилъ обрывки религіозности и слабые отголоски университетской науки съ остроумной болтовней, привычками навязчиваго хлѣбосола. Съ строгой точки зрѣнія, на «обязанности помѣщика», которая проводится въ первомъ томѣ, а затѣмъ параллельно въ «Выбранныхъ мѣстахъ» и во 2-й части поэмы, такая порочная небрежность заслуживала примѣрнаго наказанія. Но и для этого несчастнаго открывается возможность очистительной жертвы. Когда, подъ вліяніемъ увѣщаній Муразова, Хлобуевъ, поборовъ въ себѣ барскія преданія, надѣваетъ сибирку, уходитъ надолго въ народъ сбирать на церковь, тайно раздавать подаянія и смягчать ропотъ въ крестьянствѣ, его образъ перерождается чуть не въ «дядю Власа». «Въ голосѣ было замѣтно одобреніе, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда» [*А. Н. Веселовскій.* «Этюды и характеристики»].

Чичиковъ. 1) «Кто главное дѣйствующее лицо поэмы? Самъ авторъ признался, что писатели заѣздили добродѣтельнаго человѣка, что пора наконецъ припречь «подлеца», и очевидно, что Павелъ Ивановичъ Чичиковъ—человѣкъ самой сомнительной нравственности, съ очень темнымъ прошлымъ и съ некрасивымъ настоящимъ. Авторъ согласенъ, что это такъ, но онъ не сгущаетъ красокъ; наоборотъ, онъ какъ будто хочетъ сказать, что Павелъ Ивановичъ и неспособенъ сдѣлать никакой особенно мерзкой гадости, т.-е. жизни ничьей не разобьетъ умышленно, беззащитнаго и слабаго мучить не станетъ, чужимъ несчастіемъ наслаждаться не будетъ, даже на клевету не пустится, а только приберетъ себѣ все, что лежитъ плохо, и приберетъ съ сознаніемъ, что поступаетъ не хуже многихъ другихъ. Какъ гражданинъ, онъ мошенникъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ личность единичная—онъ самый обыкновенный представитель очень распространенной морали средней руки, морали безнравственной, но жить другимъ не мѣшающей. Авторъ не остановился, однако, на этой безпристрастной характеристикѣ любезнаго и обходительнаго хищника; онъ намъ разсказалъ всю исторію его дѣтства, онъ объяснилъ, какъ и откуда эти хищническіе инстинкты Чичикова зародились, и тѣмъ самымъ заставилъ насъ подумать о томъ, падаетъ ли на Чичикова вся отвѣтственность за его плутни и мошенничества, или часть этой отвѣтственности должно поставить на счетъ среды, въ которой онъ выросъ? Можетъ быть, Чичиковъ потому такъ дуренъ, что лучъ добра и свѣта на него не падалъ? А къ такимъ лучамъ онъ былъ воспріимчивъ; не даромъ авторъ такъ подробно описалъ его смущеніе при встрѣчѣ съ губернаторской дочкой. Не любовь постучалась тогда въ его сердце, а именно то томительно тревожное чувство, которое испытываетъ человѣкъ, когда встрѣчается съ другимъ, душевное превосходство котораго надъ собой чувствуетъ». Конечно, всѣ позы Чичикова передъ этой наивной институткой смѣшны, и самъ онъ смѣшонъ со своимъ столбнякомъ, но намѣреніе автора было отнюдь не заставить читателя только засмѣяться. И наконецъ, Гоголь уже прямо спрашивалъ читателя, «да подлецъ ли Чичиковъ? Почему же подлецъ?»—отвѣчалъ онъ—«зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? онъ—просто хозяинъ, пріобрѣтатель».

Пріобрѣтеніе—вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе не очень чистыхъ» [*Н. Котляревскій.* Гоголь].

2) Чичиковъ—жертва страсти «и есть страсти, которыхъ избраніе не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее, неумолкающее во всю жизнь. Земное, великое поприще суждено совершить имъ все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленіемъ, возрадующимъ міръ, одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага». И, можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка передъ мудростью небесъ».

Такъ оправдывалъ Гоголь своего героя, давая понять, что этотъ ничтожный человѣкъ въ концѣ поэмы лучше, чѣмъ всякій добродѣтельный, убѣдитъ читателя въ благости Божіей».

«А кто изъ васъ,—спрашиваетъ самъ Гоголь читателя—полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во-внутрь собственной души сей тяжелый запросъ:

«А нѣтъ ли во мнѣ какой-нибудь части Чичикова? Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый,—онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!» И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!» *(Мертвыя Души* I, IX).

Яичница. «Это человѣкъ грубый, матеріальный; но онъ живетъ и служитъ въ Петербургѣ—стало быть, не похожъ на провинціальнаго медвѣдя. Вообще, для хорошаго выполненія ролей, созданныхъ Гоголемъ, актерамъ всего нужнѣе—наивность, отсутствіе всякаго желанія и усилія смѣшить. Если человѣкъ имѣетъ смѣшную или слабую сторону, онъ тѣмъ и возбуждаетъ смѣхъ, что не предполагаетъ въ себѣ ничего смѣшного и страннаго. Въ обществѣ никто не станетъ стараться смѣшить другихъ на свой счетъ, а сцена должна быть зеркаломъ общества» [*Бѣлинскій.* Сочиненія, т. VIII, № 726].

Ѳекла Ивановна. Лицо свахи въ «женитьбѣ»—есть одно изъ самыхъ живыхъ и мимическихъ созданій Гоголя. Бойкость, яркость движеній, трещоточный разговоръ, должны быть прежде всего схвачены актрисою, выполняющею эту роль; малѣйшая вялость, тяжеловатость сейчасъ испортятъ дѣло. Это баба, намѣтавшаяся въ своемъ ремеслѣ; ея не разстроитъ никакое обстоятельство, не смутитъ никакое возраженіе; у нея готовъ отвѣтъ на всякій вопросъ.

Невѣста спрашиваетъ сваху про одного изъ жениховъ: «не пьетъ ли онъ?» «А пьетъ, не прекословлю, пьетъ! Что же дѣлать? ужъ онъ титулярный совѣтникъ, зато такой тихій, какъ шолкъ», отвѣчаетъ Ѳекла Иванонна и, въ утѣшеніе прибавляетъ: «Впрочемъ, что жъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю жъ недѣлю бываетъ пьянъ—иной день выберется и трезвый». Про другого она говоритъ: «немножко заикается, зато ужъ такой скромный». Сколько юмора, какой языкъ, какіе характеры, какая типическая вѣрность натурѣ! [*Бѣлинскій.* Соч. Т. VIII, № 726].

Чиновники (См. таблицу: «Группировка гоголевскихъ типовъ). Венгеровъ отмѣчаетъ «ту глубину презрѣнія, которую питаетъ Гоголь къ чиновничеству и которая рѣзко отдѣляетъ его отъ другихъ писателей, до него бичевавшихъ взяточничество, напримѣръ, Капниста. Для Гоголя чиновникъ не злодѣй, а пошлякъ и ничтожество по преимуществу. Чтобы хронологически не отходить отъ «Ревизора», вспомнимъ написанное въ 1833 году «Утро дѣлового человѣка». Тутъ нѣтъ «бичеванія», а все насквозь пропитано какимъ-то безграничнымъ презрѣніемъ, желаніемъ выяснить полное ничтожество человѣка, занимающаго очень видный постъ, хотя всѣ его таланты заключаются въ умѣніи слѣдить за каллиграфіей идущихъ къ министру бумагъ. И это общая черта почти всѣхъ чиновниковъ Гоголя: въ нихъ нѣтъ даже простой дѣловитости, они только и умѣютъ, что чваниться, кричать на подчиненныхъ, да самымъ грубымъ и элементарнымъ образомъ брать взятки. За исключеніемъ «весьма, по своему, не глупаго» городничаго, въ огромной галлереѣ гоголевскихъ чиновниковъ и администраторовъ ни одного, которому можно было бы сдѣлать такой сомнительный комплиментъ, что онъ тонкій мошенникъ или хоть и «бестія» и шельма, но «умная» [*Венгеровъ.* Очерки по исторіи русской литературы].

Женскіе типы Гоголя (см. «Группировка» стр. 98). «Все разнообразіе отрицательныхъ женскихъ образовъ въ первомъ томѣ, всѣ эти Коробочки, Маниловы, Ѳеодуліи Ивановны, дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, оттѣнялись только силуэтомъ губернаторской дочки, но она слишкомъ эѳирна, можетъ плѣнять только потому, что совсѣмъ еще молода, любуется жизнью, а всего черезъ какой-нибудь годъ, по трезвому сужденію Чичикова, «изъ нея выйдетъ дрянь». Но и для суетной женской натуры, способной погрязнуть въ житейской тинѣ, поэтъ подготовилъ возможность исправленія. Губернаторская дочка и Улинька—натуры, конечно, сродныя, но безучастная роль свидѣтельницы несправедливостей немыслима для послѣдней. Она не дастъ поработить себя. Она затруднилась бы выбрать планъ дѣйствій, но умѣетъ возмущаться, протестовать, спорить съ отцомъ, и въ Тѣнтѣтниковѣ почуяла такое же влеченіе къ добру. При всемъ этомъ авторъ надѣляетъ ее женственностью и изяществомъ и, какъ доказалъ Тихонравовъ, переноситъ на нее черты наиболѣе удавшагося ему женскаго образа, польской панны изъ «Тараса Бульбы». До значенія положительной личности она недоразвилась. Трудно вѣрить, чтобы именно ей предстояло олицетворять «чудную русскую дѣвицу, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души», что именно она «вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія». Или Улинька отмѣчаетъ собой переходный фазисъ въ развитіи русской женщины отъ будничной мелкоты до апостольскаго подвига и должна уступить мѣсто болѣе идеальному лицу, или ей предстояло постепенно подняться до сильной и активной роли» [*А. Н. Веселовскій,* Цит. Сочин.].

Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженiй.

«Нѣтъ слова, которое бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово».

Гоголь.

Авось—великое словцо (М. Д. II, 3).

Акимъ-простота (Эхъ, я Акимъ-простота, ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ. М. Д. I. 11).

«Амбре»,—такое, чтобъ нельзя было войти и нужно бы только этакъ зажмурить глаза» («Ревизоръ», V, 1).

А на счетъ маральности, такъ это и за дворянами водится («Театральный разъѣздъ»).

Андроны ѣдутъ, чепуха, билиберда, сапоги въ смятку (М. Д. I, 9).

Баба корявая (Такое словцо, отъ котораго одинъ русскiй мужикъ могъ не засмѣяться. М. Д. II).

Баба, что мѣшокъ: что положатъ, то несетъ (М. Д. I, 9).

Байбакъ (человѣкъ, «лежавшiй, какъ говорится, весь свой вѣкъ на боку, котораго напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ». М. Д. 1, 7).

«Барабанъ! никакой городничiй не взойдетъ» (Чичиковъ послѣ ужина у Пѣтуха. М. Д. II, 3).

Бездонныя бочки (о пьяницахъ) (М. Д. II, 1).

Безешка; влѣпить безе. (М. Д. I. 6).

Безкорыстная чистая подлость (не основанная, ни на какихъ расчетахъ = выгода мильонщика. М. Д. I, 6).

Вертѣлся мельницею (М. Д. I, 4).

Ворона нижегородская (М. Д. I, 5).

Востроногой («Да онъ, вишь ты, востроногой»—мужики о Тѣнтѣтниковѣ. М. Д. II, 1).

Впередъ!—«пробуждающее слово **впередъ!** котораго жаждетъ повсюду на всѣхъ ступеняхъ стоящiй всѣхъ сословiй, званiй и промысловъ русскiй человѣкъ.

Все прiятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россiя стала кричать («Театральный разъѣздъ»).

Все сдѣлаешь и прошибешь на свѣтѣ копѣйкой (Наставленiе Чичикову его отца. М. Д. I, 11).

Въ головѣ просто ничего, какъ послѣ разговора со свѣтскимъ человѣкомъ. (М. Д. I, 8).

Въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою («Ревизоръ», I, 1).

Въ животѣ, ей-Богу, какъ будто пѣтухи кричатъ (Ив. Ѳед. Шпонька).

Въ «прiятномъ словѣ ея торчала, ухъ, какая булавка» (М. Д. I, 9).

Вѣдь на то живешь, чтобъ срывать цвѣты удовольствiя (слова Хлестакова. «Ревизоръ», III, 5).

Вѣдь ты такой подлецъ,—никогда ко мнѣ не заѣдешь (дружеское обращенiе Ноздрева. М. Д. I, 6).

Галантерейное, чортъ возьми, обхожденiе («Ревизоръ», II, 1).

Галантѣрная половина человѣческаго рода (о дамахъ). (М. Д. I, 6).

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: впередъ! кто, зная всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы учредить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какой любовью заплатилъ бы онъ ему! Но вѣка проходятъ за вѣками; полмилiона сидней, увальней и байбаковъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющiй произнести его, это всемогущее слово (М. Д. II, 1).

Генералъ, да только съ другой стороны (Осипъ о Хлестаковѣ «Ревизоръ», III, 4).

Глупъ, какъ сивый меринъ («Ревизоръ», V, 8).

Глядитъ (разсѣянный ученикъ) **въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу** (подставленную товарищемъ). (М. Д. II, 1).

Горькое блюдо подъ названіемъ завтра (Пов. о кап. Копѣйкинѣ).

Господинъ Финансовъ («Его высоблагородному свѣтлости господину Финансову отъ купца Абдулина) («Ревизоръ», IV, 9).

Губы, какъ двѣ колоды («Ив. Ѳ. Шпонька», 2).

Гусакъ (О томъ, какъ поссорился Ив. Ив.).

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ (М. Д. I, 9).

Дама просто пріятная (М. Д. I, 9).

Для любви нѣтъ различія («Ревизоръ» IV, 13).

«**Для порядка всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами—и правому, и виноватому**» (Держиморда, «Ревизоръ» I, 8).

До двухсотъ тысячъ приданаго, и не то, чтобы съ названьемъ, еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки»—(«Отрывокъ»).

Другое-третье (если между дамами города N-ска «происходило какое-нибудь то, что называютъ другое-третье, но оно происходило въ тайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что происходило. М. Д. I, 6)

Дрянная гарниза (инвалидная команда) («Ревизоръ», I, 5).

Дура первоклассная («Отрывокъ»).

Душевная спячка (М. Д. II, 4).

Душонка ты мелкопомѣстная, ничтожность этакая! (М. Д. II. 1).

Естественный скотина. (М. Д. II, I).

Есть точно на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ такое уже свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя; а взглянетъ другая—выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника (М. Д. I, 9).

«**Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона**» («Отрывокъ»).

Желудочное трясеніе... («Ревизоръ», I, 3).

«**Жениться дѣло сердечное, нужно, чтобы душа...**»—**Послушай, перестань либеральничать**» («Отрывокъ»).

Жидоморъ (Ноздревъ о Собакевичѣ) (М. Д. I, 4).

«**Жизнь моя течетъ въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ**» («Ревизоръ» I, 2).

Завалишинъ и Полежаевъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ **полежать** и **завалиться**, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси. М. Д. I, 9).

Загребистая какая лапа! (Чичиковъ о Костанжогло М. Д. II, 3).

Задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто панскій иноходецъ («Заколд. мѣсто»).

Заплатанной (прозвище, данное мужикомъ Плюшкину. М. Д. I, 5).

Заѣхать къ Сопикову и Храповицкому (означаетъ «всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями». М. Д. I, 9).

«**За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ**»... (О «Ревизорѣ». «Театральный Разъѣздъ»).

«**И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ**» (съ приглашеніемъ Хлестакову занять мѣсто директора департамента. «Ревизоръ», III, 6).

Именины сердца (М. Д. I, 2).

И «на Антона», и «на Онуфрія»—именины городничаго («Ревизоръ», IV, 10).

Инкомодите (небольшое) **въ видѣ горошинки** на правой ногѣ (выраженіе дамы) (М. Д. I, 6).

Историческій человѣкъ. «**Человѣкъ на всѣ руки**» (о Ноздревѣ) (М. Д. I, 4).

Исторія, сконапель истоаръ (М. Д. I, 9).

«**Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу**»—про человѣка, у котораго въ 6 лѣтъ выросло на одной улицѣ 4 дома. («Театральный Резъѣздъ»).

Какой веселенькій ситецъ! (М. Д. I, 9).

«**Какой репримандъ неожиданный!**» («Ревизоръ», V, 8).

«**Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный...**» («Театральный Разъѣздъ»).

Какъ опарила! какъ будто свинью передъ Рождествомъ.

Какъ съ быкомъ не биться, а все молока не добиться». (Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ).

Канальчонокъ проклятый (Чичиковъ о сынѣ Лѣницына, «испортившемъ ему фракъ» (М. Д. II, 1).

Коптитель неба (М. Д. II, 1).

Кофейникъ въ чепчикѣ (о старухѣ «Ив. Ѳ. Шпонька»).

Кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь (М. Д. I, 5)

Кувшинное рыло, прозвище Ивана Антоновича (М. Д. I, 6).

Кулебяка, прозвище, данное Чичиковымъ Пѣтуху (М. Д. II, 3).
Куряка (трубочный) (М. Д. II, 1).
Литераторъ—пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно—никакое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили» (Важный чиновникъ «Театральный Разъѣздъ»).
Лицо «какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху» (М. Д. I, 11).
Мелочь анбарная (Григорій о Перфильевнѣ. М. Д. II, 1).
«**Моветонъ**»—(«Ревизоръ» V, 8).
«**Мышиное благородство**» (если кто не въ силахъ «быть благороднымъ безъ поощренія» («Театральный разъѣздъ»).
Наваринскаго дыму съ пламенемъ (сукно) М. Д. II).
На, возьми, съѣшь! (одна другой изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое словцо: Вотъ, молъ тебѣ! На, возьми, съѣшь! М. Д. I, 9).
«**Начнутъ гладью, а кончатъ гадью**» (о Мижуевѣ) М. Д. I, 4.
Ненасытное горло. М. Д. II, 1).
Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ онъ (обѣдъ) **подспѣетъ»**— Слова Пѣтуха. М. Д, II, 3.
Ни на что не похоже! (выраженіе дамъ о поведеніи Ноздревка и балу (М. Д. I, 8).
Ничего, ничего, я такъ; пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу... («Ревизоръ», I, 1).
Ногами «вензеля направо и налѣво» (о танцахъ) М. Д. I, 8.
Ну просто оррёръ, оррёръ, оррёръ (М. Д. I, 9).
Носъ—какъ мѣхъ въ кузницѣ. Ноздри—какъ по ведру воды влей въ каждую («Заколдованное мѣсто»).
Ну ужъ это просто: признаюсь! (М. Д. I, 9).
«**Нѣтъ человѣка, который бы за собой не имѣлъ какихъ нибудь грѣховъ. Это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено и вольтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ**» («Ревизоръ» I, 1.)
Оба-то, какъ вижу, съ душкомъ! (Чичиковъ о Платоновыхъ М. Д. II, 4).
Обезьянство (**все изъ обезьянства** (М. Д. I, 8).
«**Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?**» («Ревизоръ», I, 1).
«**Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего нибудь не осмѣялъ**» («Ревизоръ», III, 2).
Отечественная фабрикація. М. Д. II.
«**Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь**» (Ревизоръ I, 1).
Писала сорока лапой, а не человѣкъ (о почеркѣ Тѣнтѣтникова) М. Д. II, I.
Пиши—пропало! М. Д. I, 8.
Подстёга Сидоровна. М. Д. I, 8.
Полковникъ-брандеръ М. Д. II. 1.
Получилъ за это то, что называется въ простонородіи шишъ (М. Д. I, 8).
«**Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ**» (М. Д. II, 2).
«**Поплясывать подъ чужую дудку**» (М. Д. I, 4).
Попользоваться насчетъ клубнички (выраженіе Ноздрева) М. Д. I, 4.
«**Пошла писать губернія!**» (М. Д. I, 8).
«**Поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ**» (Квартальный, «Ревизоръ», 1, 5).
«**Предъ добродѣтелю все прахъ и суета**» (Городничій («Ревизорѣ», III, 5).
Припречь и подлеца (М. Д. I, 12).
Провалъ ихъ возьми! (М. Д. I, 8).
Проклятые кацапы ѣдятъ щи съ тараканами (Ив. Ѳ. Шпонька).
Пролетная голова (Пов. о капит. Копѣйкинѣ).
Просвѣщеньемъ пользуйся, читай, а не пиши, книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно («Чиновникъ важной наружности» «Театральный разъѣздъ»).
Пули лить, пулю слилъ (о враньѣ Ноздрева) (М. Д, I, 4, 8).
Пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ.
Разбитной малый (М. Д. I, 4).
Ракалія (М. Д. I, 4).
Русь, куда несешься ты? дай отвѣтъ (М. Д. I, 11).
Свинтусъ (М. Д. I, 4).
Свиньей себя веду, просто свиньей (Хлобуевъ; (М. Д. II, 4).
Свинья въ ермолкѣ (характеристика Земляники) («Ревизоръ, V, 8).
Сердичишко прихрамливаетъ (М. Д. I, 8).
Сигарка—«просто ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь» («Ревизоръ» IV, 5).
Скандальозность (М. Д. I, 9).
Славная бабёшка (М. Д. I, 4).
Слово «произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ» (М. Д. I, 5).
Смерть люблю тебя (М. Д. I, 4).

Сморчки короткобрюхіе («Ревизоръ», V, 8).

Смѣха «боится даже и тотъ, кто ничего не боится» (Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора»).

Смѣхъ этотъ выдумали слезы (М. Д. II, 2).

«Слушайте; эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ» (о взяткахъ, «Ревизоръ», IV, 1).

Собачей (М. Д. I, 9).

Соболѣзнованіе въ карманъ не положишь (М. Д. I, 6).

Совершенная бель-фамъ (М. Д. I, 9).

Сонъ во всю насосную завертку (М. Д. I, 1).

Соплюнчикъ (Соплюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденькій! изморила тебя окаянная нѣмчура»—восклицаніе старушонки, обращенное къ Тѣнтѣтникову (М. Д. II, 1).

Софронъ («Эхъ ты Софронъ!» М. Д. I, 4).

Столичный поведенцъ (Пов. о капит. Копѣйкинѣ).

Строить куры («неужели онъ (Чичиковъ) и протопопшѣ строилъ куры?» М. Д. I, 9).

«Судьба индѣйка» («Ревизоръ», V, 7).

«Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало часто говорю ему: «Ну, что, братъ Пушкинъ?»—«Да такъ, братъ»,—отвѣчаетъ бывало: «такъ какъ-то все»... («Ревизоръ» III, 6).

«Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ» («Ревизоръ», III, 1).

«Только всего и умѣетъ, что подымать ногу» (О гвардейскомъ офицерѣ, «Отрывокъ»).

«Ты что лѣзешь въ самое горло»—голосъ изъ толпы, во время давки («Театральный разъѣздъ»).

Тюрюкъ, т. е. человѣкъ, котораго нужно подымать пинкомъ на что нибудь (М. Д. I, 6).

Увальни, лежебоки, байбаки (см. Байбакъ) М. Д. II, 1.

«У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ» («Ревизоръ», IV, 1).

Унтеръ-офицерша «сама себя высѣкла» («Ревизоръ» IV, 15).

Херсонскій помѣщикъ, т. е. помѣщикъ безъ земли (М. Д. I, 8).

Химера (вольнодумная) **юности** (М. Д. I, 6).

Человѣкъ всегда плюется; (да вы не отыщете теперь ни одного человѣка, который бы не плевался—Чичиковъ—Тѣнтѣтникову. М. Д. II, 1).

«Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ» (Ревизоръ, I, 1).

«Чему смѣетесь! надъ собой смѣетесь» («Ревизоръ», V, 8).

«Черви! Червоточина! пикенція! или пикендрясы! пичурущухъ! пичура» и даже просто пичухъ («названія, которыми перекрестили масти» чиновники въ своемъ обществѣ. М. Д. I, 1).

Черепаха въ мѣшкѣ (совершенный уродъ—черепаха въ мѣшкѣ. «Записки сумасшедшаго»).

Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ! (М. Д. I, 1).

«Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку,—веревочка въ дорогѣ пригодится» (Осипъ. «Ревизоръ» IV, 10).

Шаровары, шириною въ Черное море («Тарасъ Бульба»).

Щедръ человѣкъ на слово дуракъ и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ въ день своему ближнему (Повѣсть о капит. Копѣйкинѣ).

Щелкоперъ (М. Д. II, 3).

«Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: «подавайте! подавайте!», а подашь, такъ и разсердится» (Объ обличеніяхъ и сатирѣ «Театральный разъѣздъ»).

Эхъ ты, жила! (товарищи о Чичиковѣ, М. Д. I, 11).

«Я вотъ, ей-Богу, если и взялъ съ иного, то право безъ всякой ненависти» («Ревизоръ» I, 2).

Ѳетюкъ (слово обидное для мужчины, происходитъ отъ буквы Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою. М. Д. I, 4).

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Литературные типы Н. В. Гоголя.

(ВЫПУСКЪ 4-й).

Редакція **Н. Носкова.**

для художественныхъ характеристикъ въ освѣщеніи самого автора, сводъ критическихъ мнѣній о данномъ типѣ и библіографію предмета. Оговариваемся: терминъ— литературный типъ—мы беремъ не въ узкомъ, но въ широкомъ значеніи этого понятія; подъ это понятіе мы подводимъ каждый яркій и жизненный художественный образъ; поэтому въ «Словарѣ», наряду съ такими типичными представителями русскаго художественнаго творчества, какъ Онѣгинъ, Чичиковъ, Обломовъ, Базаровъ и др., читатель найдетъ рядъ второстепенныхъ, быть можетъ, даже чисто эскизно зарисованныхъ образовъ. Безъ нихъ русская галлерея будетъ не полна, лишена своего колорита и выразительности. Эскизы большихъ художниковъ имѣютъ огромное значеніе для опредѣленія манеры ихъ творчества, условій эпохи и быта.

«При составленіи характеристикъ, сдѣланныхъ разными лицами, мы придерживались одной руководящей идеи: единство принципа и различіе схемы. Такимъ принципомъ для насъ являлась вѣрность духу оригинала. Въ характеристики вносились, по возможности, подлинныя опредѣленія самого автора. Они служили для составителей тѣми кусками смальты, изъ которыхъ создается мозаическая картина. Изъ критическихъ отзывовъ въ «Словарь» вносилось лишь то, что, такъ или иначе, обрисовываетъ и освѣщаетъ данный типъ. Приложенныя библіографическія указанія должны помочь лицамъ, пользующимся книгой, самимъ, ближе и въ болѣе полномъ объемѣ, ознакомиться съ отмѣченными произведеніями критической литературы». (Изъ предисловія къ 1-ому выпуску).

По отзывамъ печати, сочувственно встрѣтившей изданіе «Словаря», **«изданія такого рода не было еще не только у насъ въ Россіи**, но и **за границей»** и «Словарь» является **«цѣннымъ справочникомъ»**, **«пособіемъ, имѣющимъ большую и ничѣмъ незамѣнимую цѣнность»**, **«настольной книгой»**, **«одинаково необходимой» для педагога, писателя, офицера**, готовящагося къ поступленію въ академію, **«для каждаго желающаго возстановить въ памяти** прочитанное **произведеніе»**, **«полезнымъ вкладомъ въ библіотеку семьи и школы»**, **«положительно необходимымъ для серьезныхъ библіотекъ»** Согласно тѣмъ же отзывамъ печати, «Словарь» служитъ также **«весьма цѣннымъ дополненіемъ къ произведеніямъ писателя**, и **«даетъ читателю знакомство** не только съ произведеніями писателя, но и со **всей литературой** о немъ, ученою **и** художественно-критическою**»**.

Таково значеніе «Словаря Лит. Типовъ» по отзывамъ печати, приводимымъ ниже.

Изданіе выходитъ отдѣльными выпусками. Каждые 1—3 выпуска посвящены одному писателю и представляютъ **вполнѣ законченное цѣлое.**

Вышло десять выпусковъ, составляющихъ семь томовъ, поименованныхъ выше и ключающихъ каждый отъ 9 до 24 печ. лист. большого формата (печ. около 65 тыс. буквъ). **Весь матеріалъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ**. Кромѣ того приложенъ алфавитный указатель типовъ по каждому отдѣльному произведенію, что даетъ возможность легко навести ту или другую справку въ «Словарѣ».

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

Выпуски 1 и 2: ТУРГЕНЕВЪ. 1) Предисловіе. 2) Біографическая канва. 3) Характеристики типовъ въ освѣщеніи автора и критики. 4) Указатель **всѣхъ** типовъ, и образовъ и лицъ, входящихъ въ произведенія Тургенева, съ краткими характеристиками (свыше пятисотъ характеристикъ) 5) Перечень произведеній Тургенева съ историко-литературными справками и указателемъ типовъ и образовъ по произведеніямъ. 6) Сводъ нарицательныхъ именъ. 7) Группировка типовъ (классовая). 316 стр. Ц. **2** р.

Выпускъ 3-й: ЛЕРМОНТОВЪ. 1) Отъ редакціи. 2) М. Ю. Лермонтовъ (біографическая канва). 3) Подробныя характеристики. 4) Указатель всѣхъ типовъ, образовъ и лицъ Л. 5) Перечень произведеній Лермонтова, и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ и лицъ. 6) Источники для изученія Л. 7) Послѣдовательность типовъ въ творчествѣ Л. 8) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Л. 116 стр. Ц. **1** р.

Выпускъ 4-ый: ГОГОЛЬ. 1) Предисловіе. 2) Н. В. Гоголь (біографическая канва). 3) Подробныя характеристики. 4) Указатель типовъ, образовъ и лицъ (краткія характеристики). 5) Перечень произведеній Гоголя и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ и лицъ. 6) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Гоголя. 7) Источники для изученія произведеній Гоголя. 8) Приложенія. 9) Группировка (классовая) типовъ. 10) Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій. 11) Критика и библіографія. 200 стр. Ц. **1 р. 25 к.**

Выпускъ 5-ый: АКСАКОВЪ. 1) Біографическая канва. 2) Характеристики **всѣхъ** типовъ и образовъ. 3) Перечень произведеній (ист. лит. справки). 4) Источники для изученія Аксакова. 5) Сводъ нарицат. именъ. 6) Особенности аксак. стиля. 7) Списокъ лицъ, именъ и предметовъ упоминаемыхъ въ произвед. Аксакова. 8) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Аксакова. 112 стр. Ц. **1** р.

Выпускъ 6-ой: ГРИБОѢДОВЪ. 1) Предисловіе. 2) Біогр. канва. 3) Характеристики **всѣхъ** типовъ и образовъ. 4) Перечень произведеній. 5) Источники для изученія Г—а. 6) Сводъ нарицательныхъ именъ. 7) Прототипы. 8) Списокъ лицъ, именъ и предметовъ. 9) Грибоѣдовская Москва и поколѣніе 20-хъ годовъ. 116 стр Ц. **1 р.**

Выпуски 7 и 8: ПУШКИНЪ. 1) Біографическая канва. 2) Характеристики **всѣхъ** типовъ, образовъ и лицъ. 3) Списокъ лицъ, именъ и предметовъ (историко-литерат. справки). 4) Перечень произведеній и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ и лицъ. 5) Источники для изученія Пушкина. 6) Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій. 7) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Пушкина. 8) Пушкинъ и поэзія. 9) Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ. 10) Пушкинъ въ музыкѣ. 11) Пушкинъ въ живописи. 12) Пушкинъ и цензура. 13) Группировка типовъ. 14) Прототипы. 15) Дополненія и поправки. 350 стр. Ц. **2 р.**

Выпуски 9 и 10: ГОНЧАРОВЪ. 1) Біогр. канва. 2) Характеристики **всѣхъ** типовъ и образовъ. 3) Списокъ лицъ и предметовъ. 4) Перечень произведеній. 5) Источники для изученія Гончарова. 6) Сводъ нарицательныхъ именъ. 7) Мѣсто дѣйствія. 8) Автобіографія. 9) Гончаровъ въ критикѣ. 10) Гончаровъ-путешественникъ. 11) Группировка типовъ. 12) Прототипы. 13) Дополненія и поправки. 368 стр. Ц. **2** р.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

1) **«Составители «Словаря» отнеслись къ дѣлу чрезвычайно внимательно». Неожиданное и очень пріятное впечатлѣніе производятъ эти портреты, такъ хорошо, еще съ дѣтства знакомыхъ лицъ.** Читая такую характеристику, гдѣ на протяженіи двухъ-трехъ страницъ, а то и полустраницы, собрано все до мельчайшихъ черточекъ, что счелъ нужнымъ сказать о данномъ лицѣ Тургеневъ, вы удивлены: такъ много новаго оказывается въ давно знакомомъ, такъ много конкретныхъ чертъ, незамѣченныхъ, или, по крайней мѣрѣ, несопоставленныхъ вами: въ повѣсти все это разбросано и перетасовано характеристикой другихъ лицъ, а **здѣсь собрано дѣйствительно въ одинъ портретъ.** Разумѣется, фонъ, безъ котораго портретъ теряетъ свое значеніе, надо искать въ самой повѣсти, но какъ пособіе при изученіи художественныхъ образовъ эти характеристики оказываются дѣйствительно очень цѣнными» (**Вѣстникъ Европы»**, № 3, Мартъ, 1908 г.).

2) **«Оригинальный трудъ, единственный въ обширной сокровищницѣ матеріаловъ историко-литературнаго характера»**, «Словарь—весьма полезное справочное пособіе—умѣло, съ любовью составленное: онъ одинаково пригодится и учителю и ученикамъ: первый, готовясь къ уроку, быстро возстановитъ нужныя ему свѣдѣнія, не роясь въ другихъ книгахъ, второй повторитъ и прокonспектируетъ прочитанныя имъ ранѣе произведенія: оба вмѣстѣ найдутъ объясненія каждаго дѣйствующаго лица въ сочиненіяхъ Тургенева». **«Словарь—нужная книга и на столѣ преподавателя и въ любой библіотекѣ» («Педагогическій Сборникъ»**, Ноябрь, 1908 г.).

3) Въ роли пособія **«Словарь» представляетъ большую и ничѣмъ незамѣнимую цѣнность.** При изученіи Тургенева для учащихъ и учащихся онъ послужитъ ключомъ къ болѣе широкому и всестороннему истолкованію его произведеній, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ (**«Современный Міръ»**, № 1—1909 г.).

4) **«Словарь Л. Т.**—прекрасное предпріятіе крупнаго культурнаго значенія». Изданіе не «является только матеріаломъ для характеристики русскаго общества по литературнымъ образамъ русскихъ писателей, **но и цѣннымъ справочникомъ при изученіи ихъ жизни и творчества («Историческій Вѣстникъ»**, № 12—1908 г.).

5) «Изданія такого рода не было еще не только у насъ, но и за границей; пользу же ихъ при изученіи литературы и культурной исторіи народа нельзя достаточно и оцѣнить» (**«Міръ»**, № 12—1908 г.).

6) **«Книга, которая въ состояніи оказать большую, многогранную службу** разнымъ лицамъ, какъ спеціалистамъ по исторіи литературы, критикамъ, педагогамъ, такъ и всѣмъ интересующимся изящной литературой». «Словарь полезенъ и для всякихъ историко-литературныхъ сравненій, критико-соціологическихъ обобщеній, и для изучающихъ эволюцію дѣйствующихъ лицъ у крупныхъ художниковъ, и для сопоставленія классоваго состава героевъ въ произведеніяхъ тѣхъ и другихъ эпохъ и т. д. Значительна его цѣнность для учащихъ и учащихся» (**«Вѣстникъ Литературы»**, № 6—1909,—о 4-мъ вып.).

Типографія Петрогр. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла «ТРУДЪ». Кавалергардская, 40.

а) ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Клегъ Келли. Ром. *С. Крокеттъ*, въ пер. для дѣтей *А. Н. Анненской.* Изд. 2-е. Ц. 50 к.
Исторія одного мальчика. *А. Додэ.* Изд. 2-ое. 63 рис. Ц. 60 к.
Удивительныя приключенія Тартарена Тарасконскаго. Его же. Изд. 2-ое. 13 рис. Ц. 20 к.
Воспоминанія одного американскаго школьника. *Т. Белея Олдрича.* Изд. 2-ое. 19 рис. Ц. 35 к.
Безъ призора. *Пресансе.* Изд. 2-ое. 6 рис. Ц. 30 к.
Друзья. Повѣсть изъ быта пожарныхъ. *А. Зарина.* Изд. 2-ое. 7 рис. Ц. 30 к.
Потѣшные люди. Разсказъ изъ жизни акробатовъ. Его же. Изд. 2-ое. 6 рис. Ц. 30 к.
Антошка. Пов. *К. Станюковича.* 34 рис. Ц. 80 к.
Ассанъ-хызъ. Пов. *А. Алтаева.* 15 рис. Ц. 75 к.
Дѣти напрокатъ. Разск. *Миссъ Бредонъ.* Ц. 25 к.
Маленькій Джорджъ. *Миссисъ Мекъ-Эмери Стюартъ.* 5 рис. Ц. 20 к.
Зимняя ночь и друг. разсказы. *П. Розеггера.* 21 рис. Ц. 25 к.
Въ лѣсахъ Америки. Разсказы. *Эрнеста Томпсона-Ситона и Стюарта Эдуарда Уайта.* 55 рис. Ц. 30 к.
Въ Альпахъ. *П. Розеггера.* Изд. 2-ое. 12 рис. Ц. 35 к.
Дядя изъ Чикаго. Очерки школьной жизни въ Америкѣ. *Лори.* Изд. 2-ое. 22 рис. Ц. 40 к.
На родинѣ. Разсказы для дѣтей старшаго возраста. *А. Свирскаго.* Изд. 2-ое. 26 рис. Ц. 1 р.
Принцъ и нищій. *Марка Твэна.* 142 рис. Ц. 50 к.
Завѣщаніе чудака. *Жюля Верна.* 60 рис. Ц. 1 р.
Похожденія Тима. Пов. *Кетъ Уигинъ.* Изд. 2-ое. 6 рис. Ц. 20 к.

б) ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Море и его обитатели. Составл. по Брему Келлеру и др. *Э. Пименовой.* Изд. 2-ое. 175 рис. Ц. 1 р.
Докторъ Мухоловкинъ. Фантастическ. приключ. въ мірѣ насѣкомыхъ. *Э. Маевскаго.* 112 рис. Ц. 50 к.
Профессоръ Допотопновъ. Необыкновенныя приключенія въ нѣдрахъ земли. *Э. Маевскаго.* Изд. 2-ое. 125 рис. Ц. 50 коп.
Приключенія молодого натуралиста. *Люсьена Біара.* Изд. 2-ое. 123 рис. Ц. 75 к.
Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. *Маеля.* Изд. 2-ое. 40 рис. Ц. 60 к.
Голодовка у сѣвернаго полюса. Ист. одной полярной экспедиціи. *Э. Пименовой.* Изд. 2-ое. 21 рис. Ц. 25 к.
Воздушныя путешествія. Сост. по Тиссандье, Фалькенгорсту и др. *Э. Пименова.* Изд. 2-ое. 21 рис. 35 к.
Въ степяхъ Монголіи. Пов. *В. Сѣрошевскаго.* 50 рис. Ц. 60 к.
Въ странѣ цвѣтовъ. Пов. *В. Сѣрошевскаго.* 20 рис. Ц 50 к.
Въ горахъ Тибета. Путешествіе по Тибету. *С. Рингардтъ.* 40 рис. Ц. 40 к.
Въ центральной Азіи. Путешествіе *Свена Гедина* 1893—1897 гг. въ Памиръ, Тибетъ и восточный Туркестанъ. Обработано *А. Анненской.* 38 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Малайскій Архипелагъ. Страна органгъ-утанга и райской птицы. *А. Р. Уоллеса.* 31 рис. Ц. 40 к.
Подъ солнцемъ Индіи. Путевыя письма. *Э. Геккеля.* 70 рис. Ц. 35 к.
Колумбово яйцо. Сборн. игръ и развлеченій. Сост. *И. Игнатьевъ.* Съ многочисл. рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.
Міръ животныхъ. *Э. Пименовой.* Изд. 3-ое. 250 рис. 1 р. 50 к.

в) ИСТОРІЯ, ИСТОР. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.—БІОГРАФІИ.

Печать Цезаря. Истор. разск. *А. Рамбо.* Премировано Фран. Акад. Наукъ. Изд. 2-ое. 60 рис. Ц. 60 к.
За правое дѣло. Разсказъ изъ средневѣковой жизни. *Коломбъ.* Изд. 2-ое. 49 рис. Ц. 35 к.
Спартакъ. Истор. ром. Джіованіоли. Въ пер. *Е. Гадмеръ.* Ц. 50 к.
Скрипачъ. Повѣсть изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. *А. Зарина.* Ц. 50 к.
Вамирэхъ. Человѣкъ каменнаго вѣка. *Рони.* Изд. 2-ое. 15 рис. Ц. 35 к.
Янъ Гусъ. Ист. пов. *А. Алтаева.* Ц. 40 к.
Черная смерть. Пов. изъ флорент. жизни XV вѣка. *А. Алтаева.* 11 рис. Ц. 40 к.
Въ лѣсахъ Литвы. Ист. пов. *С. Миклова.* 28 рис. Ц. 75 к.
Пушкинъ. Его жизнь и творчество. *Н. Демидова* 27 рис. Ц. 25 к.
Кольцовъ. *Н. Носкова.* 12 рисунковъ. Ц. 20 к.
Михаилъ Фарадей. *А. Анненской.* Изд. 2-ое. 14 рис. Ц. 25 к.